Гельмут Симон

ВОЙНЫ РИМА В ИСПАНИИ

154-133 гг. до н. э.

Симон, Гельмут

С37 Войны Рима в Испании. 154—133 гг. до н. э. / пер. с нем., науч. ред. и вступ. ст. А. В. Короленкова. — СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия», 2008. — 288 с. — (Серия «Studia classica»).

ISBN 978-5-93762-023-1

В книге немецкого историка Гельмута Симона рассказывается об одной из самых драматических страниц античной истории — римско-испанских войнах второй трети II в. до н. э., ставших решающим этапом в завоевании Римом Пиренейского полуострова. Работа Симона — наиболее обстоятельный труд по этой теме. Подробное изложение боевых операций дано на широком фоне политической борьбы в Вечном городе, уже стоявшем на пороге гражданских войн. Перед нами предстают образы выдающихся военных и политических деятелей Рима той эпохи — Клавдия Марцелла, Метелла Македонского, Сципиона Эмилиана, вождя лузитанского восстания Вириата и других персонажей.

Издание адресовано как специалистам-антиковедам, так и всем интересующимся античной историей.

- © А. В. Короленков, перевод на русский язык, вступительная статья, 2008
- © Издательский Центр «Гуманитарная Академия», 2008

ИСПАНИЯ В ОГНЕ: О КНИГЕ ГЕЛЬМУТА СИМОНА И ЕЕ ПРЕДМЕТЕ

Как писал немецкий антиковед Герман Бенгтсон, войны Рима в Испании (Иберии) в 154—133 гг. отнюдь «не являют собою славную страницу римской истории», ибо поражения римлян в те годы более известны, чем их победы². Приведем лишь самые известные примеры. День 23 августа, когда кельтиберы разбили армию консула Фульвия Нобилиора (153 г.), с тех пор считался у римлян несчастливым. В 137 г. другой консул, Гостилий Манцин. капитулировал со своим войском перед теми же кельтиберами под Нуманцией и обещал покинуть Испанию. Сенат расторг договор Манцина с победителями и выдал им консула в энак непричастности к его дипломатическим актам. Такое было прежде лишь один раз, в 321 г., когда самниты заставили римлян сдаться в Кавдинском ущелье, и более не повторялось. Именно в рассматриваемое время взошла и закатилась звезда одного из самых знаменитых врагов Рима, лузитанского «национального героя»³ Вириата, которого одолели не в открытом бою, а убили с помощью предателей.

Но это все лишь самые яркие факты. Более важно другое: какое место занимали войны 154—133 гг. на Пиренейском полуострове в римской политике той эпохи, а также в судьбах самой Испании?

Впервые римляне высадились в Испании в 218 г., когда началась Вторая Пуническая война. Не менее половины Пиренейского полуострова находилось тогда, как известно, под

¹ Здесь и далее все даты — до н. э.

² Bengtson H. Grundriss der römischen Geschichte mit Quellekunde. München. 1982, S. 158.

³ Выражение Р. Тувено (*Thouvenot R*. Essai sur la province Romaine de Betique. Paris, 1940. Р. 130).

властью карфагенян (пунийцев). Братья Гней и Публий Корнелии Сципионы нанесли им немало поражений, но затем сами были разбиты и погибли: покорение же карфагенской Испании завершил сын Публия, будущий победитель Ганнибала. Хотя Публий Сципион старался действовать достаточно гибко, подчеркивая, что освобождает испанцев от пунийского владычества, они «рано разглядели в новом союзнике старого господина»⁴. Со «смутьянами» Сципион обходился беспошадно: города Илитурги. Оронгис, Астапа исчезли с лица земли. Но едва он уехал из Испании. как там вспыхнули новые волнения, которые вылились в 197-179 гг. в грандиозную войну, иногда называемую Первой Кельтиберской⁵, хотя в ней участвовали также племена ибеоов, ваккеев, аузитан. После коовопоолитных и часто неудачных боев римляне смогли покорить племена Ближней Кельтиберии. Полководец Тиберий Семпроний Гракх заключил с последними договор, названный по его имени Гракховым. Побежденные обязались платить дань (tributum), поставлять вспомогательные отряды в римскую армию и не строить новых городов, ибо те, будучи крепостями, могли стать очагами сопротивления, причем от первых двух условий римляне поэднее отказались, сохраняя за собой, однако, право возобновить их⁶. Эти условия оказались основой для modus vivendi на последующие 25 лет⁷.

⁴ Трухина Н. Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики. М., 1986. С. 73.

⁵ См.: *Рогалин Л. М.* Первая Кельтиберская война // ВДИ. 1948. № 4. С. 187—200.

 $^{^6}$ В случаях, когда те или иные события описаны в книге Γ . Симона, ссылки на источники нами опускаются. — Π римеч. перев.

⁷ Правда, высказывалась точка эрения, что римляне, лишая испанцев возможности строить города, которые часто превращались в центры романизации, тем самым препятствовали последней (Dahlheim W. Gewalt und Herrschaft. Das provinziale Herrschaftssystem der römischen Republik. Berlin; New York, 1977. S. 91−92). Однако согласиться с этим трудно, так как центрами романизации становились обычно города, основанные не испанцами, а самими римлянами. См.: Циркин Ю. Б. Римская колонизация в Испании // Античный полис. Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. СПб., 1995. С. 128−134.

В 197 г. владения Рима на Пиоенейском полуострове были разделены на две провинции: Ближнюю Испанию (Hispania Citerior) и Дальнюю (Hispania Ulterior), административными центрами которых стали соответственно Новый Карфаген и Кордуба⁸. Хотя и здесь имели место многочисленные вымогательства, для которых частые войны давали удобный предлог⁹, но в целом римляне боялись обращаться с испанцами столь же нагло и бесцеремонно, как то было в Азии или на Сицилии 10, -- туземцы умели постоять за себя. Поэтому уже в 171 г. сенат создал специальную комиссию для разбора жалоб населения испанских провинций, решил не посылать в испанские города сборщиков налогов и запретил наместникам манипулировать ценами на зерно, которое местные жители должны были продавать римской казне (Liv., XLIII, 2, 3-11). Кроме того, последние, видимо, обязаны были платить десятипроцентную подать, но позднее ее снизили до 5 %11. Как уже говорилось, с племен Ближней Кельтиберии до поры до времени прекратили взимать дань¹². Не появлялась здесь в первые десятилетия римского владычества и сенатская комиссия, обычно приезжавшая для обустройства дел на только что покоренные земли¹³. Таким образом, римляне проводили на Пиренейском полуострове достаточно осторожную политику, в полной мере реализуя принцип divide et impera — на долю разных общин приходились отнюдь не одинаковые права и обязанности¹⁴.

⁸ Marquardt I. Römische Staatsverwaltung. Bd. I. Darmstadt, 1957. S. 252.

⁹ Curchin L. Roman Spain. Conquest and Assimilation. London etc., 1991. P. 60.

 $^{^{10}}$ Моммвен T. История Рима. Т. II. СПб., 1994. С. 282.

¹¹ Blázquez J. M. Economía de la Hispania Romana. Bilbao, 1975. P. 234.

¹² Возможно, после 169 г. (Curchin L. Roman Spain. Р. 60).

 $^{^{13}}$ Pina Polo F. Las comisiones senatoriales para la reorganización de Hispania (App., Iber., 99–100) // Dialogues d'Histoire Ancienne. T. 23/2. 1997. P. 84–91.

¹⁴ Bernhardt R. Die Entwicklung römischer amici et socii zu civitates liberae in Spanien // Historia. Bd. 24. 1975. S. 412–421.

Подобная политика позволяла поддерживать в испанских провинциях относительное спокойствие. Но в 154 г. все изменилось — лузитаны совершили успешный набег на римские владения и разгромили армии обоих наместников. Авторитет римской власти был серьезно поколеблен. В этих условиях возник конфликт в Кельтиберии: началось возведение стены вокруг города Сегеды, чья площадь значительно увеличилась. Римляне обвинили туземцев в нарушении Гракхова договора и потребовали прекратить строительство. Кельтиберы отвечали, что договором запрещено строить новые города (= крепости), здесь же обносится стеной уже существующий. Сторону сегеданцев приняло сильнейшее кельтиберское племя, ареваки, конкретно же — аревакский город Нуманция, принявший к себе беглецов из Сегеды, спасавшихся от прибывшего римского войска. Консул Марк Фульвий Нобилиор потребовал выдачи сегеданцев и не хотел слушать никаких объяснений, а получив отказ, начал боевые действия. В ряде боев, однако, он был разбит — сказались доблесть и непривычная тактика испанцев, слабая подготовка римских войск и бездарность их командующего. Преемнику Нобилиора, консулу 152 г. Марку Клавдию Марцеллу, удалось на время погасить конфликт — он не только нанес кельтиберам чувствительные удары, но и проявил изрядную дипломатическую гибкость, уговорив их сдаться ему на милость и выдвинув относительно мягкие условия, которые туземцы приняли. Принцип безоговорочной капитуляции (deditio) был соблюден, и в сенате (пусть и не без колебаний) решили, что честь Рима не пострадала¹⁵.

Однако эта война имела кровавый эпилог: прибывший в Ближнюю Испанию консул 151 г. Луций Лициний Лукулл, недовольный прекращением боевых действий в Кельтиберии, самовольно напал на племена ваккеев и вероломно расправился с жителями Кауки, которые впустили его в город под честное слово. Другие города ваккеев ему взять не удалось, однако им пришлось заплатить алчному римлянину контрибуцию. Затем Лукулл предал огню и мечу земли лузитан.

¹⁵ Высказывалось, правда, мнение, что Марцеллов договор не был утвержден сенатом (см., напр.: Salinas M. Conquista y la romanización de Celtiberia. Salamanca, 1986. Р. 16), что, впрочем, сомнительно.

Но война в Лузитании, несмотоя на наметившиеся успехи римлян, затянулась еще на десять с лишним лет. Виной тому во многом стали жадность и вероломство римского командующего Сульпиция Гальбы. Потерпев поражение под Кармоной, он затем все же смог окружить лузитан и обещал выделить им земли для поселения, но когда они сдали оружие, то были частью перебиты, частью проданы в рабство. Последствия этого злодеяния сказались в недалеком будущем. В 147 г. претор Ветилий окружил еще один отряд аузитан и предложил им сдаться. Однако их будущий вождь Вириат, памятуя обман Гальбы, подговорил соплеменников не верить римлянам, вывел их из окружения, разгромил Ветилия и целых восемь лет наносил завоевателям одно поражение за другим. В 140 г. он принудил римского военачальника Квинта Фабия Максима Сервилиана подписать выгодный для себя мир. Как ни странно, договор был утвержден в Риме очевидно, во многом из-за непопулярности войны с лузитанами¹⁶. Правда, уже в 139 г. проконсул Сервилий Цепион расторг этот договор без достаточных оснований и перешел в наступление. Вириата убили его соратники с согласия (если не по наущению) проконсула, который вскоре одолел ослабленных и лишенных умелого руководства лузитан. Хотя Цепион являл собой в высшей степени одиозную персону, он все же не стал вероломно убивать сдавшихся ему людей Вириата, а наделил их наконец землей, как то обещал, но не сделал в свое время Гальба. Вскоре сопротивление лузитан было окончательно сломлено Децимом Юнием Брутом, и война здесь прекратилась не менее чем на 20 лет. Развивая успех, Брут довел свои легионы до Галлекии (северо-запад Испании) и, как поэтично пишет Луций Анней Флор, «только тогда повернул боевые знамена», когда со «священным трепетом увидел солнце, закатывающееся в море» (II, 17, 12. — Пер. А. И. Немировского)¹⁷.

¹⁶ Harris W. V. Roman Expansion in the West // CAH. 2nd ed. Vol. VIII. Cambr., 1989, P. 134.

¹⁷ Как небезосновательно замечает К. Сазерленд, походы Брута вернули римлянам самоуважение после позорной войны с Вириатом (Sutherland C. H. V. The Romans in Spain. 217 B. C. — A. D. 117. London, 1939. P. 80).

Победы Вириата привели в движение кельтиберов, которые в 143 г. начали новую войну с римлянами. Центром сопротивления, как и в 153 г., стала Нуманция, чьи воины, несмотря на свою малочисленность, не раз наносили врагу чувствительные удары. В 140 г. после упорных боев нумантинцы вынудили пойти на соглашение с ними проконсула Квинта Помпея. Однако когда его условия уже начали выполняться, сенат не утвердил договор из-за мягкости условий для кельтиберов. Помпей стал уверять, что никакого договора вообще не было, и это вероломство сошло ему с рук, хотя его ложь была очевидна. В 137 г. нумантинцы заставили капитулировать армию консула Гостилия Манцина с условием, что он уведет войско из Испании. Как уже говорилось, сенат опять не утвердил соглашение Манцина с Нуманцией и выдал его испанцам (причем Помпей в свое время выдан не был!). Они, естественно, его не приняли.

Однако и это было еще не все. Преемник элополучного Гостилия Лепид Порцина решил совершить ничем не спровоцированное нападение на ваккеев, хотя сенат ему это запретил. В его походе принял участие и наместник Дальней Испании Децим Брут. Экспедиция против ваккеев провалилась, Лепида даже отдали под суд и оштрафовали.

Нуманция же капитулировала лишь в 133 г. перед разрушителем Карфагена Сципионом Эмилианом, бросившим против нее многократно превосходящие силы. Город был стерт с лица земли, население продано в рабство, а его земли разделены между соседями. На ближайшие 30 лет на Пиренейском полуострове наступило относительное затишье.

Такова в самых общих чертах картина испанской трагедии 154—133 гг. Теперь хотелось бы несколько подробнее остановиться на некоторых особенностях этих событий, а также их последствиях.

Иберийские войны продемонстрировали нарастание отрицательных тенденций в римской политике. Прежде всего, она стала куда менее гибкой. Это проявилось уже во время сегеданского конфликта. Конечно, испанцы, доказывая свое право на строительство стен вокруг города, нарушали если не букву, то дух Гракхова договора. К тому же в условиях успешного наступления лузитан неуступчивость кельтиберов могла казаться вызо-

вом Риму. С. Ф. Кей пишет, что «это было преднамеренным нарушением одной из статей (Гракхова) договора и вызвало войну, продолжавшуюся двадцать лет» 18. «Римляне не могли допустить таких действий без ущерба для своего престижа», — считает Λ . Парети 19. Они, по мнению Ф. Дж. Уайзмена, «правильно оценили опасность положения» 20.

Думается, однако, что все не так просто. Сенаторы ведь не только отвергли объяснения сегеданцев, но и потребовали возобновить выплату дани (трибута) и поставку вспомогательных отоядов, отмененные вскоре после Гракхова договора, на срок, угодный Риму. Хотя это и не противоречило условиям договора, назвать такие требования в столь накаленной обстановке иначе как поовокационными вояд ли возможно. Поичем сегеданцы согласились выполнить их, прося лишь позволить все-таки строительство стены. Конечно, можно в этом усмотреть недобрые намерения кельтиберов, но этому препятствуют, как минимум, три обстоятельства. Во-первых, возведение стены само по себе отнюдь не означает агрессивных замыслов — оно началось явно еше до нападения аузитан на римские владения и к тому же имело целью лишь повысить статус Сегеды. Во-вторых, если бы кельтиберы готовились к войне, укрепления стали бы обновлять и в доугих городах. И наконец, в-третьих, если бы туземцы собирались воевать, вряд ли они согласились бы выполнить требование римлян о предоставлении вспомогательных отрядов — это ослабило бы их накануне решающего момента.

 $\cal U$ все же сенат настаивал на своем, что никак нельзя считать проявлением гибкости. В той ситуации напрашивалось иное решение — лавировать между кельтиберами и лузитанами, учитывая их давнюю вражду 21 и реализуя старый принцип — divide et

¹⁸ Keay S. F. Roman Spain. London, 1988. P. 36.

¹⁹ Pareti L. Storia di Roma e del mondo Romano. Vol. III. Torino, 1953. P. 224.

²⁰ Wiseman F. J. Roman Spain. An Introduction to the Roman Antiquities of Spain and Portugal. London, 1956. P. 21.

 $^{^{21}}$ См.: Доценко Н. П. Римская агрессия в Испании и борьба испанских племен за независимость (154—133 гг. до н. э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1966. С. 17.

ітрега. Войну кельтиберам можно было объявить после победы над лузитанами, но она началась одновременно с лузитанской и покрыла позором римские знамена. Вряд ли сенат предвидел такой результат, принимая в расчет лишь общее превосходство в силах. Любопытно, что относительно благоприятное для престижа Рима разрешение ситуации было связано именно с возвращением к более гибкой политике, проводившейся Клавдием Марцеллом, который уговорил кельтиберов капитулировать и в то же время продиктовал им приемлемые условия.

В 143 г. кельтиберы восстали (явно под влиянием побед Вириата), и римляне решили навязать им куда более тяжелые условия, прежде всего — выдачу оружия. С точки эрения римских интересов такое решение было верным, но лишь теоретически, ибо оно не было подкреплено реальными силами — продолжалась еще война в Лузитании. В 140 г. Квинт Помпей, возможно. опираясь на опыт Марцелла²², — попытался добиться мира с кельтиберами на мягких условиях, но «сверху» потребовали явить пример строгости, прежде всего — добиться от врага сдачи оружия. Уже заключенный договор был расторгнут (см. выше), но ситуация к лучшему не изменилась — уровень подготовки армии в Ближней Испании, состоявшей к тому моменту в основном из новобранцев, не позволял принудить нумантинцев к столь позорным условиям. В итоге в Риме вскоре узнали о капитуляции, но не Нуманции, а войска Манцина, ее осаждавшего, что вызвало острейщий внутриполитический кризис. В конечном счете Нуманция пала, но победа эта оказалась пирровой.

Описанные выше обстоятельства расторжения Помпеева и Манцинова договоров, а также договора Фабия Сервилиана с Вириатом характеризуют и еще одну черту поведения римлян в Испании в те годы — полное пренебрежение собственными обязательствами (естественно, при повышенной требовательности к испанцам). Можно, конечно, сослаться на соображения целесообразности, которые господствуют в политике (о них см. ниже), но все же во время войн на Пиренейском полуострове в 197—179 гг. римляне столь беспардонно не поступали. Да и в 130-х гг. многие из них прекрасно понимали, что подобные

²² Cm.: Harris W. V. Roman Expansion in the West. P. 134-135.

действия позорят потомков Ромула — недаром консул Манцин говорил, что неудачи преследуют Рим потому, что он бесчестно расторг Помпеев договор. Кроме того, как справедливо отмечает Γ . Симон, отказ от соблюдения Манцинова договора подорвал моральный авторитет тех, кто добился в сенате такого юридически и нравственно спорного решения.

Но это касается лишь официально оформленных соглашений. А ведь было немало и иных клятвопреступлений; достаточно вспомнить кровавую резню, учиненную Лукуллом в Кауке или расправу с лузитанами, которую устроил Гальба. Правда, лузитаны сами не раз нарушали договоры с римлянами, продолжая свои набеги вопреки соглашениям, но римского военачальника это не извиняет — в Риме даже был поставлен вопрос о дезавуировании действий Гальбы и освобождении проданных им в рабство в лузитан.

Нельзя не обратить внимания и еще на одно обстоятельство. Зачастую при спорах о характере римского империализма ученые оперируют лишь фактами из истории взаимоотношений Рима с Карфагеном, эллинистическими государствами и полисами Эллады, которые позволяют многим историкам оправдывать римскую экспансию²³. Даже в монографии У. Харриса, специально посвященной разоблачению римской агрессии, упоминается об испанских войнах лишь 197—179 гг.²⁴, но не позже. Между тем события 154—133 гг. дают весьма показательный в данном отношении материал. Рассмотрим некоторые факты.

В 154 г. первыми удар нанесли лузитаны, для которых набеги были неотъемлемой частью быта. Версия А. Шультена о том, что это был превентивный удар из-за опасения усиления римлян²⁵, выглядит умоэрительно и источниками не подтверждается. Однако требования сената к кельтиберам в 153 г. о возобновлении выплаты трибута и поставке вспомогательных

²³ См. об этих дискуссиях: *Кащеев В. И.* Рим и эллинистический мир: Война, мир и дипломатия в 220—146 гг. до н. э. М., 1993. С. 46—88.

²⁴ Harris W. V. War and Imperialism in Republican Rome. 325-70 A. C. Oxford, 1979. P. 208-210.

²⁵ Schulten A. Viriatus // NJb. Bd. 39. 1917. S. 212.

войск показывают, что римская верхушка едва ли не сознательно провоцировала конфликт. И уж совершенно очевидным актом агрессии стало нападение Лукулла в 151 г. на ваккеев, сопровождавшееся резней в Кауке. И если верна гипотеза, что сей доблестный воитель удостоился триумфа за свои «подвиги» 76, то картина обретает логическое завершение.

Не более оправданными были и действия Лепида Порцины, напавшего на тех же ваккеев в 137 г. Правда, сенат официально запретил ему нападать на них, а после провала операции Лепид был осужден, но и здесь не обошлось без «двойной бухгалтерии»: его соучастник, целиком разделявший с ним ответственность за происшедшее, наместник Дальней Испании Децим Юний Брут никаким судебным преследованиям не подвергся — еще бы, ведь он с победами довел свои легионы до западных берегов Испании!

На этих победах следует остановиться несколько подробнее. Формально Брут воевал против племен, опустошавших его провинцию или якобы помогавших Вириату. Однако эту версию, повторяемую иногда и современными историками²⁷, всерьез воспринимать не приходится — Брут завел свои войска в такие края, где о римлянах и не слыхали, и заодно снискал при этом лавры первопроходца. Но что бы там ни было, факт остается фактом — речь шла о «расширении римской агрессии» 28. Однако в Риме никто, по-видимому, не усомнился в безупречности действий Брута, и любитель дальних странствий получил триумф и почетное прозвище Галлекийского. Правда, пройденные им земли не были тогда присоединены к Риму, но ведь и Цезарь не покорил Британию, однако в обоих случаях агрессия остается агрессией.

Следует оговориться, что бесцеремонность действий Рима в Испании во многом объяснялась отсутствием там «правильных» государственных образований, каковыми были, например, эллинистические монархии или греческие полисы. По отношению к

²⁶ Harris W. V. Roman Expansion in the West. P. 133. N. 134.

²⁷ См., напр.: *Ihne W.* Römische Geschichte. Bd. III. Leipzig, 1872. S. 337; *Thouvenot R.* Essai... P. 131.

²⁸ Keay S. F. Roman Spain. P. 35.

менее упорядоченным варварским структурам римляне чувствовали себя куда как «раскованнее». Однако начало второй половины II в. ознаменовалось все более жестким подходом как к «цивилизованным» народам, так и к «варварам». Символом торжества кулачного права со стороны Рима стали руины Карфагена, Коринфа и Нуманции, разрушенных за неполные 15 лет (146—133 гг.). Уже современников печальная судьба этих трех городов «снова и снова побуждала к размышлениям о римской политике тех десятилетий»²⁹. Между тем ни Карфаген, ни Коринф, ни Нуманция не угрожали всерьез могуществу Рима.

Конечно, во все времена сильные не церемонились со слабыми, и потомки Ромула в этом смысле не исключение. Но уж коль скоро они так поступали, нужно называть вещи своими именами, а не доказывать, что римский империализм был «случайным» или «оборонительным» 30. И еще один момент. Повсеместность такой практики вовсе не означает, что ее можно оправдывать, как то делают и иные представители академической науки, утверждая, будто «каждое государство имеет право проводить любую внешнюю политику»³¹. В таком случае, однако, непонятно, что означает слово «право» — может, тогда лучше обойтись без него? В свое время еще Йохан Хейзинга остроумно и едко высмеял представления о том, что государство не должно связывать себя соображениями морали: «Противостоящее государство ведь тоже не подлежит моральной оценке либо осуждению. Но тут немедленно мстит за себя убогость этой философии Государства, полной нечистых испарений человеческого ослепления и корыстолюбия. На практике эта красивая теория Государства, неподвластного морали, имеет хождение только внутри

²⁹ Zahrnt M. Anpassung — Widerstand — Integration. Polybios und die römische Politik // Widerstand — Anpassung — Integration. Die griechische Staatenwelt und Rom. Festschrift für Jürgen Deininger zum 65. Geburtstag. Stuttgart, 2002. S. 79.

 $^{^{30}}$ См. об этих концепциях: Кащеев В. И. Эллинистический мир и Рим. С. 47—68.

³¹ Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу. 1939—1941 гг. (Документы, факты, суждения). М., 2002. С. 14.

собственных границ. Ибо стоит лишь обостриться вражде, и сразу же великодушный голос твердого как сталь логического аргумента переходит в истерический рев, полный намеренной подозрительности по адресу врага и бранных выпадов из старого арсенала добродетели и греха» 22. К слову сказать, исключительно прагматичные римляне предпочитали теориям об имморализме политики непоколебимую уверенность в собственной правоте.

Несколько слов нужно сказать о последствиях войн 154—133 гг. на Пиренейском полуострове для победителей и побежденных.

Бесспорно, этот долгий конфликт оказал серьезное влияние на развитие Испании. Прежде всего, огромное значение имел фактор военного разгрома --- римляне стали чувствовать себя более уверенно, испанцы же все более привыкали к мысли о неустранимости римского господства, думая не столько о возвращении к временам независимости, сколько о приспособлении к новым условиям³³. Начала, наконец, работу сенатская комиссия³⁴, решения которой упорядочивали и закрепляли угодный Риму режим. Активно внедрялась римская монетная система³⁵ — один из важнейших оычагов романизации. Уже в начале войны, предположительно в 152-151 гг., началась чеканка иберийских денариев³⁶, вызванная, очевидно, необходимостью уплаты жалованья воинам. Продажа в рабство десятков тысяч пленных испанцев содействовала развитию античного способа экономики³⁷. Тысячи испанцев прошли службу в римских войсках³⁸, что, как известно, также было одним из самых эффективных путей романизации.

³² Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 318.

³³ Dahlheim W. Gewalt und Herrschaft. S. 108.

³⁴ Pina Polo F. Las comisiones senatoriales... P. 91, 94.

³⁵ Подробнее см.: Blázquez J. M. Economía de la Hispania Romana. P. 234—240.

³⁶ Curchin L. Roman Spain. P. 60.

³⁷ Cm.: Blázquez J. M. Economía de la Hispania Romana. P. 217-220.

³⁸ Cm.: Balil A. Un factor difusor de la romanización: las tropashispanicás al servicio de Roma (siglos III—I a. de J. C.) // Emerita. T. 24, 1956, P. 122—124.

Нельзя при этом не заметить, что и теперь римляне по понятным причинам продолжали относиться к испанским провинциям более «бережно», чем к иным своим владениям. Так, в 123 г. по предложению Гая Гракха сенат распорядился продать хлеб, присланный из Испании наместником Квинтом Фабием Максимом Аллоброгским, а деньги с продажи вернуть общинам, у которых он был приобретен, по-видимому, с издержками для последних (Plut. C. Gracch., 6, 2). Гнею Корнелию Сципиону, получившему по жребию в управление одну из испанских провинций, сенаторы запретили ехать туда, ибо он «не умел правильно вести себя» (Val. Max., VI, 3, 3). В целом же отношения с туземным населением чем дальше, тем больше приобретали институциональный характер³⁹. Однако этот процесс только начинался, тем более что далеко не все племена смирились со своим поражением. Впереди были еще долгие годы войн, самой крупной из которых стало восстание Сертория (80-71 гг.).

Что же касается Рима, то для него войны в Испании 154-133 гг. имели тяжелые последствия. Не раз и не два его армии терпели жестокие поражения. «Качество войск достигло такого низкого уровня, как никогда прежде» 40. Их потери оцениваются в 100-150 000 человек⁴¹. В 151 г. началось массовое уклонение от воинской службы как среди простых людей, так и нобилей. В той или иной мере такие случаи имели место и позднее. Сенат продемонстрировал свою неспособность держать в повиновении военачальников, как то показал пример Лукулла и Лепида, начавших войны с ваккеями на свой страх и риск⁴². Еще античные авторы связывали катастрофу под Нуманцией с началом реформ Тиберия Гракха, а стало быть, и гражданских войн — Тиберию пришлось защищаться от нападок врагов за участие в заключении «позорного» договора с нумантинцами, и он-де в качестве ответного удара предложил свои аграрные реформы (Vell. Pat., II, 2, 1; Flor., III, 14, 2). Правильность такого толкования

2 Зак. 4554

³⁹ Richardson J. Hispaniae. Spain and the Development of the Roman Imperialism. Cambr., 1986. P. 160, 167–168.

⁴⁰ Bengtson H. Grundriss der römischen Geschichte... S. 162.

⁴¹ Schulten A. Numantia. Bd. I. München, 1914. S. 274, 277.

⁴² Bengtson H. Grundriss der römischen Geschichte... S. 162.

сомнительна, но указание на связь между испанскими событиями и смутой в Риме в высшей степени симптоматично, особенно если учесть, насколько скандалы из-за войн на Пиренейском полуострове подорвали политическую стабильность. В иберийской трагедии, словно в зеркале, отразилось недалекое будущее Рима, который вскоре погрузился в кровавую пучину междоусобиц.

* * *

Перипетии иберийских войн Рима давно стали объектом пристального внимания со стороны исследователей нового и новейшего времени. Наверное, не будет преувеличением сказать, что это наиболее изученная из тем, связанных с античной Испанией, прежде всего в силу характера источников. Однако при всем обилии литературы по данному вопросу предлагаемая читателю книга Гельмута Симона остается, по-видимому, самой обстоятельной из работ, посвященных событиям 154-133 гг. на Пиренейском полуострове. Что же касается русского читателя, то в его распоряжении лишь соответствующие разделы обобщающих трудов по истории Рима, Испании, книг о римских политиках того времени и крайне немногочисленные статьи 43. Между тем в условиях неугасающего интереса к военной истории, в том числе и античной, вполне естественным будет обратиться к этой богатой яркими и драматическими событиями теме. В книге Г. Симона подробнейшим образом описываются передвижения войск, выясняется ход сражений и осад, скрупулезно локализуются спорные топонимы, уточняется хронология событий. Попутно, естественно, обсуждаются и вопросы дипломатии, которые играли здесь, как и в любой войне античного (и не только

⁴³ См., напр.: Моммвен Т. История Рима. Т. II. С. 8—18; Доценко Н. П. Римская агрессия в Испании и борьба испанских племен за независимость (154—133 гг. до н. э.). Ростов-на-Дону, 1966; Циркин Ю. Б. Древняя Испания. М., 2000. С. 160—166; Трухина Н. Н. Политика и политики... С. 140—144; Бобровникова Т. А. Повседневная жизнь римского патриция в эпоху разрушения Карфагена. М., 2001. С. 306—331; Бокщанин А. Г. Нумантинская война // Исторический журнал. 1938. № 10. С. 98—105.

античного) периода весьма важную роль. Автор хорошо знаком не только с самыми разнообразными нарративными источниками вплоть до византийских, но и с археологическими, нумизматическими и эпиграфическими. Что касается археологии, то здесь задача автора во многом облегчалась тем, что еще в первой четверти XX в. Нуманция стала объектом раскопок, материалы которых были опубликованы А. Шультеном в его капитальной монографии «Нуманция» К слову сказать, в ее І томе Шультен подробно исследовал ход кельтиберских войн Рима, благо ему была прекрасно известна топография Пиренейского полуострова, где он провел немало лет. Это также несколько упрощало задачу Симона. Следует, однако, помнить, что ему пришлось исследовать ход боевых действий не в одной только Кельтиберии, но также в Лузитании и Галлекии.

Но дело не только в военной истории. На русском языке совсем немного книг по истории Римской республики II в. Специально ей посвящены лишь труды Н. Н. Трухиной и Т. А. Бобровниковой (см. примеч. 4 и 43), причем вторая из этих работ не лишена элементов беллетризации и отличается откровенной тенденциозностью. Между тем в монографии Г. Симона отражены не только военные события, но и перипетии политической борьбы в Риме середины II в., тесно связанные с испанским конфликтом. При этом автор активно использовал просопографический метод, позволяющий лучше понять связи между различными представителями и целыми группировками римского нобилитета, а стало быть, и характер внутриполитической борьбы.

Ценность книги Г. Симона не только в реконструкции хода событий, но и в ряде интересных гипотез, которые он высказывает по ходу повествования. Так, заслуживает внимания его предположение о том, что во время своих операций в Лузитании Лукулл не просто принудил к капитуляции крупный отряд лузитан, но обманул его какими-то гарантиями, видимо, пообещав отпустить всех после выдачи оружия. Это делает картину римско-

⁴⁴ Schulten A. Numantia. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1905—1912. Bd. I—IV. München, 1914—1931. См. также: *Цветаева Г. А.* Обзор материалов о раскопках Нуманции (Schulten A. Numantia, II. 1931) // ВДИ. 1946. № 2. С. 126—138.

лузитанской войны еще более выразительной, особенно если вспомнить об аналогичных действиях Гальбы примерно в то же самое время. Не менее любопытна гипотеза ученого о том, что прибывшие с Квинтом Помпеем сенаторы были членами сенатской комиссии десяти, которые обычно вводили соответствуюшие порядки на покоренных территориях. Нельзя не признать остроумным и тот вывод автора, что Сципион Эмилиан, несмотря на беспощадную муштровку своей армии, так и не добился соответствующего уровня выучки, коль скоро и дальше продолжал уклоняться от боев: больших потерь при огромном численном перевесе бояться не приходилось, а думать, будто он заботился о солдатах, которых сам же откровенно презирал, вряд ли правильно. Очевидно, Сципион просто желал, чтобы новые возможные неудачи не подорвали дух воинов, и лучшей тактикой было избегать всяких схваток с опасным врагом. В то же время автор, как правило, избегает обобщений — либо он не успел их сделать из-за своей преждевременной кончины, либо предоставил это читателю (sapienti sat!). Поэтому мы позволили себе в начале предисловия подробнее остановиться на ряде вопросов, которые не нашли должного освещения в тексте монографии.

Хотелось бы обратить внимание еще на один момент. Автор использует почти исключительно германскую историографию. Из 30 с лишним работ, значащихся в списке литературы в немецком издании (немного!), только 6 принадлежат перу историков других стран. Правда, в тексте встречаются ссылки и на другие труды иностранных авторов, но они единичны. В результате из числа французских исследований оказалась «за бортом» монография Р. Тувено о Бетике (см. примеч. 3), из итальянских — третий том «Истории Рима и римского мира» Л. Парети (см. примеч. 19), из английских — книга К. Сазерленда «Римляне в Испании» (см. примеч. 17) и др. Во всех этих работах имеются более или менее обстоятельные разделы о войнах Рима на Пиренейском полуострове в 154—133 гг., где высказываются различные суждения о событиях, анализируемых Г. Симоном⁴⁵.

⁴⁵ Pareti L. Storia di Roma... Vol. III. P. 222–274; Thouvenot R. Essai... P. 119–131; Sutherland C. H. V. The Romans in Spain. P. 76–87.

Некоторые соображения этих и других ученых (пусть и не всегда верные) мы включили в примечания к предлагаемой книге.

Обращает на себя внимание и отсутствие обзора источников. Правда, автор весьма подробно разбирает источниковедческие проблемы в тексте, но вводная глава такого рода все же, как нам кажется, была бы не лишней для целостности восприятия. Поэтому мы позволим себе сделать краткие замечания об основном источнике по данной теме — «Иберийской книге» Аппиана Александрийского («Иберика»).

«Иберика» является первой полностью сохранившейся книгой «Римской истории» Аппиана, будучи в ней шестой по счету. События 154—133 гг. описываются им в гл. 44—98. Вопрос об источниках этого раздела не прост. Аппиан пишет о Рутилии Руфе, который «описал эти события» (88, 382)⁴⁶, из чего многими учеными делается вывод, что именно он и послужил одним из информаторов александрийского историка⁴⁷. Высказывалось мнение, что Аппиан использовал также сочинение Полибия, с которым у него имеются некоторые совпадения⁴⁸. Наконец, многое указывает на привлечение труда Посейдония, к которому могут восходить восхваления доблестей испанцев. Вполне возможно, что Посейдоний являлся посредником между Аппианом и Полибием, хотя ту же роль могли сыграть и другие источники⁴⁹; в любом случае обращают на себя внимание расхождения между двумя историками при описании одних и тех же событий⁵⁰.

 $^{^{46}}$... Ρουτίλιον Ροῦφον συγγραφέα τῶνδε ἔργων. В русском переводе С. П. Кондратьева по непонятным причинам говорится, будто эти события описал Сципион Эмилиан (?!): ВДИ. 1939. № 2. С. 295; Аппиан Александрийский. Римская история. М., 1998. С. 81.

⁴⁷ Norden E. Die germanische Urgeschichte in Tacitus Germania. Leipzig, 1920. S. 436–437.

⁴⁸ Schwartz E. Appianus (2) // RE. Bd. II. 1896. Sp. 219-222.

⁴⁹ О других источниках, восходящих к Полибию, см.: Schulten A. Polybius und Posdidonius über den Iberien und die iberischen Kriege // Hermes. Bd. 46. 1911. S. 568–606.

⁵⁰ Помимо примеч. 99 к гл. I данной книги см. также: *Richard-son J. S.* Hispaniae. P. 194—198.

Следует при этом отметить известную небрежность Аппиана в работе с источниками. Так, он сообщает о том, что Вириат подстрекал к восстанию против Рима ареваков, беллов и титтов, «эти воинственнейшие племена», которые начали войну, названную Нумантинской (66, 279). Подобное пояснение явно излишне, если иметь в виду, что все эти три племени уже упоминались вместе в связи с их борьбой против римлян (48, 204; 50, 214). Очевидно, налицо шов между двумя разными источниками (ср. аналогичные случаи: Арр. ВС, I, 62 и 63; 100 и 101; Мithr., 68 и 69 и др.).

Именно на описание войн 154-133 г. приходится основная часть невыгодных для римлян эпизодов «Иберийской книги»: агрессия Лукулла против ваккеев и учиненная им резня в Кауке. вероломное избиение лузитан Гальбой, нарушение Цепионом мира с Вириатом, убийство последнего при попустительстве римлянина и отказ Цепиона награждать убийц вопреки собственному обещанию, двухичное поведение Квинта Помпея по отношению к нумантинцам, бесславное нападение Лепида Порцины и Децима Брута на ваккеев, необоснованное расторжение римлянами Манцинова договора. Не раз упоминается о корыстолюбии римских военачальников Лукулла, Гальбы, Лепида, которое наряду с жаждой славы любой ценой толкает их на дурные поступки, причем у Гальбы оно оказывается и вовсе единственным движущим мотивом. Даже о куда более добродетельном Сципионе Эмилиане Аппиан, перечисляя возможные мотивы разрушения им Нуманции еще до приказа из Рима, с сарказмом пишет: «Или, как полагают некоторые, [он сделал это], думая, что настоящая слава достигается великими несчастьями других людей» (98. 426) — чужими несчастьями, а не собственной доблестью!52

В то же время испанцы изображены с нескрываемой симпатией: они отважны и выносливы, любят свободу, многие из них

⁵¹ Hahn I. Appian und seine Quelle // Romanitas — Christianitas. Untersuchungen zur Geschichte und Literatur der römischen Kaiserzeit. Berlin: New York. 1982. S. 257–258.

⁵² Cm.: *Hose M*. Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart; Leipzig, 1994. S. 195–196.

поедпочитают смерть рабству, их бедствия вызывают сочувствие у автора. Рассказывая о сдаче Нуманции, Аппиан произносит настоящий панегионк ее защитникам: «Столь велика была любовь к свободе и человеческому достоинству (άνδραγαθία) в этом варварском и немногочисленном народе. Хотя в мирное время их было всего восемь тысяч человек, сколь частых и жестоких поражений не наносили они только римлянам! [...] Сколько раз они вызывали на бой, да еще такого полководца (Сципиона Эмилиана. — A. K.), который последним вел их осаду, окружив их 60-тысячным войском! [...] Я решил рассказать все это о нумантинцах, видя, с каким упорством⁵³ переносили они несчастья, какие подвиги они совершали, и как долго выдерживали они осаду, несмотря на свою малочисленность» (97, 419 и 421)⁵⁴. Аппиан восхищается аузитанским вождем Вириатом, подчеркивая его смелость, военный талант, справедливость, бескорыстие, простоту, умеренность, ярким примером которой становится мир, заключенный им с Фабием Сервилианом, хотя Вириат вполне мог уничтожить его армию: «Не зазнавшись от успеха, но считая, что будет хорошо, если он положит конец войне при таких счастливых для него условиях, он заключил договор с римлянами» (69, 294). Заметим, что Вириат — единственный неримлянин в труде Аппиана, которому свойственна умеренность⁵⁵. Правда, автор не умалчивает также и о набегах лузитан вопреки договорам с римлянами (58, 244; 59, 249), об «измене» кельтиберов в 143 г. (76, 322), но в целом его описание все же более благоприятно по отношению к испанцам, чем, например, в параллельных пассажах Диодора⁵⁶. Причины такого хода во многом обусловлены эпохой, когда писал Аппиан: далеко зашедшая интеграция

⁵³ Φερεπονία — частая характеристика римлян у Аппиана и одна из причин их побед (Proem., 11, 43; Iber., 21, 80; 39, 160; 87, 375 и др.). См.: Goldmann B. Einheitlichkeit und Eigenstandigkeit der Historia Romana des Appian. Hildesheim; New York; Zürich, 1988. S. 18–19.

⁵⁴ Пер. С. П. Кондратьева с нашими поправками.

⁵⁵ Goldmann B. Einheitlichkeit und Eigenstandigkeit... S. 23.

⁵⁶ Schulten A. Polybius und Posdidonius... S. 599–601; Hose M. Erneuerung der Vergangenheit. S. 197–198.

поовинций, рост влияния их уроженцев привели к упадку прежней романоцентристской концепции, когда Рим оправдывался пои любых условиях, а побежденные народы всячески принижались. Естественно, будучи греком, Аппиан не мог разделять подобную концепцию и, отмечая мужество, упорство, благоразумие римлян, не забывает в других случаях напомнить об их жестокости, алчности и вероломстве. Народы же, сражающиеся с римлянами, изображаются их достойными противниками⁵⁷. И «Иберика» особенно показательна в этом смысле. Именно благодаря ей испанские войны Рима 154—133 гг. предстали через 2000 лет перед историками как одна из самых бесславных страниц истории Римской республики. И дело, думается, не в пристрастности автора (хотя в других книгах он ей отнюдь не чужд), а как раз в его объективности, которая обязывает не выпячивать положительные моменты любой ценой, а давать целостную картину, и не вина историка, если картина эта оказывается нелицепоиятной.

> А.В.Короленков, кандидат исторических наук

⁵⁷ Cm.: Hose M. Erneuerung der Vergangenheit. S. 247–253.

ВОЙНЫ РИМА В ИСПАНИИ 154–133 гг. до н. э.

Предисловие к немецкому изданию

Гельмут Симон умер 11 февраля 1962 г. в возрасте 32 лет. Наука потеряла в его лице перспективного исследователя. Он посвятил себя ей, став ассистентом при семинаре по древней истории университета во Франкфурте-на-Майне, после того как проработал некоторое время в качестве преподавателя. С удивительной энергией, вопреки мучившей его более трех лет коварной болезни, которая неожиданно остановила его сердце вскоре после защиты докторской диссертации, он довел до конца предлагаемую читателю работу, над которой трудился более семи лет.

Здесь представляется неуместным подведение итогов, запланированных еще самим автором, тем более что понимающий читатель вряд ли в этом нуждается. Содержательное повествование, которое, помимо обозначенной темы, заметно обогащает понимание римской политики и управления империей, несмотря на незначительные исправления и дополнения, может быть опубликовано в том виде, в каком оставил его нам автор.

Герман Штрасбургер

В своей статье об Аппиане для «Реальной энциклопедии классической древности» Паули—Виссова Эдуард Шварц говорит о том, что в силу структуры нашей историографической традиции «для большей части древней истории изложение подробностей» невозможно! И если в нашей книге все-таки предпринимается такая попытка в отношении важнейшего отрезка римской истории, то это требует определенного обоснования.

Прежде всего, мне хотелось бы с помощью максимально полного изучения фактов дать характеристику событий, людей и хода их мыслей. Историку трудно выполнить эту задачу, если он будет таким скептиком, как Шварц, и станет ограничиваться лишь правилом поп liquet, тем более что и сам Шварц не стал бы отрицать, что в дошедшей до нас традиции подчас имеются подлинные сведения.

Однако все это ничего не давало бы, если бы по отношению к испанским войнам римлян 154—133 гг. мы не чувствовали бы себя в каком-то смысле в особом положении: в отношении этих лет наши источники содержат данные о событиях, почти всегда бесславных для римлян. Если не исходить из абсурдного тезиса, будто античные историографы из соображений художественного порядка хотели в данном случае создать разительный контраст по отношению к совсем иначе описываемым великим деяниям римлян, то их пассажи на

¹ Schwartz E. Appianus (2) // RE. Bd. II. 1896. Sp. 230.

² Здесь и далее все даты, кроме оговоренных, — до н. э.

испанскую тему благодаря своему содержанию приобретают высокую степень достоверности. Поэтому здесь мы вполне можем ощущать себя на твердой почве. При несовпадении свидетельств какое-то определенное решение тем не менее во многих случаях вполне реально, хотя элемент субъективности, конечно, остается. К тому же не всегда приходится иметь дело с одним и тем же пластом традиции. Что же до вопроса об источниках, то вполне возможно приблизиться к его решению если не для всех, то хотя бы для некоторых известий. Так что вполне возможно уйти от того, о чем скептически высказывался Эдуард Шварц, когда говорил об источниках ХХV-XXXV книг Диона Кассия³. Там же, где отсутствует всякая возможность контроля, нужно решать вопрос, исходя из внутреннего правдоподобия данного свидетельства, определяемого использованием в тексте. Об этом еще будет идти речь в соответствующих местах этой книги.

³ Schwartz E. Dio Cassius // RE. Bd. III. 1899. Sp. 1697.

154-150 rr.:

БОРЬБА ЗА КЕЛЬТИБЕРСКИЕ ГОРОДА НА СЕВЕРЕ; ВОЙНА ПРОТИВ ЛУЗИТАНСКИХ ОТРЯДОВ НА ЮГЕ

§ 1. Новые «смуты и волнения» после спокойных времен; вторжение лузитан

Годы после Персеевой войны были для Римской империи временем спокойствия 1 . Мелкие операции, то тут, то там проводившиеся на границе (см.: Liv., рег. 46), были настолько незначительны, что в сенате стали опасаться за сохранение боеспособности римского и италийского населения (Polyb., XXXII, 23, 6–9) 2 . Вскоре, однако, основания для таких опасений исчезли. С 154 г. начались «смуты и волнения», которые, как оказалось, продержали римлян в напряжении долгие годы (Polyb., III, 4, 12; 5, 1). Смута не ограничилась своим

¹ То, что наши представления из-за фрагментарности традиции (прежде всего из-за потери Ливия) являются достаточно фундированными, доказывается следующими соображениями: книги четвертой и пятой декад Ливия приблизительно равны по объему (40—50 страниц тойбнеровского издания), однако число лет, о которых в них идет речь, весьма различно и колеблется от одного года (XXXI, XXXVI, XXXVII, XLIV, XLV книги) до семи (XLI книга) лет. Анализ периох последующих полутора десятилетий дает аналогичное соотношение. Крайний случай представляют собою XLVI и XLVII книги, в каждой из которых описываются события семи лет (166—160 и 159—153 гг.). Отсюда следует, что и сам Ливий мало что мог сообщить.

² Это соображение было высказано в 156 г., когда принималось решение начать войну против далматов. См. также: Gelzer M. Über die Arbeitsweise des Polybios // SB. Heidelberg. 1956. № 3. S. 14.

первоначальным очагом, Испанией, но способствовала возникновению конфликтов и в других областях Средиземноморья, а когда благодаря римским победам они завершились, пожар испанской войны пылал еще не один год.

В провинции Hispania Ulterior нормальное развитие началось уже за несколько лет до 168 г.3 Тиберий Семпроний Гоакх, консул 178 и 163 гг. 4, предпринял в качестве претора и пропретора последний на тот момент важнейший поход против кельтиберов и в 178 г. завершил его эпохальным для этих народностей мирным договором⁵. Этот мирный договор, который был признан сенатом (Polyb., XXXV, 2, 15), подробно регламентировал отношения кельтиберских племен с Римом (Арр. Iber., 43, 179; Liv., XL, 50, 5; Plut. Tib. Gr., 5; кроме того, упомянут: Liv., рег. 41; Арр. Iber., 48, 205). Племена по сю сторону Эбро — лузоны, беллы и титты — попадали в прочную зависимость от Рима: они должны были платить трибут и, если того потребуют римляне, предоставлять вспомогательные войска (Арр. Iber., 44, 182-183). Они не должны были основывать новые укрепленные пункты⁶. Ареваки же (Дальняя Кельтиберия), напротив, сохраняли независимость, являясь «свободными» и «друзьями» римлян. В последующие годы произошла дальнейшая нормализация отношений в Hispania Citerior: племена к югу от Эбро были освобождены от обязанности платить тоибут и поставлять

³ В 168 г. произошла битва при Пидне, решившая исход Третьей Македонской войны в пользу Рима. — Примеч. перев.

⁴ Cm.: Münzer F. Sempronius (53) // RE. 2. Reihe. Hbbd. 4. 1923. Sp. 1403-1409.

⁵ Götzfried K. Annalen der Römischen Provinzen beider Spanien von der erstaen Besetzung durch die Römer bis zum letzten groß en Freiheitskampf 218–154. Diss. Erlangen, 1907. S. 92–102.

⁶ Арр. Ніѕр., 44, 183; Diod., XXXI, 39. Они получали право чеканить монету достоинством от асса и ниже (Götzfried K. Annalen der Römischen Provinzen beider Spanien... S. 100), что всегда связывается с положением подданства по отношению к Риму (Schulten A. Numantia. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1905—1912. Bd. I. Die Keltiberer und ihre Kriege mit Rom. München, 1914. S. 243).

войска⁷, правда, как обычно, с оговоркою, что это послабление действует лишь до того момента, пока того желает сенат (Арр. Iber., 44, 183). Племена Ближней Кельтиберии развивались сравнительно благополучно (это ясно засвидетельствовано в отношении Сегеды, ситуация вокруг которой стала поводом к войне: Diod., XXXI, 39). Имевшие место столкновения были незначительны (Liv., XLI, 26; 28, 6; XLIII, 4, 1—4; рег. 43; Act. Triumph. CIL, I, 1², р. 48; Obseq., 10; Flor., I, 33, 14 = II, 17, 14)8.

Не столь ясно, как обстояли дела в Hispania Ulterior, где с давних пор жили лузитаны, с которыми пришлось воевать римлянам. Одновременно с Гракхом Луций Постумий Альбин, впоследствии консул 173 г. 9, победил лузитан и в том же году, что и Гракх, т. е. в 177 отпраздновал триумф 10. О договорах между римлянами и туземцами мы ничего не знаем, о столкновениях в последующие десятилетия известно

⁷ Арр. Iber., 43, 179; 50, 214. Насколько мне известно, нигде ясно не говорится о различном отношении к отдельным племенам. Это, однако, вытекает из отсутствия монетной чеканки (Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 243) и из термина φίλος, «друг» (подданный никак не мог быть amicus populi Romani — другом римского народа, см.: Neumann K. Amicus (3) // RE. Bd. I. 1894. Sp. 1832—1833; Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. III. Leipzig, 1887. S. 591—592, 596—597). Кроме того, Аппиан сообщает, что Марцелл освободил от повинностей все племена (Арр. Iber., 50, 214). Если понимать это буквально, то подобная ситуация немыслима, поскольку положение оказывалось менее благоприятным, чем до начала войны; этому противоречит и то, что позднее беллы и титты поставляли войска римлянам (Арр. Iber., 63, 268). Аппиан допускает чрезмерное упрощение, распространяя на все племена то, что касалось только ареваков (о подобном методе у Орозия см. в работе Цангемайстера применительно к: Oros., IV, 20, 10).

⁸ Об этих конфликтах см.: *De Sanctis G*. Storia dei Romani. Vol. IV. La fondazione dell'impero. Pt. 1. Dalla bataglia di Naraggara alla battaglia di Pidna. Torino, 1923. P. 464 e not. 192.

⁹ Cm.: Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart, 1920. S. 212–216.

¹⁰ Liv., XL, 40; 41, 7. Cp.: Götzfried K. Annalen der Römischen Provinzen beider Spanien... S. 92–102.

мало¹¹. Однако общие представления о ситуации того времени в целом позволяют нам предполагать, что и в этой провинции царило относительное спокойствие.

Все изменилось — и, как казалось, внезапно — в 154 г. 12 Лузитаны во главе с неким Пуником в одном сражении разбили преторов обеих испанских провинций 3. Погибло 6000 римлян, среди которых оказался квестор Теренций Варрон 4. Лузитаны, чьи земли граничили с провинцией, еще не входя в ее состав, вторглись на подвластную римлянам территорию, подвергая ее грабежу, и одержали победу над подоспевшими для борьбы с ними римскими наместниками. Это были Маний Манилий, впоследствии консул 149 г. 15, и Луций Кальпурний Пизон Цезонин 6: первый — предположительно наместник Ніѕрапіа Сітегіог, а второй — Ulterior 17. О месте и каких-либо

¹¹ Liv., per. 46; Götzfried K. Annalen der Römischen Provinzen beider Spanien... S. 108.

¹² Иногда нападение лузитан на римские владения датируется 155 годом (см., напр.: Thouvenot R. Essai sur la province Romaine de Betique. Paris, 1940. P. 120; Keay S. F. Roman Spain. London, 1988. P. 33). — Примеч. перев.

¹³ Арр. Iber., 50, 234; ср. Obseq., 17 под 154 г. и Liv., рег. 47. Кажется, известия об этом событии нашли отражение у Евтропия (IV, 9, 1): «в следующем году Л. Муммий успешно сражался в Лузитании» (insequenti anno L. Mummius (все рукописи, кроме одной, дают Memmius) in Lusitania bene pugnavit). Речь идет о 153 г. (см. ниже, гл. I, § 3). Поскольку под конец Евтропий сообщает о пребывании в Риме вифинского царя Прусия в 167 г. (Liv., XL, 44), слова insequenti anno в отношении описанного Евтропием события следует отнести на счет его источника. Таким образом, возможно, что речь шла о поражении римлян в предыдущем, 154 г.

¹⁴ Cm.: Münzer F. Terentius (77) // RE. 2. Reihe. Hbbd. 9. 1934. Sp. 677.

¹⁵ Cm.: Münzer F. Manilius (12) // RE. Hbbd. 27. 1928. Sp. 1135-1139.

¹⁶ Cm.: Münzer F. Calpurnius (87) // RE. Bd. III. 1899. Sp. 1387.

¹⁷ Поскольку Аппиан в *Iber.*, 56, 234—72, 321 рассказывает исключительно о войнах с лузитанами, на первый взгляд может показаться странным, что один из названных преторов был наместником

подробностях сражения сведений не сохранилось. Можно лишь предполагать, что ближняя провинция приняла на себя

Hispania Citerior. Поэтому Д. Вильсдорф обоих преторов считает правителями дальней провинции соответственно в 155 и 154 гг. (Wilsdorf D. Fasti Hispaniarum provinciarum, Leipzig, 1878, S. 95–96). Так же полагает Т. Р. С. Броутон (Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic, Vol. I, 509-100 B. C. New York, 1951. Р. 448, 450), Ф. Мюнцео оставляет вопоос нерешенным (Münzer F. Manilius. So. 1135). Г. Де Санктис (De Sanctis C. Storia dei Romani. Vol. IV. Pt. 1. P. 466) и X. X. Скаллард (Scullard H. H. Roman Politics 220-150 В. С. Охford, 1951, Р. 233) относят поавление обоих к 154 г. Фактически же Аппиан сочетает в композиции своего труда два различных принципа построения материала: первый, имевший место. по-видимому, еще в его источнике, когда в зависимости от обстоятельств деяния наместников отдельных провинций описываются последовательно друг за другом, и второй — повествование «по народам» (Procem. 49), который он пытается использовать в своих книгах (см. ниже, экскурс, § 3; в том, что Hispania Citerior была вовлечена в войну в результате нашествия лузитан, можно не сомневаться). Поэтому не будет слишком рискованным предположить, что один из двух преторов был наместником Hispania Citerior. В пользу этого говорит также то, что Аппиан приводит единию цифру потерь. Пример совместного ведения боевых действий имеется у Ливия (XXXIX. 30-32) (один из тогдашних преторов — предположительно приемный отец Цезонина, см.: Münzer F. Calpurnius (62) // RE. Bd. III. 1899. So. 1376). Подобное взаимодействие встоечается и позднее: Маоцелл — Атилий (152 г.), Лукулл — Гальба (150 г.), Децим Боут — Эмилий Лепид (136 г.) (см. ниже). С меньшей уверенностью можно ответить на вопрос о том, какими провинциями управляли оба претора 154 г. Единственным аргументом здесь может быть последовательность, в которой Аппиан называет римских военачальников. Во всех подобных случаях он указывает первым наместника Hispania Citerior: Гай Семпроний Тудитан перед Марком Гельвием (наместник 179 г., Арр. Iber., 39, 159); то же в 61, 256: Лукулл прежде Гальбы (упоминание в противоположность этому в 61, 259 Гальбы перед Лукуллом объясняется тем, что соответствующая реплика исходит из уст Вириата) и в 82, 355: Эмилий Лепид прежде Децима Брута. Поэтому я считаю возможным — однако исключительно в порядке рабочей гипотезы — поедполагать, что Маний Манилий был наместником Ближней Испании, а Луций Кальпурний Пизон Цезонин — Дальней. основную тяжесть удара, что битва произошла в землях карпетанов¹⁸, относившихся к Hispania Citerior¹⁹, и что там же служил и погибший в бою квестор Варрон. Во всяком случае, ответные меры римлян однозначно концентрировались на Ближней Испании. Едва ли это могло объясняться только нараставшим там обострением ситуации из-за конфликта с Сегедой (см. с. 35 и далее).

Предположение о таком ударе лузитан по Карпетании вполне допустимо, особенно если учесть то, что нам известно об их способе ведения войны и радиусе действия их отрядов. Пусть лузитаны с их тактикой (прежде всего умелым использованием выгод местности) во многом походили на кельтиберов²⁰, но их социальные отношения и соответственно стратегия были совершенно иными²¹. О них можно сказать то же, что и об их вожде Вириате: лузитаны вели войну ради нее самой²², ведь практически они были еще наполовину кочевниками. На их родине, где они занимались в основном пастушеством, в условиях прироста населения время от времени приходилось

¹⁸ Поэтому Пуник привлек на свою сторону веттонов, западных соседей карпетанов (Арр. Iber., 56, 235; ср.: Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 324). По-видимому, эти лузитанские отряды происходили из области к северу от Тахо. По Аппнану (57, 239), лузитаны «с другой стороны Тага» напали на кунеев в южной Португалии. Эти лузитаны обозначаются Аппианом так в противоположность тем, о которых до сих пор шла речь в его повествовании. По моему мнению, врагов кунеев надо искать к югу от Тахо, а союзников веттонов — к северу (правда, у Аппиана (58, 249) веттоны названы соседями лузитан, из-за чего упомянутых в Арр. Iber., 57, 239 и у Орозия (IV, 21, 10) — «по эту сторону Тага» (citra Tagum flumen) — надо помещать, несомненно, к югу от Тага).

¹⁹ Вероятно, уже с 197 г. и позднее границей между обеими испанскими провинциями был saltus Castuloniensis, см.: Caes. BC, I, 38; Strabo, III, 4, 20, р. 166; Spranger P. Zur Lokalisierung der Stadt Castulo und des Saltus Castulonensis // Historia. Bd. 7. 1958. S. 101 ff.

²⁰ Cm.: Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 201 ff.

²¹ Schulten A. Viriatus // NJb. Bd. 39. 1917. S. 210-214, 228.

²² О Вириате: Dio Cass., XXII, 73, 4; о разбойничьих набегах лузитан: Strabo, III, 3, 5, р. 154; Schulten A. Viriatus. S. 212.

высылать часть воинственной молодежи или проводить настоящие переселения. Объектом этой экспансии чаще всего, если вообще не всегда (отсюда, вероятно, спокойные десятилетия), были римские земли, преимущественно плодородная дальняя провинция²³. Если говорить о действиях названных отрядов, то неизвестно удалось ли остановить их наступление. Источники сообщают о следующих местах боевых операций лузитан, если не считать Hispania Ulterior: Карпетания (Арр. Iber., 64, 269; 70, 298) и находящаяся там Сегобрига (Frontin., III, 10, 6; 11, 4), к северу от Тахо — Сьерра-де-Сан-Винсенте («гора Венеры» — Арр. Iber., 64, 271; 66, 281)²⁴ и Сеговия (Frontin., IV, 5, 22), местность по обе стороны Эбро (Flor., I, 33, 15 = II, 17, 15; Oros., V, 4, 2) и даже североафриканская Окила (Арр. Iber., 57, 240—242).

Если обычно действия лузитан представляли собой переселения или небольшие рейды, то применительно к войнам в Кельтиберии, а также в землях ваккеев к тому времени речь всегда идет об обороне и завоевании родных городов этих племен²⁵. Население уходило из этих городов только в том случае, если хотело устроить засаду вторгшемуся противнику или начать преследование отступающего, и ни в коем случае не дальше, чем это вызывалось необходимостью (Арр. Iber., 50, 213; 82, 356—357).

§ 2. Сегеданский конфликт

Конфликт с римлянами, разгорелся в том же 154 г. 26 Население Сегеды, города беллов, участвовавших в подписании Гракхова договора (Арр. Iber., 44, 180), вознамерилось рас-

²³ Schulten A. Viriatus. S. 211-212.

²⁴ Cp.: Ibid. S. 220, 222, 226.

²⁵ Cp.: Ibid. S. 228.

²⁶ Арр. Iber., 44, 180: «немного лет спустя», т. е. после заключения Гракхова договора. События, связанные с Сегедой, можно отнести не далее чем к 155 г., поскольку летом 153 г. Нобилиор застал беллов еще за строительством стены (Арр. Iber., 45, 184).

ширить свой город и окружить его новой стеной длиной в 40 стадиев²⁷. В создании синойкизма приняли участие мелкие населенные пункты сегеданской округи, другая же часть беллов и соседние племена титтов были принуждены к этому (App., Loc. cit.), очевидно, потому, что численность населения была недостаточной для города такой величины. Но со стооительством этой стены началось противостояние сегеданцев с Римом, поскольку, согласно букве договора строительство новых укрепленных городов, а по смыслу — как его понимали римляне — и укрепление уже существующих, не допускалось (App. Iber., 44, 182–183; Diod., XXXI, 39). Сенат, узнав о случившемся, запретил строительство стены и отменил пожалованное поежде освобождение от обязанности уплачивать трибут и поставлять вспомогательные войска (App. Iber., 44, 182). Так начался конфликт — пока еще дипломатический. Спровоцировали ли его жители Сегеды? Или инициатива исходила от римлян? На оба вопроса, вероятно, следует ответить отрицательно. Предполагать это позволяет последующее поведение сегеданцев, твердое, но отнюдь не исключающее возможности компромисса (Diod., XXXI, 39). Синойкизм был, по сути, лишь внешним проявлением тех успехов, которых достигли эти земли в культурном, политическом и экономическом развитии²⁸. Действия в отношении титтов и некоторых общин беллов²⁹ имели причиной, по-видимому, соперничество с соседями, как это происходит всегда и всюду. На этой окраине сферы влияния великой державы такие локальные

²⁷ Арр. Iber., 46, 188; Diod., XXXI, 39. Сегеда (у Диодора — Бегеда) располагалась, вероятно, в 10 км к юго-востоку от Калатаюда, в долине Перехиля, где близ деревни Бельмонте находятся остатки стены иберийского города. В пользу такой идентификации свидетельствуют находки монет (Schulten A. Segeda // Homenagem a Martins Sarmiento. Р. 373—375; также см.: Menéndez Pidal R. Historia de España. Т. II: España Romana (218 a de J. C. — 414 de J. C.). Madrid. 1955. Р. 94—95; FHA. IV. Р. 7).

²⁸ Diod., XXI, 39; cp.: Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 239, 330.

²⁹ Арр. Iber., 44, 181; их представитель выступает у Полибия и Аппиана (Polyb., XXXV, 2, 3–11; Арр. Iber., 48, 205).

обострения ситуации вели — типичный случай — к куда большим конфликтам. В данном случае невозможно решить, притеснялись ли отдельные общины потому, что были дружественны римлянам, или они потому и были тесно связаны с Римом, что их притесняли. В высшей степени вероятно, что такими были принужденные к синойкизму против своей воли беллы и титты, которые обратились к могущественным римлянам и дали им повод к вмешательству. С какой бы целью ни возводили бы испанцы стену вокруг Сегеды, римляне видели в этом угрозу своему влиянию в тех краях и усиление будущего противника (Diod., XXXI, 39).

Римским послам, которые доставили предписания сената, возражал на народном собрании в Сегеде старый, опытный и уважаемый человек по имени Кар³⁰. В то время как сегеданцы заранее явно решили не идти на компромисс ни по одному пункту³¹, Кар был готов уступить римлянам в вопросе о выплате трибута и поставке вспомогательных войск³², но был непреклонен в главном, что касалось окружения города стеной. В качестве аргумента он ссылался на то, что это никак не противоречило договору (Арр. Iber., 44, 183; Diod., XXXI, 39). Поскольку речи Кара и сегеданцев в целом совпадали, римские послы прекратили бесполезные переговоры (Diod., XXXI, 39).

³⁰ Diod., XXXI, 39: Kakyros; Арр. Iber., 44, 183 (без имени). Этот Какир, возможно, идентичен упоминаемому поэже Кару (Арр. Iber., 45, 185—186), см.: Мünzer F. Karos // RE. Hbbd. 20. 1919. Sp. 1996 и FHA. IV. Р. 9 (здесь А. Шультен считает более правильной форму «Кар», поскольку встречаются также «Карик» и «Карион»). В аналогичной ситуации Флор упоминает Мегаравика (I, 33, 4 = II, 17, 4). Ф. Мюнцер предполагает, что «Мегаравик» могло быть прозвищем Кара, как Ректуген имел проэвище Каравний; см.: Арр. Iber., 94, 407 (Мünzer F. Karos. Sp. 1996).

³¹ См.: Арр. Iber., 44, 183. У Аппиана речь идет о поведении сегеданцев явно в более ранний период, у Диодора — в более поэдний, когда они уже были готовы кое в чем уступить.

 $^{^{32}}$ Сомнительно, что Кар стал бы обещать римлянам уступки, не согласованные с общиной. Ниже Γ . Симон признает, что позиция Кара и его сограждан в целом совпадала. — Примеч. перев.

Ответ сената гласил: разорвать договор и объявить войну сегеданцам и их союзникам³³. Кельтиберам было, конечно, известно о поражении римлян от лузитан, и в связи с новым требованием поставлять вспомогательные войска они могли надеяться, что римляне уступят в главном вопросе. В этом, однако, испанцы ошиблись.

Впервые после долгого сравнительно мирного периода Рим столкнулся с тяжелыми военными проблемами. Принятые римлянами меры были весьма необычны. До сих пор консулы и преторы (с 222 г.) приступали к исполнению обязанностей с 15 марта³⁴. Пока вместе с военным командованием и армией они получали назначение на определенный театр военных действий, могло уже наступить лето, тем более что чаше всего в Риме у них еще хватало дел, которые требовали завершения, например прием послов³⁵. Проходило также какое-то время, пока в зависимости от обстоятельств производился воинский набор. Если театр военных действий, как в случае с Испанией. был удален от Италии, часто терялась значительная часть наиболее пригодного для боевых операций времени. Так, в связи с конфликтом на Пиренейском полуострове вступление консулов и поеторов в должность впервые с 153 г. было перенесено на 1 января³⁶. Нет ничего невозможного в том, что конкретные

³³ Diod., XXXI, 39. О союзниках сегеданцев мы узнаем лишь на более поздней стадии событий. Помимо Нуманции, это Окилис (Арр. Iber., 47, 196; 48, 198) и Нертобрига/Нергобрига (48, 200—204; 50, 213).

³⁴ Cm.: *Mommsen Th.* Römische Chronologie. Berlin, 1859. S. 102; Ginzel F. K. Handbuch der mathematischen und techischen Chronologie. Bd. II. Leipzig, 1907. S. 262, 265.

³⁵ Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. III. Abt. 2. S. 1155. Или вопросы откладывались до вступления в должность новых магистратов (ad novos magistratos), см., например: Liv., XXXIX, 7, 7; XLI, 6, 7; XLII, 26, 9. К этому времени воинские наборы также могли проводиться лишь с 15 марта.

 $^{^{36}}$ Liv., per. 47; Cassiod. Chron.; Fasti Praenest. I^2 , p. 231. Поэтому консулы действительно могли отбыть в путь, как только позволяла погода (обычно навигация прекращалась с 11 ноября по 5 марта: mare

обстоятельства прошлогоднего поражения, обусловленного позлним поибытием оимских войск, способствовали поинятию такого решения. Кроме того, впервые после 195 г. было оещено отправить в Испанию одного из консулов и провести набоо двух легионов и положенного им количества италийских вспомогательных войск. С учетом испанских вспомогательных отоядов численность этой армии составила почти 30 000 человек³⁷. Консулами того года были Квинт Фульвий Нобилиор³⁸ и Тит Анний Луск³⁹; командование в Испании получил первый из них (Арр. Iber., 45, 184), по-видимому, путем обычной жеребьевки (так же. как, впрочем, и Катон в 195 г.: Liv., XXXIII, 43, 4). Дальняя провинция досталась претору Луцию Муммию, консулу 146 г. (Арр. Iber., 56, 236; Memmius: Diod., XXXI, 42 и Eutrop., IV, 9, 1)⁴⁰, который получил меньшее войско (по Арр. Iber., 56, 237; 57, 238 — 14 000 человек, т. е., вероятно, потому, что полноценный легион насчитывал 5000 пехотинцев и 300 всадников, соответствующее число италийцев = 5000 + 900 и 2800 воинов вспомогательных отрядов⁴¹). Оба римских наместника двигались

clausum, см. Manil., III, 641. Дорога в Испанию по суше зимой и весной также была очень трудной, см.: Strabo, IV, 1, 12, р. 187).

³⁷ Арр. Iber., 45, 184. О размерах римских армий того времени в целом см.: Polyb., III, 107; VI, 26, 30, 32. Ср.: Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 334. Апт. 3; Bd. III. Die Lager des Scipio. München, 1927. S. 38—39. Согласно приводимым там данным, войско должно было насчитывать 10 000 легионеров, 600 всадников, италийские союзники выставляли 10 000 пехотинцев и 1800 всадников. К этим 22 400 человек добавились 8000 солдат испанских вспомогательных отрядов (они набирались, по-видимому, на восточном побережье и на Эбро, ср.: Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 334). Подобная численность войск была обычной в войнах против Нуманции до принятия командования Сципионом Эмилианом.

³⁸ Cm.: Münzer F. Fulvius (95) // RE. Bd. VII. 1912. Sp. 268-269.

³⁹ См.: Klebs E. Annius (64) // RE. Bd. I. 1894. Sp. 2270.

⁴⁰ Cm.: Münzer F. Mummius (7a) // RE. Hbbd. 31. 1933. Sp. 1195-1206.

⁴¹ Cm.: Schulten A. Numantia. Bd. III. S. 40.

в Испанию частью сушей, частью морем⁴². Разделение провинций между Нобилиором и Муммием вызывает удивление. Несмотря на тяжелое поражение от лузитан в прошлом году, в Hispania Citerior отбыл консул, а дальнюю провинцию получил претор⁴³. Развитие событий в Кельтиберии, где конфликт, казалось, пока носил ограниченный характер, вряд ли могло объяснить подобный образ действий⁴⁴. Поэтому я полагаю, что победа лузитан втянула Ближнюю Испанию в войну в гораздо большей степени, чем это может показаться на первый взгляд.

⁴² Это был обычный способ (например, Катон в 195 г.: Liv., XXXIV, 8, 4—7; Арр. Iber., 40, 161; Манцин в 137 г.: Val. Max., I, 6, 7; Obseq., 24). В нашем случае источники сообщают лишь о высадке Муммия в Испании (Diod., XXXI, 42; Lucil., 389—393 М., см. ниже, гл. I, § 3). А. Шультен предполагает, что Нобилиор проделал свой путь по суше (FHA. IV. Р. 11—12).

⁴³ Вероятно, римляне в тот момент планировали после ликвидации волнений в Кельтиберии с сильным войском наместника в Дальней Испании начать войну против лузитан. См. о ситуации 151 г. у А. Шультена: «У северной армии были теперь развязаны руки для операций на южном, лузитанском театре военных действий» (Schulten A. Viriatus. S. 214).

⁴⁴ Верная характеристика кельтиберской войны у Полибия (XXXV, 1) и следующего ему Диодора (XXXI, 40) была дана уже спустя значительное время после ее начала (ср. ниже, гл. III, § 1). Тем более прав был Кассиодор post eventum: «они были первыми консулами, которые вступили в должность в январские календы из-за неожиданно начавшейся войны в Кельтиберии (hi primi consules kal. Januariis magistratum inierunt propter subitum Keltiberiae bellum)». Оставившие столь глубокий след государственно-правовые мероприятия, которыми особенно были затронуты должностные лица предыдушего года, лучше всего объяснить неожиданными дурными новостями (subitum bellum). Из числа таковых нам известно лишь о поражении, понесенном в Испании от дузитан (Арр. Iber., 50, 234). Наиболее верный дословный текст содержится, по-видимому, в периохоах Ливия (рег. 47): «Причиной таких перемен в народном собрании было испанское восстание (mutandi comitia causa fuit, quod Hispani rebellabant)» (пер. М. Л. Гаспарова).

Нобилиор со своим войском высадился предположительно в Тарраконе⁴⁵. Его путь к театру военных действий лежал вверх по Эбро и затем по Халону. Сначала поход 153 г. протекал вяло. Из донесений предполагалось, что сегеданцы в случае появления римского войска будут застигнуты врасплох⁴⁶. Строительство стены вокруг города еще не завершилось 47, союзники же Сегеды были не слишком сильны, поэтому они бежали с женами и детьми в Дальнюю Кельтиберию к еще не вступившим в войну аревакам и попросили принять их (Арр. Iber., 45, 184; Flor., I, 34, 3 = II, 18, 3)48. Нобилиор, прибыв в Сегеду. застал лишь покинутый город. Вновь пришлось вступить в переговоры. Ареваки приняли сегеданцев, но все же выступали пока как посредники, а не участники в войне (Арр. Iber., 45, 185; Flor., I, 34, 3 = II, 18, 3). Они попытались выхлопотать у римлян прощение для жителей Сегеды, но безуспешно (Flor., I, 34, 3 = II, 18, 3). Ареваки должны были или выдать беглецов римлянам, или, открыто встав на сторону первых, вступить в борьбу со вторыми. Римляне настаивали на безусловной сдаче врагов (deditio), которая, естественно, предполагала выдачу оружия (Flor., I, 34, 4 = II, 18, 4; Арр. Iber.,

⁴⁵ Ср.: Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 368. Однако, как предполагает А. Шультен, у Сципиона Эмилиана была иная ситуация.

⁴⁶ Мы, однако, не знаем, когда римляне сообщили кельтиберам об объявлении войны. Можно полагать, что сенат обнародовал свое решение лишь тогда, когда римское войско уже было в Испании (ср. события 152 г.: Polyb., XXXV, 3, 3; Арр. Iber., 49, 208; 50, 211).

⁴⁷ Арр. Iber., 45, 184. Согласно Аппиану (Iber., 44, 181), планировалось возведение стены в 40 стадиев (7200 м.), т. е. огромной длины. Длина же стены близ Бельмонте составляет приблизительно 2200 м, или 12 стадиев. См. карту у Р. Менендеса Пидаля (Menéndez Pidal R. Historia de España. Т. II. Р. 94). Нуманция имела в окружности 24 стадия (Арр. Iber., 90, 394). Этому, однако, не соответствовала длина ее стены (Schulten A. Numantia // RE. Hbbd. 33. 1936. Sp. 1259).

⁴⁸ У Флора ареваки названы союзниками (socii) сегеданцев, хотя таковыми на тот момент они еще не являлись, см.: *De Sanctis* G. Storia dei Romani. Vol. IV. Pt. 1. P. 468–469.

49, 208 — упоминание в 152 г. о требованиях Нобилиора). Последнее задело за живое этих воинственных, свободолюбивых людей (Flor., I, 34, 4 = II, 18, 4; Diod., XXXIII, 16; 25; Dio Cass., XXII, 75). Поэтому требования римлян были отклонены, а между ареваками и враждебными Риму жителями Ближней Кельтиберии был заключен союз. Главнокомандующим объединенных сил избрали упоминавшегося уже сегеданца Кара (Арр. Iber., 185). Тем самым было принято решение, имевшее самые серьезные последствия. Только теперь война понобрела угрожающий размах. Насколько затянулись дипломатические дискуссии, показывает то, что выборы Кара, которые должны были последовать сразу после прекращения переговоров, состоялись только 21 августа (Арр. Iber., 45, 185 и 187), за два дня до сражения, происшедшего в день Вулканалий, т. е. 23 августа, когда уже большая часть благоприятного для боевых действий времени прошла.

§ 3. Поражения и победы Луция Муммия в боях с лузитанами

Однако решающее влияние на описанный выше исход событий оказала неудачная до того момента война с лузитанами. После победы Пуника над римлянами в 154 г. лузитанские отряды предприняли дальние рейды в зависимые от Рима области на юге Испании. Они привлекли на свою сторону часть веттонов. Новой целью была область бластофиникийцев в низовьях Бетиса, нынешнего Гвадалкивира (Арр. Iber., 56, 235)⁴⁹. Во время одной из осад Пуник погиб. Его преемником стал человек по имени Кайсар (Арр. Iber., 56, 236). В этой местности, очевидно, лузитаны находились еще тогда, когда туда прибыл новый претор Луций Муммий. Своей задачей он, по-видимому, считал помощь осажденным городам, для чего претор высадился с войском неподалеку от расположения про-

⁴⁹ О бластофиникийцах см.: Hübner E. Bastetani // RE. Bd. III. 1899. Sp. 1387.

тивника⁵⁰. Однако Кайсар своевременно осознал опасность, и ему удалось атаковать римлян прежде, чем они закрепились на берегу (Diod., XXXI, 42). Римляне все же смогли разбить

⁵⁰ Нижеследующее излагается по Диодору (XXXI, 42), где Муммий назван Меммием. Аппиан (Iber., 56, 236-237) иначе описывает поражение римлян. Согласно его рассказу, Кайсар сначала был разбит и обращен в бегство. Муммий в беспорядке преследовал его и подвергся новой атаке лузитан, которые убили примерно 9000 воагов, возвратили себе добычу и свой лагерь, к тому времени захваченный противником, и завладели большим количеством оружия и боевых значков. Римские знамена варвары пронесли по всей Кельтиберии, подвергая их насмешкам и поношению. Обе версии, по моему мнению, в значительной степени несовместимы (это пытаются доказать: Schulten A. Polybius und Posidonius über Iberien und iberischen Kriege // Hermes. Bd. 46. 1911. S. 600; Ursin N. R. af. De Lusitania provincia Romana. Diss. Helsingfors, 1884. P. 30). Ho то, что речь идет об одном и том же сражении, доказывает дополнительное замечание о славе, которую снискали себе лузитаны одержанной победой. Если бы Муммий потерпел два поражения, то не получил бы триумфа (Арр. Iber., 57, 243). Рассказ Диодора, несмотря на свою краткость, обнаруживает индивидуальные черты, тогда как описанная Аппианом картина сражения встречается у него четыоежды (56, 237; 58, 245; 66, 281-282; 67, 285-286, если отказаться от двух случаев, где бегство используется лузитанами в качестве военной хитрости — 63, 266 и 64, 270). Уже по одному этому сведения Диодора представляются заслуживающими большего доверия, чем шаблонное сообщение Аппиана. Данные Диодора находят подтверждение и еще в одном источнике. К. Цикориус обнаружил, что в стихах Луцилия (389-390, 392-393, к этому относится и ст. 391) идет речь о поспешной выгрузке войска с кораблей и их построении перед битвой (Cichorius K. Untersuchungen zur Lucilius. Berlin, 1908, S. 300-302). Однако он не сумел «подыскать определенное событие в римской истории, к которому могло бы относиться повествование Луцилия» (Ibid., S. 302). У Диодора описаны не только высадка войска (поскольку ей мешали, она, видимо, происходила быстро), но и сражение римской армии (речь могла идти и о ее построении). Хотя мы не знаем, почему у Луцилия идет речь об этом событии, возможность такой идентификации отнюдь не исключена. Во всяком случае, Луций Муммий и его брат Спурий были

лагерь (App. Iber., 56, 237) и начали строиться в боевой порядок (Lucil., 393). Однако, судя по постигшей их неудаче, не все римское войско успело высадиться (Lucil., 391-392). Во всяком случае. Муммий потерял свой лагерь, много оружия и боевых значков (Арр. Iber., 56, 237), а также почти две трети солдат (Арр., Loc. cit.: примерно 9000; Diod., XXXI, 42: большая часть армии). Муммию пришлось разбивать новый лагерь и тренировать в нем свое войско (Арр. Iber., 57, 238). Естественно. победа значительно укрепила уверенность лузитан в собственных силах. Захваченные оимские знамена они носили по всей Кельтиберии, показывая их и насмехаясь как над римлянами, так и над кельтиберами, которые не прославились подобными успехами (Арр. Iber., 56, 237; Diod., XXXI. 42). Результатом стало скрытое соперничество отдельных племен между собой и решение ареваков — ввиду ослабления римского могущества — начать борьбу с римлянами (Diod., XXXI, 42). Временная последовательность в целом совпадает: лузитаны одержали победу в начале кампании, непосредственно после прибытия римского войска. Переговоры же с ареваками состоялись под влиянием демонстрации захваченных у Муммия боевых значков, когда войско Нобилиора уже стояло в Кельтиберии.

Тем временем в Hispania Ulterior Муммий, который какоето время «опасался выйти в поле прежде, чем укрепит боевой дух своих воинов» 51, возвратил себе свободу действий. При-

близко знакомы со Сципионом Эмилианом. Следующий вопрос состоит в причинах расхождений Диодора с Аппианом. Возможно, в этом виновата небрежность последнего, который путался в описании различных поражений римлян. Однако он мог воспользоваться уже сложившейся в традиции версией событий. В этом случае надо предполагать искажение в промежуточном источнике. Однако представляется спорным, что оно сделано в пользу Муммия, поскольку тот изображен у Аппиана в не слишком благоприятном свете (потеря лагеря).

⁵¹ Арр. Iber., 57, 238. Подобные выражения вряд ли могут восходить к победному донесению Муммия, которое, как считал Ф. Мюнцер, лежало в основе аппианова рассказа (*Münzer F*. Mummius.

чиной этого было, по-видимому, то, что отряды Кайсара, котооые не являлись регулярной армией, решили вернуться на оолину к северу от Тахо после того как благодаря своей победе и. несомненно, успешной осаде прибрежных городов захватили богатую добычу. Однако это отнюдь не устраняло лузитанскую угрозу полностью. Одновременно с описываемыми событиями лузитаны из области к югу от Тахо напали на земли кунеев⁵² в южной Португалии, которые относились к римской провинции. Ими предводительствовал некий Кавкен. Конистоогис — очевидно, главный гооод кунеев⁵³ — был взят, о противодействии же со стороны римлян ничего не известно (Арр. Iber., 57, 239). Вскоре хузитанам пришлось оставить Конисторгис, поскольку в 151 г. там уже зимовали войска Сервия Сульпиция Гальбы (Арр. Iber., 58, 246). Судя по всему, операции лузитан исчерпывались рейдами, набегами и грабежами. Пока Муммий занимался тем, что усиливал свою армию с помощью рекрутских наборов (через какое-то время он располагал уже 9000 пехотинцев и 500 всадников: Арр. Iber., 57, 241), дузитаны смогли беспрепятственно переправиться в через Гибралтарский пролив в Африку — возможно, во

Sp. 1195). Эти реляции были не единственным источником для дальнейшей традиции. Однако, как мне кажется, последующее изложение у Аппиана окрашено в слишком благоприятные для Муммия тона, если вообще не вымышлено, и потому должно быть отброшено. Аппиан (Iber., 57, 238) сообщает далее, что Муммий в то время, когда он из опасения оставался в лагере, выждал удобный момент и сумел неожиданно отнять «добычу и боевые значки» у проходивших мимо врагов, нанеся им большие потери. И это несмотря на то, что у того же Аппиана сказано, что римские штандарты носили по Испании в качестве трофеев (Iber., 57, 237). К тому же римлянам никогда не удавалось использовать географические условия Испании для неожиданных атак, как это предполагается в отношении только что разбитого Муммия. Здесь обнаруживается одна тенденция традиции, для которой очень важно, что удалось исправить неприятную ситуацию с потерей знамен.

⁵² C_{M.}: Hübner E. Cynetes // RE. Bd. IV. 1901. Sp. 1906–1908.

⁵³ Cm.: Hübner E. Conistorgis // RE. Bd. IV. Sp. 884-885.

избежание столкновения с римскими войсками, по сравнению с которыми они чувствовали себя недостаточно сильными. В Африке они разделились: одна их часть начала опустошать сельскую местность, доугая осадила город Окилу (Арр. Iber., 57, 240)54. Этот уход из родных краев и боевые действия в стране, находившейся лишь в очень слабой зависимости от римлян и Массиниссы (ср. Арр. Lib., 68, 306), показывает, что походы дузитан в эти годы ни в коем случае нельзя рассматривать как национальную оборону против римлян. Это была военная экспансия скудно наделенной природой и явно перенаселенной страны, направленная против соседних земель, в которых можно было захватить хоть какую-нибудь добычу. Эти походы, целью которых являлось также приобретение территорий для поселения, каковых часто не хватало, таили в себе опасность утраты связи с родиной и соответственно сравнительно легкого их разгрома.

Между тем события в Испании⁵⁵ оказались связаны с событиями в Африке и по другой причине. Карфагеняне, находившиеся в давней вражде с поддерживаемым римлянами нумидийским царем Массиниссой, внимательно следили за положением на западе. Несомненно, в Карфагене знали о поражении римлян в 154 г., как и об обострении обстановки в Кельтиберии, отправке туда консульской армии и переносе сроков вступления консулов в должность (на это указывает Аппиан (Lib., 68, 306), о поражении же в Кельтиберии в 153 г., напротив, там едва ли было известно). Карфагеняне воспользовались ситуацией и «в то время как римляне вели войну с иберами» напали на подданных Массиниссы. Момент оказал-

⁵⁴ А. Шультен и С. Гзелль предположительно отождествляют Окилу с Цилисом — совр. Ацила на марокканском побережье между Танжером и Ларашем (*Schulten A.* Viriatus. S. 214. Anm. 3; Gsell S. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. T. III. Paris, 1921. P. 310. Not. 8).

⁵⁵ См.: Gelzer M. Nasicas Widerspruch gegen die Zerstörung Karthagos // Philologus. Bd. 86. S. 261: «Судя по контексту, под этой войной могла подразумеваться только война 153—150 гг.».

ся особенно удачным еще и потому, что сам Массинисса поспешил послать на помощь римлянам одного из своих сыновей, который был блокирован «другими иберами» (Арр. Lib., 68, 306). И кроме того, нумидийский царь направил на подмогу римлянам в Испанию отряд в 300 всадников и 10 слонов (Арр. Iber., 46, 198, в конце августа они были в Испании), которые также ему пригодились бы. Весьма вероятно, что осада Окилы идентична блокаде сына Массиниссы «другими иберами» 56. Легкость успехов римлян в Африке, видимо, объясняется помощью со стороны Массиниссы.

Теперь военное счастье, по сути, отвернулось от лузитан. Муммий с усиленным войском начал поеследовать Кавкена чеоез пролив (Арр. Iber., 57, 141) — он переправился на кораблях со своими солдатами из Hispania Ulterior. Начиная с данного момента, до нас дошли сведения только о его успехах (это вполне возможно, поскольку лузитаны теперь действовали на враждебной им территории и к тому же разделив силы). Прежде всего, Муммий обрушился на грабившие страну банды и уничтожил часть из них, будто бы 15 000 врагов (Арр., Loc. сіт.) — число, обусловленное требованиями, которые предъяваялись к полководцам, претендовавшим на триумф⁵⁷, — и Муммий отпраздновал его по возвращении на родину (Арр. Iber., 57, 243. Как homo novus — Vell. Pat., I, 13, 2; II, 128, 2 — он едва ли ожидал, что получит такое отличие). Затем ему удалось снять осаду с Окилы. Враги понесли при этом потери, которые переданы в источнике неопределенными величинами

⁵⁶ См.: Gsell S. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. T. III. P. 310-311.

 $^{^{57}}$ См.: Ehlers W. Triumphus (1) // RE. 2. Reihe. Hbbd. 13. 1939. Sp. 498. По словам Валерия Максима (II, 8, 1), для получения три-умфа требовалось уничтожить не меньше 5000 врагов только в одной битве. Но триумф стоял под вопросом, если перед тем полководец потерпел поражение: Oros., IV, 12, 1; V, 4, 7. См. комментарий к: IV, 12, 1: V0lkmann V1. Valerius (155) // RE. 2. Reihe. Hbbd. 15. 1955. Sp. 2. Даже если рассказ Орозия — выдумка анналистов, в данном контексте она представляет ценность.

(Арр. Iber., 57, 241: «некоторые»). Одновременно он полностью уничтожил отряд нагруженных добычей грабителей 58. С добычей Муммий поступил по доброму обычаю полководцев: разделил между воинами то, что можно было унести, а остальное сжег в честь богов войны (Арр. Iber., 57, 242; Сулла — Арр. Mithr., 45, 176; Сципион Эмилиан в честь Арея и Афины — Lib., 133, 632; Марий — Plut. Mar., 22, 1). По римским понятиям, в конечном счете Муммий более или менее успешно исполнял свои обязанности и заслужил в награду за свою деятельность триумф (ср.: Eutrop., IV, 9, 1: inseqenti anno L. Mummius in Lusitania bene pugnavit; см. выше, с. 32).

§ 4. Неудачное ведение войны против Нуманции Квинтом Фульвием Нобилиором

Совершенно иначе складывалась обстановка после прекращения переговоров в Кельтиберии. 21 августа Кар был избран кельтиберами предводителем. Тем временем приближался с сильным войском Квинт Фульвий Нобилиор. Последующие события демонстрируют сколь энергичное, столь и осмотрительное руководство военными действиями со стороны Кара. На третий день после избрания, т. е. 23 августа, состоялось сражение (день Вулканалий: Арр. Iber., 45, 187; CIL, I², р. 219, 225, 240, 270)⁵⁹. Римское войско, чьи колонны рас-

⁵⁸ Арр. Iber., 57, 242 — «так что не осталось даже вестника поражения». По мнению Ф. Мюнцера, это выражение, начиная с «Илиады» (XII, 73), неоднократно встречается в источниках (Münzer F. Mummius. Sp. 1195). В Iber., 63, 268 Аппиан отказывается от сокращенной формы этой сентенции и повторяет ее дословно. Это выражение, по-видимому, должно было затушевать не слишком высокую цифру вражеских потерь.

⁵⁹ Сражение подробно рассмотрено и локализовано А. Ламмерером в кн.: Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 336—341 с картами III и IV. Также см.: Kromayer J., Veith G. Schlachtenatlas zur antiken Kriegsgeschichte. 120 Karten auf 34 Tafeln begleitenden Text. Leipzig, 1926. Römische Abteilung. Bl. 12. S. 59 u. Karte 2.

тянулись на многие километры, было атаковано на марше кельтиберами из засады. Место битвы находилось в 15 километрах к югу от Нуманции в долине реки Бальдано, небольщого левого притока Дуэро. Удар был нанесен с лесистого юго-восточного склона Монте де Матамала и Съероа де Санта Ана против левого фланга находившейся на марше армии. Римаяне, несмотря на неготовность к отражению атаки, защишались храбро, но, в конце концов, были обращены в бегство, потеряв 6000 одних только римских граждан — больше цедого легиона (Арр. Iber., 45, 185; если италийские контингенты понесли такие же потери — а имелась, возможно, какая-то убыль и до этого, — то в строю осталось менее 20 000 человек)60. Подошедшая затем римская конница, прикрывавшая обоз, в какой-то степени восстановила положение. Кавалеоия атаковала кельтиберов, в беспорядке преследовавших воинов Нобилиора, и нанесла им столь же большие потери. Погибло поедположительно 6000 испанцев. Тяжелой утратой для кельтиберов была смерть их храбро сражавшегося вождя Кара (Арр. Iber., 45, 186). С наступлением темноты битва прекратилась. Этот день, праздник Вулканалий, с тех пор считался в Риме несчастливым61

Кельтиберы еще ночью вернулись в Нуманцию и сразу же выбрали себе новых вождей — Амбона и Левкона. Нобилиор три дня шел вслед за противником (Арр. Iber., 46, 188). Теперь он явно стремился занять прочную позицию, чтобы оттуда возобновить борьбу с Нуманцией. Остатки возведенного им (и, как оказалось, весьма тщательно выстроенного) лагеря были обнаружены во время раскопок на холме Гран Аталайя в 6 км к востоку от Нуманции (лагерь III из числа

4 3ak 4554 49

 $^{^{60}}$ Г. Де Санктис предполагает потерю четверти армии (De Sanctis G. Storia dei Romani. Vol. IV. Pt. 1. P. 469).

⁶¹ Арр. Iber., 45, 187. Как и день битвы при Аллии (Gell., V, 17), при Каннах (V, 17, 3 sqq.; Macrob. Sat., I, 16, 26) и при Араузионе (Plut. Luc., 27, 8–9). O dies atri см.: Wissowa G. Religion und Kultus der Römer. München, 1912. S. 443 ff.

обнаруженных там римских лагерей)⁶². Место для него было выбоано удачно и господствовало над обеими дооогами, ведущими в долину Эбро (в Калагуррис, ныне Калаорра, и Бальсио, близ совр. Галлура). Правда, одним из флангов Нуманция сообщалась с Окилисом, важным пунктом снабжения оимлян на дороге через долину Халона в Нуманцию⁶³. Сразу определились две линии подвоза (прямая дорога от Эбро уже использовалась нумидийскими вспомогательными войсками. см. ниже, гл. І, § 4). Новые переговоры, которые, как представляется, были начаты по инициативе нумантинцев, вновь не дали никаких результатов, поскольку Нобилиор настаивал на своем требовании deditio⁶⁴. Благодаря краткому затишью оимаяне смогли спокойно и тщательно обустроить свой лагерь. Нобилиор между тем получил подкрепление в 300 всадников и 10 слонов от Массиниссы. Это пополнение кавалерией было весьма кстати для римлян (Арр. Iber., 46, 189)65. Кроме того,

⁶² См.: Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 342—343. Подробнее — четвертый том труда о Нуманции. Гран Аталайя имеет в высоту 1152 м (Нуманция — 1087 м). Аппиан пишет, что Нобилиор расположился от Нуманции в 24 стадиях, что равно 4,5 км (Ibid. S. 342. Anm. 3: «Эти данные приводятся на основе приблизительной оценки»).

⁶³ Поэтому А. Шультен считает, что измена Окилиса, о которой у Аппиана сообщается несколько ниже (Iber., 47, 196), последовала сразу после сражения в день Вулканалий, и Нобилиор выбирал место с учетом этого обстоятельства (Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 342; см. также: De Sanctis G. Storia dei Romani. Vol. IV. Pt. 1. P. 469). Однако маловероятно, чтобы Окилис изменил во время новых мирных переговоров, начавшихся после битвы (Diod., XXXI, 41). Кроме того, из текста Аппиана, если понимать его буквально, следует, что Окилис отпал от римлян не сразу после их поражения.

⁶⁴ Diod., XXXI, 41; Арр. Iber., 49, 208. Фрагменты Диодора: Diod. XXXI, 41 (Exc. de legat. P. 324 U. 627 W) и XXXI, 42 (Exc. Phot. cod. 244, р. 519 W) дают неверную хронологию, и их нужно поменять местами, что вполне возможно в силу их разного происхождения. См. ниже. гл. III. § 3 о Квинте Помпее у Диодора: XXXIII, 16 и 17.

⁶⁵ Римляне всегда нуждались в усилении конницей, см.: Арр. Iber., 47, 195; Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 171; Bd. III. S. 40. О помощи нумидийцев Лукуллу см.: с. 79—80.

удалось пока скрыть от кельтиберов присутствие слонов — на это, как кажется, указывает то обстоятельство, что пополнение шло по прямому пути вверх по Эбро и затем через Бальсио к Γ ран Аталайя 66 .

Получив подкрепление от нумидийцев. Нобилиор предпоинял попытку взять Нуманцию приступом. Штурм велся с северо-востока, Гран Аталайя находилась напротив, со всех лочгих сторон Нуманция поикоывалась реками Дуэро и Мерданко, город был окружен стеной. Восточнее, на равнине армии сошлись для битвы и выстроились в боевой порядок. Римляне делали ставку на применение слонов, скрывавшихся в тылу войска (Арр. Iber., 46, 189). Когда сражение было в оазгаре, ряды римлян раздвинулись, и слоны через образовавшиеся проходы устремились на врага. Кельтиберы и тем более их кони поишли в полное смятение из-за неожиданной атаки невиданных животных и бежали в город (Арр. Iber., 46, 190; о бегстве лошадей из-за необычного вида слонов см. также Amm. Marc., XXV, 1, 14). Римляне преследовали их, и бой продолжался у городских стен. Здесь снова использовались слоны, поскольку с установленных на их спинах башен было легче попадать в людей, находившихся на стенах⁶⁷. Внезапно в одного из слонов попал тяжелый камень, и животное, громко трубя, пришло в бещенство и обратилось в бегство, круша при этом все, что попадалось ему на пути (Арр. Iber., 46, 191; больше всего должны были пострадать римляне, поскольку,

⁶⁶ Арр. Iber., 46, 190: кельтиберы и их кони не видели прежде на войне слонов. Выходит, что они не были энакомы с этими животными в боевых условиях. М. Велльман не приводит, однако, примеров использования слонов в мирных целях кроме игр, праздничных шествий и т. д. (Vellman M. Elefant // RE. Bd. V. 1905. Sp. 2253—2257). Переправа слонов через Окилис мимо Нуманции едва ли могла остаться незамеченной. И использование других дорог говорит о хорошей организации, поскольку решение насчет маршрута должно было приниматься уже позднее около устья Халона.

⁶⁷ Слоны также использовались против укреплений — Diod., XVIII, 17; Liv., XXVI, 6, 1 — оба раза безуспешно. См.: Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 343. Anm. 5.

как следует из Аппиана (Iber., 46, 190; 193), кельтиберы за пределами стен больше не появлялись). Из-за рева паника перекинулась и на других слонов, так что они начали свирепствовать среди римлян⁶⁸. Нумантинцы воспользовались благоприятным для них изменением ситуации. Со стороны римлян от рук кельтиберов погибло 4000 человек и три слона, испанцы захватили много оружия, а также римские боевые значки. Сами кельтиберы потеряли в тот день 2000 человек (Арр. Iber., 46, 191. Цифры представляются заслуживающими внимания). Однако Нобилиор потерял более трети, а то и половину от первоначального состава войска.

Это второе поражение имело для римлян в высшей степени неблагоприятные последствия. Именно тогда, по-видимому, от них отпал Окилис (Арр. Iber., 47, 196; у Аппиана об этом сообщается как о последнем событии кампании накануне зимы. См., однако, выше, с. 50). Заволновалась также, вероятно, и Ближняя Кельтиберия (во всяком случае, под 152 г. сообщается, что там уже снова шла война: Арр. Iber., 47, 198; 48, 200—204). Однако не ослабела и активность Нобилиора⁶⁹.

⁶⁸ Арр. Iber., 46, 191. В связи с этим Аппиан делает следующее замечание: «Перепуганные слоны обыкновенно это и делают и всех считают своими врагами. Поэтому некоторые, чувствуя к ним из-за этого недоверие, называют их общими врагами» (пер. С. П. Кондратьева). С этим сопоставимо то, что пишет автор «Африканской войны»: «Тупоумные слоны с трудом поддаются даже многолетней выучке при постоянных упражнениях, и, когда их выводят в бой, они одинаково опасны для обеих сторон» (Рѕ.-Саеѕ. Аfг., 27, 2. — Пер. М. М. Покровского; это подтвердилось в битве при Тапсе — 83, 2). Рассуждение у Аппиана, воэможно, восходит к Полибию, который очень любил обращать внимание на такого рода вещи (Роlyb., I, 40, 12—15). См.: Schulten А.: 1) Numantia. Bd. I. S. 285—286;
2) Numantia. Eine topographisch-historische Untersuchung. Berlin, 1905. S. 90.

⁶⁹ Это справедливо подчеркивается Г. Де Санктисом (De Sanctis C. Storia dei Romani. Vol. IV. Pt. 1. P. 470). При этом надо учитывать, что Нобилиор еще не испытал на себе психологической нагрузки неудачного ведения многолетней войны.

Видимо, потеря Окилиса побудила его направить конницу против города Аксиния (положение неизвестно⁷⁰), где хранились хлебные запасы врага. Однако наступление продолжалось недолго, многие участвовавшие в нем погибли, и ночью римский отряд возвратился в лагерь (Арр. Iber., 47, 194). Последней операцией римлян осенью 153 г. стала попытка набрать пополнение у соседнего племени, очевидно у ваккеев⁷¹. Это задание выполняла конница под командованием некоего Биезия⁷². Поначалу все шло успешно, ваккеи оказали союзническую помощь и предоставили римлянам определенное число всадников. Однако нумантинцы между тем узнали о случившемся и застигли отряд на дороге. Новые союзники сразу обратились в бегство, римлянам же пришлось вступить в бой, и их предводитель со многими из своих людей нашел там смерть (Арр. Iber., 47, 195).

⁷⁰ Э. Хюбнер (CIL, II, р. 244), а позднее и А. Шультен (Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 344. Anm. 3) идентифицировали Аксиний с Уксамой ареваков (Uxama Arevacorum) в 60 км к юго-западу от Нуманции близ совр. Бурго де Осма; ср.: Ibid. S. 129—130. Трудность, на мой взгляд, состоит в том, что римляне при проведении операции против Уксамы дважды должны были бы проходить в непосредственной близости от Нуманции. Я сомневаюсь, что они в тот момент осмелились бы на это. Так, потерпела неудачу описанная у Аппиана в Iber., 47, 195 операция, которая имела место, вероятно, к западу (см. ниже). Ср. аргументы А. Шультена (Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 371—372) по аналогичному вопросу (Iber., 87, 377—380), см. ниже, гл. IV, § 9 о Сципионе Эмилиане. Поэтому я считаю вопрос о локализации Аксиния открытым.

⁷¹ Так у А. Шультена (*Schulten A.* Numantia. Bd. I. S. 344), поскольку ваккей оставались единственным еще не покоренными соседями ареваков.

⁷² Латинская форма этого имени неясна. В латинском издании Цецилия Секунда 1554 г. оно передается как Blesius, в энциклопедии Паули—Виссова статья о нем отсутствует, в справочнике Э. Гроага и А. Штейна (Prosopographia Imperii Romani. Saec. I. Berlin, 1952—1953) трижды встречается Blaesios.

Для римлян кампания 153 г. стала цепью поражений 73 , которые уместились в короткий отрезок времени между 23 августа и наступлением зимы⁷⁴ (Аппиан в Iber., 47, 195 пишет о ситуации после неудачного штурма города: «Короткое время Нобилиор потратил на приведение в порядок своего войска»). Нобилиор остался на зиму в своем лагере на плоскогорье, что было чем-то совершенно новым для римской армии: позднее в ходе войны это повторялось дважды: в 140/139 г. Квинтом Помпеем (Арр. Iber., 78, 335) и в 134/133 г. Сципионом Эмилианом (Арр. Iber., 89, 397; ср. хитрость с зимним лагерем в конце книги). В связи с тем, что снабжение уже и прежде испытывало серьезные трудности из-за многочисленных поражений (Окилис, Аксиний), а увеличение этих трудностей в суровые зимние месяцы было несложно предугадать 75. решение Нобилиора о пребывании в лагере зимой, по-видимому, являлось вынужденным. К этому его могло побудить внезапное наступление зимы со снегопадами, которые сделали невозможным отход в долину Эбро — путь через Окилис и так находился в руках противника 76. Солдаты сильно страдали от сурового климата. Не хватало продовольствия и в особенности дров для разведения костров. Многие погибали во время заготовки дров — несомненно, от рук врагов (об опасностях, которым подвергались во время походов за дровами, см. ниже о пребывании Лукулла под Каукой, с. 82), да и в лагере голод и морозы уносили немало жизней (Арр. Iber., 47, 197). Весной следующего года армия, видимо, смогла отступить к Эбро, и там еще сохранившие боеспособность остатки войск — вряд ли более 12 000 человек⁷⁷ — были переданы новому команду-

⁷³ Cρ. Liv., per. 48: «Hispaniense bellum parum prospere aliquotiens gestum».

⁷⁴ Видимо, начало октября, см.: Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 294, 345.

⁷⁵ Все горные проходы, ведущие в долину Эбро, находятся на высоте 1000 м, см. карту III в I томе шультеновской «Нуманции».

⁷⁶ О климате см.: Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 159-160.

⁷⁷ Cm.: Ibid. S. 344.

ющему Марцеллу⁷⁸, тогда как больных и раненых отправили в Италию (ср.: Polyb., XXXV, 4, 1—6). Нобилиор смог оправдаться перед сенатом. Хотя неудачи консула подверглись осуждению, его намерение добиться капитуляции врага, а не идти на соглашение с ним, было одобрено большинством сената (см.: Арр. Iber., 49, 208).

§ 5. Первая кампания Марка Клавдия Марцелла в Кельтиберии

Нам придется вернуться немного назад, поскольку испанские события, естественно, занимали умы римских политиков еще до возвращения Нобилиора в течение всего 152 г. Серьезный повод для этого давали известия о поражениях римлян. Достаточно сказать, что о неудаче в день Вулканалий, несмотоя на удаленность театра военных действий от Италии, стало известно в Риме столь быстро, что эта новость смогла повлиять на результаты консульских выборов и распределение провинций. Думается, что выборы консулов на 152 г. и распределение провинций стали, по сути, ответом на события 153 г. в Испании. Вместе с патрицием Луцием Валерием Флакком⁷⁹ был избран Марк Клавдий Марцелл⁸⁰, внук того Марцелла, который в годы Второй Пунической войны прослыл «мечом Рима». О ходе выборов и связывавшихся с ними планах ничего не известно, но трудно поверить, что уже само по себе избрание такого человека не преследовало определенных целей. Для

⁷⁸ Г. Де Санктис полагает, что в тот момент, когда Марцелл находился под Нертобригой, Нобилиор еще оставался в лагере (*De* Sanctis G. Storia dei Romani. Vol. IV. Pt. 1. P. 472—473). Это совершенно невероятно, поскольку для римлян было очень важно, чтобы их войска как можно скорее соединились с боеспособной армией.

⁷⁹ Cm.: Münzer F. Valerius (174) // RE. 2. Reihe. Hbbd. 15. 1955. Sp. 20-21.

⁸⁰ См.: Münzer F. Claudius (225) // RE. Bd. III. 1899. Sp. 2758-2760.

Марцелла это было уже третье консульство (после 166 и 155 гг.), и его карьера представляла собою совершенно уникальное явление для периода между Второй Пунической войной и эпохой Мария (уже свой второй консулат он получил через десять лет после первого, так сказать, suo anno 81 , чего со воемени Сципиона Африканского никто не добивался). Оба раза Марцелл хорошо зарекомендовал себя в тяжелых войнах против горного народа лигуров. Дважды он праздновал триумф и, очевидно, снискал себе всеобщее уважение⁸². Кроме того, уже во время Третьей Македонской войны в 169 г. Марцела управлял обеими испанскими провинциями (Liv., XLIII, 15, 3; XLV, 4, 1). Такой человек получил теперь командование в Hispania Citerior. Уже само по себе его переизбрание всего лишь через два года после предшествующего консульства (хотя требовался десятилетний интервал) было, несомненно, отходом от буквы закона⁸³. После этого напрашивалась мысль о том, чтобы передать командование в Ближней Испании не по жребию. а с помощью специального постановления сената или народного собрания. Консулы находились в хороших отношениях друг с другом, поскольку Валерий был, по-видимому, чем-то обязан Марцеллу⁸⁴. Цель всей процедуры была очевидна — поручить способному человеку продолжение и завершение неудачной до сих пор войны против кельтиберов⁸⁵. Об остроте политической борьбы свидетельствует то, что вскоре после третьего избра-

 $^{^{81}}$ Suo anno — дословно «в свой год», в данном случае: в срок, установленный законом, предусматривавшим интервал между первым и вторым консульствами в десять лет. — Π римеч. перев.

⁸² Act. Triumph. CIL, I, 1², р. 48 под 166 и 155 гг. В римской традиции Марцелл обычно изображался как человек «высшей доблести, благочестия, воинской славы» (summa virtute, pietate, gloria militari — Cic. In Pis., 44; ср.: Münzer F. Claudius. Sp. 2758—2760). Согласно Корнелию Непоту, Аттик написал историю фамилии Клавдиев Марцеллов (Nep. Att., 18, 4).

⁶³ Cm.: Scullard H. H. Roman Politics 220–150 B. C. P. 234; De Sanctis C. Storia dei Romani. Vol. IV. Pt. 1. P. 471.

⁸⁴ Cm.: Münzer F. Valerius (174). Sp. 20-21.

⁸⁵ Cp.: De Sanctis G. Storia dei Romani. Vol. IV. Pt. 1. P. 471-472.

ния Марцелла был принят закон, который вообще запрещал вторичное избрание в консулы⁸⁶. Среди сторонников этого закона был старый Катон (см. его речь «О том, чтобы никто не был дважды консулом» (пе quis iterum consul fieret), fr. 185—186 ORF²). Более скромные меры в отношении Дальней Испании также были реакцией на события в тех краях и, прежде всего, по-видимому, на победные донесения наместника предшествующего года: в эту провинцию был вновь направлен претор Марк Атилий (Арр. Iber., 58, 243)⁸⁷, поскольку главную опасность, как казалось, устранил Муммий.

Консул набрал в Италии 8000 пехотинцев и 500 всадников (Арр. Iber., 48, 198), что, конечно, не полностью возмещало потери Нобилиора — в Риме к тому времени еще не знали их точной величины⁸⁸. В апреле Марцелл, возможно, находился уже недалеко от театра военных действий, чтобы там — повидимому, в местности близ впадения Халона в Эбро — принять командование над остатками армии Нобилиора. С учетом испанских вспомогательных сил⁸⁹ численность армии составила примерно 23 000 человек⁹⁰.

Уже на пути консула к собственно театру военных действий дело дошло до первых столкновений. Путь вверх по

⁸⁶ Вероятно, в 151 г. См.: Моммзен T. История Рима. Т. II. СПб., 1994. С. 55. Примеч. 1. До Мария было всего лишь один раз сделано исключение для Сципиона Эмилиана, см. ниже, гл. IV, § 8.

⁸⁷ Вероятно, с когноменом Серран, см.: Klebs E. Atilius (32) // RE. Bd. II. 1896. Sp. 2077; Brougnton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. I. P. 453—455 по Д. Вильсдорфу (Wilsdorf D. Fasti Hispaniarum provinciarum. P. 96).

⁸⁸ В частности, см.: *De Sanctis C*. Storia dei Romani. Vol. IV. Pt. 1. P. 472. Характерно, что трудности с набором возникли лишь в следующем году.

⁸⁹ Это были в основном всадники, которые одновременно могли выступать в качестве заложников, поскольку речь шла обычно о представителях знати. Об этом ясно сказано у Ливия (XL, 47, 10; ср. также описание событий у Аппиана — Iber., 48, 201–203).

⁹⁰ См.: Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 334 ff., в особенности 334. Anm. 3.

Халону вел войско через перевал, предположительно Пуэрто де Мората близ нынешнего Калатаюда, где его подстерегали воаги 91. Однако Маоцелл соблюдал осторожность и смог провести войско через опасное место без потерь (Арр. Iber., 48, 198. где особо подчеркивается его бдительность). Он не стал атаковать лежавшую на его пути Неотобоигу, а сразу направился к стратегически важному Окилису. Город немедленно сдался римлянам, и Марцелл проявил мягкость, потребовав лишь некоторое число заложников и контрибуцию в 30 талантов серебра 92. Такая умеренность возымела действие. Жители Нертобриги⁹³ обратились к Марцеллу через послов с просьбой передать, на каких условиях они могут добиться мира (Арр. Iber., 48, 200). Марцелл приказал предоставить сто всадников, которые и отбыли к нему. Однако в этом городе, очевидно, существовали две партии⁹⁴. Во всяком случае, другие жители Нертобриги напали на арьергард Марцелла и нанесли

⁹¹ Так у А. Шультена (Schulten A. Geschichte von Numantia. München, 1933. S. 52—53). Г. Де Санктис предполагает продвижение через долину Турии, совр. Гвадалавиар, поскольку если брать в расчет путь вдоль Халона, то вызывает недоумение, что Марцелл сначала обратился против Окилиса и лишь потом против Нертобриги (De Sanctis G. Storia dei Romani. Vol. IV. Pt. 1. P. 472). Однако это замедлило бы соединение войск, и потому предположение итальянского ученого нужно отвергнуть.

⁹² Арр. Iber., 48, 199. Здесь он снова назван «удачливым в военных делах». Марцелл — один из очень немногих римских военачальников, о которых автор «Иберийской книги» отзывается с похвалой. Я обнаружил следующих: Катон Цензорий (39, 160), Тиберий Гракх Старший (43, 179), Марцелл (48, 198—200), Гай Фанний под началом Фабия Сервилиана (67, 287), Флакк, легат Марка Эмилия Лепида (81, 353), Сципион Эмилиан (53, 225; 54, 229; 84, 365; 85, 370—371; 87, 379; 97, 420), Серторий (101, 439), Метелл Пий и Помпей Магн (101, 440).

⁹³ Schulten A. Nertobriga (1) // RE. Hbbd. 33. 1936. Sp. 54 на нижнем Халоне; там же о форме названия города.

⁹⁴ Возможно, здесь наблюдается ситуация аналогичная той, что позднее имела место в Лутии: Арр. Iber., 94, 409; см.: Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 346.

урон его обозу (Арр. Iber., 48, 201). Войско, по-видимому, находилось в тот момент на пути к Нуманции. Тем временем всадники, прибывшие к Марцеллу, стали утверждать, что нападавшие не знали о соглашении (48, 202). Однако тот не поинял этих оправданий, задержал всадников как заложников, а их лошадей отдал солдатам. Затем он продолжил путь и подступил к провинившемуся городу. По дороге он позволял войску грабить, а добычу делил между воинами (48, 203). Перед Нертобригой Марцелл сразу начал сооружать насыпи и подводить к ее стенам осадные орудия. Жители, видя это, стали просить через глашатая о пощаде. На сей раз прозвучали другие условия: если о мире не будут просить все ареваки, беллы и титты, жители Нертобриги не получат от него прощения (48, 204). Общины названных племен, которые до сих пор находились в состоянии войны с римлянами, согласились с этим: они просили об умеренном наказании и возобновлении Гракхова договора (48, 205. Об особом положении, которое, несмотря на данное указание Аппиана, должны были занимать ареваки, см. выше, с. 30). Против этого стали возражать племена, которые не измениои Риму и пострадали от набегов соседей (Polyb., XXXV, 2, 3-4; App. Iber., 48, 205; cp.: 44, 181). Посему Марцела заключил с кельтиберами лишь перемирие, для гарантии которого последние предоставили заложников (App. Iber., 48, 205; 50, 211; Polyb., XXXV, 2, 1). Для решения же остальных вопросов он отправил делегации от обеих группировок в Рим, а также снарядил и свое посольство, которое должно было настаивать в сенате на заключении мира (Арр. Iber., 49, 206; Polyb., XXXV, 2, 1). Ход этой кампании Марцелла показывает, что консул, в равной степени активно применявший и военные, и дипломатические средства, стремился использовать любую возможность, которая способствовала бы скорейшему заключению мира. Мягкость, где она была уместна, энергичное ведение войны, призванное сделать врагов более уступчивыми, готовность к компромиссу в надежде на мир — вот, как представляется, те принципы, которыми руководствовался Марцелл в своих действиях.

§ 6. Успехи Марка Атилия и Марцелла в Дальней Испании

Послы должны были вернуться лишь через несколько месяцев, то есть, если предположительно считать временем отбытия посольств конец июня, к сроку, когда второй поход в Кельтиберию уже оказывался нецелесообразным, и не только по опыту Нобилиора. Марцелл тем временем попытался выполнить вторую задачу, вероятно, поставленную тогда сенатом перед римским войском в Дальней Испании (см. выше, с. 34)95. Дело явно шло к сотрудничеству консула с претором южной провинции Марком Атилием.

В этом году римляне на юге, по-видимому, держали инициативу в своих руках. Операции Атилия, во время которых погибло 700 лузитан (это число выгодно отличается от числа убитых воинами Муммия, сообщаемого источниками), закончились взятием Оксфрак, «большого города» лузитан⁹⁶. Этот успех поначалу дал ожидаемый результат: жители соседних районов, в том числе и веттоны, проявили готовность к соглашению с римлянами (Арр. Iber., 58, 243). Атилий не стал отказываться и заключил договор, в значительной степени напоминавший соглашения с испанцами 178 г. или заключенные Марцеллом в 151 г. В тех же краях⁹⁷ во время перемирия с кельтиберами действовал и сам консул. Он завоевал там город Нертобригу близ нынешнего Фрехеналь де ла Сьерра в провинции Бадахос (Polyb., XXXV, 2, 2)⁹⁸. От этой Нертобри-

⁹⁵ См.: Schulten A. Viriatus. S. 214 применительно к 151 г.

⁹⁶ Местоположение неизвестно, см.: *Menéndez Pidal R*. Historia de España. Т. II. Р. 91. Not. 9. Возможно, Ократо в центральной Португалии, южнее Тахо.

⁹⁷ Участвовавшие в договоре лузитаны идентичны тем, на которых поэднее напал Гальба — 59, 249, однако они жили «по эту сторону реки Таг (citra Tagum flumen)» (Oros., IV, 21, 10).

⁹⁸ См.: Schulten A. Nertorbriga (2) // RE. Hbbd. 33. Sp. 54—55. Очевидно, именно она подразумевается у Евтропия (IV, 9, 2): «После этого консул Марцелл успешно действовал в тех же краях (т. е. в Лузитании) (Marcellus postea consul res ibidem prospere gessit)».

ги не так уж сильно должны быть удалены Оксфраки. Но это означает, что действия обоих римских полководцев были согласованы друг с другом. Трудно решить, чем обусловливалось это взаимодействие — сходством характеров, политическим сотрудничеством, военной взаимопомощью или влиянием вышестоящего магистрата (и притом более сильной личности) на нижестоящего.

Во всяком случае, мне кажется, что Атилий применял по отношению к противнику те же методы, что и Марцелл на севере: наступление, победа, готовность к переговорам, заключение договора. Однако если планы Марцелла по преодолению всякого сопротивления осуществлялись, то Атилий не мог добиться каких-либо долговременных результатов. Сразу после того, как он ушел со своими войсками на зимние квартиры, те, кто только что заключил соглашение с римлянами, вновь отпали от них и начали осаждать подвластные Риму города — вероятно, весной 151 г. (Арр. Iber., 58, 244).

Это произошло несмотря на то, что помимо Атилия в Дальней Испании в 152/151 г. находился также Марцелл, который зимовал с армией в Кордубе⁹⁹. Мягкая политика Атилия по отношению к лузитанам, проводившаяся под влиянием Марцелла, осталась лишь эпизодом отчасти потому, что лузитаны не шли всерьез на соглашение, отчасти из-за того, что преемник Атилия был человеком совершенно иного склада (об успелах и неудачах пишет Обсеквент (гл. 18): «сражался в Лузитании с переменным успехом (in Lusitania varie pugnavit)».

⁹⁹ Polyb., XXXV, 2, 2. См. также у И. Швайгхойзера (fr. 110 BW): «Римский полководец Марк, избавившись от войны, хотел, так сказать, обратиться против луэнтан и, обходя мужские залы, заходить в женские покои» (Suida, s. v. $\kappa\omega\mu d\sigma\alpha$, $d\nu\delta\rho\omega\tau t\tau_s$). Этот эпизод относится к имеющимся у Полибия сюжетам, направленным против Марцелла (ср. XXXV, 3, 4; 4, 3). Страбон (III, 2, 1, р. 141) пишет об основании Марцеллом Кордубы. Таким образом, местное население было приобщено к городскому образу жизни (но это могло произойти и во время претуры Марцелла в 169 г.). См.: Hübner E. Corduba // RE. Bd. IV. Sp. 1221.

§ 7. Мирные переговоры в Риме

Пока в Испании спор решало оружие, в Риме шли дискуссии о мирных инициативах Марцелла. После путешествия, занявшего, видимо, примерно месяц, в Рим прибыли различные посольства 100. В соответствии с римскими обычаями с обоими

¹⁰⁰ Нижеследующее излагается по Полибию (XXXV, 2-4) и Аппиану (49, 206-210), чьи сведения дополняются Ливием (рег. 48) и Орозием (IV. 21, 1). Для решения вопроса о зависимости Аппиана от Полибия это ключевой фрагмент. Сравнение текстов показывает. что Аппиан (17 строк тойбнеровского издания) при многочисленных совпадениях с Полибием (116 строк того же издания) сообщает дополнительные сведения и многое рассказывает иначе, чем Полибий (важнейшие расхождения: 49, 206 — соображения Марцелла: он хочет сам закончить войну, чтобы снискать славу; 49, 208: ссылка на условия Нобилиора, ср. Diod., XXXI, 41: 49, 209: пристрастность консулов при воинском наборе, устранение этого путем введения жребия). Дальнейшие совпадения, по существу, обнаруживает контекст аппианова фрагмента. Пои этом выражения Аппиана совершенно самостоятельны. В месте, где при упоминании второстепенной детали оба рассказа соприкасаются теснее всего, Аппиан выбирает иное, бесцветное выражение (почти такое же, как в его же Lib., 39, 131 и Dio Cass., XXIII, 79) и добавляет: «как это в обычае», тогда как Полибий дает старую римскую формулу («по ту сторону Тибра»). Подробность изложения у Полибия ни о чем не свидетельствует в силу краткости повествования у Аппиана. Но и в обратном случае требуется осторожность, так как не исключено, что сообщения, приводимые у Аппиана, могли остаться за пределами фрагмента Полибия (например, слова о ведших войну консулах, Арр. Iber., 49, 210). Напротив, возникает вопрос, позволяет ли тенденция к расхождениям говорить об использовании одного фрагмента в доугом. Мне кажется, здесь возникают препятствия для обоих комплексов вопросов (роль Марцелла, трудности в ходе воинского набора). У Полибия налицо явно недоброжелательная по отношению к Марцеллу позиция (XXXV, 3, 1-6; 4, 3, сюда же относится fr. 110 BW). Хотя у Аппиана наряду с прежней похвалой Марцеллу (см. выше, с. 58) упоминается и о недоверии сената к нему (повод для этого оговаривается ниже, в 50, 211-212), но Марцелл всегда только подчиненный; он хотел бы из стремления к

кельтиберскими посольствами обращались по-разному. Друзья римлян были допущены в сенат, тогда как послы от врагов должны были оставаться «по ту сторону Тибра», пока их дело не будет рассмотрено в сенате (Арр. Iber., 49, 207; Polyb., XXXV, 2, 3—4). Когда подошел назначенный день, городской претор¹⁰¹ сначала привел в сенат союзников из племен

славе закончить войну до истечения своих полномочий — обычный упрек римским полководцам (см. Plut. Flam., 7), однако о малодушии — ни слова. В рассказе о трудностях во время воинского набооа у двух авторов совершенно по-разному расставлены акценты, и прославление Сципиона Эмилиана совершенно исчезает у Аппиана (cm. Polyb., XXXV, 4; Ziegler K. Polybios (1) // RE. Hbbd. 42. 1952. So. 1559: «Поославляя своих доузей, как ахейцев, так и оимлян, прежде всего Сципионов, он часто, без сомнения, перебирал через край». Ср.: Gelzer M. Über die Arbeitsweise des Polybios. S. 14–15. То, что Полибий был пристрастен и что ему приходилось защищать эту точку врения, показывает фрагмент XXXVI, 8, 6). Встречаются детали, подтверждаемые периохами Ливия и Орозием, но очень плохо согласующиеся с тенденцией Полибия. По Полибию, Сципион увлек и простых солдат, тогда как, по сути, можно говорить лишь о том, что его выступление повлияло на его товарищей по сословию. легатов и военных трибунов (Polyb., XXXV, 4, 4; Liv., 48; Oros., IV. 21. 1). Как удалось изменить настроение рядовых граждан, лучше всего рассказывает Аппиан. Он единственный, кто упоминает еще об одной причине трудностей при наборе — пристрастности консулов (иначе и менее правдоподобно в периохе 48-й книги Ливия). Исходя из изложенного, можно сказать, что Аппиан использовал одного автора, который занимал вполне самостоятельную позицию по отношению как к Полибию, так и к анналистам (см. расхождения с периохами Ливия). Как отмечал Эд. Шварц, пассажи «42, 172-173 в сравнении с Диодором (XXIX, 28) и Арр. Iber., 49, 198 sqq. в сравнении с Полибием (XXXV, 2, 3; 4) обнаруживают как сходство, так и различия» (Schwartz E. Appianus (2) // RE. Bd. II. 1896. Sp. 220-221).

 101 στρατηγός κατά πόλιν. Перевод Краца — «городской претор». А. Шультен видит в словах Полибия (XXXV, 2, 5) κατά πόλιν «любой город как таковой» (Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 346). См. о греческом обозначении должности praetor urbanus у Моммзена в комментарии к: CIL, I, 203 и Арр. BC, II, 112, 466;

беллов и титтов. Их речи произвели весьма благоприятное впечатление. Они говорили, что после ухода римских войск сразу станут жертвами нападений со стороны соседей, если те не понесут надлежащего наказания. Враги римлян тотчас возгоодятся и склонят всю Испанию к отпадению. Поэтому римаяне должны или постоянно иметь в Испании войско и ежегодно посылать туда консула, чтобы держать врагов под ударом, или, если они хотят отвести войска, должны преподать урок, означающий, что подобные попытки впредь получат отпор (Polyb., XXXV, 2, 5-11). Вслед за тем были допушены послы врагов, которые представляли ареваков и другую часть беллов и титтов (Polyb., XXXV, 2, 12). Несмотря на их униженный и покорный тон, сторонники римлян не могли не видеть, что дух их не сломлен. Кельтиберы указывали на непостоянство военного счастья, говорили, что недавняя борьба еще не решила исхода противоборства. В конце концов, «если это необходимо», они готовы понести наказание, какое им назначат, но при этом хотели бы возобновления заключенного Гракхом и утвержденного сенатом договора (Polyb., XXXV, 2, 13-15). И наконец, сенат выслушал послов Маоцелла, которые по поручению полководца рекомендовали пойти на мир (XXXV, 3, 1-2).

По существу, сенат стоял перед нелегким выбором. Марцелл был отправлен в Испанию с определенными задачами, и на его командование возлагались большие надежды. И вот этот человек советует заключить мир после первых военных успехов, которые после неудач прошлого года оценивались достаточно высоко. К тому же всей auctoritas римского консула явно недостанет, чтобы убедить друзей Рима из спорной области в полезности и необходимости иного мира, кроме

III, 95, 394; Plut. Brut., 7, 1 (Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. II. S. 194. Anm. 2). Уже тогда в Риме делами управляли явно городские преторы. Согласно «Капитолийским фастам», именно консул Валерий умер в год исполнения им своей должности. Впрочем, по Аппиану (Iber., 49, 211), от имени врагов Рима слово держал лишь один оратор.

deditio 102. Напротив, союзники выступали в Риме против отсутствующего консула. Из друзей Марцелла, помимо умершего. видимо, уже в том году (Fasti Cap.) его коллеги по консулату Луция Валерия Флакка, мы знаем только Гая Сульпиция Гала, который вместе с ним был поетором в 169 и консулом в 166 г. 103 Однако нет уверенности, что и он был в это время жив, поскольку к 149 г. он уже скончался (в 149 г., когда состоялся «процесс» Гальбы, последний являлся опекуном его сына: Cic. De orat., I, 140; Brut., 90). Зато его противники были весьма многочисленны, и теперь они одержали верх. Они поиняли сторону союзников, выступая за энергичное продолжение войны, а также за то, чтобы в следующем году вновь отправить в Испанию консула. Среди них был молодой Публий Корнелий Сципион Эмилиан 104. Участие в этих событиях, очевидно, стало его политическим дебютом. Тогда он был только квесторием (видимо, в 154 г. цензоры включили его в сенат), однако как отпрыск двух знатнейших патрицианских родов, ставший продолжателем традиций как приемного деда . Сципиона Африканского, так и своего родного отца Луция Эмилия Павла, победителя при Пидне, он должен был оказывать влияние, которое превосходило возможности обычного квестория¹⁰⁵. Говоря конкретно, молодой Сципион мог опи-

5 3ak, 4554 65

¹⁰² Дополнительным аргументом в пользу точки зрения друзей Рима является ситуация в Дальней Испании после заключения лузитанами договоров с Атилием. Однако прежде чем делать такие сравнения, необходимо различать обстановку в разных областях Испании и национальный характер кельтиберов и лузитан.

 $^{^{103}}$ См.: Münzer F. Sulpicius (66) // RE. 2. Reihe. Bd. 7. 1931. Sp. 808-811. Один из пассажей Ливия (XLIII, 14) свидетельствует об их политическом сотрудничестве.

¹⁰⁴ См.: Münzer F. Cornelius (335) // RE. Bd. IV. Sp. 1439—1462. 105 Если А. Шультен преувеличивает роль Сципиона Эмилиана в тогдашней испанской политике Рима (Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 278—279), то К. Бильц впадает в противоположную крайность (Bilz K. Die Politik des P. Cornelius Scipio Aemilianus. Diss. Würzburg, 1935. S. 52), причем оба опираются на один и тот же текст Полибия (XXXV, 4, 8). Думается, что правильнее в данном

раться на поддержку клиентелы обоих домов (это демонстрируют Polyb., XXXV, 4, 10-11 и Oros., IV, 21, 1, а с другой стороны — Val. Max., II, 10, 4 и V, 2, ext. 4).

Дискредитация усилий Марцелла и его друзей по заключению мира была не слишком трудным делом. Первый упрек состоял в том, что он хотел как можно скорее добиться выгодного для врагов мира, ибо надеялся тем самым увеличить собственную славу (Арр. Iber., 49, 206). Высказывания против союзников могли интерпретироваться как прегрешение против fides, а такое поведение было недостойно римлян (Ро-lyb., XXXV, 3, 5—6; решение сената о смене командующего в Ближней Испании, несомненно, выглядело как порицание Марцеллу). Наконец, его стремление завершить войну без дальнейшей борьбы расценивалось как проявление малодушия 106. Вероятно, в дебатах принял участие и Нобилиор (указание на это можно усмотреть в: Арр. Iber., 49, 208), кото-

случае средний путь. Полибий, очевидно, хотел сказать, что Сципион Эмилиан выступал за продолжение войны более активно, чем люди его возраста и ранга. Безусловно, ему были открыты пути для того, чтобы оказывать аполитическое влияние. Мнение сената и голосование в нем являлись лишь одним из путей к осуществлению этой цели.

¹⁰⁶ В кругах, к которым был близок Полибий (Polyb., XXXV, 3, 4; 4, 3), этот упрек обретал еще большую остроту благодаря тому, что Полибий использует те же выражения при описании страха среди военнообязанных (XXXV, 4, 4; 14). Вряд ли ахейский историк стал бы распространяться о малодушии Марцелла только по собственной инициативе. Тем самым он воспроизводит точку эрения сципионова дома и его друзей. Похвала или ненависть Марцеллов его явно не интересовали — троекратный консул ко времени редактирования этого фрагмента уже, видимо, ушел из жизни. В 148 г. он погиб на море (Liv., рег. 50; Cic., 44; Ascon. Piso, р. 11). Тон, в котором Полибий пишет о несомненно способном Марцелле (его дед Марцелл прославился благодаря невероятной личной храбрости: Plut. Marc., 2), отчасти лишает силы аргумент, с помощью которого историк обосновывает, почему любовь к истине — один из принципов его труда (см., напр.: Polyb., XXXVIII, 6, 3—9).

рый, разумеется, не желал славы своему преемнику после того как сам потерпел в Испании столь тяжелые поражения. Опираясь на перечисленные аргументы — жажда славы любой ценой, измена по отношению к союзникам, малодушие, — противники умеренного мирного соглашения добились успеха в сенате. После речи союзников ситуация сложилась не в пользу Марцелла, защищать его в тот момент не было возможности. Во всяком случае, для удачного ведения дискуссии его послы не обладали необходимой auctoritas, а друзья консула были недостаточно компетентны.

Таким образом, было принято сенатское постановление, основывавшееся на более жестком подходе к вопросу о войне с кельтиберами. Обоим испанским посольствам сообщили, что волю сената они узнают от Марцелла (Polyb., XXXV, 3, 3; Арр. Iber., 49, 208). Посольство же Марцелла было отправлено обратно с инструкцией полководцу энергично и достойно Рима продолжать войну (Polyb., XXXV, 3, 5). Может быть, послы застали Марцелла в Hispania Ulterior еще сражающимся с лузитанами, а может — уже на зимних квартирах в Кордубе¹⁰⁷. Пока он успел лишь сообщить кельтиберам решение сената и возвратить врагам по их просьбе заложников, которых они дали ему при заключении перемирия (Арр. Iber., 50, 211).

В Риме же и теперь не прекращались споры. После того как было принято решение о продолжении войны, не стоял ли и еще один вопрос: кто должен ее продолжать? Ітрегішт Марцелла истек в конце 152 г.; сохранить ли за ним командование на следующий год или назначить на его место другого полководца? В предшествующие десятилетия продление полномочий командующих было обычной практикой (почти постоянно в 193—173 гг., в отношении более позднего периода

¹⁰⁷ А. Шультен считает, что послы прибыли в Кордубу только в начале 151 г. (Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 346). Вряд ли, одна-ко, есть нужда в столь поздней датировке, поскольку тогда отпадает возможность того, что переговоры Марцелла с представителем кельтиберов еще оказали обратное влияние на решение в Риме.

нет сведений из-за потери ливиевых фаст) 108. Правда, те, кому в те годы поодлевали командование, были лишь преторами. Пророгация же командования консулам для Испании представляла собой нечто новое. Ввиду экстраординарности назначения Марцелла напрашивалась мысль о продлении ему командования, чтобы он мог в следующем году успешно завеошить войну. Однако настроение сената изменилось явно не в его пользу¹⁰⁹. Используя те же аргументы, которыми они добились отклонения мирных инициатив Марцелла, противники последнего все активнее выступали против его пребывания в Испании. До самых консульских выборов в ноябре¹¹⁰ они вряд ли могли получить какие-либо новые известия из Испании. Но иначе сложилась ситуация к моменту распределения провинций, в начале января, непосредственно после вступления магистратов в должность. К этому времени в Риме уже явно стало известно, что Марцелл — по-видимому, сразу после возвращения послов — на свой страх и риск вновь повел переговоры с представителем враждебных Риму кельтиберских общин (App. Iber., 50, 211-212). Между тем на консульских выборах на 151 г. одержали победу Авл Постумий Альбин 111 и Луций Лициний Лукулл¹¹² (Polyb., XXXV, 3, 6). Когда к моменту распределения провинций стало известно о переговорах, сенат вновь решил направить в Ближнюю Испанию одного из выбранных консулов (Polyb., XXXV, 3, 6). Решение вопроса о том, кто из них двоих должен получить эту провинцию, было, по-видимому, предоставлено самим консулам. Мы не знаем, бросали они жребий или пришли к полюбовному соглашению. Так или иначе, Ближнюю Испанию получил Лу-

¹⁰⁸ Cm.: Götzfried K. Annalen der Römischen Provinzen beider Spanien... S. 61–104.

¹⁰⁹ Полибий недвусмысленно указывает, что недоверие к Марцеллу взяло верх после того, как были отправлены обратно в Испанию посольства и избраны новые консулы (XXXV, 3, 5–6).

¹¹⁰ Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. I³. S. 582-583.

¹¹¹ Münzer F. Postumius (31) // RE. Hbbd. 43. 1953. Sp. 902-908.

¹¹² Münzer F. Licinius (102) // RE. Hbbd. 25. 1926. Sp. 373-375.

кулл, что, судя по дальнейшим событиям, полностью соответствовало его желаниям. Таким образом, противники Марцелла, казалось, достигли своей цели.

Здесь необходимо еще раз обратить внимание на поведение послов доужественных Риму испанских общин. О вероятных причинах их связей с Римом мы уже говорили в свое воемя (см. выше, с. 36-37) и не нашли в них ничего странного. Однако бросаются в глаза их весьма необычные речи, произнесенные перед сенатом. По отношению к своим соотечественникам они держали себя еще более по-римски, чем сами римляне, настроенные весьма враждебно. Какой дерзостью надо было обладать, чтобы требовать от римлян явить пример строгости или ежегодно отправлять в Кельтиберию консула с войском (Polyb., XXXV, 2, 9-10)! В 152 г. такое требование выглядело более чем необычным, как-никак это был первый случай, когда в Испанию один за другим отправлялись два консула, и тогда еще не могли предвидеть того, что вскоре станет обычной практикой. Однако речи испанцев приходились по сердцу тем, кто настаивал на продолжении войны и жестких методах ее ведения. Они настолько соответствовали их желаниям, что трудно отделаться от мысли — сами эти политики и сформулировали ad hoc подобные соображения. Поскольку известно, что такие посольства пользовались в Риме гостеприимством знатных патронов и получали от них советы (как, например, аллоброги в 63 г.: Sall. Cat., 41, 4), то напрашивается предположение, что за их речами стояли желания и намерения римских политиков.

§ 8. Трудности во время воинского набора

Нового консула должны были сопровождать и новые войска — для усиления тех, что уже стояли в Испании. Во время рекрутского набора, проходившего в Риме в начале 151 г., дошло до конфликтов и волнений. Как передают источники, сенатом, готовившимся энергично продолжать войну в Испании, овладело подлинное воодушевление (Polyb., XXXV,

3, 8-4, 1). Иные чувства обуревали народ (Polyb., XXXV. 4. 1-3: 6). Такого страха, какой испытывали перед военной службой в Испании, не могли припомнить, причем он охватил не только простых граждан, но и молодых нобилей, которые должны были занимать посты легатов и военных трибунов и для которых это являлось одним из условий последующей политической карьеры, но они уклонялись от набора под любыми возможными предлогами (Polyb., XXXV, 4, 4-7; Liv., per. 48: Oros., IV, 21, 1). В этой ситуации следует видеть результат всего того, о чем официально и неофициально сообщали, рассказывали, дискутировали в Риме по поводу испанской войны с конца 153 г. и, особенно, с середины 152 г. Даже теперь, по прошествии примерно года, в общественном мнении давали себя знать истинные последствия понесенного Нобилиором поражения. Известия о событиях в Испании, одно хуже другого, проникали в Рим тремя разными путями. Поначалу даже для высших кругов основным источником являлись сообщения Нобилиора и его штаба после их возвращения (Polyb., XXXV. 4, 2) как официальные для сената, так и другие, более подробные в иных подходящих случаях. Нобилиор и его окружение были заинтересованы в том, чтобы изображать ситуацию как можно в более мрачном свете, чтобы оправдаться самим. Вероятно, немного позднее в Италию и Рим вернулись, как и сам полководец, те, кто из-за ран и лишений оказались негодны к дальнейшей службе в Испании. В их рассказах также должны были поеувеличиваться темные стороны войны. Суть их сводилась к следующему: «непрерывные и опасные сражения, огромные потери, отважный противник» (Polyb., XXXV, 4, 2). Эти известия, исходившие от обычных солдат, на которых к тому же еще лежала печать перенесенных страданий, прежде всего влияли на простых же людей и явились главной причиной панического страха перед войной в Испании 113. Если для этого еще требовались какие-то причины, то таковыми стали описанные выше дебаты в сенате. Обе стороны соглашались в

¹¹³ О психологической атмосфере во время этой «колониальной» войны см.: De Sanctis C. Storia dei Romani. Vol. IV. Pt. 1. P. 471.

том, что речь идет об опасной, тяжелой войне. Мнения расходились лишь в вопросе о дальнейших действиях. Кроме того, в высшей степени неблагоприятное впечатление должны были производить упреки в малодушии такого испытанного полководца, как Марцелл. Таким образом, все способствовало тому, чтобы еще только усилить панику в Риме.

К этому добавились и другие факторы, затруднявшие воинский набор. Осуществлявших его консулов¹¹⁴ обвиняли в том, что они проводят его пристрастно и некоторым людям назначают более легкие места службы (Арр. Iber., 49, 209). Народные трибуны приняли участие в этом конфликте. Поскольку их возражения не имели успеха, они, недолго думая, арестовали консулов (Liv., рег. 48). Были ли люди, за которых они заступились, лишь их друзьями, как считал Ливий, или трибуны применили силу в защиту действительно несправедливо обиженных людей, решить трудно. Однако тот факт, что конфликт мог быть разрешен, вопреки прежнему обычаю, лишь переходом на жеребьевку при назначении рекрутов на определенный театр военных действий, заставляет предполагать второе¹¹⁵. Это обеспечило беспристрастное проведение набора и восстановило спокойствие.

Что же касается аристократической молодежи, то ее настроение изменило другое — личный пример молодого Сципиона Эмилиана, который посрамил и увлек за собой других нобилей¹¹⁶. Он добровольно предоставил себя в распоряжение

¹¹⁴ Консулы проводили набор (Liv., рег. 48) явно еще до распределения провинций, поскольку Сципион соглашался отправляться в Испанию вместе «с консулами» (Polyb., XXXV, 4, 9).

¹¹⁵ Арр. Iber., 49, 209. На это указывает также описание подобного случая в 169 г. у Ливия: consules ambitiosi (XLIII, 14). Это очень хорошо согласуется с поведением Лукулла в Испании (Арр. Iber., 51, 215—233; 59, 247—248), то же можно сказать и о поведении его в более поэдний период (Dio Cass., XXII, 76, 2). Поэтому восхваление строгости и неподкупности консулов в 48-й периохе Ливия не заслуживает большого доверия.

¹¹⁶ См. также у К. Бильца (*Bilz K*. Die Politik des P. Cornelius Scipio Aemilianus. S. 53).

консулам для службы в Испании, хотя за ним прислали македоняне, прося сына Эмилия Павла прибыть в их края, что было для него намного безопаснее (Polyb., XXXV, 4, 8—14; Oros., IV, 21, 1). И его брат Квинт Фабий Максим Эмилиан также, по-видимому, вызвался тогда принять участие в испанской войне (Plut. Apopht. Scip. Min., 10). Самого́ Сципиона консул Лукулл назначил своим легатом¹¹⁷. Выступление консула с войском вследствие многочисленных трудностей состоялось, очевидно, позже, чем обычно, по-видимому, в апреле. До конца мая во внутренней Испании он не появился.

§ 9. Вторая кампания Марцелла и заключение мира с кельтиберами

Таким образом, у Марцелла еще оставалось время, чтобы провести вторую кампанию против кельтиберов. Переговоры с представителем враждебных Риму общин, как кажется, по-казали, что он хочет действовать в соответствии с собственными намерениями и вновь добиваться этого двояким путем: с помощью боевых операций и дипломатических усилий. Правда, на него сильно давил фактор времени, поскольку с прибытием Лукулла он должен был передать ему командование 118. Поэтому он продолжал вести переговоры даже в тот момент, когда его войско выступило по направлению к Нуманции. Когда он построил свой лагерь в пяти стадиях от Нуманции,

 $^{^{117}}$ Арр. Iber., 49, 210; Auct. de vir. Ill., 58; Polyb., XXXV, 4, 9: «или трибуна, или легата (εἴτε χιλίαρχον εἴτε πρεσβευτήν)». § 14 указывает скорее на второе. Согласно Ливию (рег. 48), Сципион был военным трибуном. Свидетельства источников расходятся между собой, ср.: Meyer Ernst. Römischer Staat uns Staatsgedanke. Zürich, 1948. S. 169–197; Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 347. Anm. 10.

¹¹⁸ Арр. Iber., 50, 212. А. Шультен предполагает, что Марцелл в марте 151 г. выступил из Кордубы и в апреле, примерно 30 дней спустя, появился перед Нуманцией (*Schulten A*. Geschichte von Numantia. S. 54).

в то время как 5000 ареваков укрепились в Нертобриге, это было воспринято в римской традиции последующего времени как результат предварительного сговора 119. Насколько можно судить. Марцела тем не менее разбил нумантинцев перед гооодом и загнал их за пределы стен (отрывок 50, 213 «Иберийской книги» Аппиана не вполне ясен, и Фирек предполагает там лакуну. Однако то, что выпало из текста, могло относиться, судя по дальнейшему рассказу, лишь к поражению кельтиберов). Тогда вождь нумантинцев Литеннон обратился к Марцеллу и сообщил ему, что ареваки, беллы и титты решили передать себя во власть Марцелла (Арр. Iber., 50, 213— 214). Очевидно, переговоры продвинулись тогда настолько, что заключение подобного мира могло состояться в любой момент. Весной 151 г. обе стороны попытались по возможности добиться преимущества. При этом усилия Марцелла увенчались успехом¹²⁰. Римский полководец принял капитуляцию врагов, что должно было носить форму deditio (App. Iber., 50, 214; ср. 79, 340). Он, надо думать, восстановил прежнее положение, а именно порядок, соответствовавший условиям Гракхова договора. Это означало, что беллы и титты возвращались в состояние зависимости, в котором находились раньше, и были обязаны поставлять вспомогательные войска и платить трибут (как следует из: Арр. Iber., 63, 268),

¹¹⁹ Арр. Iber., 50, 213. А. Шультен идентифицирует этот лагерь с наиболее древним из трех находившихся на холме Кастильехо лагерей (1 км к северу от Нуманции, примерно столько, сколько указано Аппианом в Iber., 50, 213 (*Schulten A.* Numantia. Bd. I. S. 347; см.: Numantia. Bd. III. S. 167–181).

¹²⁰ История снова и снова являет нам примеры чередования переговоров и сражений: в 63 г. н. э. Гней Домиций Корбулон ведет переговоры с Тиридатом и в то же время, чтобы придать вес своим требованиям, опустошает часть Армении (Тас. Ann., XV, 27); в 1667 г. адмирал де Рейтер уничтожает английские корабли во время мирных переговоров; в 1952—1953 гг. во время месячных переговоров о перемирии не прекращаются ведущиеся, пусть и с меньшей силой, бои на корейском фронте.

что представляло собой менее благоприятное по сравнению со 154 г. положение. О Сегеде речи не шло. Проект построения вокруг нее стены потерпел полный и окончательный провал. Аревакам же Марцелл, напротив, сохранил свободу (Аппиан (Iber., 50, 214) суммирует: «сделал всех свободными», что могло касаться в лучшем случае ареваков, см. выше. с. 30). Кроме того, бывшие враги должны были уплатить уже ранее предлагавшуюся ими контрибуцию (Polyb., XXXV. 2, 15; App. Iber., 48, 205; 50, 214), которая определялась в довольно значительную сумму в 600 талантов 121. И это произошло, очевидно, еще до отбытия Марцелла из Испании. Хотя у нас нет конкретной информации, мы можем предполагать, что на сей раз он сумел убедить друзей Рима в Кельтибеони в поавильности своих действий. Удалось ему это и в Риме. Сразу после возвращения в Рим он, надо полагать. стал добиваться признания проведенных им в Испании мероприятий (Liv., per. 48). При этом наверняка сыграло свою роль как то обстоятельство, что формально речь шла о deditio, так и испанские деньги¹²². Теперь война в Кельтиберии затихла до 143 г. 123 Сам Марцелл, несмотоя на все недоброжелательство врагов, достиг вершины жизненного пути. Вскоре после возвращения в Италию он воздвиг три статун, которые изображали деда, отца и его самого. На них красовалась гордая надпись: «Три Марцелла, бывшие консулами девятикратно» (tres Marcelli novies consules) (Ascon. Piso.

¹²¹ Страбон (III, 4, 13, р. 162), по данным Посейдония (FGrHist, 87, 51). В эту сумму, возможно, входили 30 талантов, возложенных на Окилис (Арр. Iber., 48, 199). Этолийцы считали требование уплаты контрибуции в 1000 талантов неприемлемым (Liv., XXXVII, 1, 5–6). [См. также: Polyb., XXI, 3, 4; 4, 13; 5, 4. — Примеч. перев.] 122 Schulten A. Geschichte von Numantia. S. 56.

¹²³ Аппиан (Iber., 66, 279) четко датирует возобновление войны 143 г.; однако, судя по *Iber.*, 63, 265, известны столкновения в Ближней Испании и до этого момента. При этом речь может идти о действиях лузитан, которые подробно изложены в другом месте. Преданность кельтиберов римлянам доказывает их участие в борьбе против Вириата (Арр. Iber., 63, 268).

 ρ . 11). В 148 г., совершая путешествие в составе посольства, Марцелл погиб во время бури (Liv., per. 50; Ep. Oxyrh. 50, Z. 121—122, с важными дополнениями).

§ 10. Война Луция Лициния Лукулла против ваккеев: Каука, Интеркатия, Палантия

В 151 г. сложилась очень странная ситуация, обусловленная большой удаленностью центра римской политики в Риме от театра военных действий в Испании. Когда Лукулл со своим сколоченным с таким трудом войском появился в Испании (вероятно, в Тарраконе) 124, война в Кельтиберии закончилась, о чем Лукулл, однако, не имел возможности своевременно узнать, тем более что отношения между ним и его предшественником были, видимо, натянутыми. Так или иначе, Лукулл и его армия держали путь к театру военных действий. Причем они двигались иным путем, чем тот, по которому до него направлялись Нобилиор и Марцелл во время своей первой кампании. Лукулл шел вдоль побережья и затем через долину Хукара к новокастильскому плоскогорью 125. При этом трудно

¹²⁴ По другому мнению, Лукулл высадился в Картахене (*Pareti L*. Storia di Roma e del mondo Romano. Vol. III. Torino, 1953. P. 234).

¹²⁵ Первыми остановочными пунктами во время этого марша, которые упоминает Аппиан, были переправа через Тахо (Iber., 51, 216) и Каука (51, 216–52, 220). Из этого совершенно определенно следует, что Лукулл держал свой путь в эти края через Карпетанию (он утверждал, будто явился защищать карпетанов — Арр. Iber., 51, 216). А. Шультен предполагает, что при этом его армия проходила через Кордубу (FHA. IV. Р. 25 и карта I в кн.: Kromayer J., Veith G. Schlachtenatlas zur antiken Kriegsgeschichte. Römische Abteilung. Bl. 12). Однако Марцелл покинул ее еще в марте 151 г., и потому Лукулл никак не мог застать там своего предшественника. С другой стороны, он был чрезвычайно заинтересован в том, чтобы взять ведение войны в свои руки, а потому путь через Кордубу представляется, на мой взгляд, маловероятным. В качестве наиболее подходящего маршрута от южного побережья в Карпетанию

решить, что явилось тому причиной: либо он, плохо информированный о событиях во внутренних районах Испании, первоначально намеревался вызвать на соединение войско Марцелла из его зимнего лагеря в Дальней Испании, либо Лукулл очководствовался иной стратегической концепцией — вести наступление против кельтиберов из Карпетании и по возможности избежать таким образом трудностей в предгорьях, как то сделал Марцелл во вторую кампанию. Также сложно сказать, где Лукулл получил сообщение о том, что война, для продолжения которой его направили, уже завершилась, и где и когда ему пришлось принимать новые решения. Не упоминается определенно о принятии им командования над легионами Марцелла, поскольку силами, которыми обладал Лукулл, предполагалось лишь пополнить находившуюся в Испании армию, да и позднее он имел в своем распоряжении, очевидно, отнюдь не малочисленное войско 126. О месте и обстоятельствах передачи командования ничего не известно. Думается, что это место нужно искать не очень далеко от того пункта, где легионы Лукулла совершили переправу через Тахо, которая произошла в районе Толедо или чуть восточнее его 127.

напрашивается маршрут через долину Хукара — путь через долину Халона исключается из-за невозможной в это время переправы через Тахо. Таким образом, Лукулл двигался, по-видимому, тем путем, который использовал, согласно $\vec{\Pi}$. Кромайеру и Γ . Файту (Loc. cit.), Квинт Фульвий Флакк в 181 г.

¹²⁶ О численности его войск трудно сказать что-либо определенное. С одной стороны, учитывая сложности, которыми сопровождался воинский набор, контингент, присланный для усиления, не мог быть значительным. С другой стороны, весьма удачливый Марцелл вряд ли понес большие потери; наиболее вероятной представляется цифра в 30 000 человек.

¹²⁷ Согласно А. Шультену (Kromayer J., Veith G. Schlachtenatlas zur antiken Kriegsgeschichte. Römische Abteilung. Bl. 12), местом переправы был Толет. На мой взгляд, упоминание об этом у Аппиана (Iber., 51, 216) предполагает определенные трудности при переправе, поскольку речь идет, вероятно, о том участке реки, где она глубоко прорезает новокастильское плоскогорье.

Война закончилась, однако оказалось, что предпринятая ради нее мобилизация приобретает в известной степени самодовлеющее значение. Благодаря ей Лукулл стал обладателем инструмента, с помощью которого мог добиваться собственных целей. При этом он руководствовался жаждой славы и богатства 128. В ваккеях он нашел подходящего противника, оправдывая свои действия с помощью явно лживого утверждения, будто ваккеи нападают на подвластных Риму карпетанов (Арр. Iber., 51, 216).

В войске Лукулла молодой Сципион Эмилиан, несомненно, пользовался большим влиянием, чем то обычно подобало легату, но ведь благодаря ему у Лукулла оказалось достаточное число офицеров. Его поведение нельзя рассматривать как дружеский поступок по отношению к консулу — когда он изъявил согласие отправиться в Испанию, вопрос о распределении провинций не был еще решен (Polyb., XXXV, 4, 9), их

¹²⁸ App. Iber., 51, 215; 54, 230; 60, 255. Изложение Аппиана, бесспорно, носит недоброжелательный по отношению к Лукуллу характер, восходя к Полибию, который, как уже давно предполагают ученые, особенно активно использовался в данном разделе (Schulten A. Numantia, Bd. I. S. 349: Münzer F. Licinius, So. 373-375: Bilz K. Die Politik des P. Cornelius Scipio Aemilianus. S. 57). Признаком интереса к ваккейской войне — ведь в ней участвовал Сципион Эмилиан, а Полибий, возможно, сопровождал его (Celzer M. Über die Arbeitsweise des Polybios. S. 15; Walbank F. A Historical Commentary on Polybius, Vol. I. Oxford, 1957, P. 4) — является упоминание ваккеев наряду с кельтиберами во втором проэмии (Polyb., III, 5, 1), тогда как о лузитанах вопреки ожиданию не говорится. Ливий пишет о Лукулле явно благосклонно по крайней мере, там, где заходит речь о событиях его кампании (Liv., per. 48; ср.: Flor., I, 33, 11 = II, 17, 11), хотя не исключено и упрощение по вине эпитоматоров (о соотношении Ер. Oxyrh. 39, Z. 41-42 H Liv., XXXIX, 21, 9-10; CM.: Kornemann E. Die neue Livius-Epitome aus Oxyrhinchus. Berlin, 1904. S. 42). B ocтальном же нет ничего, что могло бы скорректировать изложение Аппиана, а потому, как я думаю, оно заслуживает доверия (Dio Cass., XXII, 76, 2 и Strabo, VIII, 6, 23, fr. 381 лишь подтверждают нарисованную им картину).

намерения совершенно не совпадали (в случае с Каукой см.: Арр. Iber., 89, 386; см. намек в рассказе об осаде Палантии 55, 231). Напротив, Сципион руководствовался стремлением обрести славу благодаря собственному мужеству и сознанием долга перед отечеством (Polyb., XXXV, 4, 8 и 12; ср.: XXXI, 29). Вряд ли будет слишком смелым предположить, что отношения между консулом и легатом не были близкими (возможно, что изложение Аппиана здесь в значительной степени восходит к Полибию). Возможно, отчасти именно этим можно объяснить отсутствие Сципиона во время первой фазы кампании Лукулла. Лукулл отправил своего легата в Африку, а в это время консул совершал в Испании поступки, которые, как оказалось позднее, Сципион не одобрял 129. Напра-

¹²⁹ Как год, так и время года остаются спорными. Согласно Валерию Максиму (II, 10, 4; V, 2, ext. 4), Сципион в год консульства Лукулла находился в Африке, по данным же Аппиана (Lib., 71, 322), он был там, когда Лукулл вел войну с кельтиберами (ваккеи именуются у Аппиана кельтиберским племенем также в: Iber., 51, 215 и 54, 230). В обоих случаях речь идет о 151 г. Эти указания можно постараться увязать с возрастом Массиниссы: по Аппиану (Lib., 71, 323), ко времени путешествия Сципнона в Африку ему было 88 лет, а умер нумидийский царь в возрасте девяноста лет (Lib., 106, 500). видимо, в консульство Мания Манилия (т. е. в 149 г.). Однако если вместе с Ф. Мюнцером и Эд. Шварцем на основании Val. Max., V, 2, ext. 4 («во время проконсульства Мания Манилия» — М. Маnilio pro consule) и Ер. Охугн. 50, Z. 118-119 безусловно принять за дату смерти Массиниссы 148 год, то отсюда следует, что слова Аппиана о девяноста годах надо рассматривать как округление, тем более что эпитоматор Ливия (рег. 50) пишет: «Масинисса... умер в возрасте более девяноста лет (Masinissa... maior nonaginta annis decessit)». В пользу датировки путешествия Сципиона 151 г. говорит и еще одно обстоятельство: нет никаких оснований предполагать, что по истечении срока своих полномочий Лукулл стал бы вызывать нумидийские вспомогательные войска. О продлении ему командования ничего не сообщается: это кажется мне, если отказаться от того. что было неслыханным новшеством для Испании, совершенно невероятным (т. е. пророгация полномочий консулу, см. выше, с. 67-68) исходя из App. Iber., 55, 233, несмотря на двусмысленность этого

шивается мысль, что Лукулл, давая поручение Сципиону, котел таким образом на длительное время избавиться от неудобного подчиненного. Сципион должен был получить у нумидийского царя Массиниссы слонов и вспомогательные войска для кельтиберской войны Лукулла. Поскольку он не слишком поздно вновь оказался в Испании, не исключено, что легат направился в Африку непосредственно из Рима. Отчасти поручение, данное Сципиону, обусловливалось тем обстоятельством, что благодаря приемному деду, Сципиону Африканскому Старшему, ему была обеспечена хорошая встреча у Массиниссы (Val. Max., V, 2, ext. 4; напрашивается параллель между его поездкой и посещением Сифакса старшим

места. Поэтому я вместе с В. Ине и А. Шультеном (Ihne W. Römische Geschichte. Bd. III. S. 281; Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 351. Anm. 4) с уверенностью отношу поездку Сципиона в Африку к 151 г. — вопреки мнению, высказанному в ряде работ (Nissen H. Die Ökonomie der Geschichte des Polybios // Reinisches Museum für Philologie. Bd. 26. S. 271; Münzer F.: 1) Cornelius. So. 1443; 2) Licinius. Sp. 374; Lincke E. P. Cornelius Scipio Aemilianus. Dresden, 1898. S. 12; Bilz K. Die Politik des P. Cornelius Scioio Aemilianus. S. 27; Csell S. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. T. III. P. 311. Not. 2: Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. I. Р. 456-457). Присутствие Сципиона бесспорно зафиксировано лишь при осаде Интеркатии (см. ниже, App. Iber., 53-54), среднего из трех известных нам пунктов, где имели место стоянки во время похода. А. Шультен предполагает, что путешествие Сципиона состоялось после осады Интеркатии и датирует его весной 151 г., поскольку тот именно в это время года находился в Африке (App. Lib., 71, 323), Однако тогда не остается времени для взятия Кауки и второй кампании Марцелла. Поэтому поездка произошла скорее до осады Интеркатии, причем 0 гроз весьма растяжимое понятие по отнощению к жителям внутреннего Туниса. Перед осадой Сципион возвратился в войско консула, возможно, после событий в Кауке, так что все соображения за и против отпадают (ср.: Schulten A. Numantia, Bd. I. S. 350: De Sanctis G. Storia dei Romani. Vol. IV. Pt. 1. P. 478 e not. 215; Bilz K. Die Politik des P. Cornelius Scipio Aemilianus. S. 57-58). То, что Сципион не одобрял образ действий Лукулла, проявилось позднее: Арр. Iber., 89. 386.

Сципионом: Liv., XXXVIII, 17, 11—18). Поэтому его миссия закончилась вполне успешно. Сципион прибыл столь удачно, что смог стать свидетелем крупного сражения между Массиниссой и карфагенянами. По просьбе карфагенян он попытался выступить в качестве посредника — правда, безуспешно (Арр. Lib., 72, 327—329). Массинисса, несмотря на войну с карфагенянами, дал ему слонов и вспомогательные отряды — видимо, опять всадников, — о которых тот просил¹³⁰. Об их участии в боевых действиях в Испании мы на этот раз, однако, ничего не слышим (но в 141 и 134 гг. их использовали вновь).

Между тем Лукулл начал самовольные операции против ваккеев, не имея ни правового обоснования, ни санкции сената (Арр. Iber., 51, 215; 59, 247¹³¹; согласно 55, 232 даже «вопреки воле римлян», но сие лишь вариант выражения). Как носитель империя, он уже в силу одного этого имел право вести военные действия против народов, с которыми римляне не состояли в правовых отношениях¹³². Согласие сената с после-

¹³⁰ Слоны: Арр. Iber., 76, 322; 77, 330. Вспомогательные войска (с сильными преувеличениями): Val. Max., V, 2, ехt. 4. Речь явно идет о контингенте, предоставленном в соответствии с договором (так см. у А. Шультена: Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 343. Anm. 4) и состоявшем из всадников и слонов. Мы слышим о нем в 153 г.: 300 всадников и 10 слонов (Арр. Iber., 46, 189); 151 г.: вспомогательные отряды и слоны; 142/141 г.: слоны (Val. Max., IX, 3, 7; очень подозрительное место, см. ниже о Квинте Помпее, гл. III, § 8); 141 г. (Ніѕрапіа Ulterіог): 300 всадников и 10 слонов (Арр. Iber., 67, 284—285); 134 г.: всадники, лучники, пращники и 12 слонов (Арр. Iber., 89, 387; Sall. Iug., 7, 2).

¹³¹ Следы пребывания армии Лукулла прослеживаются археологами в третьем слое Тарьего де Серрато (Curchin L. Romain Spain. Conquest and Assimilation. London etc., 1991. Р. 35). — Примеч. перев.

¹³² См.: Meyer Ernst. Römischer Staat uns Staatsgedanke. S. 121; De Sanctis G. Storia dei Romani. Vol. IV. Pt. 1. P. 476. Сведения об отношениях между римлянами и ваккеями в 153—133 гг. нелегко привести к общему знаменателю. Видимо, противоречия объясняются, с одной стороны, тем, что ваккеи не образовывали единого

дующими действиями соответствующего должностного лица больше зависело от его auctoritas, чем от его компетентности. Первым городом ваккеев, к которому подошел Лукулл, была Каука¹³³, нынешняя Кока в провинции Сеговия между реками Эресма и Вольтойя. На площади 7 га могло обитать 5000—10 000 жителей. На вопрос ваккеев о причинах войны Лукулл

политического целого, и потому с различными частями племени одновременно могли быть разные отношения, но, с другой стороны оеакцией на превышение власти римскими военачальниками, котоорое исходило не от сената. Официальная римская политика, как представляется, скорее стремилась к добрым отношениям с ваккеями. Так, Нобилнор пытался, и не совсем безуспешно, использовать их как союзников в борьбе против Нуманции (App. Iber., 47, 195; см. выше, с. 53). Самоуправство Лукулла подчеркивается особо. В 146 г. жители Сеговии проявили себя как верные союзники Рима в борьбе против Вириата (Frontin., IV, 5, 22). Об упоминании ваккеев в Арр. Iber., 76, 322 см. ниже в связи с Метеллом Македонским, гл. III, § 1. В 137 г. были заключены договоры с ними (Арр. lber., 80, 350); весть о том, будто они идут на помощь Нуманции, характеризуется как ложная (80, 346), обвинение в том, будто они помогали нумантинцам продовольствием — как клевета. В 137 г. сенат запретил, хотя и безуспешно, нападение на них (81, 351). Нападение Эмилия Лепида на Палантию (80, 349-82, 357), естественно, омрачило отношения, однако Лепид подвергся штрафу (83, 358). Поэтому не удивляет стычка, происшедшая при Квинте Кальпурнии Пизоне в 135 г. Так что и Сципион Эмилиан должен был в целом враждебно относиться к ваккеям в 134-133 гг., не сумев покорить их (App. Iber., 87, 380-88, 385; кроме того, см. ниже, гл. IV, § 9; там же см. об упоминании ваккеев: Liv., рег. 57). Это, впрочем, не помещало ему сделать дружественный жест в отношении Кауки (Арр. Iber., 89, 386). Так что у А. Шультена есть все основания, резюмируя изложенное, утверждать: «Настоящего покорения ваккеев, как представляется, не произошло, поскольку у них в римских слоях отсутствуют монеты с иберийскими легендами, а их города существовали и позднее, тогда как Нуманция была стерта с лица земли» (Schulten A. Vaccaei // RE. 2. Reihe. Hbbd. 14. 2. Hlf. 1948. Sp. 2035).

133 Cm.: Hübner E. Cauca // RE. Bd. III. Sp. 1800-1801; Menéndez Pidal R. Historia de España. T. II. P. 112-113.

утверждал, будто хочет лишь оказать помощь карпетанам¹³⁴, терпящим урон от нападений ваккеев. Римское войско разбило лагерь перед городом, жители же Кауки укрылись за стенами (Арр. Iber., 51, 216). Еще когда римляне приближались сюда, видимо, часть боеспособного мужского населения округи, а также многие женщины и дети бежали в город¹³⁵, другие же, очевидно, укрылись в труднодоступной местности (как, несомненно, и в 134 г.: Арр. Iber., 89, 386).

Положение римлян имело свои минусы. Им приходилось отправляться из их лагеря перед городом за дровами для костров и фуражом для лошадей, неся при этом ощутимый урон от нападений со стороны местных жителей¹³⁶. Римляне потеряли

¹³⁴ После сражений с претором Марком Фульвием Нобилиором (в 193 и 192 гг., завоевание Толета: Liv., XXXV, 7, 8; 22, 6–8) и Луцием Квинкцием Криспином, а позднее и Луцием Кальпурнием Пизоном (в 185 г.: Liv., XXXIX, 30–31), карпетаны могли считаться покоренными (см.: Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 324–326; Götzfried K. Annalen der Römischen Provinzen beider Spanien... S. 61 ff., 79 ff.). Учитывая данные Аппиана и Фронтина, мы считаем невероятным предположение Э. Хюбнера о том, что карпетаны даже после падения Нуманции еще совершенно не были завоеваны (см.: Hübner E. Carpetani // RE. Bd. III. Sp. 1607).

¹³⁵ С цифровыми данными Аппиана многое неясно: в Iber., 51, 217; 52, 220 речь идет о 23 000 боеспособных мужчин. Это дало бы общую численность населения в 92 000 человек (по методу А. Шультена см.: Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 145; по К. Ю. Белоху получилось бы 69 000, см.: Beloch K. J. Bevölkerung der griechischen und römischen Welt. Leipzig, 1886. S. 53). Если считать Кауку крепостью для защиты населения округи, то вся эта толпа, включая скот, имевшийся в Интеркатии (Арр. Iber., 54, 229), должна была как-то поместиться на ее территории. В обоих случаях цифры представляются слишком высокими.

¹³⁶ Заготовка дров и фуража, а также реквизиции зерна в Испании всегда были сопряжены с большими опасностями. Малоизвестные, лишенные хороших дорог, зачастую покрытые лесами (Schulten A.: 1) Numantia. Bd. I. S. 147, 165 ff.; 2) Numantia // RE. Hbbd. 33. Sp. 1255) местности были чрезвычайно удобны для противника. Другие примеры: в 145 г. при Фабии Эмилиане (Арр. Iber.,

много людей убитыми и, преследуемые врагами, были вынужлены отступить в лагерь (Арр. Iber., 51, 216). Когда же они вступили с жителями Кауки в правильное сражение, испанцы стали одолевать их и отступили лишь после того, как у них кончились стрелы. Во время отхода римляне нанесли удар, и в оезультате образовавшейся у ворот давки каукийцы понесли большие потери — 3000 из них остались на поле боя (51, 217). На следующий день к Лукуллу явились старейшины обпины и споосили об условиях миоа. Римский военачальник потребовал, помимо заложников, 100 талантов серебра. Кроме того, каукийцы должны были предоставить римлянам всадников для несения военной службы (52, 218). Когда тоебования Лукулла были выполнены, он заявил, что испанцы должны принять в свой город гарнизон. Они согласились и на это. Каукийцы и не подозревали, что у Лукулла на уме. Тот же сразу направил 2000 отборных солдат на городские стены, а затем повел остальное войско в город. По сигналу трубы началось истребление боеспособных мужчин. Жители совершенно ничего не подозревали, и хорошо укрепленный город оказался в руках римлян (52, 219). Каукийцы проклинали врагов за их вероломство и призывали богов в свидетели этого злодеяния; «имя римлян было покрыто позором» (52, 220). Лишь немногие смогли спастись через дальние ворота¹³⁷. Завершилось все это разграблением города (Loc. cit.). Неясной, однако, остается судьба находившихся в римском лагере всадников из Кауки.

^{65, 275);} не считая своего брата Сципиона, он был единственным военачальником, который сумел принять эффективные меры для защиты фуражиров (65, 277); в 140 г. при Помпее (78, 333 и 337) при этом, согласно Аппиану (78, 337) и Орозию (V, 4, 13), погибло много знатных римлян; равным образом и в 140 г. при Квинте Цепионе (Dio Cass., XXII, 78); в 136 г. при Эмилии Лепиде (Арр. Iber., 81, 353—354); в 134 г. при Сципионе Эмилиане (87, 377—88, 384).

¹³⁷ Арр. Iber., 52, 220. Выражение ката πύλας αποκρήμνους означает, по-видимому, «ворота, расположенные в обрывистом месте». То, что погибли не все каукийцы, следует из Аппиана (Iber., 89, 386).

В свете дальнейших действий римлян трудно объяснить и само тоебование о поедоставлении конницы. Если Лукулл уже тогда планировал поступить с городом так, как поступил, то можно рассматривать это требование как предупредительную меру, призванную оставить Кауку без защиты. Не исключено также, что Лукула решил устроить резню лишь после немедленного выполнения его первых требований. Когда же после ужасных событий в Кауке использовать эти вспомогательные войска стало невозможно, не исключено, что всадники разделили судьбу своих сограждан. Не сообщается, были ли проданы в рабство уцелевшие жители, однако это вероятно 138. Можно ли считать, что происшедшее укладывается в рамки deditio и потому оправданно по римским понятиям? 139 Учитывая, что в другом месте образ действий Лукулла был однозначно оценен как наоущение договора (App. Iber., 89, 386). на этот вопрос нужно ответить отрицательно.

При дальнейшем продвижении по землям ваккеев Лукулл пожинал плоды своего поведения в Кауке: обычно население покидало жилища на равнине и уходило частью в укрепленные города, частью в недоступные горные местности. То имущество, которое нельзя было унести, они сжигали, чтобы оно не могло попасть в руки Лукулла (Арр. Iber., 52, 221). Лукулл, в свою очередь, также разорял все вокруг. Пока тот шел к Ин-

¹³⁸ Применительно к событиям 154—133 гг. соответствующие примеры дает прежде всего война с лузитанами (вероятно, римляне однозначно рассматривали пленных как людей, предназначенных для обращения в рабство): в 150 г. Лукулл против лузитан (Арр. Iber., 59, 248), а также Гальба (Val. Max., IX, 6, 2; Liv., рег. 49); в 141 г. Помпей в Эдетании (Арр. Iber., 77, 330—331) и Фабий Сервилиан против лузитан (Арр. Iber., 68, 291); в 138 г. Децим Брут в Лузитании (Vell. Pat., II, 5, 1; кроме того, неоднократно упоминаются смерть в сражении и самоубийство, на которые шли испанцы, чтобы избежать рабства: Арр. Iber., 73, 303; 74, 305—306; Diod., XXXIV—XXXV, 4, 1—2); в 133 г. Сципион Эмилиан после завоевания Нуманции (Арр. Iber., 98, 424).

¹³⁹ Так считает Г. Де Санктис (De Sanctis G. Storia dei Romani. Vol. IV. Pt. 1. P. 478–479).

теркатии, значительная часть его пути вела через покинутые коая (53, 222). Интеркатия лежала в местности близ Вильяльпандо на границе между нынешними провинциями Самооа и Вальядолид, примерно в 120 км от Кауки¹⁴⁰. О соотношении сил обеих сторон судить трудно. В Интеркатии должны были собраться более 20 000 пеших и 2000 конных испанских воинов (Loc. cit.). В отношении римлян можно предполагать. что Лукулл не начал бы осаду, если бы не обладал численным перевесом (да и сами осажденные не приняли боя: 53, 223). Подкрепление извне показывает, что в Интеркатии учитывали возможность римского наступления, а ответ, который они позднее дали Лукуллу, свидетельствует об их информированности о предшествующих событиях. Лукулл оказался настолько неразумным, что в Интеркатии, как и в Кауке, предложил заключить договор. На это жители, попрекая его событиями в Кауке, насмещливо спросили, такой ли договор он предлагает, какой заключил с этим городом 141. В результате переговоры закончились, и Лукулл подверг опустошению окрестности Интеркатии, полностью блокировал город своими войсками и начал подводить к его стенам насыпи¹⁴². Тем самым он сделал невозможным для Интеркатии проникновение пытавшихся пробиться туда провиантских отрядов (54, 226; точное время появления римлян определить правильно в Интеркатии явно не смогли). Во время осадных работ часть войска Лукулл

¹⁴⁰ См.: Schulten A. Intercatia (1) // RE. Bd. IX. 1916. Sp. 1603. Как город ваккеев его также упоминают Полибий (XXXIV, 9, 13), Страбон (III, 4, 13, р. 162), Птолемей (II, 6, 49). Точное положение неизвестно (см.: Diccionario de Historia de España. T. II. 1952. P. 54. Автор статьи — А. Гарсиа-и-Бельидо). Поэтому критика приводимых Аппианом цифр с точки эрения топографии невозможна.

 $^{^{141}}$ Арр. Iber., 53, 222. У Аппиана или его источника налицо пси-хологическая рефлексия: «Как это всегда бывает с теми, кто поступил неправильно, Лукулл рассердился не на себя, а на тех, кто упрекал его» (53, 223. — Пер. С. П. Кондратьева).

 $^{^{142}}$ Арр. Iber., 53, 223 кώματα... πολλά, по-видимому, больше подходит к осадным насыпям (ср.: 54, 227), чем к блокирующему валу, хотя это слово может означать и то, и другое (см.: 90, 397).

постоянно держал в боевой готовности, чтобы при необходимости отразить нападение обороняющихся. Однако те уклонялись от крупного сражения и завязывали лишь стычки с пеоеловыми отоядами (53, 224). Осажденные расценивали свое положение не иначе как отчаянное. Один из их всадников все воемя выезжал на свободное пространство между городом и боевыми порядками римаян и вызывал любого из них на поединок. Среди тех долгое время не находилось никого, кто решился бы сразиться с ваккеем (Loc. cit.). Взвесив все за и поотив (Polyb., XXXV, 5, 1; fr. 6 BW), Сципион Эмилиан. о котором мы здесь слышим впервые, решился в конце концов на конный поединок¹⁴³. Победа Сципиона (Polyb., XXXV, 5. 2; fr. 18 BW; Vell. Pat., I, 12, 4; App. Iber., 53, 225), доставшаяся ему явно нелегко, произвела исключительное впечатление на ваоваров и заметно подняла настроение у римлян (Арр. Iber., 54, 226). После этого, однако, стали обращать на себя внимание (особенно по ночам) высланные ранее из Интеркатии всадники, находившиеся за внешней линией римских осалных сооружений, что внушало большой страх римлянам, несомненно, опасавшимся попытки прорыва (Арр. Iber., 54, 226-227). Возможно, помощь ваккеям из Интеркатии оказывали соседние с ними кантабры¹⁴⁴. Очевидно, эти блуждаюшие конные шайки поепятствовали снабжению оимлян (как под Каукой и Палантией: Арр. Iber., 51, 216; 55, 231; голод

¹⁴³ Об этом поединке рассказывается или упоминается: Polyb., XXXV, 5; Liv., рег. 48; Oros., IV, 21, 2; Flor., I, 33, 11 = II, 17, 11: неточно говорится о гех и spolia opima; Ampel., 22, 3; Vell. Pat., I, 12, 4; Plin. NH. XXXVII, 9; Auct. de vir. ill., 58, 2; App. Iber., 53, 224–226; Plut. Praec. ger. reip., 805 A. Полибий довольно подробно описывает его, насколько можно судить на основании четырех коротких фрагментов. К Polyb., XXXV, 5 A. Шультен обоснованно добавляет фрагменты 6 и 18 BW (FHA. IV. P. 28). Возможно, Полибий хотел показать, какие плоды принесли молодому Сципиону годы общения с ним (ср.: XXXII, 9–16).

¹⁴⁴ Так предполагает А. Шультен (FHA. IV. Р. 30). Не исключено, что с этими событиями связано упоминание кантабров у Ливия (рег. 48).

под Интеркатией: 54, 229). Хотя римляне могли продолжать блокаду и успешно вести осадные работы, их положение ухудпилось из-за того, что среди воинов распространились болезни, вызванные непривычным питанием. К этому добавилось переутомление от караульной службы перед городом и на внешней стороне линии блокады, а также от продолжавшихся осадных работ (Арр. Iber., 54, 227). Но наконец им удалось пробить брешь в городской стене. Римляне тотчас ворвались в Интеркатию через образовавшийся пролом (Loc. cit.), и первым из них был Сципион, награжденный за это «стенным» венком (corona muralis)¹⁴⁵. Теперь, в бою в стенном проломе, испанцы показали все свое мужество, отбросили вторгшегося противника и загнали его в водный резервуар (засушливость страны играет значительную роль у Аппиана также в: 88, 385), явно в пределах городской стены (по Аппиану (54, 228) — «из-за незнания места»), где большинство из ворвавшихся погибло. Ночью обороняющимся удалось заделать брешь в стене (Loc. cit.). Несмотря на это, они, не зная о том, какие трудности испытывают римляне, проявили готовность заключить договор, к чему их, по-видимому, прежде всего принуждал голод. Однако мирная инициатива исходила, вероятно, от римской стороны, где голод свирепствовал не менее. Сципион, которому ваккеи доверяли, поскольку знали его как храброго воина (по аналогичной причине нумантинцы испытывали доверие к Тиберию Гракху: Plut. Tib. Gr., 5, 5), заключил соглашение, прекратившее вражду на мягких для Интеркатии условиях, которые, по-видимому, были плодом усилий Сципиона Эмилиана. Эти условия гласили, что ваккеи должны выдать 10 000 военных плащей и определенное количество скота

¹⁴⁵ Liv., рег. 48; Auct. de vir. ill., 58,3; Val. Max., III, 2, 6; Vell. Pat., I, 12, 4. В последнем случае упоминается согопа muralis. Вместе с Ф. Мюнцером (Мйлгег F. Cornelius. Sp. 1442) я считаю эту традицию достоверной (вопреки А. Шультену: Schulten A. Bd. I. S. 351). Рассказ Аппиана представляет собой лишь выдержку. У Ливия применительно к этим событиям ошибочно говорится о «завоевании» Интеркатии (Liv., рег. 48).

(этот пункт трудно согласовать с упоминанием о голоде в городе), а также 50 заложников (Арр. Iber., 54, 229). Но золота и серебра, на которые был особенно падок Лукулл и ради которых он предпринял эту войну, римский командующий не получил. Как говорили, ни того, ни другого у интеркатийцев не было, да они и не слишком высоко их ставили¹⁴⁶.

Страсть полководца к деньгам побудила его к еще одной. последней операции римлян против ваккеев (Арр. Iber., 55, 231). Палантия, находившаяся в 80 км от Интеркатии, славилась выдающейся храбростью своих воинов. К тому же туда стеклось много людей 147. Несмотоя на это и на потери, которые понесли римляне (54, 227-229), Лукулл подступил со своим войском к городу и расположился там, хотя военный совет (consilium) отговаривал его от этого (55, 231). В конце концов, постоянные атаки палантийской конницы на провиантские отряды привели к тому, что нехватка продовольствия вынудила его решиться на отступление. Однако угроза от начавших преследование воажеских всадников была столь сильной. что войску пришлось двигаться, построившись в каре (таким же образом водил позднее свою армию Сципион: 86, 373). Лишь когда римляне достигли Дуэро, палантийцы оставили их и ночью ушли (55, 232; иначе говоря, только после 50 км преследования, т. е., как минимум, двух дневных переходов). Теперь наконец Лукулл мог. не опасаясь врагов, вести свое изрядно потрепанное войско в Турдетанию на зимние квартиры (55, 232; 59, 247). Обвинения в адрес Лукулла из-за совер-

¹⁴⁶ Арр. Iber., 54, 230. У Диодора (V, 34, 3) применительно к ваккеям говорится об аграрном коммунизме (Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 147). Однако в Кауке, несомненно, были благородные металлы (Арр. Iber., 52, 218), равно как и у кельтиберов (48, 199; Strabo, III, 4, 13, р. 162). Поэтому соответствующее указание относительно Интеркатии представляется мне не вполне заслуживающим доверия. Это, впрочем, не исключает, что Лукулл получил такой ответ.

¹⁴⁷ Арр. Iber., 55, 231, нынешняя Паленсия. По мнению А. Шультена, писалась с одной l (*Schulten A*. Numantia. Bd. I. S. 148. Anm. 12); это подтверждается, в частности, орфографией надписей.

шенного им поэднее не возымели в Риме действия¹⁴⁸. В 142 г. он посвятил Счастью (Felicitas) храм, что он поклялся сделать еще во время испанской кампании (Dio Cass., XXII, 76, 2; Strabo, VIII, 6, 23, р. 381; при этом он неподобающим образом воспользовался простодушием Луция Муммия).

§ 11. Поражение Сервия Сульпиция Гальбы в борьбе с лузитанами

Вместе с Лукуллом, расположившимся на зимние квартиры в Турдетании, мы вновь оказываемся в Дальней Испании. Прежде всего, надо рассказать о том, какие события произошли здесь в течение года. И в 151 г. в южную провинцию, как обычно, отправили претора. Все внимание в Риме в эту зиму было сосредоточено на обстановке в Кельтиберии. Новым претором был Сервий Сульпиций Гальба, человек выдающегося ораторского дарования (см.: Сіс. Вгит., 82)¹⁴⁹, впервые проявивший его после возвращения с Третьей Македонской войны (он участвовал в ней в качестве военного трибуна), когда подстрекал солдат против их командующего Луция Эмилия Павла, поскольку тот неудовлетворительно, с их точки зрения, разделил добычу (Liv., XLV, 35—39; Plut. Aem. Paul., 30—31). Вопрос о ней явно оказался в центре внимания в ходе войны.

В общем Гальба прибыл в Испанию вовремя, поскольку первые меры против вновь проявивших враждебность лузитан принял уже не его предшественник, Марк Атилий. Это было

 $^{^{148}}$ Арр. Iber., 55, 233. См. также: Menéndez Pidal R. Historia de España. Т. II. Р. 114 — 116 ; иначе у Ф. Мюнцера (Münzer F. Licinius. Sp. 374). кр $^{(\nu \in \nu)}$ можно понимать двояко: «обвинять» и «осуждать». Против первого варианта говорит, на мой взгляд, следующее: 1) Аппиан (Iber., 60, 255) указывает на различия в судьбе и характере Гальбы и Лукулла; 2) храм Felicitas; 3) благосклонный тон ливиевой эпитомы (Liv., per. 48).

¹⁴⁹ Cm.: Münzer F. Sulpicius (58) // RE. 2. Reihe. Hbbd. 7. 1931. Sp. 759—767.

сделано новым поетором. Пои этом он проявил такую удивительную энергию, что едва не добился успеха. По-видимому. подробные сообщения о подвергающихся вражеским атакам городах дошли до Гальбы в тот момент, когда он принял командование и уже проделал часть пути к театру военных действий. Как только Гальба узнал о том, где находятся воаги в данный момент, он поднял войско и настиг противника после 24-часового марша, преодолев будто бы 500 стадиев (примерно 90 км). Естественно, этот маош сильно измотал аомию, но. несмотоя на это, военачальник построил солдат для сражения (App. Iber., 58, 244). Ему в самом деле удалось одолеть врага, но здесь сумасбродный Гальба перегнул палку, приказав преследовать разбитого противника 150. Эта попытка оказалась настолько неудачной, что победа римлян превратилась в сокрушительное поражение: лузитаны, располагая, несмотря на серьезные потери, большими резервами, смогли собрать свои силы в кулак и перебили 7000 человек из преследовавшего их. но сильно утомленного войска Гальбы, а остатки обратили в бегство (58, 245). Гальба со всадниками смог бежать в Кармону (она, очевидно, находилась недалеко от места сражения). там же собрались и остатки его рассеявшегося войска (нынешняя Кармона находится восточнее Севильи, к югу от Бетиса) (58, 246; у Орозия без упоминания города — IV, 21, 3). 7000 погибших должны были составлять примерно половину его армии¹⁵¹. Вероятно, к этому времени он еще не успел получить подкрепление от туземных союзных общин. Во всяком случае поражение было столь тяжелым, что в этом году Гальба

¹⁵⁰ Аппиан называет его «неопытным в военном деле». То, что от войск требовалось пройти столь значительное расстояние (90 километров за 24 часа, разумеется, преодолеть невозможно), свидетельствует о чрезмерных требованиям к ним. Вегеций считает нормой (iustun iterum) 30 километров в сутки при одном дне отдыха после трех дней марша. Шмиттелайн относительно армии Цезаря говорит о 12 км (La première campaigne de César contre les Germains. 1954. Р. 105 suiv.).

¹⁵¹ О численности армии в Дальней Испании см.: Schulten A. Numantia. Bd. III. S. 40.

не оискнул более продолжать борьбу. Орозий (IV. 21. 3) поименительно к этим событиям говорит о потере всего войска: в 48-й периохе Ливия сказано: «Претор Гальба неудачно сражался против лузитан» (Ser. Sulpicius Galba praetor male adversus Lusitanos pugnavit). Как место сражения, так и города. атакованные лузитанами, которые хотел защитить от них Гальба, находились к югу от Бетиса (возможно также и к югу от переправы через него). О судьбе этих городов мы ничего не знаем, поскольку в следующем году если не сам противник, то теато военных действий был другим. Возможно, они сумели отделаться от лузитан уплатой выкупа (Конисторгис, котооый, согласно Аппиану (Iber., 57, 239), лузитаны захватили в 153 г., в 151/150 г. уже находился в руках римлян: 58, 246). Во всяком случае, к началу зимы в землях турдетан врагов не было (такой вывод, как мне кажется, следует из Аппиана: 59. 247). Трудно себе представить, что Гальба, после того как он собрал 20 000 союзников (58, 246, скорее это общая численность его армии), ушел в другую часть провинции, оставив города беззащитными. Для зимовки он отправился со своим войском в город Конисторгис в землях кунеев (Loc. cit.). Это свидєтельствовало о планах кампании на следующий год — Гальба явно намеревался нанести удар по родным краям лузитан, чтобы захватить их и тем самым защитить от вражеских набегов наиболее культурную часть провинции.

§ 12. Успехи Лукулла в борьбе с лувитанами

На оставленную Гальбой и его армией территорию прибыли войска Луция Лициния Лукулла (Арр. Iber., 55, 232; 59, 247: в земли турдетан; у Флора (I, 33, 11 = II, 17, 11); в связи со всем этим и борьбой с лузитанами говорится лишь о победе над турдулами, которые к тому же упоминаются у него перед ваккеями). На сей раз активность лузитанских отрядов не ослабела даже зимой. Узнав об их нападении на область турдетан, Лукулл сразу отправил туда с войсками «своих лучших командиров», вероятно, и Сципиона Эмилиана. Операция прошла

успешно, враги потеряли 4000 человек убитыми (Арр. Iber., 59, 247). Другие отряды лузитан пересекли Гибралтарский пролив неподалеку от Гадеса (ср. 57, 240). Лукулл настиг их, видимо, еще на испанском побережье. В бою римляне убили 1500 лузитан, остатки же — очевидно, весьма значительное число — бежали на какой-то холм и там сдались, после того как Лукулл окружил это место рвом. При этом он взял в плен «бесчисленное множество людей», которых, очевидно, продал в рабство (59, 248). После этого он двинулся на север, в Лузитанию, и подверг ее грабежу — вероятно, земли к северу от Тахо (Loc. cit.; согласно 59, 249, Гальба воевал «в другой части» Лузитании, как следует из Орозия (IV, 21, 3), «по эту сторону Тага» (citra Tagum), т. е. к югу от реки.

При этом, судя по более поздним упоминаниям, римляне поступили вопреки данным ими обещаниям 152. По-видимому, они дали окруженным лузитанам определенные гарантии даже если состоялась формальная deditio, о смысле которой лузитаны не имели точного представления, иначе вряд ли можно понять, как такое большое число воинов так быстро капитулиоовало. Однако Лукулл не был столь мелочен, как Гальба (App. Iber., 60, 255), и поделился добычей со штабом и войском обычным способом, т. е., прежде всего, выручкой от продажи пленных в рабство. Возможно, это явилось одной из причин того, что позднее он в отличие от Гальбы не был привлечен к ответственности. О продлении полномочий им обоим мы ничего не знаем. Оба происшествия вполне укладываются в отрезок времени до прибытия преемника, поскольку климат в Дальней Испании позволяет вести боевые действия дольше, чем в Кельтиберии (Лукулл начал операции уже во время зимовки: Арр. Iber., 59, 247). Если иметь в виду, какое смятение в Риме вызывали мероприятия Лукулла и что Гальба после возвращения в Италию оказался под судом (о чем еще

 $^{^{152}}$ У Аппиана (Iber., 61, 256 и 259), где говорится о нарушении римлянами договоров по отношению к лузитанам, наряду с Гальбой дважды упоминается Лукулл. То, что речь идет о нарушении нескольких договоров, вытекает из слов «как часто» (61, 259).

пойдет речь), едва ли можно предполагать, что действия Лукулла и поражение Гальбы в 151 г. остались неизвестными в Риме или побудили к продлению их полномочий¹⁵³.

§ 13. Вероломство Гальбы по отношению к лувитанам

В 150 г. Гальба начал свой поход¹⁵⁴ маршем из Конисторгиса на север в область лузитан к югу от Тага, которую он опустошил (Арр. Iber., 59, 249; Oros., IV, 21, 10; vastare: Ep. Oxyrh.

¹⁵³ См.: Арр. Iber., 55, 233. К тому же вопрос Цицерона к Аттику (XII, 5, 3): «И посмотри, прошу, о Луции Либоне — о том, который [участвовал в процессе] Сервия Гальбы, был плебейским трибуном при консулах Цензорине и Манилии (т. е. 149 г.) или Тите Квинкции и Мании Ацилии?» (т. е. 150 г.) (пер. В. О. Горенштейна), явно предполагает, что Гальба, по мнению Цицерона, находился в Риме в 150 г. По мнению Ф. Мюнцера, причиной сомнений Цицерона стало то, что в рамках 149 г. уместилось столько событий — не только состоялся процесс Гальбы, но Катон также успел его подвергнуть литературной обработке и включить в свои «Начала» в том самом году, когда он умер (Мünzer F. Scribonius // RE. 2. Reihe. Hbbd. 4. 1923. Sp. 881). Пророгация означала бы отсутствие Гальбы в Риме вплоть до 149 г.

¹⁵⁴ Сообщение Аппиана (Iber., 59, 249—60, 255) довольно подробно. В связи с тем что сомнительность поведения Гальбы и методы его защиты сильно волновали римскую общественность, несмотря на предстоящую войну с Карфагеном, дошедшая до нас на сей счет через Аппиана традиция необычайно содержательна. Хотя Аппиан весьма подробно описывает сам поход и лишь кратко сообщает о процессе, с ним связаны очень многие упоминания. Умалчивают о процессе из основных источников только Орозий (IV, 21, 10) и Валерий Максим (IX, 6, 2). Богата интереснейшими подробностями периоха Ливия, где процесс Гальбы является главной темой повествования. Ливий должен был чрезвычайно основательно, со всеми «за» и «против» изложить этот сюжет. Сведения, встречающиеся у Щицерона (De orat., I, 227—228; Brut., 89—90) и в другом фрагменте Валерия Максима (VIII, 1, abs. 2), не так много говорят о событиях в Испании, поскольку основное внимание там сосредоточено на miseratio.

48, Z. 83; diripere: Nep. Cato, 3.4; Ps.-Ascon., p. 203 St.). Tam жили те же лузитаны, с кем два года назад вел войну Атилий и с кем он заключил договор (Арр. Iber., 59, 249). Им надоела бесконечная война, и они попытались мионым путем избавиться от своей главной беды — перенаселения (59, 249-250). Они направили послов к Гальбе, которые должны были добиться соглашения с римлянами. При этом они, по-видимому, сами заговорили о нарушении ими договора, соблюдения которого хотели теперь достичь. Гальба притворился, будто на него произвели впечатление извинения лузитан, совершавших разбойничьи набеги исключительно из-за бедности, и предложил им плодородные земли для поселения, чтобы предотвратить подобные случаи в дальнейшем (Loc. cit.; у Орозия (IV, 21, 10) и Валерия Максима (IX. 6, 2) в сходных выражениях говорится, что он уверял, будто хочет сделать так для их же пользы). На этих условиях, причем собиравшиеся переселяться лузитанские племена должны были разделиться на три части, был заключен договор (Арр. Iber., 59, 249-250; у Валерия Максима (ІХ, 6, 2) говорится о трех лузитанских племенах; согласно свидетельству Цицерона (Brut., 89), Гальба отрицал, что имел место договор, как, очевидно, предполагали современники). Лузитаны оставили места, где они жили прежде, и отправились туда, куда велел Гальба. Там он разделил их и указал места, где они должны были ждать, пока он не явится, чтобы расселить их (Арр. Iber., 60, 251). Гальба, с самого начала явно стремившийся обмануть лузитан, подвел войско к одной из трех групп. Лузитаны, очевидно, полностью доверяли римскому военачальнику, коль скоро ему удалось уговорить их сложить оружие. Как только они сделали это. Гальба приказал своим солдатам окружить их и взять в плен (Oros., IV, 21, 10; по Аппиану (Iber., 60, 252), он окружил их овом, что выглядит малоправдоподобно, и является, по-видимому, лишь неудачным повторением сказанного в 59, 248 о Лукулле). Солдаты Гальбы напали на изумленных лузитан, возносивших жалобы богам, и убили многих из них¹⁵⁵.

¹⁵⁵ Арр. Iber., 60, 252. «Все» — характерное преувеличение, которое поэволяет себе писатель, обходящий молчанием дальнейшую

Таким же образом Гальба напал на вторую и третью группы (60, 253). Эти события, надо полагать, произошли одно за другим достаточно быстро, и остальные группы лузитан уже кое-что услышали о судьбе плененных, тем более что некоторым из них удалось ускользнуть (60, 254; 61, 256 и 259). О числе подвергшихся нападению точно неизвестно. Видимо, в целом оно составляло 30 000 человек, из которых 8000 погибли 156. Остальных Гальба продал в рабство (Val. Max., IX, 6, 2), по меньшей мере часть из них — в Галлию (Liv., рег. 49). Как командующему ему надлежало принять решение о разделе добычи 157. Несмотря на то что он и без того был богатейшим человеком в Риме (Арр. Iber., 60, 255), Гальба присвоил большую часть добычи, а офицерам и солдатам отдал лишь меньшую, что, несомненно, было очень неразумно 158.

§ 14. «Процесс» Гальбы

Мы не знаем точно, но вполне можем предположить, что именно скупость Гальбы стала одной из причин разбирательства в 149 г., начавшегося по его возвращении в Рим, которое

судьбу подвергшихся нападению лузитан. Правда, упомянув о Вириате и его отрядах, Аппиан тем самым скорректировал это сообщение (60, 255; 61, 259). Благодаря оставшимся в живых стал возможен позднее процесс Гальбы (Liv., per. 49). В целом об этом см.: Liv., per. 49; Cic. Brut., 89; Val. Max., VIII, 1, abs. 2.

¹⁵⁶ Val. Max., IX, 6, 2: 8000 в целом; Suet. Galba, 3, 2: 30 000 убитых, что Ф. Мюнцер справедливо считает преувеличением ($M\ddot{u}n$ -zer F. Sulpicius (58). Sp. 762). Возможно, обе цифры следует понимать в указанном смысле.

¹⁵⁷ Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. II. S. 565. Anm. 3; Meyer Ernst. Römischer Staat uns Staatsgedanke. S. 121.

¹⁵⁸ Арр. Iber., 60, 255. Чего требовал добрый обычай, показывает поведение Муммия в 153 г., см. выше, § 3. Впрочем, основную часть добычи должна была составить выручка от продажи пленных в рабство. В связи с разделом добычи ср. жалобы трибунов в адрес консулов 219 г., прежде всего, Марка Ливия Салинатора: Frontin., IV, 1, 45; Liv., XXII, 35, 3.

состоялось, по-видимому, в 150 г. 159 Положение Гальбы в Риме давно уже было достаточно шатким. Как выдающийся оратор, отличавшийся неукротимой энергией, он привлекал к себе внимание, которое мало отличалось от страха 160. Его ненавидели за невеооятную жадность (Aoo, Iber., 60, 255). Возможно, ему завидовали за его блестящие ораторские дарования: он пеоежил в своей жизни как успехи, так и тяжелые неудачи 161. Как и всякий римский политик, Гальба был втянут в отношения amicitiae (дружбы) и inimicitiae (вражды). Его другом называют Квинта Фульвия Нобилиора (Liv., рег. 49), как его злейших воагов мы знаем Катона Стаошего¹⁶² и менее известного Лушия Коонелия Цетега (Liv., рег. 49)163. И вот теперь своим поведением Гальба дал недругам отличную возможность сокрушить его. Возможно, что инициатива исходила от членов его штаба (в таком случае получается полная аналогия с поведением Гальбы в отношении Эмилия Павла: Liv..

¹⁵⁹ То же см.: Bleicken J. Das Volkstribunat der klassischen Republik. München, 1955. S. 145. Anm. 3. Гальба, разумеется, должен был очень хорошо знать, как сильно раздражало подобное поведение: Liv., XLV, 35—39. Однако его жадность (см.: Арр. Iber., 60, 255; Val. Max., VI, 4, 2) взяла на верх над доводами разума, несмотря на весь его интеллект (Сіс. De orat., I, 239—240; Brut., 82, 86—88).

 $^{^{160}}$ Cic. Brut., 86-88; Консул 202 г. Марк Сервилий Гемин в своей речи против Гальбы в 167 г. очень метко выразился на его счет: «Он только и умеет, что говорить, да и то все желчь и яд (ille nihil praeterquam loqui, et id ipse maledice ac maligne, didicit)» (Liv., XLV, 39, 16. — Пер. О. Л. Левинской).

¹⁶¹ Оценка, данная ему Цицероном (Brut., 82), демонстрирует его возможности, дававшие ему преимущество над другими (ср.: De orat., I, 239—240).

¹⁶² Катон как противник Гальбы в этом деле упоминается в следующих источниках: Сіс. Рго Миг., 59; De orat., I, 227; Brut., 80; 89; div. in Q. Caec., 66; Gell., I, 12, 17; XIII, 25, 15; Ps.-Asc., p. 203 St.; Auct. de vir. ill., 47, 7; Liv., XXXIX, 40, 12; per. 49; Val. Max., VIII, 1, abs. 2; Plut. Cato Maior, 15, 5; Катон уже в 167 г. выступил против Гальбы: Gell., I, 23, 1. См.: Cichorius K. Römische Studien. Leipzig; Berlin, 1922. S. 93.

¹⁶³ Cm.: Münzer F. Cornelius (91) // RE. Bd. IV. Sp. 1279.

XLV, 35-39). О какой-либо активности со стороны испанцев говорить, видимо, не поиходится¹⁶⁴. Толчок делу дал либо сенат как таковой 165, либо группа сенаторов. Народный трибун Луший Скрибоний Либон¹⁶⁶ выступил с ходатайством в народном собрании, на основании которого должно было начаться оасследование (quaestio) поведения Гальбы, а проданным в оабство лузитанам возвращена свобода (Liv., per. 49; Cic. De orat., I, 227). Хотя принятие этой рогации формально еще не означало осуждения Гальбы, но оно, конечно. поедставляло собой серьезную преюдицию 167. Поэтому Гальба решительно воспротивился принятию законопроекта. В итоге возникло впечатление, что речь идет о процессе против него, который может закончиться осуждением или оправданием (так у поздних авторов: Auct. de vir. ill., 47, 4; Gell., I, 12, 17; Ep. Oxyrh. 49, Z. 98-100; Ps.-Ascon., p. 203 St.; Plut. Cato Major, 15, 5; Tac. Ann., III, 66, 1).

Промульгация, очевидно, последовала вскоре на многочисленных сходках (contiones)¹⁶⁸, на которых она обосновывалась всеми возможными способами — как аргументами по суще-

7 Зак. 4554 97

¹⁶⁴ Так считает Д. Кинаст: Kienast D. Cato der Zensor. Heidelberg, 1954. S. 97.

¹⁶⁵ Так, см.: *Bleicken J*. Das Volkstribunat der klassischen Republik. S. 58.

¹⁶⁶ Münzer F. Scribonius (18) // RE. 2. Reihe. Hbbd. 3. 1921. Sp. 881. Год теперь точно установлен благодаря оксиринхской эпитоме (49, Z. 98—100).

¹⁶⁷ Так считает Г. Де Санктис: De Sanctis G. Storia dei Romani. Vol. IV. Pt. 1. P. 481.

¹⁶⁸ Ход дебатов во многом поддается реконструкции. Ко времени Ливия еще сохранилось три речи Гальбы по данному поводу (Liv., рег. 49), о еще существующих речах Гальбы говорит Цицерон (Brut., 82; 295). Мы располагаем фрагментами одной речи Катона — ORF², 196—199 из Авла Геллия (XIII, 25, 15; I, 12, 17), Цицерона (Brut., 89—90; De orat., I, 228), Фронтона (Ep. ad M. Caes., III, 20, р. 57 N.). Катон включил речи в свои «Начала» (Origines) (Сіс. Brut., 89; Liv., рег. 49). Тексты речей Либона существовали еще во времена Цицерона (Сіс. Brut., 90). Отрывки спора (altercatio) междуним и Гальбой сохранил для нас Цицерон (De orat., II, 263).

ству, так и дичными выпадами. Прежде всего, это было противостояние Гальбы и Либона, каждый из которых, по-видимому, неоднократно брад сдово (Liv., per. 49: две речи Гальбы против Либона). Имели место и речи, и публичные препирательства, причем Гальба обвинял Либона в нарушении супружеской веоности (Сіс. De orat., II, 263). Тогда на сцене появились новые люди. Луций Корнелий Цетег рассказал о событиях в Испании (Liv., per. 49). В ответ Гальба выдвинул собственную версию произошедшего там. В этой речи Гальба признал, что приказал своим воинам перебить лузитан, находившихся поблизости. Однако это произошло потому, что лузитаны притворяясь будто желают мира, на деле собирались совершить нападение на его войско. Он догадался об их агрессивных намерениях, видя, что враги, согласно принятому у них обычаю, принесли в жертву лошадь и человека (Liv., per. 49; Gell., I, 12, 17, речь Катона; с ней перекликаются слова Аппиана: «Вероломство покарав вероломством»)¹⁶⁹. Можно не сомневаться, что в этой связи Гальба припомнил нарушение лузитанами договора с Атилием, чтобы обосновать свой тезис. Поэтому у своих слушателей в Риме он поначалу явно снискал доверие. Впечатление, которое оставила эта речь Гальбы, а также, видимо, и другого оратора, который, кажется, выступил в тот момент в его поддержку (Катон у Авла Геллия (І, 12, 17), говорит о враждебной группировке — dicunt; Нобилиор, однако, произносил речь позднее — Liv., рег. 49), — очевидно сделало необходимым выступление 85-летнего Катона (Сіс. Brut., 80). Ему пришлось использовать всю свою gravitas, коль скоро он начал речь словами: «Многое мешало мне прийти сюда — мои возраст, голос, силы, старость, но поистине, когда я думал, что должно обсуждаться такое важное дело...» etc. (Gell., XIII, 12, 15 = ORF², 196. — Пер. Н. Н. Трухиной). Критиковал

 $^{^{169}}$ Подобные жертвоприношения действительно были в обычае у лузитан: Strabo, III, 3, 6, р. 154; ср.: Cichorius K. Römische Studien. S. 9—10. Несмотря на это, Гальба, бесспорно, лгал, как считает и Г. Де Санктис (De Sanctis G. Storia dei Romani. Vol. IV. Pt. 1. P. 481—482); к тому же позднее он не захотел полностью признаться.

ли Катон утверждение Гальбы о планах лузитан — вопрос спорный, во всяком случае, он обсуждал вопрос о том, оправданно ли было принятие таких мер (Gell., I, 12, 17 = ORF², 197). В качестве примера он объяснил разницу между желанием и действием и таким образом расставил те же акценты, что и в речи в защиту родосцев в 167 г. (ORF², особ. 166, 168; собрано также у М. Гельцера¹⁷⁰). Свои аргументы в пользу войны против Карфагена, излагавшиеся в это же самое время, он строил на примате интересов государства. Доводы же государственно-политического порядка, приводившиеся Гальбой, он, вероятно, разоблачал как предлог для оправдания собственной страсти к наживе. Эта страсть и без того являлась главным пунктом в обвинительной аргументации Катона.

На речь Катона Гальба отвечал дополнительно. Потом говорил, очевидно, Квинт Фульвий Нобилиор. В своем ответе он, по-видимому, сосредоточился, прежде всего, на личных моментах. Нобилиор стремился представить дело так, будто главной причиной усилий обвинителей является старая вражда (inimicitia) (в качестве примера напрашивается следующий пассаж Ливия: «Кв. Фульвий, которого Катон не раз задевал в сенате, выступил в защиту Гальбы» (Q. Fulvius ei, saepe ab eo in senatu laceratus, respondit pro Galba; cp.: Cic. Div. in Q. Caec., 66). Однако выступление Катона резко изменило настроение народа не в пользу Гальбы. Последний понимал, что обычными ораторскими приемами он теперь уже не сможет добиться успеха, что римляне убеждены в его виновности (Liv., рег. 49: «когда увидел, что ему грозит осуждение» — cum se damnari videret; Val. Max., VIII, 1 abs. 2: «поскольку он не мог быть оправдан» — quoniam innocentiae tribui nequierat absolutio). Тогда он первым из римлян прибег к средству, которое, хотя и навлекло на него упреки таких людей, как Катон (Fronto. Ер. ad M. Caes., III, 230, р. 57 N.) и Рутилий Руф (Cic. De orat., I, 227-228), но зато значительно облегчило его положение: он впервые в Риме воззвал к состраданию (miseratio) (образцом

¹⁷⁰ Gelzer M. Porcius Cato Zensorius // RE. Hbbd. 43. 1953. Sp. 135.

этого, кончено, была афинская судебная практика, см.: Aristoph. Veso., 568-573; Plut., 382-385). Сцену, которую он устроил в день голосования, он начал с признания вины (Val. Max.. VIII, 1 abs. 2: «обвиняемый уже не оправдывался (reus pro se iam nihil recusans)», у Цицерона (Brut., 90) справедливо добавлено nihil: это признание вины нельзя смешивать с описываемым у Ливия (рег. 49) первоначальным признанием). После этого он вывел обоих своих несовершеннолетних сыновей (Сіс. Brut., 90; De orat., I, 228; Liv., per. 49; Ep. Oxyrh. 49, Z. 100; Quintil. Inst. orat., II, 15, 8; Val. Max., VIII, 1, abs. 2) и нахолившегося еще в нежном возоасте Квинта, сына его недавно скончавшегося родственника Гая Сульпиция Гала, опекуном которого он был (Сіс. Brut., 90; De orat., I, 228). На случай своего осуждения Гальба поручал детей заботе и опеке римского народа. Он делал вид, будто должен тут же составить завещание, поскольку в случае его гибели разрушится счастье не только его детей, но и сына Гая Сульпиция Гала. Гальба растрогал народ до слез и добился отклонения рогации Либона (некоторые из наших источников воспринимают это как оправдание: Val. Max., VIII, 1, abs. 2; Fronto. Ep. ad M. Caes., III, 230, p. 57 N). Однако исход голосования показал, что игра Гальбы на жалости сограждан не на всех произвела впечатление. Валерий Максим писал, что «почти никто не подал голоса против него (раепе nullum triste suffragium habuit)» (Val. Max., VIII, 1, abs. 2). В связи с этим над ним тяготело тяжкое обвинение в том, что он так легко отделался благодаря своему богатству (Арр. Iber., 60, 255). Таким образом, подкуп не оказался в центре внимания. Как богатейший человек в Риме, Гальба мог использовать для достижения своей цели самые различные средства, и это его современникам было нелегко понять. Во всяком случае, Катон считал miseratio главной поичиной «оправдания» 171. Гальба из-

¹⁷¹ Сіс. De orat., I, 228; Fronto. Ер. ad M. Caes., III, 230, р. 57 N. У более поздних авторов, и прежде всего Цицерона, которого интересовали риторические моменты, все остальные точки зрения отступали в тень по сравнению с miseratio (Сіс. Brut., 90; Quintil. Inst. orat., II, 15, 8; Val. Max., VIII, 1, abs. 2).

бежал политической смерти, однако позднее ему, по-видимому, поишлось испытать тоудности в карьере (перерыв между поетурой и консулатом составил шесть лет; будучи консулом в 144 г., из-за вмешательства Сципиона Эмилиана он не получил, как того хотел, в качестве провинции Дальнюю Испанию: Val. Max., VI, 4, 2)172. Однако то, что он не был скомпрометирован в глазах римского общества, показывает его выступление в защиту публиканов в 138 г., во время которого он заменил Гая Лелия (Сіс. Brut., 85-89). Возможно также, что последствием связанного с Гальбой скандала стало учреждение постоянных комиссий (quaestio perpetua) по делам о вымогательствах по предложению народного трибуна Луция Кальпурния Пизона 173. Современники явно еще не осознавали того, что Гальба фактически был виновником возобновления лузитанской войны (иначе было бы невозможно его домогательство командования в войне против Вириата: Val. Max., VI, 4, 2). Эту причинную связь древние историки осознали дишь по прошествии времени¹⁷⁴. Цицерон как оратор, пожалуй, согласился бы оправдать Гальбу (намек на это см. в «Бруте» (§ 89): «вероломно, как считалось (contra interpositam. ut existimabatur, fidem)»; тем не менее в Div. in Q. Caec., 66: iniuria (несправедливость), что, согласно Псевдо-Асконию (р. 203 St.), относилось к Гальбе). У позднейших авторов даются сплошь и рядом исключительно жесткие оценки: malus (Auct. de vir. ill., 47, 7), perfidia (Suet. Galba, 3, 2; Oros., IV, 21, 10), summa perfidia, crimen (Val. Max., IX, 6, 2), scelus (Oros., IV, 21, 10), короче говоря, народ отказался признать его невиновность, innocentia (Val. Max., VIII, 1, abs. 2).

Известное исключение представляет собой Аппиан. Хотя он дает Гальбе в заключение столь неприязненную характеристику (Iber., 60, 255), что ответственность за сказанное воз-

¹⁷² Cm.: Münzer F. Sulpicius (58). Sp. 763-764.

¹⁷³ Так, см.: Bleicken J. Das Volkstribunat der klassischen Republik. S. 145. Anm. 3; Münzer F. Sulpicius (58). Sp. 763–764.

 $^{^{174}}$ Эта мысль встречается уже у Светония (Galba, 3, 2). См. также: Oros., IV, 21, 10.

лагает на свои источники («как говорят»), он не выносит ему за действия по отношению к лузитанам однозначно обвинительного приговора, но усваивает аргумент Гальбы, что тот лишь покарал вероломство вероломством в такой мере, что считает его в общем смысле полководцем. «Подражая, таким образом, варварам, но поступая недостойно римлянина» (Iber., 60, 253). В этом обнаруживается особый римский этос того времени: очевидно, поскольку римляне — господа мира, моральные требования, которые они предъявляют себе, особенно строги. Ясно, что дифференцированный подход придумал не Аппиан. Такой самоанализ восходит, несомненно, к первоисточникам, и здесь, мне думается, не будет ошибкой сказать, что мы видим следы полибиевых воззрений, в том числе и следы суждений, которые высказывали Сципион и его окружение в связи с поведением Гальбы 175.

¹⁷⁵ В конечном счете все-таки здесь ощущаются взгляды именно Полибия, поскольку в политическом отношении автор, как бы глядя со стороны, отождествляет себя с римлянами, что к Полибию, несомненно, подходит больше всего.

ЭКСКУРС: ФАСТЫ ИСПАНСКИХ НАМЕСТНИКОВ В 147–141 гг.

Фасты испанских провинций в годы Вириатовой войны можно трактовать с большой долей вероятности, но все же не с абсолютной уверенностью. Нет возможности полностью примирить друг с другом все сообщения самых разных источников. При любой попытке такого рода приходится отбрасывать те или иные недвусмысленные указания источников, и в этом отношении всякому хронологическому построению присуща определенная субъективность. Однако применительно к отдельным дошедшим до нас фактам можно говорить о разной степени надежности, и когда отвергаются какие-либо данные традиции, нужно указывать причину, которая привела к возникновению ошибочной информации. Благодаря этому возникает ряд опорных точек, вокруг которых должны группироваться остальные свидетельства.

Точка эрения Т. Моммзена, согласно которой противниками Вириата были не только наместники¹, до сих пор сохраняет значимость. С тех пор находка эпитомы Ливия из Оксиринха дала нам новую информацию, которую необходимо использовать. Хотя она отчасти усложняет вопрос, но в то же время и облегчает его решение, поскольку содержащиеся там сведения четко распределены по консульствам. Работы Э. Корнемана² и А. Шультена³ немало сделали для прояснения проблемы, но

¹ Моммвен Т. История Рима. Т. II. СПб., 1994. С. 11. Примеч. 1.

² Komemann E. Die neue Livius-Epitome aus Oxyrhinchus. Berlin, 1904.

³ Прежде всего см.: Schulten A. Viriatus // NJb. Bd. 39. 1917. S. 209-237.

в некоторых моментах результаты их исследований не удовлетворяют. То же самое относится и к статье Ф. Мюнцера о Квинте Фабии Максиме Сервилиане⁴, где обстоятельно разбирается этот вопрос.

Свидетельства античных авторов соотносятся друг с другом таким образом, что в некоторых случаях попытка получить однозначные результаты затрагивает целый комплекс вопросов. Он распадается на две части, из которых первая относится к периоду около 145 г. в Дальней Испании и 143 г. в Ближней Испании, а вторая преимущественно к 143 и 142 гг. в Дальней Испании.

Границей первой части является консулат Квинта Фабия Максима Эмилиана в 145 г. и Квинта Цецилия Метелла Македонского в 143 г.

§ 1. Квинт Фабий Максим Эмилиан: Дальняя Испания в 145/144 г.

Наместничество Фабия Эмилиана достаточно хорошо засвидетельствовано источниками. Согласно Аппиану (Iber., 65, 278), он был в Испании два года. И хотя, судя по упомянутым Аппианом топонимам (65, 274 — Орсон, 65, 275 — Гадес. 65, 278 — Бекор), он, без сомнения, занимал пост наместника Дальней Испании, что подтверждается ясным свидетельством Харакса из Пергама (FGrHist 103, F 26), где, правда, в качестве имени указывается только «Квинт», следующий фрагмент Харакса (F 27) вызывает трудности. Согласно Ливию (рег. 52), после поражения Плавтия, о котором Аппиан рассказывает до пассажа о Фабии (Iber., 64, 269-272), возникла необходимость в консуле и консульском войске. По Диодору (XXXIII, 1, 3) и Флору (I, 33, 17 = II, 17, 17), Φ_{a-} бий был полководцем, который окончательно разбил Вириата, что, судя по Аппиану (Iber., 65, 278), произошло на втором году его наместничества, т. е. в 144 г. Согласно ему же

⁴ Cm.: Münzer F. Fabius (115) // RE. Bd. VI. 1909. Sp. 1811-1814.

(Loc. cit.), Фабий был вторым, кто нанес поражение Вириату, о чем еще пойдет речь ниже.

Кроме того, предметом споров являются различные противоречия и странности в источниках, которые связаны с имецем Фабия. По большей части они основаны на сходстве или совпадении имен. Ведь среди испанских наместников этих лет встречаются не менее пяти носителей преномена «Квинт» (Кв. Фабий Максим Эмилиан, Кв. Фабий Максим Сеовилиан, Кв. Помпей, Кв. Цецилий Метелл Македонский, Кв. Сервилий Цепион), к этому еще надо добавить родовое имя Квинкций (Quinctius). Кроме того, из них двое — тезки Фабии, братья по усыновлению, к которым присоединяется Кв. Сервилий Цепион, родной брат Фабия Сервилиана. Еще лвое боатьев, Кв. Метелл Македонский и Л. Метелл Кальв⁵. К этой возможной путанице добавляется как сходство имен Сципиона и Цепиона (Ampel., 47, 2, 3; Ioh. Antioch., fr. 60; Suidas, s. v. Βοριάνθος), так и ситуативная параллель между Попилием и Цепионом (Flor., I, 33, 17 = II, 17, 11).

В отношении Фабиев сходство имен сказалось в том, что в неисториографической традиции только с помощью сопоставления можно определить, о ком из двоих идет речь. Это касается Фронтина (IV, 1, 42) и Валерия Максима (II, 7, 11). У Орозия же (V, 4, 12) этот рассказ отнесен к Фабию Сервилиану (последний неточно при этом назван consul, тогда как фактически он был лишь проконсулом в Дальней Испании, см.: Liv., рег. 53. Соответствующее указание выглядит отсылкой к одному из названных в V, 4, 8 консулов, то есть как временному ориентиру — «как консул».) Если у Валерия Максима (II, 7, 11) Фабий Сервилиан действует в той же провинции, что и Метелл, то при этом, очевидно, подразумевается лишь Испания в целом⁶. Соответственно в предыдущем эпизоде (II, 7, 10) провинция Метелла вообще не названа.

 $^{^{5}}$ На это обращает внимание Ф. Мюнцер (*Münzer F.* Fabius. Sp. 1812).

⁶ У Валерия Максима в пяти ехетрla, относящихся к деятельности Квинта Метелла в эти годы (II, 7, 10; III, 2, 21; V, 1, 5; VII, 4, 5;

У историков — речь идет, прежде всего, об эксцерптах нередко оба Фабия смешиваются. Эта ошибка попадается у Флора (I, 33, 17 = II, 17, 17), когда он называет Попилия Λ_{e} ната поеемником Фабия, в котором можно узнать Эмилиана. Совершенно очевидно это у Диодора (XXXIII. 1. 3-4), где либо он сам, либо составитель выписок (exc. Photii) не заметил, что речь идет о двух разных людях. У Харакса (F 26 и 27) оба носителя преномена «Квинт» рассматриваются явно как две разные личности, второй в связи с договором с Вириатом должен быть Фабием Сервилианом. То, что он назван полководцем «обеих Испаний», может быть ошибкой, возникшей из-за одинакового звучания преномена у Квинта Фабия Максима Сеовилиана и Квинта Помпея, одновременно в 141 и 140 гг. командированных в Испанию (что и понятно, если иметь в виду, что Харакс, видимо, называл своих персонажей лишь по личным именам).

Наконец, Веллей Патеркул ясно говорит о Фабии Эмилиане и рассказывает, что тот упражнял войско, как и его отец Луций Эмилий Павел, чему мы находим подтверждение у Аппиана (Iber., 65, 277). Положение этой заметки в тексте обусловлено не хронологией, а ассоциативным мышлением автора, которого побуждает упомянуть о disciplina Фабия virtus и severitas Метелла Македонского.

Вслед за имеющимися свидетельствами обратимся к отсутствующим. Если говорить о шести эксцерптах из Ливия (периохи, оксиринхская эпитома, Орозий, Флор, Евтропий,

IX, 3, 7), не считая рассмотренного, в трех говорится лишь об Испании в целом. Последний из них (IX, 3, 7) представляет собою путаное сообщение, где Метелл сначала назван консулом «обеих Испаний», затем проконсулом «почти всей Испании». Этот пассаж можно объяснить не только ошибкой памяти, но и стремлением Валерия Максима сделать особенно резким контраст между его рангом и дурным поведением, описанным ниже. К тому же это сообщение в высшей степени подозрительно и полностью противоречит данным Аппиана (76, 325). При этом сведения Аппиана, безусловно, представляются куда более правдоподобными (см.: Когпетапп E. Die neue Livius-Epitome aus Oxyrhinchus. S. 100).

автор сочинения «О знаменитых мужах»), которые дают поедставление — хотя и не полное — о списке тогдашних наместников Испании, только Флоо пишет о Фабии Эмилиане (1. 33, 17 = II, 17, 17), и то нет полной уверенности, что он не ошибается (см. выше). Особенно бросается в глаза отсутствие его упоминания в довольно полном списке в периохе и оксиоинхской эпитоме. В очень подробной периохе 52-й книги говооится лишь о необходимости отправки в Испанию консула. В оксиринхской эпитоме (Ер. Охугн. 52) эта отправка, повилимому, упоминается с именем командующего (дополняет Z. 151). Зато о его деятельности молчат оба источника⁷. Евтоопий (IV, 16, 2) в высшей степени малоинформативен и неточен, о нем еще будет идти речь (см. ниже, наст. гл., § 2). У автора сочинения «О знаменитых мужах» в его заметке о Вириате (гл. 71) последний представлен скорее как победитель, чем как побежденный, а Орозий (IV, 5, 1-14) по подобным причинам обощел его молчанием. Несмотря на все это, мне кажется, что полностью не исключено отсутствие упоминаний Фабия Эмилиана уже в источниках, которыми пользовались составители сокращений.

§ 2. Квинт Цецилий Метелл Македонский: Ближняя Испания в 143/142 г.

Наместничество Квинта Цецилия Метелла Македонского, консула 143 г., если говорить о его продолжительности и месте, однозначно относится к 143 и 142 гг. и к Ближней Испании. Основой для хронологии его командования в тех краях являются упоминания в оксиринхской эпитоме (Z. 160—162 и Z. 164—166) из 53-й книги Ливия. Первая заметка, судя по

⁷ То, что у Ливия в оксиринхской эпитоме и у Орозия (Liv., рег. 53; Ер. Охугh. 53, Z. 171–172; Огоs, V, 4, 12) речь идет о Фабии Сервилиане, следует из их установки, а в рег. 54 и Ер. Охугh. 53, Z. 185–186 это можно заключить и исходя из содержания (о Diod., XXXIII, 1, 3–4 и Charax, fr. 27 см. выше, наст. гл., § 1).

ее положению в тексте, относится к 143 г., а исходя из сопоставления с Валерием Максимом (V, 1, 5) — к «кельтиберской войне» «Кв. Метелла». Второй пассаж, где речь идет. учитывая его место в повествовании, о 142 г., вероятно, содержит рассказ, который Валерий Максим (III, 2, 21) ведет о Кв. Окции, и действия того же персонажа, описанные там. наверное, вновь имели место во время «кельтиберской войны», в которой Окций участвовал как легат консула Метелла. Соответственно наместничество Метелла, несомненно, охватывает 143 и 142 гг. (это подтверждается периохой 53-й книги Ливия, где сообщается, что он разбивает кельтиберов как проконсул, хотя рассказ Аппиана, как кажется, указывает не на двухлетнее командование Метелла (76, 322-325). Его проконсульство, помимо путаного пассажа Валерия Максима (IX, 3, 7; см. выше, наст. гл., § 1), засвидетельствовано у того же автора в рассказе о взятии Контребии. Временной ориентир, отсылающий к 143 г. (победа Тремеллия Скрофы в Македонии), дает также заметка самого общего характера v Евтоопия (IV, 16, 2).

В остальных сообщениях о деятельности Квинта Метелла в Испании рассказ о взятии Кентобриги (Val. Max., V, 1, 5; у Флора (I, 33, 10) с неправильной формой имени) с помощью оксиринхской эпитомы (53 Z. 160—162) может быть датирован 143 г., поединок же Квинта Окция (Val. Max., III, 2, 21) на основе оксиринхской эпитомы (53. Z. 164—166) и событий, связанных с Контребией (Ampel., 18, 14; Auct. de vir. ill., 61, 4; Frontin., IV, 1, 23; Val. Max., II, 7, 10; VII, 4, 5; Vell. Pat., II, 5, 2—3), вместе с анекдотом об умении хранить тайны благодаря пассажу Валерия Максима (VII, 4, 5) может быть датирован 142 г. Другие сообщения по их содержанию либо не поддаются хронологическому определению (Frontin., IV, 1, 11), либо датируются неточно (IV, 7, 42). У Плутарха в «Изречениях царей и полководцев» (Саес. Met., 1) вообще неясно, связан ли с Испанией содержащийся там пассаж.

⁸ Auct. de vir. ill., 61, 5; Val. Max., VII, 4, 5; Plut. Apopht. Caec. Met., 2; Frontin., I, 1, 12, где ошибочно говорится о Метелле Пии.

Ближняя Испания как провинция Квинта Метелла нигде прямо не названа, но частые упоминания кельтиберов в качестве его противников, равно как и кельтиберских топонимов позволяют определенно утверждать это (Арр. Iber., 76, 322: ареваки или в других рукописях ваккеи, нумантинцы; Liv., per. 53; Auct. de vir. ill., 61, 3: арбаки; Eutrop., IV, 16, 1; Val. Max., III, 2, 21; V, 1, 5; VII, 4, 5; Flor., I, 33, 10 = II, 17, 10).

Один пассаж, где говорится о Ближней Испании (Frontin., III, 7, 3), называет полководца, своей изобретательностью очень напоминающего Квинта Метелла, но здесь речь идет, к сожалению, о Луции Метелле. Однако о консуле 142 г. Луции Пецилии Метелле Кальве мы знаем, что он в год своего консульства неудачно воевал с лузитанами (Ер. Охугн. 53, Z. 167) и потому был, видимо, наместником Hispania Ulterior, тогда как в отношении его брата Квинта Метелла по различным источникам хорошо известно, что он являлся правителем Ближней Испании (кроме прочего, этот факт, возможно, способствовал возникновению путаницы у Валерия Максима — ІХ, 3. 7). Поэтому Ф. Мюнцер⁹ и вслед за ним Т. Р. С. Броутон предположили ошибку у Фронтина, более вероятную здесь, чем в трех других местах (IV, 1, 11; 1, 23; 7, 41), которые не дают поводов для подозрений и либо вообще не называют провинцию, либо говорят только об Испании в целом и к тому же рассказывают о Метелле Пие анекдот об умении хранить секреты, который Плутарх. Валерий Максим и автор сочинения «О знаменитых мужах» относят к Квинту Метеллу, а у Валерия Максима он к тому же прочно увязан с событиями в Испании. Возникает впечатление, что уже источник Фронтина, по-видимому, не давал точного указания. Однако причиной ошибки могли также быть трудности, связанные с техникой составления подборок exempla.

Наконец, позднейшее свидетельство о Квинте Цецилии Метелле, заметка в хронике Иоанна Антиохийского (FHG, IV, 538; fr. 60 Const. exc. de insidiis), нуждается в пояснениях, поскольку наряду с достоверной информацией она содержит

⁹ Münzer F. Caecilius (94) // RE. Bd. III. 1899. Sp. 1213-1216.

также явно или предположительно ошибочные данные. К последним бесспорно относится утверждение о том, будто Квинт Ценилий Метелл (дается полное имя) был *первым* римским военачальником, посланным против Вириата. В силу обстоятельств Квинт Метелл не мог действовать в Испании¹⁰. Лаже самое свободное истолкование источников позволяет считать первым римским военачальником, направленным против Вионата. Квинта Фабия Максима Эмилиана. Вот до какой степени неправильным оказывается данное сообщение хроники. То, что следует из этого, вызывает интерес в связи с часто высказываемым с опорой на Аппиана (Iber., 66, 279-67, 283; 68. 291) мнением о том, что консул 141 г. Квинт Помпей был направлен в Дальнюю Испанию, уже будучи претором. Позднее я подробно изложу свои возражения против такой точки зрения (см. ниже, наст. гл., § 4). Однако согласиться с этим заставляет в первую очередь фрагмент Иоанна Антиохийского. Применительно к Вириатовой войне хроника дает следующий ряд наместников Дальней Испании: Кв. Цецилий Метелл — Кв. Помпей — Кв. Цепион. Те же имена и ту же последовательность наблюдаем у Евтропия (IV, 16) в его первом списке правителей Испании. Евтропий упоминает Квинта Метелла в связи с Кельтиберией, на Помпея ясно указывает как на его преемника. «Немного позже» (nec multo post) «на эту войну» (ad id bellum) был направлен Цепион: «Эту войну вел против римлян в Лузитании некий Вириат». Одна оговорка: Евтропий дает обе испанских войны без четкой последовательности. Когда ниже он рассказывает о Нумантинской войне (IV, 17), то начинает со слов: «Затем консул Кв. Помпей (Q. Pompeius deinde consul)» etc., что в хронологическом отношении совершенно не согласуется с упомянутым выше консулом 149 г. Однако может подразумеваться претура Квинта Помпея, преемника Квинта Метелла, который до 142 г. включительно оставался в Ближней Испании, так что трудно понять, где нужно поместить претуру до консулата Помпея

¹⁰ Его претура в Македонии; триумф в 146 г.; Liv., рег. 52; двукратное поражение на консульских выборах: Auct. de vir. ill., 61, 3.

в 141 г. Подобная неясность может предполагаться и у еще более позднего Иоанна Антиохийского¹¹. К тому же у него всегда чувствуются особые трудности при передаче по-гречески римских имен собственных. От Полибия до Харакса нам попадаются римляне, которые называются лишь по личным именам, источники постоянной путаницы, что, как показано выше (см. наст. гл., § 1) особенно характерно для Испании того времени из-за многочисленных Квинтов.

Еще одно слово об отражении в античной традиции деятельности Квинта Метелла в Испании. Мы можем охарактеризовать эту традицию как сравнительно информативную 12. Своеобразная личность Метелла Македонского привлекала внимание писателей среди прочего и к его деятельности в Испании. Основания для такого суждения дает, если отказаться от довольно многочисленных отдельных сообщений о его деятельности, также ояд доугих фактов. Налицо необычная коаткость периохи 53-й книги Ливия. Ввиду приблизительно одинакового объема книг у Ливия (книги XXXI-XLV каждая в среднем насчитывают по 40-50 страниц тойбнеровского издания) это обстоятельство легче всего объяснить тем, что в 53-й книге содержатся немногие подробно рассказанные сюжеты, которые, естественно, можно резюмировать в нескольких фразах. В пользу этого говорит то, что данная книга охватывает только 143, 142 и часть 141 гг. (см. с. 29 о количестве описываемых лет в книгах Ливия). Такой вывод подтверждается оксиринхской эпитомой (53), где охотно пересказывается множество небольших анеклотов. В ней в более или менее полном виде содержится не менее трех историй о деятельности Метелла (Z, 161-163, 164-166), и это несмотря на то, что между первым и вторым сообщениями отсутствует колонка из 27 строк

¹¹ О зависимости Иоанна от Евтропия и перевода Капитона см.: Schanz M. Geschichte der römischen Literatur bis zum Gesetzbungswerk des Kaisers Justinians. München, 1959. Bd. IV, 1. S. 72. Из данного пассажа также следует, что Иоанн Антиохийский дополняет Евтропия.

 $^{^{12}}$ О тенденции этой подробности см.: Münzer F. Occius (1) // RE. Hbbd. 34. 1937. Sp. 1763.

(каждая из них, за исключением третьей, состоит из 28 строк). Отсюда можно заключить, что в оксиринхской эпитоме о Метелле было сказано еще кое-что. Также и из Валерия Максима (III, 2, 21) следует, что о легате Метелла Квинте Окции имелись отдельные истории (ср.: Ер. Охугћ. 54, Z. 186—187 по Ф. Мюнцеру¹³). Особый интерес к Метеллам проявлял Плутарх, который намеревался написать и, кажется, действительно написал биографию Метелла Нумидийского, которого иногда путают с Метеллом Македонским (см.: Gell., I, 6 вопреки Liv., рег. 59 и Suet. Aug., 89)¹⁴. Таким образом, Метелл Македонский наряду со Сципионом Эмилианом (о нескольких его биографиях сообщает Авл Геллий — III, 4, 1) оказался единственным из римских военачальников, воевавших в Испании, о котором пишет Плутарх в своем собрании апофтегм.

§ 3. Дальняя Испания в 147/146 г. и Ближняя Испания в 145/144 г.

Оба эти надежно засвидетельствованных источниками наместничества, Квинта Фабия Максима Эмиилиана в 145 и 144 гг. в Дальней Испании и Квинта Цецилия Метелла Македонского в Ближней Испании в 143 и 142 гг. завершают собою временной отрезок, в отношении которого более или менее известно о том, кто командовал римлянами в Испании. После наместничества консула Луция Лициния Лукулла в Ближней Испании и претора Сервия Сульпиция Гальбы в 151 г. сообщения на сей счет отсутствуют. У составителей эксцерптов, благодаря которым мы осведомлены об историографической традиции, не было особых причины называть имена отправлявшихся в испанские провинции в обычном порядке преторов, тем более что их внимание привлекали события, связанные с Карфагеном, Македонией и Коринфом. Ситуация изменяется лишь после возобновления войны с лузитанами и появления Вириата.

¹³ Münzer F. Occius (1) // RE. Hbbd. 34. 1937. Sp. 1763.

¹⁴ Cm.: Ziegler K. Plutarchus (2) // RE. Hbbd. 41. 1951. Sp. 896.

Согласно Аппиану, который и здесь является нашим наиболее информативным источником, между претурой Гальбы, его вероломным поступком в отношении лузитан и «процессом» в 151/150 г., с одной стороны и возобновлением лузитанской войны с другой, прошло какое-то время («спустя некоторое время»; «несколько позднее» — Арр. Iber., 60, 254: 61. 256). Неопределенность этого хронологического указания не мешает предположить, что речь идет о нескольких годах (подобное выражение, «немного времени спустя», в 49, 210 означает разрыв в несколько лет, тогда как, например, в 68, 290; 90. 397: 96. 416 таким образом обозначаются несколько дней или недель). Эпитоматор Ливия (рег. 52) и Орозий (V. 3, 1; 4. 1) о начале Вириатовой войны и претуре Гая Ветилия сообшают под 146 г. С другой стороны, ахейцы во время переговоров с римским послом Секстом Юлием Цезарем в Эгии знали не только о войне римлян с Карфагеном, но и о возникших у тех трудностях в Испании (Polyb., XXXVIII, 8, 10). Речь, следовательно, должна идти о войне с лузитанами, поскольку в Кельтиберии в это время царил мир. Начало ее, таким образом, относится к 147 или даже 148 г. Поэтому очевидно, что последовательность событий в периохе и у Орозия обусловлена не только хронологией, но и тем, что Ливий, их общий источник, возобновляет изложение испанских дел после рассказа о покорении Карфагена и Коринфа (ср. комментарий Буассевена к 73-му фрагменту Диона Кассия: Ливий начинает повествование о Вириате со 146 г.). При этом сведения Орозия (V, 4, 1-14) корректируются с помощью данных Флора (I, 33, 15-17 = II, 17, 15-17), поскольку последний в начале рассказа о Вириате правильно говорит в общей сложности о 14 годах войны (среди прочего упоминается Эбро), тогда как Орозий излагает дело таким образом, будто все началось лишь перед самой претурой Ветилия.

Первым противником Вириата сравнение источников позволяет считать Гая Ветилия (согласно рег. 52; Oros., V, 4, 2–3; и Арр. Iber., 61, 257–64, 272 перед Гаем Плавтием, последний по Аппиану (Iber., 64, 269–65, 273), — перед Фабием Максимом Эмилианом, по Орозию (V, 4, 3) перед

Клавдием Униманом, который у автора сочинения «О знаменитых мужах» (71, 1) назван первым). Рассказ Аппиана вполне ясен и к тому же позволяет сделать выводы о точной датировке событий. Попробуем увидеть это, двигаясь как бы в обратном направлении. Отправка в Дальнюю Испанию консула 145 г. Фабия Максима Эмилиана имела причиной то, что в Риме узнали о поражении Гая Плавтия (Арр. Iber., 64 270-65, 273; Liv., рег. 52 без указания имени консула). Таким образом, выходит, что Плавтий был претором в Hispania Ulterior, однако поражение он потерпел на территории Ближней Испании (Aoo. Iber., 64, 271; гора Венеры¹⁵). Речь идет о начале года, поскольку Плавтий «посреди лета» ушел на зимние квартиры (Арр., Loc. cit.). Так что во время борьбы за консульские должности на 145 г. военная репутация соискателей играла свою роль (это сообщается в отношении другого консула, Луция Гостилия Манцина, Плинием Старшим — NH. XXXV. 23), явно с учетом войны в Испании, ведение которой, как предполагалось, возьмет на себя один из них. Уже Плавтий повел в Испанию достаточно сильную аомию: 10 000 пехотинцев и 1300 всадников (Арр. Iber., 64, 269). Численность и без того примечательна для преторского войска (Фабий Эмилиан получил в следующем году как консул 15 000 пеших и 2000 конных воинов, чему, правда, определенно дается подробное разъяснение — 65, 274), но она обращает на себя внимание еще и потому, что римляне вели в тот момент войну с Карфагеном, а также в Македонии и Греции. Размеры войска указывают, как мне кажется, на то, что в Риме уже было известно о катастрофе, постигшей Ветилия, которая, таким образом, произошла в 147 г. 16 У Гая Ветилия. предшественника Плавтия в Дальней Испании (Арр. Iber., 61, 256: в Турдетании), были примерно такие же силы: он

 $^{^{15}}$ По мнению А. Шультена, это Сьерра де Сан-Висенте (Schulten A. Viriatus. S. 220), согласно Аппиану (Loc. cit.) — по ту сторону Тага.

¹⁶ По мнению Э. Корнеманна, весной 146 г. (Kornemann E. Die neue Livius-Epitome aus Oxyrhinchus. S. 98).

прибыл с «новой армией» против лузитан и присоединил к ней «стоявшие в Испании войска» (61, 257). Это было не чем иным, как контрмерой римлян по борьбе с вторжением в Турдетанию примерно 10 000 лузитан. Отправку этого корпуса надо рассматривать с учетом того, что шла война с Карфагеном. И по-видимому, не будет слишком смелым предположение о том, что слова «с новой армией» подразумевают поражение римлян в 148 г. — без указания имени римского военачальника. Это были «события в (Ливии и) Иберии», вести о которых дошли до Греции и которые пробудили надежду на то, что римляне «испугаются войны с ахейцами» (Роlуb., XXXVIII, 8, 10).

Положение осложняется тем, что нам известны имена трех следующих военачальников, которые воевали с Вириатом в те первые годы. Это Клавдий Униман (Flor., I, 33, 10 = II, 17. 10: Auct. de vir. ill., 71. 1; Oros., V. 4, 3-4: Claudius Unimammus), Гай Нигидий (Auct. de vir., 71, 1) и Гай Лелий (Cic. De off., II. 40; Brut., 84). Деятельность Лелия, несомненно, датируется 145 г., в котором он был претором (Сіс. Lael., 96; De off., II, 40), для Клавдия же — и соответственно Нигидия, названного вслед за ним у автора сочинения «О знаменитых мужах», согласно Орозию, в качестве terminus post quem выступает 146 г. Исходя из данных этого автора, я считаю очевидным, что Клавдий был наместником в Испании в 145 г., поскольку, как это недвусмысленно сказано в источнике, его отправка туда с сильным войском должна была смыть позор поражения, понесенного Плавтием в 146 г. Поражение же Клавдия, как мы видели, имело следствием посылку в дальнюю провинцию консула Фабия Эмилиана. Возможно. Орозий несколько преувеличил, говоря о крупных силах Клавдия (cum magno insrtuctu belli — V, 4, 3), но это сообщение вполне согласуется с предшествующей традицией. Необходимость дать войска Клавдию могла сказаться и на численности сил Фабия — или последняя стала результатом преднамеренных действий его противников¹⁷. Во всяком случае,

¹⁷ Cp.: Schulten A. Viriatus. S. 221.

представляется несомненным вывод о том, что Клавдий стал первым наместником в Ближней Испании, которого мы знаем после пребывания там Лукулла в 151 г.

Однако на 145 г. приходится также претура Гая Лелия, о которой мы знаем по событиям в Риме с участием самого Лелия: имеются в виду споры вокруг закона о жреческих коллегиях, предложенного Гаем Лицинием Крассом (Сіс. Lael., 96; Втит., 83). В связи с этим мне кажется весьма вероятным, что Лелий был отправлен в Испанию лишь в течение года, когда пришла весть о поражении Клавдия¹⁸. Это обстоятельство лучше всего объясняет тот бросающийся в глаза факт, что вся историографическая традиция обходит молчанием командование Лелия в Испании. Существует, кажется, лишь одно указание на него: Аппиан сообщает, что Фабий Эмилиан в 144 г. был «вторым», кто разбил Вириата (Iber., 65, 278)¹⁹.

Остается определить, где и когда был наместником Гай Нигидий, о котором сообщается лишь в сочинении «О знаменитых мужах» (71, 1). Речь, по-видимому, должна идти о преторе, иначе он оказался единственным не-наместником в латинских историографических эксцерптах (исключая доблестного Квинта Окция). Поэтому представляется невероятным предположение Э. Корнемана²⁰, что именно Нигидий был не названным по имени помощником Фабия Эмилиана, кото-

¹⁸ Сходная ситуация имела место в 137 г., когда Марк Эмилий Лепид Порцина сменил своего коллегу по консулату Гая Гостилия Манцина, потерпевшего поражение от нумантинцев (Арр. Iber., 80, 348).

¹⁹ Под первым, которого Аппиан не назвал, мог подразумеваться Лелий. О его успехах, которые должны были иметь место в 145 г., сообщает Цицерон (претор: Сіс. Lael., 96). Этого мнения придерживался уже М. Хофман, полагавший, правда, что Лелий сражался под ауспициями Фабия, и У. Й. Х. Беккер, который считал, что Лелий был претором Ближней Испании в 145 г., и датировал его победы первой половиной этого года (см.: Hoffmann M. De Viriathi Numantinorumque bello. Diss. Greifswald, 1865. P. 41; Becker U. J. H. Die Kriege der Römer in Hispanien. 1. Ht.: Viriath und die Lusitaner. Altona, 1826. S. 33–34).

²⁰ Kornemann E. Die neue Livius-Epitome aus Oxyrhinchus. S. 99.

рый потерпел поражение от Вириата (Арр. Iber., 65, 275—276). То, что командование Нигидия имело место позднее, чем Клавдия, следует из сочинения «О знаменитых мужах» (71, 1). В качестве terminus ante quem здесь выступает консульство Попилия Лената в 139 г. Для этого периода известны все наместники Ближней Испании со 143 г. В отношении Дальней Испании трудности имеются только для 143 и 142 гг., причем и для того и для другого года мы располагаем именами двух, если даже не трех римских командующих (см. ниже, наст. гл., § 4). Мы не знаем лишь, кто правил Ближней Испанией в 144 г. Отправка туда претора хорошо согласуется с победными реляциями Лелия (Сіс. De off., II, 40).

Отсутствие имен Клавдия, Лелия и Нигидия у Аппиана большого удивления не вызывает. В самом деле, белые пятна возникают у Аппиана лишь когда речь идет об операциях римлян в Дальней Испании. Во всяком случае, в источниках Аппиана действия наместников обеих провинций в определенные годы излагаются отдельно. Аппиан проводит свой композиционный принцип изложения материала «по народам» (Ргооет. 49) в некоторых книгах своего труда²¹, причем в «Иберийской книге» получается так, что в зависимости от обстоятельств он ведет рассказ о действиях отдельных наместников Ближней и Дальней Испании²². Понятно, что при этом в

²¹ См.: Münzer F. 1) Fabius. Sp. 1812; 2) Anmerkungen zur neuen Livius-Epitome // Beiträge zur alten Geschichte. Bd. V. 1905. S. 135—139. Ф. Мюнцер указывает на последствия аппиановой композиции.

²² В *Iber.*, 44, 180—55, 233 Аппиан рассказывает о наместниках Ближней Испании, в 56, 234—72, 321 — о действиях правителей Дальней Испании, в 76, 322—99, 428 вновь Ближней. Соответственно в 66, 279 автор отступает от принципа, провозглашенного им в *Prooem.* 49, сопровождая это недвусмысленным замечанием о вновь разгоревшейся кельтиберской войне, которая шла одновременно с Вириатовой войной, чтобы в 76, 322 повести рассказ о событиях в Кельтиберии. Он верно указывает на связь двух войн, называя имя наместника Ближней Испании, который потерпел поражение от лузитан вместе с правителем Дальней Испании (56, 234; правда, мы не знаем точно, кто им был, Маний Манилий или Луций Кальпурний

его рассказ могут легко закрасться пропуски, если наместник Hispania Citerior вступал в войну с лузитанами, борьба с которыми была делом прежде всего правителя Hispania Ulterior. Аппиан даже вполне определенно указывает на это, говоря, что ему, помимо данных о наместниках Дальней Испании до 144 г. известны еще и другие события, случившиеся на Пиренейском полуострове (Iber., 63, 265). Он лишь не заводит речь о своем принципе изложения. То, что операции Вириата в конечном счете распространились и на Hispania Citerior, достаточно известно вне зависимости от имен наместников²³.

§ 4. Hispania Ulterior B 143-142 22.

Теперь нужно попытаться разрешить вопрос о наместниках Дальней Испании в 143 и 142 гг. Лишь несколько слов о последующих годах: о консуле 142 г. Фабии Максиме Сервилиане уже выше шла речь в связи с его приемным братом Фабием Эмилианом. Поэтому мы будем рассматривать здесь лишь те данные, которые имеют решающее значение для определения хронологии его деятельности. Основой этой хронологии является опять-таки оксиринхская эпитома, которая сообщает о нем сведения из 53-й книги под 141 г. (Z. 171—172) и из 54-й книги под 140 г. (Z. 185—186). С этим совпадает информация периох 53-й и 54-й книг, которые в соответству-

Пизон Цевонин, см. гл. I, § 1). Далее Аппиан повествует о действиях Лициния Лукулла в Hispania Ulterior в тесной взаимосвязи с операциями Сульпиция Гальбы (59, 247—60, 255) и об участии Децима Юния Брута в осаде Палантии (80, 349—82, 357). В то же время он обходит молчанием участие Марка Клавдия Марцелла в кампании 152 г. в Дальней Испании, о чем известно из Полибия (XXXV, 2, 2) и вступлении консула 139 г. Марка Попилия Лената в войну против Вириата (об этом сообщается в: Diod., XXXIII, 19; Dio Cass., XXII, 75; Auct. de vir. ill., 71, 2).

²³ Сеговия: Frontin., IV, 5, 22; Сегобрига: Frontin., III, 10, 6; 11, 4; Карпетания: Арр. Iber., 64, 269; 70, 298; область Эбро: Flor., I, 33, 15 = II, 17, 15; Oros., V, 4, 2.

юших местах называют Фабия проконсулом. Соответственно в первом месте речь идет о тех самых событиях, которые описываются у Аппиана в *Iber.*. 68 и отнесены к тому же времени, что и у Орозия (V. 4, 12: о «консуле», каковым назван здесь Фабий. см. выше, наст. гл., § 1), Фронтина (IV, 1, 41) и Валеоня Максима (II, 7, 11) (к вопросу о провинции см. выше, § 2). Второму месту соответствуют сообщения Аппиана. Диодора и Харакса (App. Iber., 68, 291-69, 294; Diod., XXXIII, 1, 4; Charax, fr. 27). Выше мы уже видели, что Луций Цецилий Метелл Кальв был в 142 г., по всей вероятности, наместником в Дальней Испании (Ер. Oxyrh. 53, Z. 167; ср.: Obseq., 22 под 142 г.). Аппиан ничего не сообщает о нем. Или он опустил сообщение своего источника о Метелле Кальве, или уже там он ничего не нашел о последнем²⁴. Во всяком случае, вояд ди это умолчание было сознательным, ибо в противном случае он не начал бы словами «в следующем году» (Iber., 67, 283) повествование о Фабии Сервилиане, в который он включил рассказ о Квинкции; отсутствуют указания на то, что повествующий о Фабии отрывок 67, 283-287, как и последующее изложение до 68.291, не относится к $141 \, \text{г.}^{25} \, \Pi$ ри этом,

²⁴ Точка эрения Ф. Мюнцера (Münzer F. Fabius. Sp. 1813), что у Аппиана (Iber., 66, 281–67, 283) под Коситься или Коситоя имеется в виду имя Луция Метелла («может быть, его когномен Калочоя?»), представляется мне весьма рискованной. Ведь в таком случае у Аппиана выпадают события 143 г. в Дальней Испании, поскольку предложенная там же Мюнцером гипотеза о том, что Квинт Метелл в 143 г. был наместником обеих испанских провинций, сомнительна.

²⁵ Я бы хотел обсудить еще один вариант, который, правда, не принимаю сам, поскольку, хотя он и устраняет некоторые трудности, связанные с традицией, но порождает новые проблемы по существу дела: несмотря на молчание периох Ливия и оксиринхской эпитомы, вполне возможно отнести рассказ Аппиана в 67, 283—287 к 142 г. (у него нет разрыва между 141 и 140 гг.; таковой, возможно, имеет место в 68, 291). Тогда оказалось бы, что Фабий фактически прибыл в Испанию «в следующем году» после Квинкция, хотя между ними обоими оказывается неудачная деятельность Луция Метелла («преемник» у Аппиана (Iber., 67, 283) не следует понимать слишком

однако, можно считать, что Дальней Испанией управлял в 142 г. консул Луций Метелл, которого в 141 г. сменил его коллега Фабий Сервилиан.

Под тем, что Аппиан сообщает в 66-й главе «Иберийской книги», нужно понимать события в Hispania Ulterior 143 г., и всякий, кто читает этот текст, распознает здесь одну цепь фактов, повествующую о судьбе одного претора, Квинкция (в рукописях дважды Κοίντιος, один раз Κόίντος):

- 1) Фабий Эмилиан добивается успехов в борьбе с Вириатом и зимует в Кордубе (Арр. Iber., 65, 278).
- 2) В этом не слишком благоприятном для него положении Вириат побуждает к измене римлянам ареваков, титтов и беллов (66, 279).
- 3) (Вставка) Они ведут большую войну против Рима, о которой Аппиан расскажет после того, как закончит повествование о борьбе с Вириатом (66, 280).
- 4) «В противоположной части Испании» Вириат сражается «с другим военачальником римлян, Квинкцием», терпит поражение и отступает к «горе Венеры» (66, 281).

узко). И «консул» у Орозия (V, 4, 12), возможно, появился потому, что Орозий из ряда событий, связанных с консулом (и позднее проконсулом) Фабием, сохраняя за ним первоначальный ранг, пересказывал только те, которые имели место на втором году его деятельности в Дальней Испании. В отношении же Луция Метелла можно предполагать, что в дальнейшем (очевидно, в 141 г.) он действовал в качестве проконсула в Цизальпинской Галлии (CIL, I, 547, 548 = V, 2491, 2492; cp.: Münzer F. Caecilius (83) // RE. Bd. III. 1899. Sp. 1208). Можно с натяжкой предположить, что Луций Метелл после понесенного им поражения еще до истечения консульства был заменен своим коллегой. О такого рода замене источники сообщают лишь один раз — о Гостилии Манцине, то же самое было сделано, по-видимому, в отношении Клавдия Унимана, что в обоих случаях явилось катастрофой для этих персонажей (пожалуй, также и для Клавдия, о котором мы более ничего не слышим). Однако ничего не известно о подобных последствиях неудачи в 142 г. для Луция Метелла, и поэтому, несмотря ни на что, его замена в столь драматической форме, как нам кажется, исключается.

- 5) Возобновив наступление, Вириат одерживает победу, римляне теряют множество людей убитыми, лишаются знамен, их преследуют вплоть до самого лагеря. Вириат изгоняет гарнизон из Итукки и опустошает область бастетанов (66, 282).
- 6) Квинкций вследствие «трусости и неопытности» не оказывает им помощи, уходит в Кордубу на зимние квартиры уже в середине осени и отправляет против Вириата только Гая Марция, испанца из Италики (66, 282).

В это изложение И. Швайгхойзер вставляет между параграфами 65, 278 и 66, 279 отрывок из 68-й главы Аппиана (§ 291), который разрушает связность повествования в том месте и который П. Фирек и А. Г. Рооз считают не принадлежащим Аппиану²⁶. Этот фрагмент должен был бы продолжать фразу из § 278 так: «который (Фабий) тогда уже втооой год будучи командующим в этой войне. И после этих деяний Фабий возвратился в Рим, а его преемником по командованию стал Квинт Помпей, сын Авла»²⁷. Эта вставка сильно усложняет достаточно ясное сообщение Аппиана. Для возникающих в результате трудностей с интерпретацией текста показательно то, что А. Шультен видит в этом, опираясь на аппианово «в следующем году» (67, 283) (отброшенное нами выше), сообщение о двух годах (Квинт Помпей в 143 г. в Дальней Испании)28. При этом, правда, применительно к первому году Помпея упоминается лишь его имя, а о втором нет

 $^{^{26}}$ Appiani Historia Romana. Vol. I / Edd. P. Viereck et A. G. Roos. Leipzig, 1939. Anm. 113.

²⁷ При этом дело не обходится без конъектуры. В рукописи говорится не об Эмилиане, а о Сервилиане, и к тому же мы должны убрать слова «его брат Максим Эмилиан». За эту перестановку выступают У. Й. Х. Беккер и Л. Мендельсон в их издании, а также В. Друманн и П. Гребе (Drumann W., Groebe ρ . Geschichte Roms im Zeitalter des Übergang von der Republik zur Monarchie. Bd IV. Berlin, 1908. S. 314), А. Шультен (Schulten A. Viriatus. S. 222), Т. Р. С. Броутон (Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. I. ρ . 473) и, наконец, Х. Гундель (Gundel H. Viriatus // RE. 2. Reihe. Hbbd. 17. 1961. Sp. 215).

²⁸ Schulten A. Viriatus. S. 222.

вообще никаких сведений. Х. Гундель же избирает еще более тяжелый путь: по его мнению, в 68, 291 речь идет о Квинте Помпее, в 66, 281 и первой половине 66, 282 (об опустошении земель бастетанов) о Квинкции, а в оставшейся части § 282 вновь о Помпее (при изменении κιντίου на κοϊντίου, зато, разумеется, готов сохранить оба аппиановых κοίντ ϕ (67, 283), которые уже И. Швайгхойзер исправил на коϊντί ϕ). При этом Аппиан указывает на смену военачальников только с помощью двух столь похожих имен 29 .

Можно утверждать, что после всего сказанного выше остается открытым лишь вопрос о наместнике Дальней Испании в 143 г. В связи с этим Аппиан сообщает в 66, 281—283 его имя «Квинкций» и рассказывает о его поражениях в борьбе с Вириатом (при этом становится очевидно, что нет необходимости искать решения вопроса с помощью конъектуры между котого и кототос). Неудачная вставка И. Швайгхойзера не только не способствует уяснению текста, но, напротив, вносит в него путаницу. Следует придерживаться той точки эрения, которую справедливо отстаивали уже Т. Моммзен³⁰ и Д. Вильсдорф³¹. Согласно оной в 143 г. в Дальнюю Испанию отправили Квинкция, а не Квинта Помпея, что отвергается expressis verbis³². Тем не менее их гипотезу нужно подкрепить в двух отношениях дополнительными аргументами.

Первое — это вопрос о форме имени, на что указывал Д. Вильсдорф (см. пред. примеч.). О проблеме римских имен у греческих авторов мы уже говорили выше (см. наст. гл., § 2). Аппиан, по его собственным словам, придерживается здесь

²⁹ Согласно А. Шультену (Schulten A. Viriatus. S. 222. Anm. 2), это делается с помощью фразы «в противолежащей Испании... с другим римским военачальником» (66, 281), что Шультен относит к Ближней Испании (начиная с 66, 279) — после того как благодаря вставке прежде речь шла о Квинте Помпее и, следовательно, о Дальней Испании.

³⁰ Моммзен Т. История Рима. Т. II. С. 13.

³¹ Wilsdorf D. Fasti Hispaniarum provinciarum. Leipzig, 1878.
P. 101.

³² Ibidem.

совершенно правильного принципа: «Что же касается имен у оимлян, то у них, как и у всех людей, издревле для каждого было одно имя, после же их стало два; и немного времени пропило, как и третье начали давать некоторым для того, чтобы было легче их узнавать в связи с каким-либо событием в их жизни или как отличие его доблести, подобно тому, как и из эллинов некоторым к их именам были прибавлены прозвища. Я же буду иногда буду упоминать и все имена, притом преимушественно называя наиболее знаменитых, чтобы легче было узнавать этих мужей. Но по большей части и тех, и других я буду называть тем именем, которое считается главнейшим» (Procem. 13, 51-52). Этому принципу Аппиан в целом следует и в «Иберийской книге». Поэтому у него лишь один раз встречается случай, когда он называет римлянина лишь по его преномену (Луций Корнелий Азиатик в 29, 114), в то время как обоих Сципионов в Испании после упоминания их полного имени (14, 54) в дальнейшем благоразумно называет лишь по их личным именам Гнеем и Публием (Гнея, кроме того, один оаз и Сципионом). В отношении лиц, которые называются у Аппиана вообще только по одному из имен, он обычно предпочитает 14 × gentile и 11 × cognomen, а у тех, кто упоминается с двумя или тоемя именами 7 × gentile и 15 × cognomen, где автор приводит только одно имя. Налицо некоторое преимущество когноменов, которое было бы еще очевиднее, если бы в это число входили не все лица, которые вовсе не имели когноменов. Таким образом, все это в совокупности, можно полагать, является результатом разумного применения разумного принципа.

Как же обстоит дело с интересующим нас лицом? Квинт Помпей, сын Авла, там, где он в первый раз появляется (за исключением спорного пассажа 68, 291), обозначается полным именем, дальше же везде просто как Помпей. Фабий Эмилиан сначала назван Фабием Максимом Эмилианом, сыном Эмилия Павла, «победителя Персея, царя Македонии» (65, 273), затем Максимом (65, 276). В 67, 283 он поименован как «брат Эмилиана, Фабий Максим Эмилиан», где это второй Эмилиан, вслед за которым трижды следует «Сервилиан» (67, 287; 68, 288 и 290). Ошибка слишком очевидная, чтобы говорить

о ней дальше. Но то, что в 67, 283 вначале стоит «Эмилиан» тогда как обычно он всегда называется Максимом (см. также-90, 392 и 395), вполне объяснимо, поскольку здесь «Максим» не помогает отличить одно лицо от другого. Таким образом, если говорить о Максиме Эмилиане, Аппиан хочет обозначать последнего именно с помощью его когномена «Максим». В отличие от этого, что характерно, в спорном пассаже 68. 291 стоит «Фабий Эмилиан» и, очевидно, как следствие, затем дважды «Эмилиан» (69, 293 и 70, 296), под которым. видимо, подразумевается Сервилиан (чье имя и было вставлено в текст издателями). Фабий Сервилиан, как упоминалось выше, после первого (и вместе с тем ошибочного) обозначения полным именем (67, 283) далее последовательно называется Сервилианом (67, 287; 68, 288 и 290). В трех других упомянутых местах он перепутан со своим более известным братом Эмилианом (68, 291; 69, 293; 70, 296), несмотря на то, что Аппиан именует последнего особым образом. Если признать обоснованной вставку пассажа 68, 291 между 65, 278 и 66, 279, то за исключением обеих вышеупомянутых конъектур. сделанных А. Шультеном (см. выше), следовало бы признать. что хотя Аппиан вначале дает полное имя Квинта Помпея, сына Авла, то затем в 67, 283 он называет его просто Квинтом. По мнению Х. Гунделя, он поступил так уже во второй половине пассажа 66, 282^{33} (к кому относит Гундель начало 67, 283, к Квинкцию или Помпею, остается неясным). Очевидно, таким образом, что названная вставка не только вносит путаницу, но и заставляет предполагать, будто в «Иберийской книге» Аппиана имело место совершенно необычное употребление имен.

То, что в дальнейшем о преторе Квинкции ничего не известно, не должно удивлять. Он разделил судьбу других преторов Гая Плавтия, Клавдия Унимана и Гая Нигидия, о которых мы знаем только то, что связано с их неудачами в Испании. О Плавтии мы знаем, что по возвращении в Рим за неудачное исполнение должности он был обвинен по закону de maiestate и удалился в изгнание (Diod., XXXIII, 2). Судьба консула Гая

³³ Gundel H. Viriatus. Sp. 215.

Гостилия Манцина хорошо известна. Квинт Фульвий Нобианор подвергался нападкам Катона (Liv., per. 49). Для Квинкшия, как и для других названных преторов, поражения в Испании должны были стать концом их политической карьеры. Поэтому у историков не было повода сообщить о них что-либо еще. Совершенно иная ситуация с Квинтом Помпеем. Лействительно ли он накануне своего консульства сражался в Испании так бесславно³⁴ или так, что об этом не сохранилось никаких известий³⁵, как то иногда предполагается? О том, что поетура Помпея в тот момент была невозможна, справедливо писал уже Λ . Вильсдорф³⁶: консул 141 г. не мог быть претором в 143 г., о пропоеторстве же сведений нет (на это не обратил внимания А. Шультен³⁷). Кроме того, можно не просто увеоенно поедполагать в отношении 142 г. его присутствие в Риме в связи с консульскими выборами на 141 г., но оно засвидетельствовано источниками (Plut. Apopht. Scip. Min., 8). Исполнение Помпеем обязанностей консула, а затем и проконсула в Испании предполагает, что, во всяком случае, вплоть до своего избрания он пользовался в Риме определенной репутацией, каковая была бы немыслима, если бы до того он потерпел в Испании поражение во время претуры. Подобное для homo novus в такой момент карьеры означало крушение всех надежд. Ведь Помпею и позднее пришлось приложить немало усилий, чтобы избежать крупных неприятностей, которыми грозил ему заключенный им договор с нумантинцами (Сіс. De гер., III, 28: acerrime se defendit). Его враги были весьма многочисленны: Квинт Цецилий Метелл (Val. Max., IX, 3, 7; VIII, 5, 1; Cic. Pro Font., 23; Dio Cass., XXXIII, 82), Луций Цецилий Метелл (Val. Max., VIII, 5, 1; Cic. Pro Font., 23). Гней и Квинт Сервилии Цепионы (Val. Max., VIII, 5, 1; Сіс. Pro Font., 23), Луций Фурий Фил (Dio Cass., XXIII, 82). наконец, Сципион Эмилиан (Plut. Apopht. Scip. Min., 8).

³⁴ Schulten A. Viriatus. S. 222 (of App. Iber., 68, 291).

³⁵ Cundel H. Viriatus. Sp. 215 (o6 App. Iber., 66, 282 (fin.)).

³⁶ Wilsdorf D. Fasti Hispaniarum provinciarum. P. 101.

³⁷ Schulten A. Viriatus. S. 222.

Последний пассаж, пусть его историчность спорна³⁸, свидетельствует о том, что в политической жизни Рима Помпей поедставлял собой величину, с которой приходилось считать. ся³⁹. Он добился высокого положения, будучи «из низкого и темного звания (hunili atque obscuro loco natus)» (Cic. Verr. II. 5. 181. — Пер. В. Н. Чемберджи), «исключительно благодаря самому себе, не опираясь ни на какие заслуги предков (per se cognitus sine ulla commendatione majorum)» (Cic. Brut. 96. — Пер. И. П. Стрельниковой), что подтверждает и древнейшее свидетельство о нем, фрагмент из Публия Рутилия Руфа (7 HRR): «Помпей старался, чтобы узнать народ и красноречиво приветствовал его (Pompeius elaboravit, uti populum Romanum nosset eumque artificiose salutaret)»⁴⁰. Все упоминания о нем в источниках указывают на его ревностное усердие в этом отношении. Ситуация во время консульских выборов на 141 г. была бы для него безнадежной, если бы он прежде неудачно исполнял должность. Таким образом, как сам текст Аппиана, так и общие соображения о тогдашнем политическом положении в Риме свидетельствуют против наместничества Помпея в Дальней Испании.

³⁸ К. Бильц считает его — и, как мне кажется, справедливо — вымышленным (Bilz K. Die Politik des P. Cornelius Scipio Aemlianus. Diss. Würzburg, 1935. S. 59. Anm. 153). О. Хильтбруннер, напротив, считает его каламбуром Сципиона Эмилиана (Hiltbrunner O. (Hg.) Thesaurismata. Festschrift für Ida Карр zum 70. Geburtstag. München, 1954. S. 49 ff.).

³⁹ См.: Bilz K. Die Politik des P. Cornelius Scipio Aemlianus. S. 59. Anm. 153; Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart, 1920. S. 248—249, который даже считает Помпея сторонником Сципиона, а их5 вражду — кратковременной.

⁴⁰ См. также: Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. S. 248. Anm. 1.

148-144 гг.: ПЕРВАЯ ФАЗА ВИРИАТОВОЙ ВОЙНЫ

§ 1. Появление Вириата. Победа над Гаем Ветилием

Пока в обеих Испаниях царило спокойствие — в Ближней Испании после заключения мира Марцеллом, в Дальней — после вероломных действий Гальбы и Лукулла¹. Для Рима такая ситуация была весьма полезна, поскольку начиная с 149 г. его внимание полностью переключилось на Третью Пуническую войну. К тому же произошла смута в Македонии, связанная с появлением Лжефилиппа, а после ее окончания начались осложнения в Ахайе. К этому времени, однако, в Испании уже вновь стало неспокойно, а именно в Hispania Ulterior. Подобно тому как недавно карфагеняне хотели воспользоваться тем обстоятельством, что Массиниссу отвлекали войны Рима в Испании, теперь также отчетливо вырисовыва-

¹ Х. Гундель усматривает в одном из пассажей Светония (Galba, 3, 2: «говорят (tradunt), что... [Гальба] перебил тридцать тысяч лузитанцев, из-за чего возгорелась Вириатова война». — Пер. М. Л. Гаспарова) указание на то, «что Вириат сразу после 150 г. начал активно бороться с римлянами, чтобы отомстить им» (Gundel H. Viriatus // RE. 2. Reihe. Hbbd. 17. 1961. Sp. 207). Это едва ли верно. Против такого предположения свидетельствуют усилия в защиту лузитан, предпринимавшиеся в Риме, что предполагает мирные отношения. Указание Светония (tradunt) скорее говорит о представлениях, возникших поэднее. Мысль о связи между вероломством Гальбы и возобновлением войны, по-видимому, присутствует и в Оксиринхской эпитоме (52, Z. 146—148), правда дополненной не вполне надежными сведениями.

лась связь между двумя различными конфликтами. Во время переговоров с ахейцами в 147 г. в Эгии римский посол Секст Юлий Цезарь (консул 157 г.) попытался утихомирить греков. Враги Рима из числа ахейцев даже истолковали это как проявление слабости, обусловленной «событиями в Ливии и Иберии» (Polyb., XXXVIII, 10, 10). Речь, естественно, идет об осаде Карфагена, которая требовала огромных усилий. Кроме того, в Греции, очевидно, знали, что римляне неудачно сражаются в Испании.

Сообщения о действиях претора Гая Ветилия, очевидно, и были теми известиями, которые проникли в Ахайю — если только то же самое не произощло в Испании в 148 г. Начиная со 150 г. обе испанские провинции управлялись преторами. Первый из них, имя и судьба которого нам известны, был упомянутый Ветилий, претор Дальней Испании в 147 г. (App. Iber., 61, 257-63, 266; Liv., per. 52; Oros., V, 4, 2; C. Vecilius; Diod., XXXIII, 1, 3: Vitellius)². Вновь лузитаны вторгансь в Турдетанию числом 10 000 человек, причем среди них было немало тех, кто спасся от Гальбы и Лукулла (Арр. Iber., 61, 256). Ветилий привел из Рима новые войска и присоединил к ним те, что уже находились в Испании. Отнюдь само собой не разумелось, что каждый претор имел при себе свежие войска, и это, по-видимому, со стороны римлян было мерой, которая особенно бросалась в глаза, если учесть, что шла Третья Пуническая война. То было ответом на лузитанское вторжение, которое имело место еще в 148 г. 3 В целом в распоряжении Ветилия было приблизительно 10 000 человек (61, 257). Поначалу претор действовал успешно. Он атаковал неорганизованные отряды лузитан, нанес им тяжелые потери и принудил их отступить в место, где они, судя по

² C_{M.}: Gundel H. Vetilius (1) // RE. 2. Reihe. Hbbd. 16. 1958. Sp. 1835–1836.

³ Выражение Аппиана в *Iber.*, 61, 257, где говорится, что Ветилий привел из Рима «другое войско», возможно, даже указывает на неудачное ведение римлянами войны в предыдущем году. Не исключено, что уже эти события были известны ахейцам.

всему, оказались в практически безвыходной ситуации⁴: оставаясь там, они погибли бы от голода, а при попытке выоваться, несомненно, попали бы в руки римлян. Находясь в таком отчаянном положении, лузитаны отправили к Ветилию послов и просили его предоставить землю, где они смогли бы поселиться. Ветилий пошел навстречу их желаниям, и лело уже близилось к заключению договора (Арр. Iber., 61. 257-258)5. Однако в этот момент сказались последствия бесчестного поведения прежнего римского наместника. Среди окруженных лузитан находился человек по имени Вириат. Он также был из числа тех, кто ускользнул от нападения Гальбы. Теперь он объявился и напомнил своим землякам о недавнем вероломстве римлян. Сколько раз они, несмотря на все клятвы, нападали на лузитан, и теперешнее лузитанское войско состоит из остатков тех отрядов, которые стали жертвой Гальбы и Лукулла — последнее, пожалуй, на тот момент было явным преувеличением. Кроме того, Вириат объяснил, что есть надежда спастись, если они будут слушаться его (Арр. Iber., 61, 259. Аппиан здесь кратко передает прямую ρечь, как то следует из διαφύγοιμεν, неполно переданного в oratio obliqua6).

 $^{^4}$ По мнению А. Шультена, окружение произошло в долине или дефиле, окруженных горами (Schulten A. Viriatus // NJb. Bd. 39. 1917. S. 217. Anm. 1).

⁵ Г. Де Санктис связывает с этим (предварительным) успехом Ветилия замечание в Оксиринхской эпитоме (51, Z. 136) и предполагает, что Ветилий, окружив лузитан, даже направил в Рим победное донесение (De Sanctis G. Storia dei Romani. Vol. IV. La fondazione dell'impero. Pt. 1. Dalla bataglia di Naraggara alla battaglia di Pidna. Torino, 1923. P. 483). Детали нам неизвестны (с сомнениями: Gundel H. Viriatus. Sp. 208). Представляется лишь весьма вероятным, что у Ливия под 147 г. сообщалось о победе римлян над лузитанами. То, что Г. Де Санктис считает театром боевых действий Ближнюю Испанию (De Sanctis G. Storia dei Romani. Vol. IV. Pt. 1. P. 483), несомненно, является ошибкой.

 $^{^6}$ То же см. у П. Фирека и А. Г. Рооза применительно к $A\rho\rho$. Lib., 73, 343.

Об этом Вириате, чьи энергия и осмотрительность скоро стали хорощо известны римлянам, впоследствии сообщали самое разное. Он принадлежал к числу тех лузитан, что жили недалеко от океана (Diod., XXXIII, 1, 1), и был простым пас-TVXOM (Diod., XXXIII, 1, 1; Liv., per. 52; Dio Cass., XXII, 73; Eutrop., IV, 16, 2; Oros., V, 4, 1) в горах, находящихся, вероятно, в современной центральной Португалии⁷. Именно благодаря своему низкому происхождению он обладал ценнейшими качествами военного предводителя. Жизнь пастуха в горах закалила его тело (Diod., XXXIII, 1, 1); непритязательность была его второй натурой⁸, и постоянная необходимость быть готовым к борьбе с разбойниками и дикими зверями (Diod... XXXIII, 1, 2) в высшей степени закалила его ум и душевные силы. Но он обладал также способностями, которые не объяснялись его происхождением. Вириат отличался выдающимися военными дарованиями⁹, а также данными, необходимыми для руководства людьми¹⁰. Сильный характер позволил ему одо-

 $^{^{7}}$ По мнению А. Шультена, Сьерра Эстрейя (Schulten A. Viriatus. S. 215).

⁸ Dio Cass., XXII, 73, 2; Diod., XXXIII, 1, 2 и 21а. Аналогичные черты характера названы в историческом повествовании: Арр. Iber., 67, 287; 71, 312. О Вириате в годы его наивысшего могущества: Diod., XXXIII, 7, 2—3. В этом отношении он описывается как воплощение добродетелей своего народа. У Страбона в связи с этим говорится: «Все жители гор (т. е. лузитаны) ведут простой образ жизни, пьют воду, спят на голой земле» (Strabo, III, 3, 7, р. 154—155).

⁹ Dio Cass., XXII, 73, 3; Diod., XXXIII, 1, 2; 21a; Flor., I, 33, 15 = II, 17, 15; Iustin., XLIV, 2, 7. Примеры его военных хитростей многочисленны, и о них будет рассказано в соответствующих местах.

¹⁰ Dio Cass., XXII, 73, 4; см. также: Iustin., XLIV, 2, 7–8. Особо отмечается справедливость при разделе добычи, а в связи с этим и тот факт, что в его войске никогда не было мятежей: Арр. Iber., 71, 318−319; Diod., XXXIII, 1, 3; 5; 21a; Cic. De off., II, 40. Эти обстоятельства подчеркиваются не без умысла, читатель должен воспринимать их на фоне нечестного раздела добычи Гальбой (Арр. Iber., 60, 255) и мятежом против Цепиона (Dio Cass., XXII,

леть соблазн предаться сибаритству в годы наивысшего могущества (ср. анекдотический рассказ у Диодора — XXXIII, 7, 1–3), что также весьма укрепило его отношения с воинами. Но более поздних авторов всегда очаровывал феномен его взлета, который обретал вид формулы: сначала Вириат пастух, затем разбойник и, наконец, полководец¹¹.

Таким образом, Вириат сумел убедить соотечественников в правильности своих слов, вдохнуть в них новые надежды и убедить их избрать его предводителем¹². Он даже выставил весь отряд перед фронтом, словно для сражения. Однако большей его части Вириат приказал, как только он вскочит на коня,

^{78).} Х. Гундель справедливо указывает на то, что такое поведение Вириата обусловливалось скорее чертами характера, нежели трезвым расчетом.

 $^{^{11}}$ В подлинном виде эта трехступенчатая структура присутствует у Диона Кассия (вообще наиболее отточенная характеристика Вириата): пастух — разбойник — военачальник (π оι μ ήν — λ ηστής — σ τρ α τηγός) (XXII, 73, 1). Часто намеренно или по ошибке стилизованная, эта формула предстает перед нами в различных вариациях, иногда только в виде намеков вплоть до поэдних авторов: Diod., XXXIII, 1, 3; Liv., per. 52; Vell. Pat., II, 1, 3; Frontin., II, 5, 7; Flor., I, 33, 15 = II, 17, 15; Eutrop., IV, 16, 2; Oros., V, 4, 1; Auct. de vir. ill., 71, 1; Ioh. Antioch., FHG, IV, 538, fr. 60. На совпадение между Дионом Кассием (XXII, 73), Ливием (рег. 52) и Орозием (V, 4, 1) указывает Буассевен в его издании Диона Кассия (комм. ad loc.).

 $^{^{12}}$ Проверить достоверность рассказа Аппиана невозможно. Указания Ливия (рег. 52) и Орозия (V, 4, 1–2) противоречат ему лишь предположительно. Слова Ливия (рег. 52) «он захватил всю Лузитанию (totam Lusitaniam occupavit)» (до упоминания о Ветилии) могут быть упрощением и преувеличением, часто встречающимися в эксцерптах, и, видимо, совсем как у Орозия, уточняются сообщением Флора (I, 33, 15–16 = II, 17, 15–16), из которого следует, что это замечание относится ко времени деятельности Вириата в целом. Рассказ Аппиана (Iber., 62, 260–263) подтверждается сообщением Фронтина (II, 13, 4). По-видимому, традиция достаточно однородна.

мгновенно рассеяться во все стороны и стремиться любыми возможными путями достичь города Триболы, где и ожидать его. Он выбрал лишь 1000 всадников и оставил их при себе 13 По его знаку все лузитаны обратились в бегство. Поскольку. однако, они ушли в самых различных направлениях, Ветилий поостерегся преследовать их. Вместо этого он атаковал Вионата, который пока поджидал его. В завязавшейся схватке Вириат, в чьем распоряжении были отличные лошади, применил местную кавалерийскую тактику чередующихся атак и отходов, тактику, с каковой римским легионам еще не приходилось сталкиваться¹⁴. Таким образом ему удалось удерживать римлян в течение двух дней в этой местности. Когда Вириат уже был уверен, что его люди находятся в безопасности. он дождался ночи и на своих выносливых конях, используя нехоженые тропы, достиг Триболы. Римляне не смогли преследовать его из-за тяжелого вооружения и незнания местности, к тому же их лошади не подходили для этого (Арр. Iber., 62, 260-263). Этот удавшийся манево, который спас лузитан из отчаянного положения, снискал Вириату среди его народа великую славу, что побудило их подняться на борьбу под его предводительством, и война, которая и раньше уже стала время от времени надоедать римлянам, приняла угрожающий характер для дальней провинции, ее наместника и стоявшего там войска (62, 264 и далее).

Ветилий все же стал преследовать лузитан и направился в Триболу. Здесь Вириат приготовился дать новое сражение¹⁵. Он устроил засаду в зарослях, густо росших там, и стал за-

¹³ По мнению А. Шультена, Трибола находилась недалеко от Картейи (Schulten A. Viriatus. S. 219).

 $^{^{14}}$ О лузитанской тактике см.: Caes., BC, I, 44, 1–2. Сципион воспользовался этим приемом при отступлении, чтобы спасти Рутилия в 134 г. (Арр. Iber., 88, 383). Подобным же образом вели борьбу нумидийские всадники с войском Цезаря в 46 г.: [Ps.-Caes.] Afr., 6, 3–5; 14, 2–3; 69, 4.

¹⁵ Арр. Iber., 63, 266; Frontin., II, 5, 7. Поражение римлян имело место еще в 147 г. (см. экскурс, § 3). Э. Корнеман датирует его уже

манивать в нее римское войско притворным бегством. Когда оимаяне миновали засаду, они внезапно увидели, что их спереди и сзади атакуют лузитаны. Многие были убиты, взяты в плен или сброшены в пропасть. Среди пленных оказался и претор Ветилий. Однако лузитанин, взявший его в плен, не узнал римского командующего и убил его, «очень толстого старика, который ни на что не годен»¹⁶. Из 10 000 человек римского войска лишь 600 спаслись в Картейе 17. Командование над ними принял квестор Ветилия, который расставил солдат, еще охваченных страхом, охранять стены. Теперь римляне почувствовали, что мирное завершение кельтиберской войны выгодно для них вдвойне. Квестор потребовал у беллов и титтов для своего сильно поредевшего войска вспомогательные отряды в 5000 человек, которые и были ему немедленно предоставлены. Их отправили против Вириата, однако все они погибли до единого (Арр. Iber., 63, 268; формула «так, что не осталось даже вестника поражения», уже встречалась у Аппиана (Iber., 57, 242), см. гл. I, § 3). После этого квестор уже не предпринимал никаких действий, но заперся в Картейе, ожидая там свежих войск из Италии (63, 268), на прибытие которых он рассчитывал, отправив в Рим соответствующую просьбу. Между тем Вириат покинул место своего недавнего успеха и вторгся в земли

весной 146 г. (Kornemann E. Die neue Livius-Epitome aus Oxyrhinchus. Berlin, 1904. S. 96–97), дезориентированный данными Орозия (V, 4, 2), что, однако, не переубедило X. Гунделя (Gundel H. Viriatus. Sp. 210).

¹⁶ Арр. Iber., 63, 266. О смерти Ветилия сообщает также Диодор (XXXIII, 1, 3). Согласно Орозию, претор спасся (V, 4, 2). Здесь, однако, он явно перепутал Ветилия с его квестором — так считает X. Гундель (Gundel H. Vetilius. Sp. 1835—1836), поскольку Ливий (рег. 52) также сообщает о пленении претора.

¹⁷ Арр. Iber., 63, 267. К западу от Гибралтара, см.: Schulten A. Viriatus. S. 219. По мнению Э. Хюбнера, упомянутый здесь Аппианом Карпесс и Картейя идентичны (Hübner E. Carteia // RE. Bd. III. 1899. Sp. 1619).

карпетанов, которые уже относились к ближней провинции, чтобы опустошить плодородную область, что он без особого труда и сделал 18 .

§ 2. Поражения римлян: Гай Плавтий, Клавдий Униман, Гай Нигидий. Первая победа римлян: Гай Лелий

То впечатление, которое произвели в Риме успехи Вириата. демонстрирует увеличение численности войск, которые предназначались для отправки в дальнюю провинцию в 146 г. Гай Плавтий 19, поетор Дальней Испании в том году, привел с собой 10 000 пехотинцев и 1300 всадников (Арр. Iber., 64. 269, см. также экскурс, § 3), что было значительно больше. нежели имел Ветилий в предыдущем году. Вместе с теми войсками, которые он застал на месте, Плавтий располагал теперь весьма внушительной армией. Правда, остается под вопросом, имел ли он возможность сосредоточить все силы в одном месте, или ему пришлось держать отряды в отдельных городах для их защиты (это сообщается в отношении Тукки — Арр. Iber., 66, 282; также и Фабий Сервилиан лишь одну часть войска держал при себе: 67, 284). После этого он высадился со своей армией судя по всему в Картейе, и последовал за Вириатом в Карпетанию. При первом столкновении Вириат вновь прибег к военной хитрости с притворным бег-

¹⁸ Арр. Iber., 64, 269. Это опустошение равнинной области вообще характерно для тактики Вириата. Кроме того, о подобных его действиях говорится в следующих местах: Арр. Iber., 64, 272; 66, 282 (70, 298 представляет собою случай иного рода), кроме того: 56, 234 (Пуник); 57, 239 (Кавкен); 57, 241 (в Африке); 73, 301 (одновременно с Вириатом). Оборотной стороной этого время от времени становился недостаток продовольствия (68, 288: Вириат против Сервилиана).

¹⁹ Cm.: Münzer F. Plautius (9) // RE. Hbbd. 41. 1951. Sp. 9.

ством, и Плавтий, клюнув на приманку, отправил 4000 человек для преследования. За исключением немногих, они были уничтожены лузитанами, когда те внезапно атаковали их (64, 270). Вириат переправился через Тахо, что, в сущности, означало отход. Речь, однако, шла о том, кто займет более благоприятные позиции, и таковой для него стала «гора Венеры» (Сьерра де Сан Висенте)²⁰, оттуда он мог совершать набеги во все стороны. Плавтий преследовал его и дал ему сражение, в котором намеревался взять реванш. Эта попытка закончилась полным разгромом римлян, понесших большие потери. Остатки войска в совершенном беспорядке бежали в города провинции (по-видимому, дальней), где Плавтий перешел «среди лета» на зимние квартиры. Предпоинимать какие-либо действия он не осмеливался (Аор. Iber., 64, 271). Теперь Вириат был свободен в своих действиях и прошел по всей области. Он требовал с жителей налога с росших на их полях злаков. Земли тех, кто не соглашался на это. он опустошал (64, 272). Это было временем его наибольшего проникновения на территорию Hispania Citerior²¹. Он совершал набеги даже за пределы кастильской горной гряды. Там ему оказала сопротивление ваккейская Сеговия (Frontin., IV, 5, 22)²², когда она, ближайший к Карпетании город, открыто перешла на сторону римлян, несмотря на его жестокие угрозы (о не совсем ясных отношениях римлян с ваккеями см. выше, с. 80-81). Если Вириат действительно доходил когда-нибудь до области Эбро, то это вполне могло произойти именно тогда²³. В это же время Вириат благодаря военной

²⁰ А. Шультен справедливо рассматривает это как признак его полководческой проницательности (*Schulten A*. Viriatus, S. 220).

 $^{^{21}}$ «В конце 146 г. Вириат был господином положения» (Gundel H. Viriatus. Sp. 213). Х. Гундель также предполагает, что в 146 г. потерпел поражение Клавдий Униман, которое я, исходя из данных Орозия (V, 4, 3) могу датировать лишь 145 г.

²² О датировке см.: Schulten A. Viriatus. S. 220.

 $^{^{23}}$ Эбро упоминается у Флора (I, 33, 15 = II, 17, 15) и Орозия (V, 4, 2). Х. Гундель справедливо возражает против неприятия

хитрости захватил карпетанский город Сегобригу, после того как с помощью другой уловки он заманил в засаду часть его жителей (Frontin., III, 10, 6; 11, 4)²⁴.

Возможно, с того времени в его руках находились также и Тукки²⁵, которые затем в течение этого года неоднократно переходили с одной стороны на другую. Как передают, Вириат рассказал жителям Тукки басню, которой упрекнул их за неразумное непостоянство (Diod., XXXIII, 7, 5-6, здесь город именуется Тукке): один человек среднего возраста был женат на двух женщинах; из них одна, младшая, выдергивала из его головы седые волосы, другая, старая, — черные. так что, ощипываемый обеими, он в конце концов быстро облысел²⁶. Подобным образом ведут себя и жители Тукки: если их будут убивать римляне, поскольку Тукки обычно принадлежат Вириату, но также и лузитаны — как своих врагов, то город быстро опустеет. Этот рассказ ярко иллюстрирует тяжелое положение, в котором оказалась Дальняя Испания: римляне добивались от своих подданных верности, не в силах обеспечить им защиту по крайней мере, на протяжении длительного времени; лузитаны же требовали от них отпасть от римлян, но при этом не были достаточно сильны, чтобы утвердить свое господство на длительное время. Жители провинции оказывались против воли в положении кол-

этого сообщения М. Хофманом (Hoffmann M. De Viriathi Numantinorumque bello. Diss. Greifswald, 1865. P. 29): «Нужно иметь в виду, что для тактики Вириата в целом характерны большая мобильность и дальние походы, которые отчасти объяснялись нехваткой продовольствия». Это вообще было свойственно лузитанам (см. для 154 г. гл. I, § 1).

²⁴ О датировке: Schulten A. Viriatus. S. 220. О его местоположении см.: Schulten A. Segobriga (1) // RE. 2. Reihe. Hbbd. 3. 1921. Sp. 1077, согласно которому она находилась близ Sahelices в провинции Куэнка.

²⁵ У Аппиана (Iber., 66, 282; 67, 284 и 287) — Итукка. О проблемах, связанных с этим местом, см. ниже, гл. III, § 4.

²⁶ См. эту басню у Федра (II, 2).

лаборационистов со всеми вытекающими отсюда ужасными последствиями²⁷.

О времени наивысшего могущества Вириата античные авторы особенно охотно рассказывали различные занимательные истории, призванные характеризовать его личность²⁸. Прежде всего, писатели моралистически изображают его свадьбу, когда он, бедный пастух из гор, женился на дочери богатого и знатного человека из Астолпы. Они подчеркивают контраст между блистательной обстановкой, в которой оказался Вириат, и его простотой, которой претили все это богатство и роскошь (Diod., XXXIII, 7, 1—4)²⁹.

²⁷ О мероприятиях Вириата в этом отношении см.: Арр. Iber., 64, 272; со стороны римлян: 68, 290—291. Также воины противника зачастую воспринимались римлянами как перебежчики (Frontin., IV, 1, 41; Val. Max., II, 7, 11). Событие такого рода описано у Аппиана и Орозия (Арр. Iber., 68, 291; Oros., V, 4, 12), причем из Аппиана следует, что речь идет о главаре — «предводителе разбойников», капитулировавшего во главе одного из отрядов.

²⁸ История с басней Вириата относится, по-видимому, к более поэднему времени. В традиции, однако, она вырвана из исторического контекста и связана с годами могущества Вириата, как показывает сообщение Диодора (XXXIII, 7, 3).

²⁹ Благодаря положению соответствующего фрагмента в тексте у Диодора (XXXIII, 7, 1—3) эту свадьбу можно приблизительно датировать 146/145 г. (Hoffmann M. De Viriathi Numantinorumque bello. Р. 37—38). В прилегающей 9-й главе описываются, по мнению Б. Низе, события 145/144 г. (Niese B. Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. Bd. I—III. Gotha, 1893—1903.). Хаак предполагает в качестве даты: «Вероятно, незадолго до 141 г.» (цит. по: Gundel H. Viriatus. Sp. 217). Свадьбу, возможно, упоминал еще Полибий (по мнению М. Хофмана — XXXIV, 9, 14—15) (Hoffmann M. De Viriathi Numantinorumque bello. Р. 37. N. 5), это вполне могло попасть в его главный труд. Характер повествования о времени могущества Вириата, где перед нами предстает яркая фигура варвара, еще не испорченного цивилизацией, надо, несомненно, отнести на счет Посейдония, который, говоря о Вириате, одновременно ведет речь о моральных

Так целой серией успехов лузитан закончился 146 г. (в общем вместе с именем Плавтия упоминают о них Ливий (рег. 52) и Орозий (V, 4, 3); без имени с неясными дополнениями — Ер. Охугh. 52, Z. 146—148), которые затрагивали обе испанские провинции: это было войско Дальней Испании, на которое пришелся главный удар, но от лузитан пострадала также и Ближняя Испания. Для претора Гая Плавтия неудачный исход этого года войны означал конец его политической карьеры. По возвращении на родину он подвергся обвинению из-за своего трусливого бегства от врагов по закону de maiestate, был осужден и удалился в изгнание (Diod., XXXIII, 2)30.

В Риме поняли, что для борьбы с лузитанами требуются куда бо́льшие усилия (Liv., рег. 52). Поскольку Третья Пуническая и Ахейская войны тем временем уже завершились, римляне воспользовались возможностью отправить в Дальнюю Испанию одного из консулов с консульским войском. Но были также приняты меры для обороны Ближней Испании от набегов лузитанских шаек. Хотя туда командировали, как обычно, лишь претора, Клавдия Унимана³¹, однако войска, приданные ему, были явно сильнее, чем обычно. Он дол-

проблемах. Он видит в нем человека, который хотя и не был затронут всеобщим просвещением, все же не только обрел добродетель, но, поскольку Вириат жил «в согласии с природою», его дарования в духовном отношении достигли совершенства (Diod., XXXIII, 7, 3; 5; 7). По мнению А. Шультена, начиная с XXXIII книги Диодор следует Посейдонию (см.: Schulten A. Polybius und Posidonius über Iberien und iberischen Kriege // Hermes. Bd. 46. 1911. S. 603). Изображение Вириата вполне совпадает с тем, что мы знаем о Посейдонии как о «первом историке кризиса» (см.: Reinhardt K. Poseidonios (3) // RE. Hbbd. 43. 1953. Sp. 627—628, 631). Вириат — положительный образ в противовес деградирующему поколению римлян той эпохи.

³⁰ Hoffmann M. De Viriathi Numantinorumque bello. Р. 35 со ссылкой на «Анналы» Тацита (I, 72).

³¹ См.: *Münzer F*. Claudius (376) // RE. Bd. III. 1899. Sp. 2885. Согласно Ф. Мюнцеру, Униман находился «в одной из испанских провинций примерно в 147 г.». О хронологии см. экскурс, § 3.

жен был взять реванш за поражение предыдущего года. Это, однако, ему не удалось, напротив, Униман потерпел полное пооажение от Вириата, потерял почти все войско и, кроме того. свои fasces и боевые значки армии (Oros., V, 4, 4; Flor., I, 33, 16 = II, 17, 16; без упоминания о боевых значках см. также: Auct. de vir. ill., 71, 1). Место битвы неизвестно, время ее приходится, по-видимому, на первую половину 145 г. Захваченные трофеи Вириат приказал установить на родных горах (Oros., V, 4, 4; Flor., I, 33, 16). Вновь, как и в 152 г., в Риме оассказывали о чудесах хоабоости, проявляемой испанцами, на сей раз лузитанами: 300 лузитан сражались с 1000 римдян, причем погибло 70 дузитан, но 320 римлян. Один пеший воин из числа последних удачно оборонялся от окруживших его кавалеристов, пронзил лошадь копьем, одним ударом отсек всаднику голову и тем нагнал на врагов такого страху, что они позволили ему спокойно удалиться³². Следствием поражения должен был стать, вероятно, немедленный отзыв претора, поскольку в следующем году в Ближнюю Испанию был отправлен уже другой претор, Гай Лелий³³. В начале этого года последний еще находился в Риме и получил известность благодаря борьбе против законопроекта Гая Лициния Красса.

³² Oros., V, 4, 5–6 — Claudius Quadrigarius, fr. 69 HRR. Этот фрагмент восходит к Гаю Ацилию (FGrHist, 813. F. 5, 6), как считает Петер в комментарии к соответствующему месту Ливия. Источник назван, очевидно, для того, чтобы возложить на него ответственность. Хронология может быть определена лишь приблизительно: одновременно с Клавдием Униманом или после него и до 143 г. (консульство Аппия Клавдия Пульхра и Квинта Цецилия Метелла: V, 4, 7). Подробное изложение этого эпизода у Орозия объясняется, надо полагать, местным патриотизмом автора.

³³ См.: Münzer F. Laelius (3) // RE. Hbbd. 23. 1924. Sp. 404—410. Вопрос о хронологии решается в этой статье (стб. 406) сходным образом. В своей более ранней книге Ф. Мюнцер высказывал предположение, что имела место пророгация на 144 г. (Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart, 1920. S. 247), что кажется мне невероятным. О возможности такого сдвига см.: Meyer Ernst. Römischer Staat uns Staatsgedanke. Zürich, 1948. S. 152—153.

который предлагал в отношении жреческих коллегий заменить практиковавшуюся до той поры кооптацию выборами в народном собрании. Затем предложение Красса было отклонено комициями (Сіс. Вгит., 83; Lael., 96). Лелий добился, в сущности, первых успехов в войне с Вириатом. Это была ожесточенная борьба, в которой его собственная жизнь подвергалась опасности (Сіс. Вгит., 84; De off., II, 40)³⁴. Если ему действительно удалось произвести впечатление на римлян — мол, после его наместничества остались только жалкие отголоски войны, — то добился он этого, видимо, лишь с помощью несколько преувеличенных реляций 35. Тем не менее в Риме опять удовлетворились отправкой в Ближнюю Испанию претора, Гая Нигидия 36. Оказалось, однако, что сила лузитан отнюдь не была сломлена, Нигидий также потерпел поражение.

§ 3. Успехи Квинта Фабия Максима Эмилиана

В дальней провинции борьба в 145 и 144 гг. не прекращалась. В эти годы действовали, очевидно, несколько лузитанских армий³⁷, и, видимо, не во всех операциях против римлян

³⁴ Указания на это имеются в двух фрагментах речи Лелия Рго se ad populum: ORF^2 , fr, 17, 18, относимых Π . Фраккаро к претуре Лелия в 145 г. и его борьбе с Вириатом (*Fraccaro P*. Studi sul'età dei Gracchi // Sttudi storici. Vol. V. P. 349—350, цит. у Э. Мальковати, ORF^2 , 119).

 $^{^{35}}$ Cic. De off., II, 40. Ф. Мюнцер считает щедрые похвалы Цицерона сильно преувеличенными (*Münzer F.* Laelius. Sp. 406).

 $^{^{36}}$ Auct. de vir. ill., 71, 1. По мнению Ф. Мюнцера, Нигидий был претором 145 г. в Ближней Испании (Münzer F. Nigidius (1) // RE. Hbbd. 33. 1936. Sp. 200), с чем согласился А. Шультен (Schulten A. Viriatus. S. 220). Э. Корнеман, напротив, полагал, что тот являлся наместником Hispania Citerior в 144 г. (Kornemann E. Die neue Livius-Epitome aus Oxyrhinchus. S. 102).

³⁷ Об этом сообщается применительно к 153 (Арр. Iber., 56. 234-57, 240), 151/150 (58, 244-59, 249), 141/140 (68, 289-291) и 139/138 (73, 301) гг. без указаний на то, кто командовал этими

Вириат принимал участие сам. Но против нового консула в 145 г. он выступил лично. Консулом же был Квинт Фабий Максим Эмилиан, старший брат Сципиона Эмилиана, получивший командование в войне против Вириата³⁸. Поскольку лоугой консул 145 г.. Луций Гостилий Манцин, добился этой магистратуры явно на основании своих военных заслуг, котооыми он мог похвастаться (Plin. Mai. NH. XXXV. 23)39. вполне вероятно, что выборы не обощлись без трудностей для Фабия (о выборах сохранилось красноречивое свидетельство Диодора — XXXIII, 1, 3). Фабий Эмилиан, по собственному шутливому признанию, всю жизнь оставался в тени своего более знаменитого брата, не считая участия в Персеевой войне. во время которой разница в возрасте делала его более заметным (поэтому позднее не раз случалось, что его упоминали дишь в том случае, если только находился повод упомянуть о Сципионе)40. Как уже говорилось, он, по-видимому, находился в Испании со Сципионом (Plut. Apophtegm. Scip. Min., 10); в 149 г. он был претором на Сицилии (Polyb., XXXVI. 5, 8). Возможности в должной степени проявить свои полководческие таланты Фабий Эмилиан, пожалуй, еще не имел, однако отцовская школа и дарования брата давали основания предполагать их и в нем⁴¹. Войска, которыми располагал

армиями (ср.: Schulten A. Viriatus. S. 224). Остается спорным, занимал ли Вириат главенствующее положение (Diod., XXXIII, 21a). Во всяком случае, не подтверждаются замечания Диодора (XXXIII, 1, 3) о том, что до появления Вириата война в Лузитании не представляла опасности, о чем свидетельствуют поражения римлян в 154 и 153 (и 148?) гг. В этом отношении единодушны Юстин (XLIV, 2) и Флор (I, 33, 13–15 = II, 17, 13–15).

³⁸ См.: Münzer F. Fabius (109) // RE. Bd. VI. 1909. Sp. 1792—1794.

³⁹ C_{M.}: *Münzer F*. Hostilius (20) // RE. Bd. VIII. 1913. Sp. 2512.

⁴⁰ См.: Münzer F. Fabius (109). Sp. 1792-1794.

⁴¹ Его отправка в Испанию, по-видимому, упоминается в Оксиринхской эпитоме (52, Z. 151 — с серьезными дополнениями), кроме того, о Фабни как о (первом) победителе Вириата сообщают Флор (I, 33, 17 = II, 17, 17) и Диодор (XXXIII, 1, 3–4), ср.: Charax, F. 26.

Фабий, были настолько же малочисленны, насколько и малобоеспособны. Он прежде всего отказался от набора ветеранов, только что вернувшихся из Африки, Греции и Македонии, и удовольствовался новобранцами. В результате его войско составило, включая испанские вспомогательные отряды, 15 000 пехотинцев и 2000 всадников (Арр. Iber., 65, 274, о численности армии см. экскурс, § 3) — небольшая цифра для консульского войска, если вспомнить, например, о преторских армиях Ветилия и Плавтия (поскольку они должны были состоять из двух легионов, последние могли иметь нестандартную численность 42).

После переправы по морю Фабий прибыл со своим войском в Урсону (ныне Осуна, к югу от Эсихи, см. СІL, II, р. 191 sq., у Аппиана — Орсон (Арр. Iber., 65, 274, а также 16, 61), ср.: Diod., XXXIII, 21). Он не стал вступать в сражение с находившимися неподалеку лузитанами, дав войску как следует потренироваться. Фабий даже переправился на кораблях в Гадес, чтобы совершить там жертвоприношение в храме Геркулеса (App. Iber., 65, 274-275). В его отсутствие Вириат добился новых побед над римлянами. Он атаковал отряд, занимавшийся заготовкой дров, и нанес ему тяжелый урон; устрашенные, его остатки обратились в бегство (об опасностях, с которыми была связана заготовка доов, см. с. 82). Когда помощник командующего построил их для битвы, они были окончательно разгромлены Вириатом (о помощниках командующих см. экскурс, § 3). Лузитаны захватили богатую добычу (65, 276). После возвращения Фабия Вириат постоянно вызывал его на бой (65, 276). Тот, однако, уклонялся от сражения. Не отваживаясь вступать в битву со всем войском, он продолжал тренировать своих воинов. При этом дело все чаще доходило до стычек, с помощью которых Фабий хотел, чтобы его войска привыкли к противнику и обрели мужество. Фуражирам он всегда давал для сопровождения готовых к бою солдат и даже обеспечивал им прикрытие конницей; он делал это по примеру своего отца,

⁴² Cm.: Schulten A. Numantia. Bd. III. München, 1927. S. 40.

поступавшего подобным образом в Македонии. Так прошел первый год кампании Фабия Эмилиана в Испании, ознаменованный мероприятиями по установлению disciplina и осторожным ведением войны в духе Эмилия Павла (65, 27; отец Фабия упоминается, помимо Аппиана (65, 273 и 277), у Веллея Патеркула (II, 5, 3): «Фабий Эмилиан чрезвычайно прославился в Испании дисциплиною по примеру Павла (Fabius Aemilianus Pauli exemplo disciplinae in Hispaniae fuit clarissimus)»).

Зимой в Риме дебатировался вопрос о продлении его полномочий. Новые консулы 144 г. Сервий Сульпиций Гальба и Луший Аврелий Котта 43 добивались того, чтобы Дальняя Испания была объявлена консульской провинцией и тем самым попала под управление одного из них. После этого, однако, каждый из них желал получить назначение туда, и дело разрешилось острым спором в сенате. Жадность Гальбы в Риме была общензвестна, равно как и трудное имущественное положение Котты (будучи народным трибуном, он пытался уклониться от обязательств по отношению к заимодавцам, пользуясь своею sacrosanctitas: Val. Max., VI, 5, 4). Когда в сенате спросили мнение Сципиона Эмилиана по обсуждаемому вопросу, он ответил следующими словами: «Я думаю, что туда нельзя посылать ни того, ни другого, ибо у первого ничего нет, а второго ничто не насытит» (Val. Max., VI, 4, 2). Это высказывание решило исход дела не в пользу консулов, и тем самым Сципион автоматически добился того, что вопрос решился в пользу Фабия, которому было продлено командование на 144 г. 44 — первая пророгация консуляров в Испании со времен Гнея и Публия Корнелия Сципионов, консулов 222 и 218 гг. Это решение, несомненно, было благоразумным в политическом отношении, поскольку Фабий получал, таким образом, возможность и дальше использовать приемы, которые

⁴³ Об Аврелии Котте см.: *Klebs E*. Aurelius (98) // RE. Bd. II. 1896. Sp. 2484—2485.

⁴⁴ Cm.: Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. S. 247.

он применял в год своего консульства. Очевидно, проведя зиму с войском в городах дальней провинции (последующее по: Арр. Iber., 65, 278), Фабий уже в качестве проконсула начал энергично действовать против лузитан со своей достаточно натренированной армией. После Лелия он был вторым римским командующим, который разбил храбро сопротивлявшегося Вириата (см. экскурс, § 3). Фабий захватил два города, которые находились в руках Вириата. Один из них он отдал на разграбление, другой приказал сжечь 15. Вириат обратился в бегство близ местечка под названием Бекор 16 и понес при этом тяжелые потери от преследовавших его римлян. В результате Ніѕрапіа Ulterior была впервые за эти годы очищена от лузитан. В качестве штаб-квартиры на зиму 144/143 г. Фабий избрал Кордубу.

⁴⁵ На основании данных Диодора (XXXIII, 7, 5–6) Х. Гундель высказывает интересное предположение, что этим городом были Тукки (Gundel H. Viriatus. Sp. 214).

⁴⁶ Вопреки мнению Э. Хюбнера (*Hübner E.* Baikor // RE. Bd. II. 1896. Sp. 2743) А. Шультен считает, что Бекор идентичен Бекуле, совр. Байлен недалеко от Деспеньяперроса (*Schulten A.* Viriatus. S. 222).

143-139 гг.: НОВАЯ ВОЙНА В КЕЛЬТИБЕРИИ. КОНЕЦ ВИРИАТОВОЙ ВОЙНЫ

§ 1. Успешное ведение войны Квинтом Цецилием Метеллом в Кельтиберии

Победы Фабия Эмилиана, однако, имели для римлян неожиданные и нежелательные последствия. Думается, что Вириат здесь единственный раз — если не считать заключения им позднее мира с Сервилианом — поступил как человек государственного ума. Он осознал смертельную опасность для лузитан целеустремленного ведения войны римлянами, какое продемонстрировал Фабий Эмилиан. В этот момент ему удалось склонить к отпадению от римлян кельтиберские племена ареваков, беллов и титтов (Арр. Iber., 66, 279). Если их прежняя борьба являлась косвенным следствием лузитанских побед, то теперь ситуация была совершенно иной. Почему кельтиберы поддались настояниям Вириата, мы не знаем (их отношения с лузитанами больше напоминали соперничество — Арр. Iber., 56, 237; Diod., XXXI, 42). Вероятно, это было проявлением пробудившегося чувства национальной солидарности. Или в них заговорила гордость, которой льстили просьбы со стороны Вириата? 1 Новая война в Кельтиберии с самого начала была опаснее, чем та, которая вспыхнула в 154 г., поскольку на сей раз охватила целые области Ближней и Дальней Кельтиберии.

¹ Личность Олоника (см.: Schulten A. Numantia. Bd. I. München, 1914. S. 353—354) может быть надежно отнесена к событиям 171 г. Флор рассказывает (I, 33, 13—14 = II, 17, 13—14) об Олиндике, пренебрегая хронологией (см.: Münzer F. Olonicus // RE. Hbbd. 34. 1937. Sp. 2494).

Теперь с еще большей силой разгорелась та война, которую современники Полибия называли «огненной войной» раг excellence: «Так необычны были ход этой войны и непрерывность самих сражений. Действительно, в Элладе и Азии ведомые войны кончаются, можно сказать, одной, редко двумя битвами, и самые битвы решаются одним моментом первого набега или схваткой воюющих. В войне с кельтиберами все было наоборот. Обыкновенно только ночь полагала конец битве, ибо люди старались не поддаваться усталости, не падали духом, не слабели телом, но всегда с новой отвагой шли на врага и опять начинали битву. Зима не только не прерывала войны в ее целом, она едва ли даже нарушала последовательность открытых сражений» (XXXV, 1, 2-5. — Пер. Ф. Г. Мищенко). Почти не вызывает сомнений, что Полибий излагал эти соображения в связи с началом войны в 154/153 г. Также почти бесспорно и то, что вспыхнувшая в 143 г. война полностью подтвердила справедливость сказанного, что, впрочем, было очевидно уже в связи с боевыми действиями, охватившими Дальнюю Испанию начиная со 148 г.²

² Нам кажется невероятным, что описание Полибия относится ко времени после 152 г. Если сравнивать с Третьей Македонской войной, то тои последующих за 151 г. года не оправдывают подобной характеристики. О подобном можно говорить лишь после 143 г., а по сути только начиная с 140 г., который является terminus post quem для этой части полибиева труда. Противоположностью πύρινος πόλεμος оказывается указание Страбона (III, 4, 13, р. 162) на то, что Кельтибеоская война длилась 20 лет. Здесь налицо аналогичное понимание вопроса, которое, очевидно, возвращает нас к Полибию. Иную традицию представляет Флор (I, 34, 2 = II, 18, 2). Он пишет об 11 годах, ведя, таким образом, отсчет от 143 г., хотя начинает изложение со 153 г. (I, 34, 3 = II, 18, 3). Установка полибиевых фрагментов подтверждается восходящим к нему фрагментом Диодора (XXXI, 40). Согласно последнему, речь идет об экскурсе внутри рассказа о начале войны на рубеже 154-153 гг., который стоял не в начале повествования. Без учета же Диодора упомянутый фрагмент Полибия выглядит как введение к описанию Нумантинской войны (в ХХХУ, 1 Полибий, несомненно, пишет о войне с кельтиберами). Как выше, говоря о возобновившихся в 153 г. «смутах и волнениях» (III, 4, 12; 5, 1),

Когда в 144 г. одержал свои победы Фабий, римляне решили доверить ведение войны против кельтиберов одному из консулов 143 г. На этот год консулами были избраны две весьма своенравные личности, патриций Аппий Клавдий Пульхр3, впоследствии тесть Гая Гракха, и Квинт Цецилий Метелл⁴. после подавления восстания Андриска заслуживший прозвище Македонского. Несмотоя на эти славные деяния, Метелл был нелюбим народом за свою суровость и дважды терпел неудачу при домогательстве консулата (Auct. de vir. ill., 61,3). Можно уверенно предположить, что Метелл при своих полководческих даоованиях и опыте охотно взядся за дело. Мы знаем, что Аппий Клавдий всеми способами стремился обрести военную славу (Oros., V, 4, 7). И нам также известно, что консулы получили свои провинции по жребию, причем Аппию Клавдию досталась в качестве таковой Италия (Dio Cass., XXII, 74)5. Отправка сурового воина Метелла диктовалась отнюдь не соображениями государственного порядка. То же можно сказать и об Аппии Клавдии, который не снискал славы во время спровоцированной

Полибий упоминает, что примечательно, лишь о кельтиберах и ваккеях, умалчивая о лузитанах, так и теперь он дает характеристику кельтиберской войны, которая равным образом подходит и для операций лузитан, не называя их самих. Лузитанская война интересовала Полибия отнюдь не в такой степени, как кельтиберская, и он явно не стал бы описывать ее за пределами своего главного труда. В пользу этого свидетельствует то пренебрежение, с которым Полибий говорит о кампании Марцелла против лузитан (fr. 110 BW).

³ Cm.: Münzer F. Claudius (295) // RE. Bd. III. 1899. Sp. 2848.

⁴ Cm.: Münzer F. Caecilius (94) // RE. Bd. III. Sp. 1213-1216.

 $^{^5}$ О порядке распределения провинций см. также фасты в конце книги. Подлинность факта жеребьевки, о которой сообщается в источниках, не может быть поставлена под сомнение ни в этом случае, ни в случае с консулом 136 г. Луцием Фурием Филом (Val. Max., III, 7, 5). В то же время можно высказать сомнения по поводу неожиданного сообщения Аппиана о том, что Квинт Кальпурний Пизон «был избран военачальником (στρατηγός) против них (нумантинцев. — $\Gamma.$ C.)». Не спутал ли Аппиан консульские выборы и передачу поста наместника? В некоторой степени это возможно в отношении Фабия Эмилиана (Diod., XXXIII, 1, 3).

им войны с альпийским племенем салассов (Dio Cass., XXII. 74: Oros., V. 4. 7) и мог теперь стать наместником Ближней Испании. Но дело не только в соперничестве обоих консулов-Метелл находился в состоянии острой вражды (inimicitia) с другими поедставителями нобилитета. Мы знаем об этом в отношении Сципиона Эмилиана (Plut. Apopht. Caec. Met., 3; Val. Max., IV, 1, 12; Cic. De reo., I, 31; Brut., 81; Lael., 77; De off. I. 87) и близко стоявшего к нему Луция Фурия Фила (Dio Cass., fr. 82; Val. Max., III, 7, 5), так же как и консула 141 г. Квинта Помпея (Val. Max., VIII, 5, 1; Cic. Pro Font., 23; Dio Cass., fr. 82). Тем не менее Метеллу удалось получить в свое распоряжение значительные военные силы (App. Iber., 76. 322), соединив набранные им в Италии войска с теми, которые стояли в Испании (в 140 г. соок их службы достиг уже шести лет — 78, 334), войсками претора предыдущего года Гая Нигидия. О строгости Метелла свидетельствует тот факт, что он заставил своего собственного сына служить в центурии, хотя имел право держать его в своем окружении (Frontin., IV, 1, 11).

О событиях первого года войны известно немного; действия Метелла против кельтиберов упоминаются как в целом удачные у Евтропия (IV, 16) и Иоанна Антиохийского (FHG, IV, 538, fr. 60). Кентобригу, город, чье местоположение точно не известно, но, бесспорно, находившийся в Ближней Кельтиберии⁶, Метелл, будучи консулом, захватил при необычных обстоятельствах (см.: Val. Max., V, 1, 5). В его войске находился в качестве перебежчика знатный житель города по имени Ретоген⁷ — признак того, что в Кельтиберии и на сей раз

⁶ См.: Hübner E. Centobriga // RE. Bd. III. Sp. 1933; Val. Мах., V, 1, 5; Ep. Oxyrh. 53, Z. 161—163, делает возможным определение хронологии; Flor., I, 33, 10 = II, 17, 10: Нертобрига, но здесь, очевидно, произошла путаница, поскольку Флор в данном случае недвусмысленно указывает на случай с Ретогеном: «Еще больше славы принесло ему то, что он пощадил Нертобригу (Nertobrigae maiore gloria ререгсіsset)» (пер. А. И. Немировского).

⁷ См.: Hübner E. Centobriga. Sp. 1933; Ретоген — грецизированная форма имени Ректуген, позаимствованная, «возможно, из Посейдония, этическим воззрениям которого соответствует весь этот пассаж».

существовала проримская группировка (ср. 153—151 гг.). Метелл уже начал вводить в дело осадные машины, когда осажденные поставили его перед тяжелым выбором: они вывели перед осадными машинами связанных детей Ретогена, чтобы их убило следующим ударом. Сам Ретоген не просил пощады для своих отпрысков. Но Метелл прекратил осаду. Это решение произвело на врагов чрезвычайное впечатление: не только Кентобрига, но и другие кельтиберские города сдались римлянам (такой вывод можно, видимо, сделать из весьма путаных пассажей Валерия Максима).

Другие события, которые не имеют точной хронологической привязки, произошли также, видимо, в этом году. Мы знаем о них, поскольку они связаны с примечательными чертами характера полководца, прежде всего с военной смекалкой. Так, однажды он устроил искусственное наводнение, которое затопило лагерь врагов. Когда они в совершенном смятении стали пытаться спастись, он разгромил их, напав из предварительно устроенной засады (Val. Max., III, 7, 3; см. экскурс, § 2). В другой раз во время марша Метелл, чтобы колонна держала строй, распространил среди солдат слух о вражеской засаде. Естественно, все соблюдали строгую дисциплину, и когда солдаты столкнулись с настоящей засадой, они оказались к ней полностью готовы (Frontin., IV, 7, 42). То, что строгость Метелла не была самодурством, доказывает другой случай. Согласно ему, однажды во время осады один центурион объяснял полководцу, что можно захватить соответствующий пункт, пожертвовав лишь 10 людьми. Метелл спросил его, не хочет ли тот быть среди этих десяти (Plut. Apopht. Caec. Met., 1: неясно, относится ли этот эпизод к событиям в Испании)⁸.

Мы ничего не знаем о том, где Метелл расположился на зимние квартиры в 143/142 г. Несмотря на достигнутые им успехи, была умиротворена отнюдь не вся Ближняя Кельтиберия (Liv., рег. 53: «Проконсул Квинт Цецилий нанес поражение кельтиберам (Q. Caecilius pro cos. Celtiberos cecidit)»,

 $^{^8}$ Фронтин относит этот эпизод и вовсе к Фабию Максиму Кунктатору (IV, 6, 1). — Примеч. перев.

т. е. в 142 г.). Консулами 142 г. стали Квинт Фабий Максим Сеовилиан⁹ и Луций Цецилий Метелл Кальв¹⁰, боат Метелла Македонского. Политическая ситуация в Риме складывалась теперь в пользу Метеллов, поскольку полномочия Метелла были продлены на этот год благодаря новым консулам¹¹. То что Луций Метелл без труда добился пророгации для своего брата, понятно. Поскольку Сервилиан принадлежал по рождению к дружественному по отношению к Метеллам дому Сеовилиев, то, по-видимому, его согласия также было добиться сравнительно легко (как известно, в 142 г. Луций Метелл получил Дальнюю Испанию в качестве провинции, см. экскурс. с. 109, 119). В этом году Квинт Цецилий Метелл завершил покорение Ближней Кельтиберии, завоевав Контребию. Этот город, столица кельтиберов, находился предположительно к юго-востоку от Бильбилиса в долине Хилоки, притока Халона¹². Попытка овладеть городом с помощью правильной осады потерпела неудачу, несмотря на частичный успех, для чего, однако, полководцу пришлось до крайности усилить дисциплину: он немедленно вновь бросил в бой пять когорт, отступивших перед противником, и объявил им, что будет считать врагом всякого, кто обратится в бегство. В данном случае суровость поинесла успех, осаждаемый пункт был действительно захвачен, но завоевание самой Контребии пока осуществить не удалось (Amoel., 18, 14; Auct. de vir. ill., 61, 4; пои этом оба называют Контребию; Frontin., IV, 1, 23; Val. Max., II, 7, 10; Vell. Pat., II, 5, 2-3). В этих условиях хитроумный полко-

⁹ Cm.: Münzer F. Fabius (115) // RE. Bd. VI. 1909. Sp. 1811-1814.

¹⁰ См.: Münzer F. Caecilius (83) // RE. Bd. III. 1899. Sp. 1208.

¹¹ О пророгации в источниках не сообщается, как, впрочем, мало напрямую сообщается и о случаях других пророгаций в тогдашней Испании. О партийной борьбе см.: Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart, 1920. S. 245—247.

¹² См.: Hübher E. Contrebia (1) // RE. Bd. IV. 1901. Sp. 1163. У Диодора (XXXIII, 24) упоминается Контобрис, вероятно, все же не идентичный Контребии, поскольку соответствующее место в Ватиканском эксцерпте стоит лишь после пассажа XXXIII, 19, который относится к событиям 139 г. (Вириат — Попилий).

водец прибег к совершенно иным средствам. Он снял осаду и начал, как казалось, без определенного плана двигаться по Кельтиберии в различных направлениях. Ни его собственное войско, ни враги не имели и малейшего представления о том, каковы его намерения. На вопрос по этому поводу одного из своих офицеров он ответил сентенцией: «Если бы я узнал, что моя туника проведала о моих планах, я бы ее тотчас сжег». Когда Метелл решил, что уже достаточно убедил всех в своей растерянности, то совершенно неожиданно атаковал Контребию и захватил ее внезапным нападением¹³. Тем самым он положил конец всякому дальнейшему сопротивлению в Ближней Кельтиберии.

Во время этой кампании прославился легат Метелла Квинт Окций¹⁴, которого называли за его храбрость Ахиллесом (Val. Max., III, 2, 21). Он приобрел известность, прежде всего, благодаря двум поединкам с кельтиберами. В первом, в котором он участвовал без ведома Метелла, он убил своего противника и, торжествуя, возвратился в лагерь с вооружением врага (Val. Max., III, 2, 21; Ep. Oxyrh. 53, Z. 164). Во время второго он одолел знатного кельтибера Тиресия. Побежденный отдал ему меч и плащ, и они заключили дружеский союз на тот случай, если восстановится мир (Val. Max., III, 2, 21; Ep. Oxyrh. 53, Z. 164–166).

После усмирения Ближней Кельтиберии Метелл смог обратиться против ареваков и особенно против Нуманции (Арр. Iber., 76, 322)¹⁵. Ему удалось благодаря молниеносно про-

¹³ Эта хитрость описана у Валерия Максима (VII, 4, 5), ее же явно подразумевает Флор: «захватил Контребию примечательным образом (Contrebiam memorabili cepisset exemplo)» (I, 33, 10 = II, 17, 10); Валерий Максим: «Метелл [действовал с помощью] примечательного плана (memorabilis etiam consilii Q. Metellus)». Анекдот о сохранении тайны, помимо Валерия Максима, сообщают: Auct. de vir. ill., 61, 5; Plut. Арорht. Caec. Met., 2; Frontin., I, 1, 12 (ошибочно отнесено к Метеллу Пию, см. экскурс, с. 109).

¹⁴ Cm.: Münzer F. Occius (1) // RE. Hbbd. 34. 1937. Sp. 1763.

¹⁵ Рукопись «Иберийской книги» Аппиана (Loc. cit.) дает следующее чтение: «Так окончилась война с Вириатом. Теперь же мое

веденной операции застигнуть кельтиберов во время уборки урожая, то есть в июле — то же, надо полагать, подразумевается в словах о том, что Метелл «усмирил арбаков в Испа-

повествование возвращается к войне с ваккеями и нумантинцами, которых Вириат подстрекнул к отпадению. Против них был отправлен Цецилий Метелл с более многочисленным войском. И хотя он подчинил ваккеев, повергнув их в ужас внезапным нападением во время сбора урожая, но ему еще оставалось покорить Нуманцию и Терманцию». Издатели, начиная с И. Швайгхойзера, в обоих местах вместо ваккеев вставляют ареваков. А. Шультен выступает за сохранение варианта рукописи, поскольку прекращение подвоза хлеба из области ваккеев было предварительным условием покорения Нуманции (Schulten A. Numantia. Bd. I. München, 1914. S. 143-144). Ф. Л. И. Диллениус (Appian-Übersetzung, Stuttgart, 1828, Comm. ad сар. 76), отстаивая чтение рукописи, указывает на то, что в гл. 80-83 и 87-88 (346-357, 362, 380-385) Аппиан действительно рассказывает о борьбе с ваккеями. Исходя из этого, я полагаю, что в первом случае упоминание ваккеев вполне уместно (ср. у Полибия (III, 5, 1): «кельтиберы и ваккеи»). Во втором случае Аппиан также, по-видимому, пишет о ваккеях. В то же воемя эдесь можно говорить об ошибке. Она тем более вероятна, что Аппиан, как показывают параллельные источники, по неизвестным нам причинам пропустил первую кампанию Метелла (в 143 г.). Он ни слова не сообщает о кампании против беллов и титтов (о войне с ними упомянуто в 66, 279), которая, очевидно, идентична известной нам войне в Ближней Кельтиберии. С учетом этого сокращения второе упоминание ваккеев, названных уже перед этим, вполне обоснованно представляется ошибочным. Против мнения о том, что под побежденными действительно подразумеваются ваккен, говорят два обстоятельства: 1) первоначальная и последующая поэнция ваккеев (см. выше, с. 81; акции Квинта Кальпурния Пизона и Сципиона Эмилиана легко объяснить тем, что позиция ваккеев по понятным причинам изменилась после нападения на них Лепида); 2) Аппиан пишет об опустошении равнинной территории и покорении ваккеев. При опустошении ваккейской равнины были бы завоеваны их города (например, Палантия), а не города ареваков Терманция и Нуманция. В свою очередь, подчинение ваккейских городов не засвидетельствовано источниками и после всех предшествующих и последующих событий невероятно.

¹⁶ Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 355.

нии (Arbacos in Hispania domuit)» (Auct. de vir. ill., 61, 3). Пожалуй, нельзя согласиться с А. Шультеном в том, что это преувеличение анналистов в пользу Метелла¹⁷. В еще оставшееся время он сумел подчинить равнинную территорию, так что сопротивление продолжали лишь укрепленные города Терманция и Нуманция¹⁸. Число защитников последней на тот момент определяется в 8000 человек (Арр. Iber., 76, 324; ср.: 97, 419: 8000 человек в мирные годы; Vell. Pat., II, 1, 4: число молодых людей никогда не превышало 10 000)19. На зимние квартиры Метелл расположился в усмиренной Ближней Кельтиберии²⁰ и там передал командование войском своему преемнику и личному врагу Квинту Помпею, консулу 141 г. Это войско состояло из 30 000 пехотинцев и 2000 всадников, все хорошо обученные — ничего другого, собственно, нельзя было ожидать от человека такого закала, как Метелл (Арр. Iber., 76, 325, чьи данные более достоверны, чем сведения Валерия Максима (IX, 3, 7); см. экскурс, § 1, и ниже, гл. III, § 8).

¹⁷ Ibid. S. 289.

¹⁸ В годы, прошедшие после заключения мирного договора с Марцеллом, жители Нуманции возвели новые стены взамен старых, уже пришедших в негодность (Schulten A. Numantia // RE. Hbd. 33. 1936. Sp. 1259). — Примеч. перев.

¹⁹ Особенно бросается в глаза то, что Аппиан только здесь (Iber., 76, 323—325) дает описание Нуманции и ее жителей, тогда как при первом упоминании, не менее важном (46, 188 под 153 г.), лишь называет ее сильнейшим городом ареваков. Объяснить это можно, пожалуй, тем, что применительно к событиям 142 г. Аппиан обнаружил такое описание, а в отношении 153 г., очевидно, нет. Оно могло восходить к Посейдонию, который здесь впервые подробно завел разговор о Нуманции, если он начал писать «после Полибия» (μ єт ѝ Поλύβιον — Suid.) (легко представить, что в начальной части труда шла речь о предшествующих событиях), но можно также предположить в качестве источника и Рутилия Руфа, использовавшего, видимо, монографию Полибия, которую последний, возможно, открывал описанием Нуманции (это, естественно, является предположением чисто гипотетическим, ср.: Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 285).

²⁰ По мнению А. Шультена, в долине Халона (см.: Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 355).

Вторичная отправка в Ближнюю Испанию консула соответствовала положению дел в конце 142 г. Метелл за два года своего пребывания в должности добился, бесспорно, крупнейших успехов и вполне заслужил прозвище «Кельтиберского» (Celtibericus) (Flor., I, 33, 10 = II, 17, 10). Однако он еще не привел к покорности Нуманцию, с чьей доблестью римляне с большим уроном для себя столкнулись в 153 г. В этом смысле объявление Ближней Испании консульской провинцией на 141 г. было мудрым государственно-политическим шагом, каковой и осуществился.

§ 2. Неудачи Квинта Помпея: Нуманция, Терманция

Квинт Помпей ²¹ был тем homo novus, который смог в 141 г. пробиться в ряды высокородных персон, получавших консульскую должность ²². Он должен был быть исключительно искусным тактиком в делах римской городской политики. К этому времени Помпей стал популярным оратором ²³, что наряду с «шахматными ходами», о которых мы ничего не знаем, обеспечило ему поддержку значительной части народа ²⁴. Как у выскочки (homo novus: Cic. Font., 23; Mur., 16) у него было особенно много inimicitiae (Cic. Verr., II, 5, 181: plurimae inimicitiae). О его друзьях мы ничего не знаем. Долгое время он пользовался расположением Сципиона Эмилиана, но также поссорился с ним из-за своей кандидатуры на консульских вы-

²¹ Cm.: Miltner F. Pompeius (12) // RE. Hbbd. 42. 1952. Sp. 2056-2058.

 $^{^{22}}$ См.: Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. S. 245–249.

²³ Cic. Brut., 96. Cm. of этом: Miltner F. Pompeius (12). Sp. 2058.

 $^{^{24}}$ Ф. Мильтнер вполне обоснованно пишет о бесспорных успехах, на которых зиждился авторитет Помпея (Miltner F. Pompeius (12). Sp. 2058). О том, что он не был претором или пропретором в Испании, см. экскурс, с. 121—126.

борах, ибо поставил в невыгодное положение Гая Лелия (Plut. Apopht. Scip. Min., 8; см.: с. 125-126)25. Он враждовал с Фуонем Филом (Val. Max., III, 7, 5; Dio Cass., XXIII, 82), a также с Гнеем Сервилием Цепионом, своим коллегой по консулату, и болтом последнего Квинтом Сеовилием Цепионом. консулом 140 г. (Cic. Font., 23; Val. Max., VIII, 5, 1). Столь же недоброжелательно относились к нему братья Квинт Цецилий Метелл Македонский и Луций Цецилий Метелл Кальв (Сіс. Font., 23; Val. Max., VIII, 5, 1; о Квинте Метелле. кооме того, см.: Dio Cass., XXIII, 82). Удивительно, как при таком враждебном окружении Помпей добился того, что в течение двух лет за ним сохранялось командование в Испании. Пророгацию на 140 г. он не мог получить по жребию, для этого требовалось постановление сената (см., напр.: Liv., XXXII, 28, 2 для 197 г.; XXXIII, 25, 10 для 196 г.; XXXIII, 43, 2-5 для 195 г.) 26. Таким образом, остается предполагать, что и на 141 г. он получил командование благодаоя особому постановлению сената или народного собрания. Упомянутые братья Сервилии, из которых один, Гней, консул 141 г., на основании сенатского постановления исполнял свои обязанности в Италии (Cic. De fin., II, 54), несомненно, пытались помещать этому, но не выступили открыто против сторонников Помпея в сенате или народном собрании.

Вопрос был в том, как покажет себя этот сомнительный человек в Испании 27 . Из Ближней Кельтиберии Помпей повел свое войско к Нуманции и разбил лагерь близ города (к северу от него, на холме Кастильехо) 28 . Уже в его первой

²⁵ Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. S. 248–249.

²⁶ Cp.: Meyer Ernst. Römischer Staat uns Staatsgedanke. Zürich, 1948. S. 143, 198.

²⁷ Путешествие в Испанию Помпей предпринял на корабле (Ioh. Antioch., fr. 60: здесь, впрочем, упоминается лишь его наместничество в Испании, в какой из ее провинций, не уточняется. Ср. экскурс, § 2).

²⁸ Арр. Iber., 76, 325. О локализации лагеря см. у А. Шультена (Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 356; Bd. III. S. 167–188).

военной операции, цель которой неясна, всадники Помпея понесли потери от нумантинцев (Арр. Iber., 76, 325). После этого он стал вызывать последних на бой, который те приняли. С помощью притворного бегства они поставили римлян в тяжелое положение в укрепленном предполье города²⁹.

Потери в непрерывной «малой войне» от намного более слабого поотивника побудили Помпея временно оставить Нуманцию в покое и обратиться против Терманции (Арр. Iber., 77, 327). Этот город находился к югу от Дуэро на крайнем юго-западе современной провинции Сориа на совершенно непоиступной скале. Эта местность поедставляет собою плоскогорье с глубокими речными долинами³⁰. Операция против Терманции представлялась ему легкой военной прогулкой. Однако здесь он уже в первом столкновении потерял 700 человек. Кроме того, термантинцы разбили его фуражиров во главе с военным трибуном. Третья попытка римлян в этот день также провалилась, многие их пехотинцы и всадники с лошадьми были загнаны в пропасть, остальные, напуганные событиями минувшего дня, провели ночь при оружии. С наступлением утра противники вновь сошлись для битвы, которая продолжалась до самого вечера без решающего перевеса какой-либо из сторон. Только ночь развела сражающихся (App. Iber., 77, 328).

Несмотря на то что Помпей открыто объявил это не имевшее определенного исхода сражение своим успехом³¹, он отступил от Терманции и атаковал городок Лагни, видимо, непода-

²⁹ Арр. Iber., 76, 326. Лакуна в тексте поэволяет лишь строить неясные догадки о ходе событий. К этому же эпизоду должно относиться сообщение оксиринхской эпитомы под 141 г. (Ер. Охугh. 54, Z. 174).

³⁰ Cp.: Schulten A.: 1) Termes // RE. 2. R. Hbbd. 9. 1934. Sp. 732; 2) Numantia. Bd. I. S. 132–133.

³¹ Так у Ливия (рег. 54), где, разумеется, надо принимать в расчет упрощенный характер данного сообщения (ср.: Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 357. Anm. 5; Kornemann E. Die neue Livius-Epitome aus Oxyrhinchus. Berlin, 1904. S. 103).

леку от Альмазана³². При вести о приближении Помпея сюда поспешили 400 нумантинцев, чтобы оказать жителям помощь против римлян. Они были дружелюбно приняты населением.

³² О его местонахождении см.: Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 357-358; App. Iber., 77, 329-330; Малия. Diod., XXXIII, 17: Лагни. Идентификация восходит к В. Доуману (Drumann W., Groebe P. Geschichte Roms im Zeitalter des Übergang von der Republik zur Monarchie. Bd. IV. Berlin, 1908. S. 309. Anm. 24) н, несмотря на соображения М. Хофмана (Hoffmann M. De Viriathi Numantinorumque bello. Diss. Greifswald, 1865. P. 51-52), она представляется правильной. Сравнение обоих мест в источниках чрезвычайно затрудняется тем, что сообщение Диодора занимает 26 строк тойбнеровского издания, в то время как Аппиан рассказывает об этих событиях на 4 строчках. Если учитывать это при рассмотрении обоих фрагментов, становится очевидно, что в действительности они отличаются только в одном пункте. «Гарнизон» Аппиана может быть идентичен нумантинским вспомогательным войскам Диодора. То, что жители хитростью перебили гарнизон, соответствует рассказу Диодора о намерении последних снискать расположение Помпея за счет нумантинцев и о ночном бое. Наконец, сдачу города у Аппиана можно соотнести с готовностью к ней со стороны жителей и занятием города Помпеем у Диодора. Лишь о дальнейшей судьбе города у обоих авторов сообщается с подробностями, которые, пожалуй, не имеют соответствий между собой. Согласно Диодору, Помпей приказал казнить знатнейших граждан, а сам город разрушить, тогда как, по Аппиану, он потребовал выдачи оружия и заложников. Если допустить, что у Диодора дается более благоприятная по отношению к Помпею версия, чем у Аппиана, то это различие нельзя безоговорочно считать результатом расхождений между Полибием и Посейдонием, поскольку Посейдоний должен рассматриваться как промежуточный источник для Аппиана (ср.: Norden E. Die germanische Urgeschichte in Tacitus Germania. Leipzig, 1920. S. 163. Anm. 4; 170; см. также: Schulten A. Numantia. Bd. III. S. 8 и FHA. IV — вопреки его часто высказывавшемуся мнению особенно в: Schulten A. Polybius und Posidonius über Iberien und iberischen Kriege // Hermes. Bd. 46, 1911, S. 598 ff.). При ближайшем рассмотрении я, однако. не нахожу, что Помпей представлен у Диодора исключительно в благоприятном свете: он требует выдачи союзников и тем самым ставит их совесть перед тяжелым выбором. Они колеблются, но в конце

Но через несколько дней после начала осады горожане утратили мужество и попытались добиться соглашения с римлянами. Они хотели сдать свой город и просили в обмен безопасности для себя. Однако добиться этого было возможно лишь за счет нумантинцев. Поэтому их выдачи Помпей потребовал в качестве первого условия. Поколебавшись, лагнийцы в конце концов согласились выдать нумантинцев, как того от них требовали. Но еще до того, как условия договора были выполнены, нумантинцы узнали об этом и ночью напали на жителей. В завязавшемся бою многие из них погибли. Помпей смог овладеть городом. Знатнейших граждан он предал казни, а город разрушил. Двумстам уцелевшим нумантинцам Помпей, однако, даровал свободу, отчасти, как говорили, из сочувствия к ним, отчасти из расчета, поскольку хотел снискать расположение нумантинцев.

После того как он добился, наконец, таким образом еще одного успеха, Помпей оставил земли кельтиберов и направился в область эдетанов, которая примерно соответствует хин-

концов соглашаются выполнить его требование. Нумантинцы защищаются, и теперь Помпей ведет себя как беспристрастный арбитр и наказывает жителей за то, что они хотели выполнить его требование. Поэтому он избавляет нумантинцев от опасности, которой сам же умышленно их подверг, причем Диодор наряду с сочувствием впрочем, вполне одобрительно — указывает и на его расчет. Я ни в малейшей степени не усматриваю в рассказе Диодора «лакировки» и «оправдания Помпея», о которых пишет Шультен (Schulten A. Polybius und Posidonius... S. 601). В противоположность этому в рассказе Аппиана ничего не говорится об этом двусмысленном поведении Помпея (само собой разумеется, в силу сокращенного характера изложения). Отличие концовки данного эпизода у Аппиана от Диодора, которое ничего не говорит об общей тенденции, я могу объяснить тем, что аналогичные требования (выдачу оружия и заложников) немного ранее Помпей — не названный, однако, по имени — выдвигал по отношению к Нуманции и Терманции (Diod., XXXIII, 16, 1). То, что расчет, который определял поведение Помпея, не был совершенно ошибочным, впоследствии продемонстрировала, как представляется, готовность нумантинцев к мирному соглашению (аналогичным образом усматривает эту взаимосвязь М. Хофман: Hoffmann M. De Viriathi Numantinorumque bello. P. 52; cp.: Flor., I, 34, 4 = II, 18, 4).

терланду Валенции и Сагунта³³. Эту местность сделали небезопасной банды некоего Тангина³⁴. Можно предполагать, что здесь вновь идет речь об одном из лузитанских набегов, о каковых нам известно применительно к событиям данного года (ср.: Арр. Iber., 68, 289—291 — Апулей, Курий и Конноба). Помпей одержал здесь победу и взял много пленных. Они были, как обычно, проданы в рабство. Чтобы избежать такой участи, одни убивали себя, другие — своих покупателей, третьи топили корабли, на которых их перевозили (Арр. Iber., 77, 331; ср.: 74, 306). Зиму 141/140 г. Помпей провел, по-видимому, в области дружественных римлянам эдетанов³⁵.

§ 3. Новые неудачи. «Мирный договор» Помпея

Весной 140 г. Помпей — его полномочия были, как уже говорилось, продлены — вновь двинулся против Нуманции (Арр. Iber., 78, 332). За это время он смог оценить положение города и составить определенный план операций: чтобы взять его измором, римский проконсул вознамерился полностью окружить его. С этою целью он решил отвести реку. Речь при этом должна идти о реке Мерданко, отвод которой поперек через равнину восточнее Нуманции в известной степени превращал город в остров. Охранять эту «речную границу» было намного проще. Нумантинцы попытались помешать работам римлян, совершая неожиданные вылазки, и даже с успехом сражались с войсками, которые спешили на подмогу своим из лагеря. В конце концов, римлянам пришлось вернуться в лагерь³⁶.

³³ Арр. Iber., 77, 330: Седетания; ср.: Hübner E. Edetani // RE. Bd. V. 1905. Sp. 1938—1939.

³⁴ Cm.: Münzer F. Tanginus // RE. 2. R. Hbbd. 8. 1932. Sp. 2175.

³⁵ Иначе полагает А. Шультен: «вероятно, в долине Халона» (Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 358).

³⁶ Арр. Iber., 78, 332. О топографии см.: Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 358.

В другом месте нумантинцы добились успеха, нанеся потери римским фуражирам и убив предводительствовавшего ими военного трибуна по имени Оппий³⁷. 400 человек убитыми, в числе которых был и командир, римляне потеряли в результате нападения нумантинцев на тех, кто копал канал для отвода реки в другом месте (Арр. Iber., 78, 333). Если римлянам и удалось осуществить отвод Мерданко, то это не принесло нумантинцам ни пользы, ни вреда³⁸. Весь план имел смысл только в том случае, если линия окружения надежно охранялась, а вылазки осажденных отражались. Но как раз этого-то обеспечить и не удавалось. Причиной сложившейся ситуации отчасти был недостаток военного опыта у Помпея³⁹, отчасти то, что войско из-за понесенных прежде потерь на долгое время лишилось былой боеспособности.

Но такому положению дел способствовало и кое-что другое. В течение 140 г. та часть армии, которая стояла перед Нуманцией, была заменена новобранцами. Если же говорить о солдатах, получивших теперь отставку, то они уже шесть лет бессменно прослужили в Испании⁴⁰. Это были те, кто находился в Испании еще при преторах Клавдии, Лелии и Нигидии. Но вряд ли они могли составлять весьма значительную

³⁷ Арр. Iber., 78, 333. Оппий упоминается только здесь. Ср.: *Münzer F.* Орріus (3) // RE. Hbbd. 35. 1939. Sp. 728.

³⁸ Dio Cass., XXII, 77. А. Шультен считает мероприятия Помпея частью плана, имевшего целью блокаду Нуманции (Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 358).

³⁹ Когда Цицерон называет Помпея homo novus et fortissimus vir (Рго Murena, 16), это больше говорит о системе аргументации Цицерона, чем о личности самого Помпея.

⁴⁰ App. Iber., 78, 334. А. Шультен (Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 272. Anm. 3) сопоставляет это с указанием Полибия (VI, 19, 2) о предписании пехотинцам принять участие в шести кампаниях и Луцилия (490–491 M): «Покуда он служит в землях Иберских, чуть не шесть трехлетий воюя (dum miles Hibera terrast, atque meret ter sex aetate quasi annos)» (здесь и далее стихи Луцилия — в пер. Е. Г. Рабинович). Набор для войны в Испании происходил, конечно, не только в 152, 146 и 141 гг. (Аpp. Iber., 49, 209; 65, 274; 78, 334).

часть армии, поскольку Метелл прибыл в 143 г. в Ближнюю Испанию с солидным пополнением. Однако в целом похоже на то, что была сменена большая часть армии Помпея⁴¹. Вояд ли в тот момент такая замена пришлась Помпею по душе, однако он. по всей, видимости, был виноват в этом сам. Вместе с оекрутами в Испанию прибыла комиссия из десяти сенаторов. которые оставались при Помпее вплоть до его возвращения в Рим (Арр. Iber., 78-79, 334-434). Однако такие комиссии сенат обычно посылал в новоприобретенные или усмиренные области, чтобы обустроить их в римском духе⁴². Очевидно, сообщения Помпея об успехах первого года произвели такое впечатление (и это дополнительно объясняет продление ему полномочий), что в Риме уже рассчитывали на скорейшее окончание войны в Кельтиберии. Поэтому, с одной стороны, туда была направлена сенатская комиссия, а с другой, очередная замена отслуживших солдат новыми рекрутами казалась безопасной. То, что ситуация оказалась совершенно иной, будет показано ниже. Положение Помпея в Испании стало из-за этого еще более опасным, не говоря уже о том, что его противники из числа нобилитета ждали только повода, чтобы свалить его. Благодаря уму (ratio), рассудительности (consilium) и предусмотрительности (prudentia) (Сіс. De rep., III, 28) Помпей выпутался из тяжелой ситуации — в Испании связанной с нумантинцами, в Риме со своими противниками и спас собственное политическое бытие, но лишь ценой порядочности (probitas), стыда (pudor), верности слову (fides) (Cic., Loc. cit.) и морального падения, своего и Рима.

Армия, которой располагал теперь Помпей, — войска, получившие отставку, уже покинули театр военных действий — состояла, как говорилось выше, почти исключительно из

11 3ak. 4554 161

⁴¹ Поэтому М. Хофман отбрасывает указание Аппиана на тех, кто отслужил шесть лет (Hoffmann M. De Viriathi Numantinorumque bello. ρ . 50).

⁴² Ср.: *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Bd. II. Leipzig, 1887. S. 692–693; *Meyer Ernst.* Römischer Staat uns Staatsgedanke. S. 170. Ср.: Арр. Iber., 99, 428; кроме того, см.: Liv., XXXVIII, 44, 9 и далее.

необученных и совершенно не имевших боевого опыта новобранцев (Арр. Iber., 78, 334). Такую армию Фабию Максиму Эмилиану пришлось в 145 г. сначала тренировать в течение целого года. Однако для этого у Помпея не было времени, да он и не искал его. Теперь нужно было как можно скорее исправлять допущенные ошибки — теперь, когда его оружие лишь еще более притупилось. Результатом стала новая цепь неудач. Помпей не хотел создавать впечатление того, будто он отступает, и поэтому собирался провести зиму в лагере перед Нуманцией (Арр. Iber., 78, 335). Однако солдаты жестоко страдали от холода, климат и вода были для них непривычны, к тому же среди них свирепствовала дизентерия, многие в результате умерли (Арр. Iber., 78, 336). Кроме того, не прекращались нападения нумантинцев. Однажды римский отряд отправился за продовольствием. Нумантинцы устроили засаду и раздражали оставшихся в лагере римлян своими атаками до тех пор, пока последние не выступили и, как и ожидалось, не попали в засаду. Римляне понесли большие потери среди не только простых солдат, но и офицеров знатного происхождения (на сей счет имеются совпадающие друг с другом сообщения Аппиана — Iber., 78, 337 — и Орозия — V, 4, 13). Столь же успешно нумантинцы осуществили нападение на отправившийся за провиантом римский отряд, когда он возвращался в лагерь, причем и здесь было много убитых (App. Iber., 78, 337).

Таким образом, провалилась последняя попытка Помпея добиться успеха в открытом сражении (о его неудачном ведении войны в целом упоминает Евтропий: IV, 17, 1). Он удалился с войском и находившимися при нем сенаторами в города — вероятно, в долинах Эбро и Халона, — чтобы провести там остаток зимы и ожидать прибытия своего преемника (Арр. Iber., 78, 338)⁴³. Его собственное положение стало незавидным. Судьба Гая Плавтия 146 г. показала, что может ожидать Помпея при сложившихся обстоятельствах. Но жи-

⁴³ Локализация зимних квартир армии Помпея по А. Шультену: Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 359.

тели Нуманции и Терманции 44 также устали от войны, которая вопреки ожиданиям затягивалась и стоила им немалых потеоь. К тому же их поля оставались невозделанными, и начала ощущаться нехватка продовольствия (Арр. Iber., 78, 339; ср.: Flor., I, 34, 4 = II, 18, 4). В этой ситуации Помпей поедпринял новый шаг. Между ним и кельтиберами начались переговоры. Официально Помпей потребовал от врагов deditio (App. Iber., 79, 340), «поскольку только такой договор будет сочтен достойным Рима» 45. Это означало безоговорочную капитуляцию⁴⁶. Однако тайно пооконсул дал кельтиберам определенные гарантии, которые никак не вязались с характером deditio, о чем он прекрасно знал. Согласно этим гарантиям, после выполнения известных требований кельтиберы становились «друзьями и союзниками», так что их политическая организация не была бы уничтожена (Diod., XXXIII, 16, 1). Теперь все вращалось вокруг вопроса о том, будет ли иметь место deditio или договор на определенных условиях. Помпей потребовал выдачи заложников, военнопленных и перебежчиков, что и было выполнено (Арр. Iber., 79, 340-341). Были также удовлетворены и последующие условия, состоявшие в

⁴⁴ Терманция названа наряду с Нуманцией у Ливия (рег. 54) и Диодора (XXXIII, 16). Здесь Терманция появляется последней раз в связи с этой войной. «Терманция продолжала существовать, поскольку в 98, а затем в 75 г. участвовала в кельтиберском восстании. Сципион воздержался от разрушения города. По-видимому, Терманция своевременно подчинилась» (Schulten A. Numantia. Bd. III. S. 57). Фрагменты Диодора XXXIII, 16 (Exc. de legat., 327, 328 U) и XXXIII, 17 (Exc. de leg. virt., 358—361 V) хронологически неверно расположены и должны, что вполне возможно, поменяться местами. Согласно Аппиану (Iber., 79, 338—344), мирные переговоры были, во всяком случае, последним событием, происшедшим в Испании при Помпее.

⁴⁵ Арр. Iber., 79, 340. См. соответствующие суждения в связи с мирными переговорами, которые вел Марцелл: Polyb., XXXV, 3, 5. О договоре, заключенном Фабием Сервилианом: Diod., XXXIII, 1, 4.

⁴⁶ Ср.: Heuss A. Die völkerrechtlichen Grundlagen der römischen Außenpolitik in republikanischer Zeit. Berlin, 1931. S. 61: deditio преследует ту же цель, что и завоевание.

передаче римлянам 9000 плащей, 3000 шкур и 800 боевых коней (Diod., XXXIII, 16, 1). Кельтиберы должны были уплатить 30 талантов серебра, часть которых была внесена сразу. Когда нумантинцы собрались внести оставшуюся часть, уже приехал преемник Помпея, Марк Попилий Ленат, консул 139 г. (Арр. Iber., 79, 342).

С прибытием Попилия Лената стала очевидной двуличность Помпея, поскольку новый командующий должен был узнать, какие теперь отношения у римлян с кельтиберами⁴⁷. Получив указания от Помпея, враги сдались. Теперь явились их посланцы с остальным серебром. Или во время обмена речей по данному поводу, или по требованию выдать оружие, которое, естественно, выдвинул Попилий и которое нумантинцы отклонили⁴⁸, им стало ясно, что их обманули⁴⁹. Попи-

⁴⁷ Согласно Аппиану (Арр. Iber., 79, 342), то обстоятельство, что теперь Помпей мог больше не бояться, поскольку прибыл его преемник (наряду с сознанием постыдности договора), явилось причиной того, что он стал отрицать факт договора. Эта мотивировка введена дополнительно автором — Помпей с самого начала мог соглашаться только на deditio, если он не хотел подвергать опасности свое положение в Риме.

⁴⁸ К. Сазерленд ошибается, считая, будто сенат велел Попилию игнорировать заключенный Помпеем мир — в сенате просто не знали о его заключении (Sutherland C. H. V. The Romans in Spain. 217 В. С. — А. D. 117. London, 1939. Р. 84). — Примеч. перев.

⁴⁹ Diod., XXXIII, 16. В этом состоит небольшое, но существенное различие между Диодором и Аппианом (Iber., 79, 338—344). У Диодора вина за несоблюдение договора ложится на кельтиберов, поведение которых описывается (не без некоторой сентиментальности) с человеческим пониманием. У Аппиана выполнению договора препятствует римская сторона. Ключ к пониманию этих двух мест дают отрывки из Диодора (XXXIII, 19) и Диона Кассия (XXII, 75) о переговорах Попилия с Вириатом в 139 г. Здесь римляне также добиваются deditio (это подразумевается) и выдвигают требования одно за другим (об этом говорится определенно), мир нарушается после требования выдачи оружия. То же самое мы наблюдаем в случае с Помпеем, но с тем существенным различием, что предварительно он дает обещания. Вопреки истинному положению дел, на-

лию пришлось стать свидетелем препирательств между своим предшественником и нумантинцами. Помпей стал отрицать достигнутые договоренности⁵⁰, нумантинцы же уличали его, призывая в свидетели присутствовавших тогда еще сенаторов, префектов и военных трибунов Помпея⁵¹. Видя эти споры, Попилий отослал нумантинцев в Рим, где сенат должен был решить разногласия между ними и Помпеем.

§ 4. Победы Вириата над Квинкцием и Луцием Цецилием Метеллом, поражение от Квинта Фабия Максима Сервилиана

Прежде чем рассмотреть переговоры 139 г. в Риме, мы должны проанализировать события в Hispania Ulterior после побед Фабия Эмилиана в 144 г. Успехи Фабия были сочтены в Риме настолько значительными, что новая отправка консула в дальнюю провинцию уже не казалась необходимой. В то время как Квинт Цецилий Метелл прибыл в Ближнюю Испанию, а Аппий Клавдий Пульхр вопреки своему желанию остался в Италии, Дальнюю Испанию получил в 143 г. претор по имени

сколько можно его представить, рассказ Диодора, очевидно, с помощью достаточно скромных средств искажает картину. Однако нельзя сказать, оправдываются римляне в целом или лично Помпей, поскольку этот пассаж вырван из контекста. По мнению А. Шультена, здесь наблюдается та же взаимосвязь, что и между фрагментами $App.\ Iber.,\ 77,\ 329$ и $Diod.,\ XXXIII,\ 17$ (Schulten A. Polybius und Posidonius... S. 601).

⁵⁰ То есть то, что Помпей дал нумантинцам гарантии. М. Хофман сомневается, что Помпей совершенно отрицал договор, под которым в принципе подразумевалась deditio (*Hoffmann M*. De Viriathi Numantinorumque bello. P. 52).

 $^{^{51}}$ Вопрос о том, насколько тайно от посланцев сената, префектов и военных трибунов могли вестись переговоры, занимает также М. Хофмана ($Hoffmann\ M$. De Viriathi Numantinorumque bello. P.52-53). Во всяком случае, они могли свидетельствовать об уже выполненных кельтиберами условиях.

Квинкций (см. экскурс, прежде всего § 4). Приняв командование над войском Фабия Максима Эмилиана — очевидно, в Кордубе, где оно, согласно Аппиану, располагалось на зимних квартирах (Iber., 65, 278), — претор снова повел его против Вириата. Он разбил последнего и принудил его к отступлению на гору Венеры (Арр. Iber., 66, 281). Оттуда, однако, Вириат нанес ответный удар, в результате чего римляне потеряли 1000 человек. Остатки их войска возвратились в лагерь (Арр. Iber., 66, 282, все нижеследующее повествование там также касается Квинкция). Одновременно он изгнал римский гарнизон, который с некоторого времени находился в упоминавшейся нами при описании событий 146 г. в Тукке⁵². Выйдя от-

⁵² Co.: Schulten A. Viriatus // NJb. Bd. 39. 1917. S. 222-224 H отличную от этой точку зрения в другой статье того же автора: Schulten A. Tucci // RE. 2. R. Hbbd. 1939. Sp. 765. Плиний Старший (NH, III, 12) упоминает в конвенте города Астиги (совр. Эсиха. cp.: Hübner E. Astigi // RE. Bd. II. 1896. Sp. 1790) Tucci col. Aug. Gemella, которая у Птолемея (II. 4, 9) названа Тойккі, городом турдулов. Это место идентично сово. Маотосу близ Хаэна, который благодаря своему расположению на высокой горе имеет важное стратегическое значение. Наряду с ним Плиний (Loc. cit.) упоминает Itucci col. Virtus Iulia, чье местонахождение неизвестно (по Э. Хюбнеру (CIL, II, р. 213), это нынешняя Баэна). В наших источниках о Вириатовой войне встоечаются следующие топонимы, которые необходимо учесть в данном случае: Diod., XXXIII, 7, 5 Тиккт (вместо него часто упоминаются его жители): Арр. Iber., 66, 282 'Ітикті (так в рукописи. издатели дают Ίτύκκη; Вириат изгоняет оттуда римский гарнизон); 67, 284 'Ітижкт (Сервилиан спешит туда); 67, 287 'Ітижкт (Сервилиан отступает туда), 68, 290 Γέμελλα (Сервилиан завоевывает ее вместе с Эскадией и Обулкулой); Oros., V. 4, 12 Виссіа (в наиболее авторитетных рукописях). Трудность состоит в том, что смыса соответствующих эпизодов у Орозия и Аппиана совершенно различен (67, 284 и 287). У Орозия читаем: «Фабий... отогнав врагов, освободил город Букцию, который осаждал Вириат, и принял капитуляцию от нее и от других укрепленных местечек (Fabius... Bucciam oppidum, quod Viriatus obsidebat, depulsis hostibus liberavit et in deditionem cum plurimis aliis castellis recepit)». Вероятно, Орозий свел воедино таким образом «освобождение», а затем «взятие». У Аппиана

туда, Вириат опустошил область бастетанов, т. е. восточную часть провинции Дальняя Испания⁵³. Квинкций, не обладавший ни военным опытом, ни мужеством, не отважился оказать помощь местностям, которые подвергались опасности, но в благоприятное для боевых действий время года перешел на

Сервилиан сначала спешит со своим войском в Итукку ($\dot{\epsilon}_S$ 'Ітикку) и после первоначальных успехов и последующих поражений вынужден был в конце концов возвратиться вновь в Итукку (בֹּכְ 'וֹדְטַׂאָרָאָרַ). причем неясно, идет ли речь при первом нападении об успешной попытке снятия осады, которая может быть идентична тому, что описано у Орозия (А. Шультен связывает между собой сообщения Орозия и Аппиана (68, 290), взятие Гемеллы — Schulten A. Viriatus. S. 224. Anm. 4), и затем позже о возвращении к собственному опорному пункту, или же сначала имела место попытка захвата, а затем возвращение к еще не завоеванному городу — так полагает А. Шультен (Schulten A. Viriatus. S. 223-224). Первая гипотеза представляется мне более вероятной, поскольку вряд ли правильно предполагать отступление к враждебному ему городу. Сложность, однако, состоит в том, что в имеющихся у нас сведениях о судьбе города у Аппиана, очевидно, есть пробел (с учетом присущей Аппиану краткости допустить это не так уж трудно): между взятием Тукки Вириатом (Арр. Iber., 66, 282) и снятием с него осады Сервилианом (67, 284) должен был произойти переход города на сторону римлян, после отступления Сервилиана (67, 287) и перед тем, как город завоевало войско лузитан (68, 290, Гемелла), он должен был переметнуться к Вириату. Это в принципе полностью соответствует картине, нарисованной Диодором (XXXIII, 7, 5-6). Басня, которую рассказывал Вириат туккийцам, явно относится к последнему периоду, когда он владел Туккой. В пользу этого говорит то, что басня рассказана для того, чтобы обеспечить верность туккийцев Вириату. Пожалуй, именно таким образом лучше всего примирить между собой сообщения о Тукке. Я считаю вполне вероятной тождественность Итукки Аппиана Тукке Диодора, а также Tucci col. Aug., поскольку она обладала важным стратегическим значением, которое и давало повод для ее упоминания в описании исторических событий. Труднее объяснить, почему Аппиан использует два различных названия: в 66, 282; 67, 284 и 287 — Итукка, в 68, 290 — Гемелла. Проще объяснить это тем, что в его источниках имелись расхождения или предлагались разные формы.

53 Cp.: Schulten A. Viriatus. S. 223.

зимние квартиры в Кордубе. Единственное, что он заставил себя сделать, была отправка небольших отрядов во главе с Гаем Марцием⁵⁴ из Италики против неприятеля. Более о судьбе Квинкция мы ничего не знаем.

В такой ситуации было сочтено разумным вновь направить против лузитан консула. Из консулов 142 г., Луция Цецилия Метелла Кальва⁵⁵ и Квинта Фабия Максима Сервилиана⁵⁶, командование в Hispanis Ulterior, по-видимому, получил Метелл. Поскольку их политические позиции были близки⁵⁷, можно предполагать, что имело место полюбовное соглашение. Однако Луций Метелл также в целом неудачно сражался против Вириата. Какие-либо подробности об исполнении им своей должности нам неизвестны (Ер. Охугh. 53, Z. 167 под 142 г.; ср. Obseq., 22).

Из консулов следующего, 141 г., Квинт Помпей получил командование в Hispania Citerior; Гней Сервилий Цепион⁵⁸, брат одного из консулов 142 г. Фабия Сервилиана, остался в

⁵⁴ Ср.: Münzer F. Marcius (10) // RE. Hbbd. 28. 1930. Sp. 1544, который, правда, считает его подчиненным «пропретора Кв. Помпея» (см. об этом экскурс, с. 121–127).

⁵⁵ Ср.: Münzer F. Caecilius (83) // RE. Bd. III. 1899. Sp. 1208. Что касается его деятельности в начале года в Риме, то нам известно его письмо к евреям (см.: Макк. I, 15, 16—21). [Неточность: письмо было адресовано не самим евреям, а правительствам соседних государств с предложением не воевать с Иудеей и не помогать ее врагам, а также выдать первосвященнику Симону бежавших из Иудеи. Симону же была отправлена копия этого послания. — Примеч. перев.] Ср.: Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. I. New York, 1951. P. 476.

⁵⁶ Ср.: Münzer F. Fabius (115) // RE. Bd. VI. 1909. Sp. 1811—1814. Статья весьма важна в связи с содержащейся в ней подробной оценкой оксиринхской эпитомы. Однако я не могу согласиться с некоторыми высказанными там соображениями о Метелле и обстоятельствах, сопутствовавших замене Квинта Помпея.

⁵⁷ Cp.: Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. S. 245-249.

⁵⁸ Cm.: Münzer F. Servilius (46) // RE. 2. Reihe. Hbbd. 4. 1923. Sp. 1781.

Италии (Cic. De fin., II. 54). Вместо него в Hisoania Ulterior был отправлен в качестве проконсула его брат Фабий Сервилиан. Братья соперничали друг с другом, однако можно предполагать, что здесь речь шла о полюбовном соглашении. После неудач Луция Метелла положение римлян в дальней провинции, очевидно, ухудшилось. То, что они не хотели на этом успоконться, доказывает отправка туда проконсула с соответствующими силами. Поскольку Помпей мог принять войско Квинта Метелла, набор 141 г. проводился исключительно для армии Сервилиана. В результате он смог привести в Испанию два легиона с вспомогательными отрядами общей численностью не менее 18 000 пехотинцев и 1600 всадников (App. Iber., 67, 283; об указании Аппиана относительно следующего года см. экскурс, § 4). Кроме того, он обратился к нумидийскому царю Миципсе с просьбой как можно скорее прислать ему слонов (Арр. Iber., 67, 284).

Прежде всего Сервилиан направил часть войска против осаждавшего Тукку Вириата и освободил город от осады (Oros., V, 4, 12; Арр. Iber., 67, 284; см. выше, гл. III, § 4). Вириат двинулся против него с 6000 воинов, но, несмотря на всю их дикую отвагу⁵⁹, ничего не смог сделать с храбро сопротивлявшимися римлянами и вынужден был отступить, ничего не добившись. Когда же после этого прибыло остальное войско

⁵⁹ «С криком и шумом, как всегда делают варвары, с длинными волосами, которыми они, распустив их, потрясают в бою для устрашения врагов». Ф. Маркс сравнивает это со стихами Луцилия (288—289): «Вскинуты головы вверх, расчесаны гривы их челкой / Пышной, с крутого свисающей лба, — таков их обычай (iactari caput atque comas, fluitare capronas, altas, frontibus imnissas, ut mos fuit illis)». К. Цикориус привлекает для сравнения фрагмент Страбона (III, 3, 7, р. 154), где говорится, что лузитаны «подобно женщинам, носят длинные волосы, спускающиеся густыми прядями; но в сражение они идут, обвязав волосы вокруг лба» (пер. Г. А. Стратановского) (Cichorius K. Untersuchungen zur Lucilius. Berlin, 1908. S. 32). Э. Норден отмечает, что эти черты в описании варваров, дошедшие до нас в передаче Аппиана и Страбона, характерны для Посейдония (Norden E. Die germanische Urgeschichte in Tacitus Germania. S. 163. Anm. 4).

проконсула и присланные Миципсой 10 слонов и 300 всадни. ков. Сервилиан разбил большой лагерь, оттуда атаковал Вириата, обратил его в бегство и начал преследовать (Арр. Iber 67, 285). Во время преследования боевые порядки римлян нарушились. Вириат заметил это, и победа римлян превратилась в тяжелое поражение (ср. Арр. Iber., 56, 237, см. также выше гл. I, § 3; Арр. Iber., 58, 245; 66, 281–282). Лузитаны снова атаковали римлян, которые потеряли при этом тысячи человек убитыми, загнали их обратно в лагерь, и попытались взять его штурмом. Римские воины едва ли были в состоянии оказывать сопротивление врагам у лагерных ворот. Большинство их. объятые страхом, попряталось в палатках, так что Сервилиану и его офицерам лишь с большим трудом удалось заставить их биться с врагом (Арр. Iber., 67, 286). В конце концов, ночь спасла римлян. В этом сражении отличился благодаря своему мужеству Гай Фанний, зять Лелия (67, 287 с указанием на его родственную связь с Лелием)60. Но Вириат не оставлял оимлян в покое 61 , не поекращая атак, и нападал на них с помощью легкой конницы, так что Сервилиану пришлось оставить свой слишком далеко выдвинутый лагерь и отступить в район Итукки (Арр. Iber., 67, 287). На его счастье, Вириат испытывал недостаток продовольствия, и его войско уменьшилось. Поэтому он сжег ночью свой лагерь и удалился в Лузитанию. Сервилиан, не сумев вовремя застигнуть его, направился в Бетурию — северо-западную часть современной Андалусии⁶². Там он разграбил пять городов, которые держали сторону Вириата (Арр. Iber., 68, 288), затем двинулся в область кунеев и

⁶⁰ Cm.: Münzer F. Fannius (7) // RE. Bd. VI. Sp. 1987-1991.

⁶¹ Арр. Iber., 67, 287; ср. Lucil., 472 М.: «Раз шестъдесят за час нападал он (puncto uno horae qui quoque invasit)» — о враге, который неустанно, час за часом, совершает нападения (Ф. Маркс). К. Цикориус проводит сравнение с Аппианом (Iber., 67, 287) — Луцилий в XIV книге более подробно рассказывал о войне в Испании (Cichorius K. Untersuchungen zur Lucilius. S. 33—34).

⁶² См.: Hübner E. Baeturia // RE. Bd. II. 1896. Sp. 2764—2765. О судьбе местных городов см. выше (гл. II, § 2) в связи с басней, рассказанной Вириатом туккийцам.

оттуда в Лузитанию поотив Вириата (Арр. Iber., 68, 289). Во воемя этого маоша он столкнулся с двумя отоядами численностью 10 000 человек во главе с Курием и Апулеем, которые одновременно с Вириатом совершали набег на римскую провинцию⁶³. Римаяне не смогаи отразить натиск противника и потеряли захваченную прежде добычу. Правда, Курий погиб в бою, и немного позже римаяне смогаи вернуть потерянную добычу (Арр. Iber., 68, 290). Однако Сервилиан, очевидно, изменил план действий и решил сам навести в провинции пооядок в римском понимании. Он захватил находившиеся во власти Вириата города Эскадию 64, Тукку (здесь названа Гемеллой, см. выше, с. 166) и Обулкулу 65 , все три — к югу от Кордубы. Другие города он разграбил, третьим даровал прощение (Арр. Iber., 68, 290). При проведении этих операций он взял в плен 10 000 человек. Пятистам из них он отрубил головы, остальных продал в рабство. После этого он расположился с войском на зимние квартиры (App. Iber., 68, 291; έξείμαζε («зазимовал») и последующие слова П. Вирек и А. Г. Рооз исключают из текста Аппиана: об испорченном месте см. экскурс, § 4).

⁶³ Ср.: «Судя по их именам, мы видим, что измена имела место и в провинции» (Schulten A. Viriatus. S. 224; аналогично см. у М. Хофмана: Hoffman M. De Viriathi Numantinorumque bello. P. 44). О том же свидетельствуют сообщения о Тукке (см. выше), а также положение и судьбы Астолпы (Diod., XXXIII, 7, 4; Dio Cass., XXII, 75). [Что касается отрядов Курия и Апулея, то речь, по мнению Ю. Б. Циркина, идет о об обычае, когда «молодые люди, не имеющие имущества, но обладающие смелостью и силой, ...объединялись в банды, промышляющие разбоями далеко за пределами Лузитании (Diod., V, 34). Этот обычай, свойственный времени распада родовых отношений, ...служил, видимо, одним из способов расселения лузитан». К числу таких отрядов, вероятно, относились и банды Курия и Апулея (Циркин Ю. Б. Древняя Испания. М., 2000. С. 150—151). — Примеч. перев.]

⁶⁴ Вероятно, Астиги, нынешняя Эсиха, как полагает А. Шультен (Schulten A. Viriatus, S. 224, Anm. 5).

⁶⁵ Cm.: Schulten A. Obulcula // RE. Hbbd. 34. 1937. Sp. 1751.

§ 5. Успехи Вириата. Мирный договор

Несмотря на некоторые неудачи, итоги кампании 141 г. не были для оимлян неблагопоиятными. Большая часть дальней провинции была, очевидно, очищена от врагов, целый ряд городов вновь возвращен под власть римлян66. Кроме того, неуклонно ухудшалось положение Вириата (Арр. Iber., 68, 288). что немаловажно. Однако война еще не подошла к концу, о чем в Риме также знали. Поэтому на 140 г. Испания была вновь объявлена консульской поовинцией. Из консулов этого года. Гая Лелия и Квинта Сервилия Цепиона 67, первый уже побывал в Испании во время своей претуры и успешно соажался там с Вириатом. Несмотря на это, командование в Hispania Ulterior получил Квинт Цепион, брат Фабия Сервилиана. Поскольку аналогичное разделение компетенции в то время, как правило, проходило не без конфликтов (ср. трения между Аппием Клавдием Пульхром и Квинтом Цецилием Метеллом в 143 г.: Dio Cass., XXII, 75), можно усмотреть в передаче командования Цепиону пренебрежение к Ледию 68. Вновь налицо соотношение сил между партиями, которое, начиная со 143 г., год за годом обеспечивало консулат Метеллам или Сервилиям 69. Отъезд Цепиона в Испанию не обощелся без крупного скандала. После того как уже прошел набор для замены сражавшихся под началом Помпея солдат, был проведен

⁶⁶ Это отразилось в кратких замечаниях эпитоматора Ливия (рег. 54), упрощающих и искажающих действительность: «отвоевана большая часть Лузитании (magna pars Lusitaniae recepta)»; оксиринхской эпитомы (Ер. Охугh. 53, Z. 171—172), Орозия (V, 4, 12).

⁶⁷ Münzer F. Servilius (48) // RE. 2. Reihe. Hbbd. 4. 1923. Sp. 1782–1783.

 $^{^{68}}$ Это кажется мне более вероятным, чем точка зрения К. Бильца, который склонен видеть здесь успех группировки Сципиона, достигнутый благодаря посольской миссии Сципиона (Bilz K. Die Politik des P. Cornelius Scipio Aemilianus. Diss. Würzburg, 1935. S. 44).

⁶⁹ Cm.: Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. S. 245 ff.

второй набор для армии Цепиона⁷⁰. Как и в 151 г., его удалось осуществить лишь вопреки упорному сопротивлению уклонявшихся от службы граждан, причем последние нашли весьма активных заступников среди противников Цепиона. Возможно, под влиянием этого конфликта консулу 143 г. Аппию Клавдию Пульхру удалось провести закон, запрещавший два набора в один год (Ер. Охугh. 54, Z. 177—178, однако с сомнительными дополнениями). Народный трибун Тиберий Клавдий Азелл⁷¹, враг Сципиона, который в том же году возбудил против него процесс⁷², выступил с интерцессией в отношении энергично готовившегося к отъезду Цепиона. Консул отвел протест трибуна с помощью ликторов, которые применили грубое насилие (Ер. Охугh. 54, Z. 182—184).

В этих условиях отбытие Цепиона должно было значительно затянуться⁷³. У его брата Фабия Сервилиана благодаря этому оказалось время для проведения новой кампании в качестве проконсула в 140 г. Свой первый удар он нанес против лузитанского отряда во главе с предводителем по имени Конноба. Лузитаны были разгромлены, сам Конноба сдался и получил пощаду для себя, но всем его людям Сервилиан приказал отрубить руки. Вполне возможно, что среди них находились перебежчики, прежде всего из числа испанских вспомогательных войск⁷⁴. После этого Сервилиан двинулся против

⁷⁰ C_{M.}: Kornemann E. Die neue Livius-Epitome aus Oxyrhinchus. Berlin. 1904. S. 107–108.

⁷¹ Cm.: Münzer F. Claudius (63) // RE. Bd. III. 1899. Sp. 2676.

⁷² См.: Bleicken J. Das Volkstribunat der klassischen Republik. München, 1955. S. 139; Bilz K. Die Politik des P. Cornelius Scipio Aemilianus. S. 45. Anm. 114. Процесс, очевидно, был довольно длительным, поскольку сохранился фрагмент из пятой речи Сципиона против Азелла (Gell., II, 20, 6).

⁷³ Münzer F. Servilius (48). Sp. 1782.

⁷⁴ Арр. Iber., 68, 291; ср.: Frontin., IV, 1, 42; Val. Max., II, 7, 11; Oros., V, 4, 12. У Фронтина и Валерия Максима речь идет о перебежчиках. Цифра 500 у Орозия дает основания предполагать, что он свел воедино два эпизода, о которых последовательно сообщает Аппиан. Вызывающие отвращение детали, о которых он рассказывает

самого Вириата, который отступил в Бетурию. Римский командующий преследовал его и достиг города Эрисаны⁷⁵, державшего сторону противника. Римляне начали окружать город и обнесли его рвами. Однако ночью Вириат сумел в него проорваться. С наступлением утра он перешел в наступление и атаковал занятых осадными работами солдат с такой яростью. что они побросали инструменты и обратились в бегство (Ард. Iber., 69, 293). Остальное войско, которое Сервилиан вывел из лагеря и построил в боевой порядок, Вириат разбил, начал поеследовать и загнал в труднопроходимую местность, откуда было невозможно ускользнуть (Арр. Iber., Loc. cit.; поражение Сервилиана упоминается также в: Ер. Охугн. 54, Z. 185; Harax, fr. 27). Вероятно, это были те самые бои, в которых вновь отличился Квинт Окций и, видимо, нашел свою смерть (Ep. Oxyrh. 54, Z. 186-188, сообщает о заключении мира, однако X. Гундель⁷⁶ относит это к более ранним сражениям того же года). О нем известно, что он находился в Испании в 143 г. в качестве легата Квинта Метелла, но затем по неизвестным причинам оказался в армии наместника Hispania Ulterior. Вириат мог уничтожить римское войско, однако понимал, что таким образом лишь усилит активность римлян и это приведет к еще одной войне⁷⁷. Поэтому Вириат увидел здесь удобный

в отличие от других авторов, не заслуживают доверия. Ср. об аналогичном поступке Цезаря: BG, VIII, 44, 1; Oros., VI, 11, 29.

 $^{^{75}}$ Арр. Iber., 69, 292; по мнению Э. Хюбнера, местонахождение города неизвестно, название неясно ($H\ddot{u}bner$ E. Erisana // RE. Bd. VI. Sp. 466). А. Шультен считает, что речь идет не об Эрисане, а об упоминавшейся у Аппиана Арсе (Iber., 70, 298), и предполагает неправильную передачу названия у этого автора в 69. 292, проводя здесь параллель с 'Іт \dot{u} — $\Gamma \dot{e} \mu \dot{e} \lambda \lambda \alpha$ (Schulten A. Viriatus. S. 224. Anm. 7). В случае с Арсой — Эрисаной (ученый полагает, что это название возникло из испорченного Ири-сама) можно допустить две различных формы одного и того же иберийского топонима, которые встречаются в источнике Аппиана, с чем, однако, я не могу согласиться.

⁷⁶ См.: Gundel H. Viriatus // RE. 2. Reihe. Hbbd. 17. 1961. Sp. 217.

⁷⁷ А. Шультен считает, что только усталость от войны и доверчивость лузитан вынудила Вириата к столь невероятному решению —

случай для того, чтобы достойно закончить войну договором на «справедливых условиях (aequis condicionibus)» (Liv., per. 54). Римское войско было выпушено из окружения. Сервилиан в обмен подтверждал власть Вириата над областью, находивнейся тогда в руках последнего, и признавал его «другом и союзником» римского народа (Арр. Iber., 69, 294; договор также упоминается: Liv., per. 54; Ep. Oxyrh. 54, Z. 185-186; Diod., XXXIII. 1. 4: Charax, fr. 27). Речь шла, по-видимому. о Бетурии, которую Вириат тем самым закрепил за собой⁷⁸. Здесь, вероятно, мы наблюдаем, как аузитаны приблизились к более высокой ступени политической организации 79. Этот договор был утвержден римским народом (Арр. Iber., 69, 294)80. То, что народ был благосклонно настроен к ратификашии такого договора, легко понять, если учесть события в начале года. Аппий Клавдий и Тиберий Азелл, без сомнения, добивались, чтобы и гоуппировка Метеллов и Сеовилиев

дать уйти римскому войску (Schulten A. Viriatus. S. 225). Х. Гундель, напротив, справедливо указывает на то, что война против Рима не могла длиться бесконечно: «Трезвый расчет должен был подсказывать ему, что с уничтожением римского войска политические цели достигнуты не будут, что это скорее приведет к продолжению войны и лишь сделает римлян еще более безжалостными в дальнейшей борьбе» (Gundel H. Viriatus. Sp. 219; подобным образом высказывался уже М. Хофман: Hoffman M. De Viriathi Numantinorumque bello. Р. 46).

⁷⁸ Х. Гундель ищет соответствующую область внутри самой Бетурии (Gundel H. Viriatus. Sp. 221). О возвращении себе тех городов в провинции, которые он потерял в прошлом году, Вириат, очевидно, и не мечтал (ср.: Kromayer J., Veith G. Schlachtenatlas zur antiken Kriegsgeschichte. 120 Karten auf 34 Tafeln begleitenden Text. Leipzig, 1926. Römische Abteilung. Bl. 11, 56).

⁷⁹ «Военно-политической целью Вириата была независимость его родины от Рима, расширение зависимых от нее территорий, в особенности в направлении богатых южных областей (Бетурия, позднее Андалусия) и гарантия достигнутого Римом» (Gundel H. Viriatus. Sp. 224).

⁸⁰ Ср.: Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. III. S. 345. Anm. 1, где дан список договоров, которые утверждались народным собранием.

поневоле не дезавуировала действия своего человека — Сервилиана 81 . Сципион Эмилиан должен был к этому времени уже отправиться в дипломатическую поездку на 82 . Учитывая его прежнее поведение, можно предполагать, что, присутствуй он тогда в Риме, то не одобрил бы договора 83 .

§ 6. Вовобновление войны Квинтом Сервилием Цепионом

Уже при отъезде из Рима Цепион показал, на какую бесцеремонность он способен⁸⁴. Во время своего командования в Испании он проявил немалую энергию, но также и беззастенчивость. Поначалу казалось, что его силам не найдется применения. Прежде чем Цепион прибыл в Hispania Ulterior со своим войском, в составе которого находилось 600 римских всадников (во всяком случае, так много их было там позднее — Dio Cass., fr. 78), война с Вириатом закончилась 85. С самого начала все помыслы и желания Цепиона были направлены на возобновление войны (Арр. Iber., 70, 296—297). Он стал изображать заключенный Сервилианом и утвержденный народом договор как недостойный Рима (Ер. Охугһ. 54, Z. 185—186: deformis рах; Арр. Iber., 70, 296: $d\pi \rho \epsilon \pi \epsilon \sigma \tau \alpha \tau \alpha \tau \nu \theta \eta \kappa \alpha$; Diod., XXXIII, 1, 4: $\sigma \nu \nu \theta \eta \kappa \alpha$. 'Роща $\epsilon \nu \nu \rho \alpha \nu \alpha$,

⁸¹ Cp.: Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. S. 250.

⁸² См.: Bilz K. Die Politik des P. Cornelius Scipio Aemilianus. S. 45. Anm. 114; в 140 г., даже если и не так рано, как он предполагает.

 $^{^{83}}$ Ср. его роль в переговорах по поводу Марцеллова договора и политику уничтожения в отношении Нуманции.

⁸⁴ Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. S. 249: «Квинт, самый молодой из Цепионов, являл собой весьма характерный тип барчука».

⁸⁵ У Обсеквента (§ 23) налицо ошибка, возникновение которой можно объяснять по-разному. Он замечает о том годе, когда были консулами Кв. (в первом издании Гн.) Цепион и Г. Лелий: «В этот год был обретен мир благодаря победе над Вириатом (annus pacatus fuit Viriatho victo)».

в результате чего вновь всплыло то же самое понятие, которое доминировало во время дискуссии в 152 г. по поводу Марцеллова договора. Но на этот раз оно не сыграло такой роли, как в 152 г., поскольку аннулирование договора означало бы резкий выпад в адрес Сервилиана 86. В противоположность тому, что имело место в 152 г., теперь уже действительно имел место договор aequis condicionibus. Однако это не стало препятствием лля Цепиона. Он засыпал сенат все новыми и новыми письмами с просьбой о разрешении возобновить войну (Арр. Iber., 70, 296)87. В конце концов ему удалось склонить сенат дать половинчатое согласие: позволялось наносить различными способами ущерб Вириату (Арр. Iber., 70, 297). Цепион, очевидно, воспользовался этим разрешением, однако не был им полностью удовлетворен. После дальнейших усилий он, наконец, добился, по-видимому, в 140 г. 88 фоомального постановления сената, которое поручало ему возобновление войны⁸⁹. Об уловках, с помощью которых римляне перешагнули скрепленный клятвами

12 3ax. 4554 177

⁸⁶ Затруднительное положение Сервилиев, в котором они оказались из-ва событий в Испании, описывает Ф. Мюнцер (см.: *Münzer F*. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. S. 250).

 $^{^{87}}$ По мнению В. Дальхайма, Цепион ехал в Испанию, уже имея инструкции разорвать мир с Вириатом ($Dahlheim\ W$. Gewalt und Herrschaft. Das provinziale Herrschaftssystem der römischen Republik. Berlin; New York, 1977. S. 99), что, впрочем, не находит опоры в источниках. — Примеч. перев.

⁸⁸ А. Шультен датирует расторжение договора сенатом 140 г. (Schulten A. Geschichte von Numantia. München, 1933. S. 74). Также и Т. Моммзен полагает невозможным, чтобы подготовка этого акта началась в более раннее время (Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. II³. S. 12). Х. Гундель датирует командование Цепиона лишь начиная с его проконсульства в 139 г. (Gundel H. Viriatus. Sp. 221). Однако прибытие Цепиона в провинцию в 140 г. засвидетельствовано оксиринхской эпитомой (54, Z. 182—184).

 $^{^{89}}$ Арр. Iber., 70, 297. О решении народного собрания, которого следовало бы ожидать в данном случае, ничего не сообщается. От слова $\dot{\epsilon}\psi\eta\phi$ го $\mu\dot{\epsilon}\nu$ ои у Аппиана (70, 298) толку немного. Во всяком случае, у Диона Кассия глагол $\psi\eta\phi$ і ζ о μ ои используется для обозначения как голосования и постановлений сената (например, XXXVII,

договор, ничего не сообщается 90. Если учесть, что на границе с лузитанами было неспокойно, то для Цепиона не составляло большого труда сообщить в Рим о каком-нибудь инциденте, в котором Вириат предстал бы как зачинщик (ср.: Арр. Iber., 68, 289—290; согласно этому фрагменту, в 141/140 г. наряду с Вириатом против римлян сражались и другие лузитанские банды). Так что желанный предлог появился. Совершенно невероятно, что Вириат действительно не придерживался договора, когда ему подсказывало это политическое чутье 91.

Как только у Цепиона были развязаны руки, он развернул наступление против Вириата и вторгся на подконтрольную ему территорию, в Бетурию⁹². Он захватил город Арсу⁹³, которую Вириату пришлось оставить, и начал преследовать отступавшего противника, который при этом разорял территории, где он проходил, пока не настиг его в Карпетании (Арр. Iber., 70, 298). Цепион имел значительный численный перевес над лузитанами, и Вириат поэтому не осмеливался на сражение (Арр. Iber., 70, 298–299). В этой тяжелой ситуации он вновь осуществил свой типичный маневр, при котором использовал весь свой опыт и особенности местности. С меньшей частью войска Вириат построился на холме как бы для сражения, а большую часть своих сил вывел через незаметное для римлян ущелье. Как только он

^{21, 1; 21, 3; 22, 4; 36, 1} и 2), так и народного собрания (XXXVII, 9, 2; 28, 1; XXXVIII, 41, 1), но в случаях с сенатом значительно чаще.

⁹⁰ О невозможности отменить постановление народного собрания см.: *Mommsen Th*. Römisches Staatsrecht. Bd. III. S. 362. По мнению Моммзена, сакросанктный закон, по сути, нельзя было отменить, но если скрепленный клятвой договор не соблюдался одной из сторон, то и другая в этом случае не была им более связана.

⁹¹ Так полагает Х. Гундель (Gundel H. Viriatus. Sp. 219-220).

⁹² Поскольку Вириат погиб в 139 г. (Ер. Охугh. 54, Z. 197—198), а перед этим еще имели место крупномасштабные операции Цепиона и переговоры Попилия с Вириатом, то первые столкновения между Вириатом и Цепионом я предпочитаю датировать 140 г.

⁹³ Ср.: кроме того, Арса упоминается у Харакса (fr. 28), Плиния Старшего (NH, III, 14) и Птолемея (II, 4, 10). Точное местонахождение неизвестно.

увидел, что его люди находятся в безопасности, с оставшимися воинами Вириат ушел, не опасаясь более римлян, причем с такой быстротой, что преследователи потеряли его след (Арр. Iber., 70, 299—300; 62, 260—264; Frontin., II, 13, 4)⁹⁴.

Операции римлян в кампании 140 г. против дузитан на этом закончились. Консулами 139 г. были избраны уже упоминавшийся Попилий Ленат⁹⁵ и Гней Кальпуоний Пизон⁹⁶, люди, в политическом отношении близкие доуг другу97. Что касается их отношений с другими политическими группировками, то можно поедполагать их близость к Фульвиям и Эмилиям Лепидам, которые как раз в это время добились немалых успехов в достижении магистратур⁹⁸. Помпей уже два года находился в Испании. В 139 г. Hispania Citerior была вновь объявлена консульской провинцией (возможно, по настоянию консулов, поскольку, как казалось, военная обстановка сама по себе этого не требовала). а Попилию было поручено командование там. Учитывая отношения между консулами, дело было решено полюбовным соглашением. Пизон, очевидно, вел дела в Риме. Командование Сеовидию Цепиону в Hispania Ulterior было продлено, так что теперь он мог продолжать войну с лузитанами, которой так желал.

Как кажется, в начале кампании 139 г. Цепион обратился не против самого Вириата — осторожность в отношении противника и недоверие к собственным войскам, видимо, давали

⁹⁴ Cp.: Gundel H. Viriatus. Sp. 225.

⁹⁵ Volkmann H. Popilius (22) // RE. Hbbd. 43. 1953. Sp. 60-61.

⁹⁶ Münzer F. Calpurnius (73) // RE. Bd. III. Sp. 1382—1383. Его преномен мы теперь твердо знаем благодаря оксиринхской эпитоме (Oxyrh. 54, Z. 191; ср.: Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. I. P. 476).

⁹⁷ Ср.: Volkmann H. Popilius. Sp. 60-61; позднее имел место брачный союз между представителями этих семейств.

⁹⁸ В 137 г. Марк Эмилий Лепид Порцина был избран консулом, в 136 г. Квинт Фульвий Нобилиор стал цензором, в 135 г. Сервий Фульвий Флакк, а в 134 г. Гай Фульвий Флакк — консулами. Ср.: Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. S. 237—238; Bilz K. Die Politik des P. Cornelius Scipio Aemilianus. S. 46. Anm. 122: «Ни о том, ни о другом нет сведений, что они были друзьями Сципиона».

для этого достаточные основания. Вместо этого он предпринял поход в область веттонов, которые, как мы уже видели, выступали в качестве союзников лузитан (Арр. Iber., 56, 235; 58, 244), вероятно, в нынешней Эстремадуре. Цепион даже проник до земель галлаиков в северо-западной Испании, так что он должен был пересечь Дуэро (Арр. Iber., 70, 300). Примерно на полпути между Тагом и Аной он заложил укрепленный пункт Кастра Сервилиа 99. Равным образом, по-видимому, к этому походу Цепиона восходит более поэдняя дорожная станция Цепиана (Саеріапа) в южной Португалии, местоположение которой неизвестно 100.

§ 7. Переговоры Вириата с Марком Попилием Ленатом и Цепионом. Убийство Вириата по наущению Цепиона

Во время этого похода, который не затронул самого Вириата, на последнего обрушился удар со стороны Марка Попилия Лената. Попилий, прибывший для ведения войны с кельтиберами, поначалу был обречен на бездействие, поскольку должен был ожидать решения сената по поводу договора, заключенного Помпеем. Теперь угроза, возникшая еще и со стороны армии ближней провинции 101, побуждала Вириата к мирным переговорам, несмотря на предшествующий неудачный опыт (Diod., XXXIII, 19; Dio Cass., XXII, 75; Auct. de vir. ill., 71, 2). После того как Цепион вновь начал войну, Вириат предпочел вступить в переговоры не с проконсулом дальней провинции, а с Попилием Ленатом. Ему, однако, пришлось

⁹⁹ Plin. Mai. NH, IV, 117; Schulten A. Ein römisches Lager aus dem sertorianischen Kriege // Anzeiger des Deutschen Archäologischen Instituts. Bd. 33. 1918. S. 75—106, особенно S. 78.

¹⁰⁰ Hübner E. Caepiana // RE. Bd. III. Sp. 1279.

 $^{^{101}}$ Правда, как справедливо отмечает X. Гундель, то, что операция обоих наместников проводилась сообща, недоказуемо (Gundel H. Viriatus. Sp. 222).

разочароваться, если он ожидал мягких условий. На этот раз, в отличие от предыдущего года, диктовали условия римдяне. Его положение предводителя дузитанских отрядов было, как и прежде и судя по дальнейшим событиям, небесспорным. Если простые воины были ему преданы (Арр. Iber., 72, 319; Diod., XXXIII, 21a), то отношения Вириата со знатными людьми в его войске были явно натянутыми. Правда, при той популярности, какой пользовался последний, они не имели возможности самостоятельно выступить против него¹⁰², несмотря на то что сами командовали небольшими отрядами (Dio Cass., XXII, 75). Уже история его брака показывает, насколько прохладными были у него отношения с собственным тестем Астолпой (Diod., XXXIII, 7, 1-4). Последний принадлежал к числу состоятельных и знатных лузитан, которые имели разносторонние дружественные связи с римлянами (Diod., XXXIII, 7, 4). Поэтому то, что они держали сторону Вириата, могло истолковываться римлянами как измена. Так что их положение меж двух огней было весьма сложным, тем более что они явно не пользовались симпатиями у простых лузитан. Затруднительность ситуации, в которой они оказались, иллюстрирует описанный выше пример города Тукки.

Как мне кажется, для ведения переговоров Вириат лично прибыл в лагерь консула и своей лишенной показного блеска манерой поведения снискал репутацию настоящего воина 103.

¹⁰² Ср. мнения Хаака (Pauly. Bd. VI. Sp. 2669) и А. Гарсиа-и-Бельидо (Hispania. Т. 5. 1945. Р. 575; цит. по: Gundel H. Viriatus. Sp. 217—218). Оба автора пытаются объяснить стремление Вириата к миру семейными трудностями и трениями между предводителями лузитан. Несмотря на то что данный тезис нужно, по-видимому, отвергнуть, как это делает Х. Гундель, налицо факт раздоров, который Гундель, на мой взгляд, слишком недооценивает. Иначе никак не объяснишь сведения, изложенные у Диона Кассия (XXII, 75).

¹⁰³ Такой вывод делает К. Цикориус на основании данных Луцилия (476 M), где описывается лошадь Вириата: «Стати нет в жеребце, зато легконог и вынослив он» (ipse ecus, non formonsus, gradarius, optimus vector). Появляется у Луцилия (615—616 M) и сам Вириат: «Но бесчестьем не считаем быть побитым варваром — Вириатом,

Попилий по обыкновению римлян выдвигал требования одно за другим — вновь налицо скрытая форма deditio, — и Вириат выполнял их по мере предъявления 104. Так, он отрекся от всех, кого римляне считали перебежчиками. Часть их лузитаны казнили сами, среди них и Астолпа, часть была выдана римлянам, которые наказали их отсечением рук (Dio Cass., XXII, 75). Следующее требование римлян касалось выдачи оружия. Это требование — оно явно не стало бы последним — привело к провалу переговоров. Ни сам Вириат, ни его войско не могли заставить себя претерпеть такой позор (Dio Cass., XXII, 75; Auct. de vir. ill., 71, 2). То, что после прекращения переговоров дело дошло до борьбы между Вириатом и Попилием, совершенно невероятно 105. Думается, что после прояснения вопроса о договоре с нумантинцами консул должен был уделить все свое внимание этим событиям.

Теперь непосредственным противником Вириата, который все это время, как кажется, оставался в Карпетании, вместо Попилия стал Цепион. Римляне пока сохраняли уважение к Вириату. Он, очевидно, вернулся на гору Венеры, в то время как римляне разбили свой лагерь на южном берегу Тага¹⁰⁶. По-ви-

Ганнибалом» (bello vinci a barbaro Viriatho Annibale). Интерпретация этого места спорна (ср.: Gundel H. Viriatus. Sp. 203—204). Однако мне кажется весьма интересным дополнение А. Шультена (Schulten A. Viriatus. S. 234. Anm. 2). Он полагает, что Луцилий называет Вириата Ганнибалом иберов, подобно тому как Флор (I, 33, 15 = II, 17, 15) именует его Hispaniae Romulus — испанским Ромулом.

 $^{^{104}}$ Данные Диона Кассия (XXII, 75) и автора сочинения «О знаменитых мужах» (71, 2) истолковываются благодаря фрагменту Диодора (XXXIII, 19). О реальном содержании deditio см. изложение Полибия (XXXVI, 4, 1-3).

¹⁰⁵ В этом также сомневается и Х. Гундель (Gundel H. Viriatus. Sp. 222). Нужно отклонить точку эрения А. Шультена о том, что у Аппиана (79, 345) произошло смешение названий, и вместо лузонов речь должна идти о лузитанах (Schulten A. Polybius und Posidonius... S. 602). Не говоря уж о том, что сама эта мысль имеет препятствием lectio difficilior, мне кажется, что заметка Аппиана относится к 138 г.

¹⁰⁶ Локализация по Шультену (Schulten A. Viriatus. S. 226).

димому, Цепион боялся вступать в борьбу с Вириатом. Вместо этого он стал демонстрировать свои барские замашки, которые уже испытал на себе народный трибун Азелл. Грубость проконсула породила отчуждение между ним и его войском, в особенности всадниками, при том, что он не снискал реальными успехами авторитета, пусть даже и вопреки отвращению, которое он вызывал. Солдаты отводили душу, насмехаясь над ним за глаза. Цепион прекрасно знал об этом, но, естественно, не мог отыскать зачинщиков. Поэтому он решил прибегнуть к коллективному наказанию и дал всем служившим у него римским всадникам чрезвычайно опасное задание: они должны были, не имея прикрытия, нарубить дрова на холме, находившемся в руках Вириата 107, — занятие, при котором римляне, как известно, обычно несли потери (см. выше, с. 82). Его офицеры, военные трибуны и легаты пытались уговорить Цепиона отменить приказ, но безуспешно. Всадники же были слишком горды, чтобы молить Цепиона о прощении. Они отправились выполнять распоряжение проконсула, причем к ним присоединились всадники союзников и другие добровольцы. Им удалось справиться с заданием. Однако когда всадники вернулись, то стали укладывать свежесрубленные поленья вокруг палатки Цепиона, чтобы сжечь ее. Цепиону не оставалось ничего иного, как спасаться бегством с претория (Dio Cass., XXII, 78; Ep. Oxyrh. 54, Z. 195-196, с серьезными дополнениями). Как развивались события дальше, мы не знаем, однако сомнительно, что Цепион еще имел власть для суровых наказаний.

Этот эпизод, однако, не означает, что римская армия перестала признавать дисциплину. Вмешательство офицеров показывает, что голос разума не умолк, даже если им не всегда удавалось заставить командующего выслушать их. Мы не знаем, насколько Вириат был осведомлен об этих событиях. Чем дальше, тем больше мощь римлян должна была ему представляться подобной гидре, у которой отрастают все новые и новые головы на месте отрубленных. Что же касается его

¹⁰⁷ Cp.: Gelzer M. Die Nobilität der römischen Republik. Leipzig, 1912. S. 8.

лузитан, то здесь он не мог быть уверен, что они продержатся долго. Прошли времена первых победоносных возмущений, первых сокрушительных ударов по римлянам, консолидации сил. Уже в период начавшихся неудач была одержана победа над Сервилианом, которая могла бы решить дело в пользу лузитан, если бы римляне с помощью крючкотворства не изменили слову. Иначе как чувством бессилия не объяснишь переговоры 108, которые Вириат начал в 139 г. с Цепионом лишь после того, как попытка прийти к соглашению потерпела провал из-за требований римлян. На этот раз он вел переговоры не лично, но отправил к римскому консулу трех своих вернейших, как он считал, друзей 109. Их звали Авдас, Диталкон и Минур 110. Они были друг другу родственниками и друзьями

¹⁰⁸ В этом смысле также высказываются источники: Diod, XXXIII, 1, 4; Flor., I, 33, 17 = II, 17, 17. А. Шультен предполагает, что лузитаны испытывали непреодолимую усталость от войны (Schulten A. Viriatus. S. 226—227). Х. Гундель усматривает здесь связь с походом Цепиона в земли галлаиков, который проходил через тыловые области Вириата и изолировал их (Gundel H. Viriatus. Sp. 221).

¹⁰⁹ Рассказывается у Аппиана (Iber., 71, 311—314), Диодора (XXXIII, 21) и Иоанна Антиохийского (fr. 60). Упоминается в: Liv., рег. 544; Ер. Охугh. 54, Z. 197—198; Oros., V, 4, 14; Flor., I, 33, 17 = II, 17, 17; Eutrop., IV, 16, 2; Auct. de vir. ill., 71, 3; Val. Max., IX, 6, 4; Vell. Pat., II, 1, 3; Diod., XXXIII, 1, 4.

¹¹⁰ Так считает и А. Шультен (Schulten A. Viriatus. S. 227). У Аппиана (Iber., 71, 311) — Авдакс (Audax), Диталкон (Ditalkon), Минур (Minuros); Ер. Охугн. 54, Z. 197: Авдакс (Audax), Минур (Minurus), Диталкон (Ditalco, где сохранилось только -ita-); у Диодора (XXXIII, 21) — Авдас (Audas), Диталкес (Ditalkes), Никоронт (Nikorontes). Во всяком случае, Audax представляет собою по отношению Audas более латинизированную форму — по образцу audax, -acis, ср.: Schulten A. Viriatus. S. 227. Так же и Ditalco является более латинским вариантом, а Ditalces — более греческим. Что касается имени третьего убийцы, то здесь, очевидно, имели хождение две версии, которые соседствовали в источниках наших авторов. [Р. Тувено предполагает, что имя «Никоронт» позаимствовано у Посейдония; по его мнению, следует принять указываемое Ливием и Аппианом имя «Минур» как более соответствующее иберийским

и происходили из города Урсон (из группы лузитан, оказавшейся меж двух огней, о которой шла речь выше). В ходе переговоров --- мы не можем точно сказать, кто первым подал мысль, — возник план убийства Вириата. Даже если Цепион не сам высказал это предложение, все равно он сразу согласился с ним. Кроме того, он обещал трем лузитанам безнаказанность и личную безопасность (это имело немалое значение. если вспомнить о судьбе других знатных лузитан: Dio Cass., XXII, 75). Он также сделал свое предложение более заманчивым с помощью богатых подарков, обещая новые после умершвления Вириата. Для скрепления договоренности Цепион и трое убийц обменялись клятвами (Diod., XXXIII, 21). Возвоатившись к Вириату, эти трое, чтобы их вождь чувствовал себя в безопасности, стали тешить его надеждами на лучшее будущее. Они утверждали, будто римляне готовы пойти на мир (Diod., Loc. cit.). Исполнение своего замысла заговорщики организовали с учетом образа жизни Вириата. При этом, принимая во внимание его популярность, все зависело от того, удастся ли им скрыться, оставшись нераскрытыми. Вионат мало спал (Diod., XXXIII. 1, 2: 21a: Aoo. Iber., 71, 312) и даже во сне не расставался с оружием (Арр. Iber., 71. 312 и 315; со. Diod., XXXIII, 1, 2), чтобы всегда быть готовым ко всему. Его друзья имели право в любое время, даже ночью, заходить к нему (Арр. Iber., 71, 312; Diod., XXXIII, 21). Поэтому убийцы смогли проникнуть в палатку спящего Вириата, не возбудив подозрений 111. Одним точно

формам (Thouvenot R. Essai sur la province romaine de Betique. Paris, 1940. Р. 129—130. Not. 5). — Примеч. перев.] Латинские формы имен у Аппиана могут свидетельствовать в пользу тезиса Э. Шварца о том, что Аппиан или его информатор пользовались, по-видимому, латинскими источниками (Schwartz E. Appianus (2) // RE. Bd. II. 1896. Sp. 217). В сочинении «О знаменитых мужах» говорится о «двух сообщниках» (duos satellites). Это различие не имеет значения, как и то, что у Иоанна Антиохийского говорится о большом числе убийц.

¹¹¹ Auct. de vir. ill., 71, 3: «...задушили Вириата, напоив его вином (Viriathum vino depositum peremerunt)» (пер. В. С. Соколова). Это,

нанесенным ударом они пронзили ему горло так, что он не издал ни звука (App. Iber., 71, 313-314; Diod., XXXIII, 21) Когда, наконец, лузитаны следующим утром, забеспокоившись, вошли в палатку полководца и обнаружили, что он мертв, убийцы давно уже ушли обходными путями, на которых мало кто появлялся, к Цепиону, где оказались в безопасности (Diod., XXXIII. 21). Когда же они потребовали обещанных им даров, он оказался глух к их настояниям (Арр. Iber., 71, 314). Он представил как уступку то, что разрещил им владеть тем, чем они обладали и прежде, для разбора же прочих требований отослал их в Рим (App. Iber., Loc. cit.). Там, однако (между тем начался уже 138 г.), сенат отказал им (датируется по: Ер. Oxyrh. 55, Z. 201-202; Auct. de vir. ill., 71, 3). Сенат, конечно, был проинформирован письмом Цепиона в том смысле, что трое убийц предложили свои услуги по собственному почину. Поэтому последние получили гоодый и лицемерный ответ, что римляне никогда не приветствовали убийство полководца своими солдатами 112. Такой образ действий вызвал всеобщее одобрение (Oros., V, 4, 14), тогда как в остальном сенат не мог скрыть, что все поведение Цепиона не слишком достойно. Его победа омрачалось упреком в том. что он «не заслужил, а купил ее» 113. Цепион увековечил свое имя в дальней провинции возведением укрепленного маяка недалеко от устья Бетиса, который вызывал немалое восхише-

бесспорно, является выдумкой автора, который хотел таким образом объяснить происшедшее. Напротив, о воздержности Вириата сообщает Диодор (Diod., XXXIII, 21).

¹¹² Х. Гундель соглашается с В. Ине, который «с большой вероятностью» расценивает эту версию как «восприятие событий, искаженное из-за стыда за происшедшее». С этим можно согласиться, когда обоснование отказа приписывается Цепиону. Саму же мотивацию я считаю аутентичной (Gundel H. Viriatus. Sp. 223; Ihne W. Römische Geschichte. Bd. III. Leipzig, 1872. S. 337).

¹¹³ Val., IX, 6, 4; Auct. de vir. ill., 71, 3. Ф. Мюнцер полагает, что о поведении по отношению к убийцам после умеріцвления Вириата имелись различные сведения, отголоски различных представленных в сенате точек эрения (Münzer F. Servilius (48). Sp. 1783).

ние, и до сих пор городок Чипиона (Chipiona) носит имя римского консула¹¹⁴.

Традиция об убийстве Вириата при ближайшем рассмотрении обнаруживает удивительные совпадения. Там, где встречаются расхождения, они либо оказываются только кажушимися и объясняются различными сокращениями исходного источника, либо касаются незначительных моментов, которые оспариваются на основании главных источников или как позднейшие искажения. О количестве изменений, которые могли возникнуть в результате сокращения, можно судить, сравнив подробный рассказ Диодора (XXXIII, 21, exc. Esc.) и краткую заметку того же автора (XXXIII, 1, 4, ехс. Photii). Из XXXIII, 21 ясно и однозначно вытекает, что аузитаны предлагали Цепиону убить Вириата, исходя из своекорыстных мотивов; в ХХХІІІ. 1. 4 говорится, что Καιπίων... 'Υρίατθον... διὰ τῶν οἰκείνων ἐδολοφόνησε (τοτ же глагол, что и в XXXIII, 21). Вояд ли, как мне кажется, кто поишел бы к мысли, что за краткой заметкой скрывается рассказ, изложенный в XXXIII, 21, если бы не знали наверняка, что это так.

Известно, что Вириат был убит соотечественниками. Об этом сообщают, согласуясь друг с другом, все авторы, за исключением Веллея Патеркула, который не останавливается специально на этом вопросе. Известно, далее, что убийство произошло с ведома Цепиона: об этом или прямо сообщается, или на это достаточно ясно намекается у Аппиана, Диодора (2х), эпитоматора Ливия, Флора (у него вместо Цепиона указан Попилий), автора сочинения «О знаменитых мужах», Валерия Максима, Веллея Патеркула. Оксиринхская эпитома хранит молчание на сей счет. Поздние авторы — Орозий, Евтропий,

¹¹⁴ Hübner E. Caepionis monumentum // RE. Bd. III. Sp. 1280; Caepionis monumentum (Strabo, III, 1, 9, р. 140; Pomp. Mela, III, 4). М. Хофман (Hoffmann M. De Viriathi Numantinorumque bello. Р. 55) видит в этом мероприятие, которое должно было обеспечить связь между Италией и дальней провинцией по морю (корабли двигались оттуда против течения до Кордубы: Strabo, III, 2, 1, р. 141). См. также ниже гл. IV. § 4 о мероприятиях Д. Юния Брута: Strabo, III, 3, 1, р. 152).

Иоанн Антиохийский — также не могли обойти этот вопосс (отчетливее всего у Иоанна), причем у них убийство совершается без ведома Цепиона; убийцы требуют задним числом награды, но Цепион отклоняет их претензии со словами, что римляне никогда не приветствовали убийство полководца собственными воинами (Евтропий, Иоанн). Рука об руку с вопросом об осведомленности Цепиона часто недвусмысленно упоминается о подкупе, совершенном им. Речь идет об обеспечении безнаказанности (Diod., XXXIII, 21; Val. Max., IX. 6, 4) и дарах (App. Iber., 71, 311 и 314; Auct. de vir. ill., 71, 3). Только у Аппиана сообщается (но это отчасти подтверждается упоминаниями в Оксиринхской эпитоме (55, Z. 201-202) и в сочинении «О знаменитых мужах»), что Цепион не сдержал обещания после того, как все совершилось, и отослал убийц в Рим. Там требование награды было отклонено (Оксиринхская эпитома. «О знаменитых мужах») и принято решение, обоснованное теми словами, которые Евтропий и Иоанн Антиохийский ошибочно вкладывают в уста Цепиона¹¹⁵.

Что касается вопроса о том, от кого исходила инициатива убийства Вириата, то источники дают ответ на этот вопрос: лузитаны. Психологическая ситуация, в которой оказались убийцы, подробно и правильно описано у Диодора (XXXIII, 21; у Иоанна Антиохийского с большими искажениями и с передачей лишь общего смысла). Этому описанию не противоречит другой подробный рассказ, содержащийся у Аппиана. О позиции лузитан до подкупа их Цепионом там ничего не сообщается, ведь Аппиан вообще не принимает во внимание известное нам из Диодора противоречивое положение лузитан, о котором мы неоднократно говорили выше¹¹⁶. Противоречие снимается, на

 $^{^{115}}$ О том, что римляне не одобряют убийство полководцев своими воинами. — Примеч. перев.

¹¹⁶ Остальные источники в этом вопросе внешне расходятся друг с другом. Цепион представлен инициатором в: Diod., XXXIII, 1, 4 (!); Liv., per. 54; Auct. de vir. ill., 71, 3; Val. Max., IX, 6, 4; Vell. Pat., II, 1, 3; Flor., I, 33, 17 = II, 17, 17 (Попилий); лузитаны как инициаторы: Oros., V, 4, 14; Eutrop., IV, 16, 2; loh., fr. 60.

мой вэгляд, следующим образом: по Диодору (21) практически был заключен договор между Цепионом и убийцами, лузитаны убили Вириата без согласия со стороны Цепиона. В зависимости от того, на что обращают внимание авторы при всей своей краткости в качестве conditio sine qua non, на участие Цепиона или, с другой стороны, на истинных виновников, возникла та или иная версия, как то демонстрирует появление соответствующих пассажей у Диодора — XXXIII, 1, 4 и 21¹¹⁷.

Таким образом, можно утверждать, что традиция приписывает лузитанам лишь предложение убить Вириата. Вопрос же о том, действительно ли они первыми заговорили об этом, остается нерешенным, однако даже если Цепион не был инициатором, его роль в этом деле выглядит в высшей степени сомнительной.

Смерть Вириата завершила целую эпоху в отношениях между римлянами и лузитанами (Diod., XXXIII, 21a; ср.: Iustin., XLII, 2; Flor., I, 33, 15—17 = II, 17, 15—17). Она позволила римлянам вскоре успешно завершить столь долго ведшуюся ими в основе своей оборонительную войну, так что теперь они смогли перейти в наступление. Этот перелом сказался немедленно и дал писателям повод в заключении рассказа о погребении Вириата еще раз дать оценку его личности (Diod., XXXIII, 21a и Арр. Iber., 71, 315—72, 319; то же самое и у Ливия, как показывает периоха 54-й книги), что частично уже делалось ранее при первом его появлении и применительно ко времени наивысшего могущества.

Велики были горе и скорбь лузитан из-за смерти их любимого предводителя (Арр. Iber., 72, 316; Liv., рег. 54). К этому примешивался страх за собственные жизни, осознание новой

¹¹⁷ Это, на мой взгляд, дезавуируется кажущимся столь однозначным consilio Servilii Caepionis ливиевой периохи. О последствиях сокращений см. сходные рассуждения М. Хофмана: Hoffmann M. De Viriathi Numantinorumque bello. Р. 58. Not. 1. А. Шультен усматривает в рассказе Диодора тенденциозное искажение материала Посейдонием в пользу римлян, которое противостоит в одиночку всей прочей традиции, см.: Schulten A. 1) Polybius und Posidonius... S. 603; 2) Viriatus. S. 227.

опасности и гнев за то, что они не смогли найти убийц (Аоо. Iber., 72, 316). Не беспокоясь о римлянах, чей лагерь находился на некотором удалении от лузитан (как можно заключить на основании Диодора — XXXIII, 21 fin.), и не испытывая беспокойства с их стороны, лузитаны устроили погребальные торжества, великолепие которых должно было еще раз превознести заслуги этого человека 118. Тело поместили в высокую поленницу, было убито множество жертвенных животных. пешие и конные воины двигались вокруг костра и восхваляди мертвого в духе варварских laudatio funebris¹¹⁹. Затем поленницу подожгли, и все расселись вокруг нее и ждали, пока пламя не погаснет (Арр. Iber., 72, 317). Погребальные торжества завершились — прах Вириата был тем временем, по-видимому. захоронен — грандиозными состязаниями на могиле, когда в память о выдающейся храбрости покойного выступили 200 пар единоборцев (Арр. Iber., 72, 317; Diod., XXXIII, 21, число названо у Диодора). Прощаясь с героем, вызывающим у них симпатию, авторы особо выделяют то, что было характерно для него и его деятельности, — замечательные качества Вириата и как воина, и как полководца (Liv., per. 54; Diod., XXXIII, 21a; Арр. Iber., 72, 318), его справедливость при распределении добычи¹²⁰, во время которого он из своей доли вознаграждал храбрейших воинов (Diod., XXXIII, 1, 3; App. Iber., 72, 318), и факт, обусловленный этим. — войско никогда не выказы-

 $^{^{118}}$ Liv., рег. 54; Diod., XXXIII, 21a; Арр. Iber., 72, 317. Обстоятельства его похорон подтверждают слова, которыми Т. Моммзен завершает характеристику Вириата: «Казалось, что в эту глубоко прозаическую эпоху возродился один из героев Гомера» (Моммзен T. История Рима. Т. II. СПб., 1994. С. 12).

¹¹⁹ Laudatio funebris — надгробное похвальное слово (лат.). По мнению Э. Нордена, эта ссылка на «похвальные речи варваров» (βαρβαρικοὶ ἔπαινοι) характерна для манеры Посейдония (Norden E. Die germanische Urgeschichte in Tacitus Germania. S. 163. Anm. 4).

¹²⁰ Diod., XXXIII, 21a; 1, 3 (в контексте труда Фотия сводную характеристику Вириата нужно поставить перед изложением событий); Арр. Iber., 72, 318; Cic. De off., II, 40.

вало ему неповиновения¹²¹. Завершают характеристику указания на продолжительность командования Вириата (правильнее всего восемь лет, 147—139 гг.)¹²² и констатация того, что он весьма часто брал верх над римлянами (так у Ливия, рег. 54;

122 Не напрямую или не везде говорится о годах командования Вириата, на число которых дается указание. Его предводительство определенно подразумевается там, где число указывается вместе с замечанием о том, что за столько-то лет в его войске не случалось мятежей. Это мы наблюдаем у Аппиана (Iber., 72, 319: 8 лет) и Диодора (XXXIII, 21a: 11 лет). «Три года» у Аппиана (Iber., 67, 264) исправлены издателями на восемь благодаря другому пассажу. Указание Аппиана считается правильным, что же до Диодора, то он мог вести отсчет от 150 г. до н. э. (вероломство Гальбы), как полагает X. Гундель (Gundel H. Viriatus. Sp. 211), но речь также может идти и об ошибке в рукописной традиции.

14 лет, упоминаемые латинскими источниками (включая Иоанна Антиохийского), очевидно, имеют в виду всю войну, начиная со 153 г. до н. э., причем подразумевается, что Вириат с самого начала участвовал в ней; нигде expressis verbis не сказано, что Вириат 14 лет был dux Lusitanorum (Liv., per. 54; Flor., I, 33, 15 = II, 17, 15; Oros., V, 4, 14; Eutrop., IV, 16, 2; Ioh. Antioch., fr. 60). Указание на продолжительность всей войны, которое, по-видимому, восходит к Ливию, было куда интереснее римскому читателю. Если дословный текст эксцерпторов. кажется, означает что-то другое, то это и понятно, поскольку имя Вириата прочно связано с дузитанской войной. Веллей Патеркул вновь говорит о двух испанских провинциях (II, 90, 3) и специально упоминает сначала о событиях в Дальней, а затем в Ближней Испании. При этом он называет цифру — 20 лет войны под командованием Вириата (sub duce Viriatho), которую, кроме этого, однозначно называет Страбон в отношении Кельтиберской войны (III, 4, 13, р. 162). Откуда, наконец, взялись 10 лет у Помпея Трога (XLIV, 2, 7) возможно, округленная величина временного отрезка, о котором идет речь у Диодора и Аппиана, — я в точности сказать не могу.

¹²¹ Diod., XXXIII, 21a; Арр. Iber., 72, 319. Аппиан прибавляет к этому характерное замечание (предотвращение мятежа): «дело очень трудное, никому из вождей не дававшееся легко». Латинские источники хранят молчание на сей счет. Так ли обстоит дело у Ливия, неясно; в случае с Ганнибалом он весьма подробно говорит о соответствующих событиях (XXVIII, 12, 1–9).

другие формулировки — Oros., V, 4, 14; Eutrop., IV, 16, 2; Vell. Pat., II, 1, 3; Diod., XXXIII, 21a; lustin., XLIV, 2, 7).

Здесь мы имеем дело с остатками элогия 123, типичного также в том отношении, что он содержит характерные хронодогические замечания¹²⁴. Вириат мог бы пополнить ряд тех, кого Ливий удостоил элогия 125. На своем исходном месте элогий появляется еще у Ливия (рег. 54), равным образом в связи со смертью Вириата он дан у Орозия (V. 4, 14), Евтропия (IV 16, 2: он включает в себя и вводную характеристику), Веллея Патеркула (II, 1, 3: отсутствует собственно рассказ и указание на годы) и Иоанна Антиохийского (fr. 60). Флор сочетает элементы начальной и заключительной характеристики и поэтому дает указание на число лет предводительства Вириата до рассказа о самих событиях. Юстин (XLIV, 2, 7-8) совершенно самостоятелен в последовательности рассказа о деяниях Вириата и число лет приводит сразу после упоминания его имени. У всех авторов (за исключением Юстина) заметны следы ливианского порядка изложения, отличия же у Флора и Евтропия могут быть легко объяснены их методом сокращения материала.

Однако бросающиеся в глаза совпадения с последовательностью повествования у Ливия присутствуют не только у Аппиана и Диона Кассия, но и у Диодора, который никак не мог зависеть от Ливия (о «трехступенчатости» возвышения Вириата см. выше, с. 131). Связующим звеном является периоха книги Ливия, которая, прежде всего, требует сопоставления с Аппианом (Iber., 71, 316—72, 319) и Диодором (XXXIII, 21а). На «порою дословное» совпадение между Аппианом и Диодором указывает также А. Шультен, который усматривает здесь влияние Полибия¹²⁶. У этих трех авторов приводятся следую-

¹²³ См. об этом: *Bruns I*. Die Persönlichkeit in der Geschichtsschreibung der Alten. Untersuchungen zur Technik der antiken Historiographie. Berlin, 1898. S. 53–61.

¹²⁴ Ibid. S. 56.

¹²⁵ См.: Ibid. S. 54, а также предположение (Ibid. S. 55) о том, что враждебные Риму властители в этом ряду отсутствовали.

¹²⁶ Schulten A. Viriatus. S. 215. Anm. 8.

щие восемь пунктов в неизменном событийном ряду почти полностью без существенных дополнений (о дополнении у Диодора будет идти речь ниже):

- 1. Смерть: периоха Ливия, Диодор (XXXIII, 21), Аппиан (Iber., 71, 311—315).
- 2. Скорбь: периоха, Аппиан (71, 316), у Диодора не упоминется.
- 3. Погребение: периоха, Диодор (XXXIII, 21a), Аппиан (Iber., 72, 317).
- 4. Оценка как солдата и полководца: периоха, Диодор, Аппиан (Iber., 72, 318).
- 5. Справедливое распределение добычи: в периохе не упоминается, Диодор, Аппиан (Iber., 72, 318).
- 6. Отсутствие мятежей: в периохе не упоминается, Диодор, Аппиан (Iber., 72, 318).
- 7. Число лет: периоха, Диодор, Аппиан (о различиях говорилось выше).
- 8. Резюме о его успехах: периоха, Диодор, у Аппиана отсутствует; в *Iber.*, 63, 265 оно явно предваряется наряду с указанием на число лет.

В связи со всем этим можно уверенно сделать вывод о том, что у всех трех авторов налицо не только одни и те же сообщения, но и их определенный порядок.

Кроме того, помогает сопоставление различных сохранившихся фрагментов о личности Вириата у Диодора (XXXIII, 1, 1—3; 5; 21а). Отдельно следует рассмотреть эксцерпт Фотия, поскольку здесь, естественно, сведены различные главы Диодора о Вириате, причем событийный ряд отдельных сообщений изменен. Поэтому из того, что сообщения, которые тесно связаны с рассказом о смерти и погребении (характеристика — XXXIII, 1, 2; общая оценка — 1, 3), стоят перед историческим повествованием, ничего не следует. Пассаж XXXIII, 21а дает дополнительную информацию по сравнению с периохой Ливия и Аппианом, сходная с которой находится также в XXXIII, 1, 2: воздержность (continentia) — прежде всего, «непродолжительный сон»; те же черты continentia мы находим во вводной характеристике Вириата у Диона Кассия

13 Зак. 4554

(XXII, 73), к чему еще вернемся. Я предполагаю это потому, что фраза Диодора (XXXIII, 21a): «Он был умеренным и неутомимым... выше всякого наслаждения (ὑπῆρχ ϵ δ ϵ καί νήπτης... ήδονης κρείττων)», — вероятно, является вставкой по отношению к его источнику независимо от того, что то же самое говорилось уже в начале истории Вириата. Соответствующим образом обстоит дело с Diod., XXXIII, 1, 5 (как 21a о доблестях и образе жизни). Эти сообщения, исходя из последующей заметки о Плавтии, должны были стоять в начале истории Вириата. Нельзя сказать, что подбор таких сообщений внутренне противоречив, однако бросается в глаза, что здесь. как и в 21a (и App. Iber., 72, 318) при описании погребения речь идет об общей оценке; вновь, как и там, добавляется, что Вириат из собственной доли добычи одаривал храбрейших воинов. Там, однако, имелось замечание в связи с отсутствием каких-либо мятежей в течение всего его предводительства (с указанием на продолжительность последнего), так что оно должно стоять там и в его исходном варианте. Представляется, что дело здесь обстоит так же, как и в случае с пассажем о continentia, только наоборот: Диодор привел это сообщение вначале, а затем еще раз изложил его в том месте, где оно стояло в источнике. Для его повествовательной техники это могло означать, что он прочитывал крупные фрагменты материала и затем сводил воедино большие связные куски.

То, что удивительно цельная характеристика у Диона Кассия (XXII, 73) является элементом этой концепции личности лузитанского вождя, доказывает сравнение с Диодором (XXXIII, 1, 1—3), где еще сохраняются важнейшие черты этой вводной характеристики. Обоих авторов объединяют пять пунктов в одинаковом событийном ряду, причем Дион Кассий отчасти более, отчасти менее подробен, чем Диодор, что обусловлено обобщающим характером эксцерпта Фотия:

- 1. Указание имени и народа, к которому принадлежит Вириат.
- 2. Сообщение о том, что Вириат был пастухом (у Диона элемент «трехступенчатой» карьеры Вириата).
 - 3. Благодаря телосложению и тренировке быстр и силен.

- 4. Воздержность (continentia).
- 5. Помимо выдающихся физических качеств налицо и полководческие способности.

Это совпадение, как мне кажется, доказывает, что основные черты и порядок изложения при создании образа Вириата должны восходить в конечном счете к общему для всех авторов источнику. Этим источником, судя по другим сообщениям о Вириате, которые встречаются у Диодора в прочих местах в дополнение к предыдущим и о которых еще будет идти речь, является Посейдоний 127. В какой мере стилизация у Диона Кассия присуща ему, а в какой — его предшественнику, сказать нелегко.

Характеристике, подобной той, что дает Вириату Дион Кассий, Ливий удостаивает Ганнибала (XXI, 4). Там также делается сильный акцент на его continentia и одинаково выдающихся качествах как солдата, так и полководца и, наконец, на простоте в обращении (у Диона Кассия это выражено рефлектированно, у Юстина (XLIV, 4, 8) более конкретно). То место у Ливия (XXI, 4, 9), где наиболее ярко описаны пороки Ганнибала (vitia Hannibalis), у Диона отражено в резюме о вириатовых методах ведения войны, которое носит, пожалуй, несколько односторонний характер, но в целом вполне правильно. И в этом можно усмотреть сознательное дистанцирование, поскольку у римлян храбрость (fortitudo) обретает ценность лишь при условии сохранения disciplina и на службе гез ривlica¹²⁸. Несмотря на это, мне кажется, что определенные черты у Диона Кассия свидетельствуют скорее в пользу философа

¹²⁷ Ср.: Norden E. Die germanische Urgeschichte in Tacitus Germania. S. 163: «Господствует точка зрения о том, что наша традиция в конечном счете восходит к Посейдонию. Характеристика Вириата, содержащаяся у Диодора (XXXIII, 1, 7; 21a) и Аппиана (Iber., 71–72), описание времени его наивысшего могущества и посвященный ему элогий являют собой блестящий образец стилистического и повествовательного мастерства Посейдония».

¹²⁸ И. Брунс необоснованно, на мой взгляд, оспаривает по отношению к Liv., XXI, 4 функцию вводной характеристики: Bruns I. Die Persönlichkeit in der Geschichtsschreibung der Alten. S. 28–29, 44.

Посейдония: суть сводится к изображению взаимодействия «природы» (фύσις) и «упражнения» (ἄσκεσις) и соотношения незаурядных телесных и душевных качеств. Сила обаяния его личности основывается на парадоксе между его низким происхождением и выдающимися способностями, и в чисто стоическом духе его превосходство объясняется неприхотливостью 129. С пассажем Диона Кассия (XXII, 73, 2) можно сравнить, в конце концов, фрагмент Посейдония (F 59): «Жители Италии были настолько неприхотливы, что еще в мое время в хороших семьях детям давали пить преимущественно воду, но есть давали лишь то, что было» 130.

Самодостаточность (αὐταρκεία) играет большую роль также и в материале, который дополнительно излагает о Вириате Диодор (XXXIII, 7, 3; 8), подобно анекдоту о временах могущества Вириата, где приводятся примеры столь часто упоминаемой continenta героя (XXXIII, 7, 2: лишь немного хлеба и мяса). Все сводится к стоическому «жить по природе» (ἀκολούθως τῆ φύσει ζῆν) (7, 7). Проблема образования затрагивается: хотя Вириат и нуждается в «общем образовании» $(\dot{\epsilon}$ γκύκλιος παιδεία) (7, 7), οднако он οπирается на $α\dot{\upsilon}$ τοδίδακτος καὶ αδιάστροφος φύσις (7, 3), на свою неиспорченную природу, будучи в известной степени человеком «золотого века» в посейдониевом смысле¹³¹, чему очень хорошо соответствует многократно засвидетельствованная источниками простота образа жизни (Diod., XXXIII, 1, 1; Dio Cass.. XXII. 73, 2; Auct. de vir. ill., 71, 1). Он определенно уподобляется с помощью эллинистических терминов 132 как благодетель ($\epsilon \dot{\upsilon} \epsilon$ ργέτης) и спаситель (σωτήρ) своих соотечественников мудоецам незапамятных времен.

¹²⁹ Здесь уместно вспомнить вслед за И. Брунсом (Ibid. S. 5) о том, что Полибий, согласно его собственным словам (X, 26, 9), не желал высказываться о характере знаменитых людей в предисловии.

¹³⁰ FGrHist; *Pohlenz M.* (Hg.) Stoa und Stoiker. Die Gründer. Panaitos. Poseidonios. Zürich, 1950. S. 271.

 ¹³¹ Reinhardt K. Poseidonios (3) // RE. Hbbd. 43. 1953. Sp. 807.
 132 Cp.: Gundel H. Viriatus. Sp. 227.

Вновь вернемся к лузитанам. Отряды Вириата после его погребения выбрали себе нового предводителя по имени Тавтал (Арр. Iber., 72, 320; у Диодора (XXXIII, 1, 4) — Тавтам) и под его руководством предприняли еще одну наступательную акцию против побережья, цель и объект которой не до конца ясны. Целью мог быть Сагунт или, что также вероятно, Новый Карфаген 133. Во всяком случае, римляне отогнали лузитан и те были вынуждены в итоге пересечь Бетис с юга на север. Но здесь их вновь атаковал Цепион, и они, наконец, прекратили сопротивляться (Арр. Iber., 72, 321). Тавтал и его войско сдались (Арр., Loc. cit.; Diod., XXXIII, 1, 4). Идя на эту deditio, аузитаны действительно были готовы выполнить все требования победителей, а Цепион соглашался предоставить им гарантии того, что будет рассматривать их как подданных Рима. Они должны были выдать оружие, а за это получали землю для поселения, так что теперь у них не было нужды совершать разбойничьи набеги (Арр. Iber., 72, 321; Diod., XXXIII, 1, 4) — запоздалое после долгих бедствий выполнение обещаний, данных Гальбой и нарушенных в 150 г. до н. э. Эта поселенческая акция началась, по-видимому, уже в 138 г. до н. э. и в таком случае должна была быть продолжена и завершена консулом этого года Децимом Юнием Брутом, который получил командование в Дальней Испании. Брут предоставил лузитанам для заселения основанную им колонию Валенцию и область вокруг нее¹³⁴. Тем самым спокойствие в Hispania Ulterior в целом на длительное время было восстановлено.

¹³³ Указания Аппиана на этот город здесь так же запутанны, как и в 12, 47 и 19, 74. Исходя из соображений топографии, М. Хофман небезосновательно предполагает, что речь идет о Новом Карфагене (Hoffmann M. De Viriathi Numantinorumque bello. P. 59. Not. 2).

¹³⁴ Liv., рег. 55; Диодор также сообщает о городе (XXXIII, 1, 4). Речь может идти об одном из трех городов с таким именем: 1) Валенсия дель Гид (Valencia del Gid), упоминающаяся А. Шультеном в связи с рег. 55 (Schulten A. 1) Viriatus. S. 228; 2) Valentia // RE. 2. Reihe. Hbbd. 14. 1948. Sp. 2148); 2) Валенса (Valença) на левом берегу нижнего Миньо, о которой в порядке гипотезы пишет Ф. Мюнцер, причем ее основание произошло, по его мнению, лишь на второй

§ 8. Переговоры в Риме по поводу Помпеева «мирного договора»

Часть описанных событий в Дальней Испании и связанных с ними событий в Риме произошла еще до весны 139 г. и тем самым до переговоров, которые начались в Риме по поводу мионого договора Помпея с нумантинцами. Это, с одной стороны трудности, связанные с отъездом Квинта Цепиона в его провинцию (Ep. Oxvrh. 54, Z. 182-184) и предположительно принятие закона, запрещавшего два воинских набора в течение одного года (Ер. Охугь. 54, Z. 177-178), заключение Фабием Сервилианом мира с Вириатом и его утверждение народным собранием (Арр. Iber., 69, 293-295; Liv., per. 54; Ep. Oxyrh. 54. Z. 185-186; Diod., XXXIII, 1, 4; Charax, fr. 27). С другой стороны — решение возобновить войну с лузитанами, принятое по настоянию Цепиона (Арр. Iber., 70, 296-298). Все это образует фон для переговоров, во время которых последние решения, направленные против Вириата, продемонстрировали ужесточение политики римлян. Большинство сената открыто отвергло умеренную политику по отношению к врагам

год командования Боута (Münzer F. Iunius (57) // RE. Bd. X. 1919. Sp. 1022); 3) Валенсия де Алькантара (Valencia de Alcántara) в Эстремадуре. Испанский ученый XVIII в. Х. Ф. Де Масдеу (цит. по: Menéndez Pidal R. Historia de España, T. II. Madrid, 1955, P. 134-135) отбрасывает первые два варианта (Валенсия дель Гид находилась вне юрисдикции Брута, а область Валенсы не была тогда еще покорена римлянами) и идентифицирует — на мой взгляд, обоснованно — основанный Брутом город с Валенсией де Алькантара, поскольку это та местность, откуда обычно приходили лузитаны. [Обвор точек врения по поводу основания Валенции см.: Thouvenot R. Essai sur la province romaine de Betique. P. 130. Not. 3; Wiegels R. Liv. per. 55 und die Gründung von Valentia // Chiron. Bd. 4. 1974. S. 153-154. К числу основанных Брутом городов надо также отнести упоминаемую Стефаном Византийским Брутобригу, находившуюся гдето между Бетисом и Турдетанией: Thouvenot R. Essai sur la province romaine de Betique. P. 130. Not. 2; Wiegels R. Liv. per. 55 und die Gründung von Valentia. S. 170-171. — Πρимеч. перев.]

в Испании¹³⁵. С этой позицией сената и, естественно, с жестокой враждой различных влиятельных лиц, о которых мы уже говорили, должен был считаться Помпей, и это во многом определило его поведение.

После прибытия Помпея и нумантинцев в Рим был созван сенат, перед которым обе стороны изложили свои позиции. Это заседание сената вел, по-видимому. Гней Кальпуоний Пизон. к ведению которого, вероятно, относились дела в Италии. Нумантинцы снова объяснили, что заключили договор с Помпеем. а тот категорически отрицал это, причем он утверждал, что речь шла o deditio, которую теперь нумантинцы не хотят признавать 136. Сомнительно, смог ли Помпей убедить кого-либо из сенаторов в том, что он говорит правду¹³⁷. Скорее стоял вопрос о том, найдет ли Помпей достаточное число сторонников, которые согласятся с его аргументацией (вопрос о его популярности см. выше, гл. III, § 2). Возможность принятия договора (не важно, с какими последствиями для Помпея), насколько мы видим, даже не ставилась на обсуждение. Многочисленные поотивники homo novus'а в самых резких выражениях высказывались о «в высшей степени» позорном, по их мнению, договоре 138. который был заключен без согласия сената. Поэтому они предлагали расторгнуть договор и выдать Помпея нумантинцам (Сіс. De off., III, 109). Весь этот спор, равно как и позднейшие дебаты по поводу Манцинова договора, демонст-

¹³⁵ Возможно, отражением этой позиции, прослеживавшейся, естественно, и в историографии, является высказывание Цицерона: «Войну с кельтиберами мы вели как войну с неприятелями, за выживание, а не ради господства» (Сіс. De off., I, 38).

¹³⁶ Арр. Iber., 79, 344: нумантинцы и Помпей противоречили друг другу; то, что он отрицал факт заключения договора, засвидетельствовано Цицероном (De fin., II, 54) и косвенно Веллеем Патеркулом (II, 1, 5).

 $^{^{137}}$ В пользу этого единодушно свидетельствует римская традиция о постыдности договора, чего не могло говориться о deditio: infame foedus (Oros., V, 4, 21); pax ignobilis (Eutrop., IV, 17, 1), turpissima foedera (Vell. Pat., II, 1, 4).

 $^{^{138}}$ Различные выражения возмущения, вероятно, восходят к тому времени.

рируют единство мнений по двум пунктам, хотя противоположная точка эрения, основывавшаяся на соображениях совести, все же давала себя знать ¹³⁹. Во-первых, договоры, заключенные полководцами, нуждались в признании сената, чтобы обрести правовую силу¹⁴⁰, — для партнеров Рима по соглашению обстоятельство крайне невыгодное. Во-вторых, по отношению к ним непризнание заключенного договора означало его нарушение, которое, однако, могло быть искуплено выдачей римской стороной врагам лица, заключившего договор (это имеет решающее значение)¹⁴¹. Помпей ожесточенно защищался от упреков и требований своих врагов (Сіс. De off., III, 28), поскольку речь шла о его политическом существовании, даже о жизни и смерти. Уже защитительная речь Помпея содержала упреки в адрес его предшественника Метелла ¹⁴². На последнем этапе своей кам-

¹³⁹ Следы подобных сомнений мы видим у Ливия (IX, 11, 13) в связи с Кавдинским договором: «И они (те, кто был выдан самнитам. — Г. С.) возвратились невредимы из-под Кавдия в римский лагерь, наверняка освободив себя, а может быть, и государство от клятвенных обещаний (et illi quidem, forsitan et publica, sua certe liberata fide ab Caudio in castra Romana inviolati redierunt)» (пер. Н. В. Брагинской). В том же смысле надо понимать и аргумент Манцина: «Поскольку, сказал Манцин, и эта война, которую римляне решили вести вопреки договору, заключенному Помпеем, идет столь неудачно» (Арр. Iber., 83, 359).

 ¹⁴⁰ Cp.: Meyer Ernst. Römischer Staat uns Staatsgedanke. S. 197.
 141 Co.: Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. J. S. 255: Bd. II

¹⁴¹ Cp.: Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. I. S. 255; Bd. III. S. 1167.

¹⁴² Val. Max., IX, 3, 7. Cp.: «Когда, однако, неудачу стали извинять тем, что его предшественник Метелл из личной ненависти передал ему войско в дурном состоянии, ликвидировал запасы продовольствия и уничтожил военные материалы, то... Аппиан (Iber., 76, 325) заклеймил это как бесстыжие выдумки» (Miltner F. Pompeius. Sp. 2056). Как мне кажется, эти известия имеют источником защитительную речь Помпея, который пытался объяснить свои неудачи ссылкой на дурное состояние войска. Это тем более вероятно, что Манцин со своей стороны бросал упреки в адрес Помпея (Арр. Iber., 83, 359). Какую функцию имело это сообщение в источнике Валерия Максима, мы, к сожалению, не знаем. Тем не менее Ливий, по-видимому, считает причиной неудач-

пании Помпей фактически располагал лишь войском из новобранцев (Арр. Iber., 78, 334). Причины этого, я полагаю, мы можем узнать. Оказавшись в столь опасном положении, Помпей не побоялся представить замену войск как происки врагов.

Что же касается нумантинцев, то сенат постановил продолжить войну. Если при этом сенат хотел сохранить хоть какую-то видимость права, которая была так важна для римлян¹⁴³, то он мог добиться этого лишь одновременной выдачей Помпея. В этом решении, бесспорно, отразилось, с одной стороны высокомерное стремление римлян уничтожить врага, а с другой — намерение свалить ненавистного выскочку, проникшего в ряды нобилитета. Тем не менее нумантинцы не слишком пострадали от римского крючкотворства, хотя и заплатили значительную контрибуцию (Diod., XXXIII, 16, 1; Арр. Iber., 79, 341—342), о возвращении которой не шло и речи. Что же до военной ситуации, то она вряд ли изменилась в худшую для них сторону.

Очевидно, законопроект (rogatio), согласно которому Помпея надлежало выдать нумантинцам, был предложен народу по инициативе большинства сената¹⁴⁴. Но вновь дала знать о себе популярность Помпея (Vell. Pat., II, 1, 5). Отчасти он мог вызвать у народа доверие к своей версии событий, отчасти же

ного хода кампании слабость армии Помпея, ср. Liv., рег. 54: «Кв. Помпей заключил мир из-за своей слабости (Q. Pompeius... расет ab infirmitate fecit)» (рукопись NP; в издании Россбаха: расет а рорию R. Infirmatam fecit. [Это чтение принято и в русском переводе периох Ливия М. Л. Гаспаровым: «Кв. Помпей... заключил мир, поколебленный было римским народом». — Примеч. перев.] Толкование важнейших рукописей должно быть, на мой взгляд, безусловно сохранено).

¹⁴³ Ср.: «Но для общины, каковой была римская, где формально господство правового порядка целиком и полностью основывалось на тезисе о том, что община может поступать несправедливо, но никогда не делает этого, сакросанктный закон, по сути, неотменим» (Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. III. S. 362).

¹⁴⁴ Cic. De off., III, 109; В. Друман и Ф. Мильтнер предполагают — на мой взгляд, необоснованно, — что предложение о выдаче Помпея не было удовлетворено уже сенатом ($Drumann\ W.$, $Groebe\ P.$ Geschichte Roms... Bd. IV. S. 315; $Miltner\ F.$ Pompeius. Sp. 2057).

сработали личные моменты, обеспечившие ему благосклонность народа, когда он обращался к нему с просъбами (Сіс. De off., III, 109). Поэтому при голосовании Помпей, «хитрый злодей» (callidus improbus) (Сіс. De fin., II, 54), одержал победу. Законопроект был отклонен (Сіс. De off., III, 109). Для нумантинцев же (Claud. Quadrig., fr. 73 HRR; Dio Cass., XXIII, 79, 3), да и для нас тоже, моральная вина осталась на римлянах, и речь о ней еще пойдет в эти годы (Арр. Iber., 83, 359). Она равным образом ложится и на сенат, поскольку мы не можем одобрить римский принцип расторжения договора при одновременной выдаче лица, его заключившего, и на суверенный народ, который вдобавок одобрил решение «предварительной инстанции» — видимо, в основном по личным причинам¹⁴⁵.

Враги Помпея, однако, не успокоились. В 138 г. до н. э. против него был начат процесс о вымогательстве 146, на котором свидетелями обвинения выступили две пары сиятельных братьев — Квинт и Луций Метеллы и Гней и Квинт Цепионы. Но и из этой схватки Помпей вышел победителем (Сіс. Рго Font., 23; Val. Мах., VIII, 5, 1). В 137 г. вновь встал вопрос о его поведении в Испании в связи с Манциновым договором. Вновь Помпей ощутил на себе вражду широких сенатских кругов. Однако сенат решил более не возвращаться к его делу как к уже решенному в свое время (Арр. Іber., 83, 360, см. также ниже гл. IV, § 3). В 136 г. Луций Фурий Фил и Квинт Цецилий Метелл вновь открыто назвали его своим врагом (Val. Мах., III, 7, 5; Dio Cass., XXIII, 83). Однако в это время должен был произойти перелом, ибо уже в 133 г. Кв. Помпей оказался в числе злейших врагов Тиберия Гракха 147.

¹⁴⁵ Т. Моммзен, который определенно одобряет расторжение Кавдинского договора в том виде, в каком это описано у Ливия, в случае с Помпеем обвиняет сенат в несправедливости: «Таким образом, вероломство Помпея получило государственную санкцию» (Моммзен Т. История Рима. Т. II. СПб., 1994. С. 15).

 $^{^{146}}$ Подлинные причины неизвестны, ср.: Miltner F. Pompeius. Sp. 2057.

¹⁴⁷ Cp.: Ibid. Sp. 2058.

138-133 гг.: УСПЕХИ В ЛУЗИТАНИИ. ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЙ— ПОБЕДА СЦИПИОНА НАД НУМАНЦИЕЙ

§ 1. Неудача Попилия Лената в борьбе с нумантинцами

По-видимому, уже осенью 139 г. Попилий Ленат и нумантинцы в Испании узнали о решении сената возобновить войну. Вероятно, зиму 139—138 гг. после операций против Вириата Попилий провел со своим войском в Новом Карфагене, где на городских воротах, Porta Popillia, сохранилось его имя¹. Победителями на консульских выборах на 138 г. оказались Публий Корнелий Сципион Назика Серапион² и Децим Юний Брут³. Последний, как уже упоминалось, получил в качестве провинции Дальнюю Испанию. Вне сомнения, известие о смерти Вириата не достигло Рима к моменту консульских выборов и распределения провинций, и вторичное вручение консулу командования в дальней провинции, по всей вероятности, основывалось на уверенности в том, что там необходимо продолжать войну против Вириата. Однако ко времени рекрутского набора 138 г. о смерти Вириата, бесспорно, стало известно⁴.

¹ Porta Popillia CIL, II, 3426. А. Шультен, исходя из этого факта, предполагает, что лагерь Попилия находился в самом городе. Правда, его пребывание там он относит к 138/137 г. (Schulten A. Numantia. Bd. I. München, 1914. S. 361. Anm. 5).

² C_{M.}: Münzer F. Cornelius (354) // RE. Bd. IV. 1901. Sp. 1501–1504.

³ Cm.: Münzer F. Iunius (57) // RE. Bd. X. 1919. Sp. 1021-1025.

⁴ Первое известие об этом Оксиринхская эпитома Ливия (55, Z. 201—202) относит уже ко времени отклонения ходатайства убийц Вириата.

Война против лузитан, соответственно, приобрела совершенно иной характер, и отчасти именно этим объясняется та ожесточенная борьба, которой сопровождался набор этого года (Ео. Oxyrh. 55, Z. 202-205; Cic. De leg., III, 20). При этом консулы встретили поддержку у народных трибунов, когда начали процесс против дезертира, бежавшего из войска в Испании. В назидание прочим дезертиры были проданы в рабство⁵. До отбытия Брута во всех случаях исполнения должностных обязанностей консулов в Риме, о которых мы знаем⁶, они действовали совместно. Таким образом, их взаимоотношения. по-видимому, были доужественными, равно как и отношения Децима Брута со Сципионом Эмилианом⁷. В этих условиях Брут был обязан получением командования доброму согласию со своим коллегой. Одновременно сенат решил продлить полномочия Попилию Ленату, при этом, видимо, сыграло свою роль то обстоятельство, что в год его консульства дебаты по поводу Помпеева договора обрекан Попилия Лената на бездействие. Вероятно, этому способствовало постепенное усиление позиций Фульвиев, с которыми Попилии за десять лет до того вступили в союз (см. выше, с. 179). На втором году командования Попилий не смог добиться успеха. Он расположился перед Нуманцией и долгое время стоял перед ней. Нумантинцы столь долго не вступали в бой, что Попилий, наконец, решился на штурм города. Он слишком поздно понял, в чем состоял замысел противника. Римляне были атакованы нумантинцами во время вылазки. Он потерпел тяжелое поражение и вынужден был со своим войском отой-

⁵ Ливий называет дезертира Гаем Матиеном (рег. 55; см. также: Ер. Oxyrh. 55, Z. 207–209; Frontin., IV, 1, 20).

⁶ Воинский набор, столкновение с народными трибунами, наказание дезертиров, расследование дела об убийстве в Сильском лесу: Cic. Brut.. 85—88.

 $^{^{7}}$ Ф. Мюнцер предполагает, что упомянутая у Феста речь Сципиона «Об империи Децима Брута» (De imperio D. Bruti) (ORF², fr. 27) являла собой рекомендацию необычного дополнительного продления его командования (*Münzer F*. Iunius. Sp. 1022).

ти⁸. В это же время состоялась экспедиция против лузонов, племени, обитавшего в Ближней Кельтиберии⁹, которая также не имела успеха¹⁰. О том, где армия Попилия провела зиму, неизвестно. Весной 137 г., когда последний, видимо, вновь вел войско на Нуманцию, он передал армию своему преемнику Гаю Гостилию Манцину (Oros., V, 4, 20).

⁸ Детальный рассказ см. у Фронтина III, 17, 9: «Осажденные нумантинцы не выстраивались в боевой порядок даже перед валом и так упорно отсиживались, что Попилий Ленат решился начать штурм города при помощи лестниц. Затем он заподозрил засаду, ибо даже и тут не было оказано сопротивления, и отозвал своих; нумантинцы совершили вылазку и напали на врагов, когда они были обращены к ним спиной и спускались». — Пер. А. Б. Рановича; в целом о поражении см.: Liv., рег. 55; Ер. Охугh. 55, Z. 212 (со значительными дополнениями). К этим же событиям относится, по-видимому, фрагмент Луцилия (621М): «славь победу Сципиона, осуди Попилия! (регстера ридпат Роріlі, facta Corneli cane)». Таково правильное, на мой взгляд, мнение А. Шультена (Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 361. Апт. 4) вопреки точке зрения К. Цикориуса (Cichorius K. Untersuchungen zu Lucilius. Berlin, 1908. S. 31).

⁹ Schulten A. Lusoner // RE. Hbbd. 26. 1927. Sp. 1899.

¹⁰ Арр. Iber., 79, 345. Напрашивающееся предположение о том, что Аппиан здесь путает лузитан и лузонов, а потому ведет речь о событиях, относящихся к переговорам с Вириатом в 139 г. (так у А. Шультена в работе: Schulten A. Polybius und Posidonius über Iberien und iberischen Kriege // Hermes. Bd. 46. 1911. S. 602, иначе см.: Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 362), нужно, по-видимому, все же отклонить (см. выше, с. 182). Не говоря уже о том, что Аппиан пишет о лузонах как о соседях нумантинцев, налицо хронологическое несовпадение: переговоры с Вириатом проходили самое позднее в 139 г., тогда как экспедиция против лузонов состоялась лишь в 138 г., как то, кажется, вытекает из рассказа Аппиана (Iber., 79, 345). К тому же сходство этих этнонимов у Аппиана не так уж велико: Λούσονες и Λυασιτανοί.

§ 2. Катастрофа Гая Гостилия Манцина под Нуманцией

На консульских выборах на 137 г. победу одержали Марк Эмилий Лепид Пооцина 11 и Гай Гостилий Манцин 12, из которых первый был сыном великого понтифика и принцепса сената Марка Эмилия Лепида, цензора 179 г., второй — Авла Гостилия Манцина, консула 170 г. К этому десятилетию восходит вновь засвидетельствованный фастами союз двух родов. Кооме того, к этому же кругу поинадлежали Клавдии Пульхоы и Фульвии, а также находившийся в Испании консул поедыдущего года Децим Юний Брут, который к тому же был родственником Эмилия Лепида¹³. В результате распределения провинций Манцин стал преемником Марка Попилия Лената в Ближней Испании, где тот находился уже два года (Аор. Iber., 79, 345), тогда как Эмилий остался в Италии. Брут сохоанил за собою командование в Дальней Испании, откуда уже достигли Рима первые известия о его победах (об операциях последнего речь пойдет ниже). Эмилий Лепид позднее поодемонстрировал, какое значение он поидавал получению военного командования (Арр. Iber., 80, 349). Поэтому можно предполагать, что Манцин получил соответствующие полномочия по жребию. Тиберий Гракх — также по жребию был назначен его квестором14.

Манцин немедленно направился к театру боевых действий, явно не проведя нового воинского набора. В связи с его от-

¹¹ См.: Klebs E. Aemilius (83) // RE. Bd. I. 1894. Sp. 566-567; Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart, 1920. S. 238-243. В борьбе вокруг закона о тайном голосовании (lex tabellaria) Лепид и Сципион Эмилиан занимали враждебные друг другу позиции; ср.: Cic. Brut., 97.

¹² Cm.: Münzer F. Hostilius (18) // RE. Bd. VIII. 1913. Sp. 2056.

¹³ Cm.: Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien.

S. 240-242; App. Iber., 80, 350.

¹⁴ Plut. Tib. Gr., 5, 1; как квестор Манцина упомянут в следующих источниках: Cic. De har. resp., 43; Val. Ant., fr. 57; Vell. Pat., II, 2, 1; Auct. de vir. ill., 59, 4; 64, 1.

бытием источники сообщают о эловещих предзнаменованиях (Liv., per. 55; Obseq., 24; Oros., V. 4, 19; Auct. de vir. ill., 59, 1: Val. Max., I. 6, 7: Min. Fel., 26, 3), которые, однако, никак не повлияли на поведение консула. Само собой разумеется, для предотвращения угрозы были совершены соответствующие обояды (Oros., V. 4, 19; Min. Fel., 26, 3). Во время ауспиций оазлетелись птицы, по поведению которых угадывалась воля богов, и их не удалось вернуть обратно 15. Предзнаменования продолжались и во время путешествия Манцина. Консул пооделал первую часть пути до portus Herculi по суше (Obseq., 24). как и его квестор, ехавший через Этрурию (Plut. Tib. Gr., 8, 4 = C. Semor. Gr., fr. 2 HRR), и хотел там сесть на корабль, направляющийся в Испанию. Голос: «Останься. Манцин (mane, Mancine)» (Liv., per. 55; Obseq., 24; Val. Max., I. 6, 7) побудил его вернуться в Геную и только там взойти на борт корабля (Obseq., 24; Val. Max., I, 6, 7). В том же месте произошел инцидент, о котором вспомнили позднее: на корабле была обнаоужена эмея, поймать которую не удалось (Obseq., 24: Val. Max., I. 6, 7).

В Испании неподалеку от Нуманции Попилий передал войско своему преемнику¹⁶. Манцин, видимо, без промедления возобновил войну с нумантинцами, которая в последние годы

¹⁵ Liv., рег. 55; Val. Max., I, 6, 7; ср.: Auct. de vir. ill., 59, 1; Min. Fel., 26, 3. Обсеквент сообщает и о других предзнаменованиях, имевших место в этом году.

¹⁶ Auct. de vir. ill., 59, 1: «Сначала он решил поднять дисциплину в войске, принятом им от Помпея (exercitum Pompei acceptum prius corrigere decrevit)» (пер. В. С. Соколова) — ср.: Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 361. Anm. 7. Кроме того, имя Помпея упоминается в связи с ниэкой дисциплиной армии в высказывании Манцина, когда он возлагал всю вину на Помпея (Арр. Iber., 83, 359). Однако то, что Манцин поначалу действительно намеревался улучшить дисциплину, судя по прочей традиции, неправдоподобно и вымышленно с целью увязать с фактами последующий анекдот (Auct. de vir. ill., 59, 1—4: Манцин с войском отправился для поднятия дисциплины «...в пустынное место. Но случайно в тот день нумантинцы, согласно своему обычаю, торжественно праздновали браки своих дочерей. И так как

приносила римлянам одни лишь неудачи, несмотря на то, что войско находилось явно не в лучшем состоянии 17. И нумантинцы, располагавшие на тот момент лишь 4000 боеспособных мужчин, что было во много раз меньще численности римской армии¹⁸, вновь показали себя. Положение римского войска было опасным, оно понесло тяжелые потери 19, когда распространился ложный слух о том, что нумантинцы получили подкрепления от кантабров и ваккеев (Арр. Iber., 80, 346). Поэтому Манцин решил отделаться от врага. Ночью, находясь в лагере, он не зажигал огней (видимо, чтобы обмануть нумантинцев) и затем еще в темноте покинул его²⁰. Когда враги обнаружили уход римлян, они тотчас заняли покинутый лагерь (ср.: Liv., рег. 55), а часть их сразу начала преследование. Уже вечером нумантинцы настигли римлян, и римский арьергард в новом бою понес серьезные потери. Манцин искал спасения в старом лагере, оставшемся от Нобилиора со 153 г., удаленном всего на 8 км от Нуманции. У него не было времени, чтобы позаботиться о нуждах войска или привести в должное состояние

у одной особенно красивой девушки было два жениха, отец ее поставил условие, что она выйдет замуж за того, кто принесет правую руку, отрубленную у врага. Юноши, выступившие с этою целью, узнают об уходе римлян — столь поспешном, что он напоминал бегство. Они сообщают об этом своим. Те сейчас же с четырьмя тысячами воинов истребили двадцать тысяч римлян». — Пер. В. С. Соколова).

¹⁷ Val. Max., II, 7, 1; Auct. de vir. ill., 59, 1; App. Iber., 83, 359.

¹⁸ Liv., рег. 55; Auct. de vir. ill., 59, 3; Flor., I, 34, 2 = II, 18, 2 (без указания на конкретное время, к которому относится это число); Oros., V, 7, 3 (в связи с прибытием Сципиона Эмилиана). О численности римлян см. ниже, с. 210.

 $^{^{19}}$ Арр. Iber., 80, 346. О поражении Манцина в целом упоминают следующие источники: Liv., per. 55; Obseq., 24; Oros., V, 4, 20; Flor., I, 34, 5 = II, 18, 5; Auct. de vir. ill., 59, 3; Val. Max., I, 6, 7; Plut. Tib. Gr., 5, 3.

²⁰ Арр. Iber., 80, 346; Plut. Tib. Gr., 5, 3. Гасить огонь в лагере, несмотря на присутствие в нем войск или, наоборот, оставлять его зажженным даже после ухода солдат — часто использовавшийся прием обмана противника.

обветшавшие укрепления²¹. На следующий день нумантинцы окружили римское войско и угрожали немедленно нанести удар, что в условиях неблагоприятного расположения римлян и деморализации их армии означало бы полное уничтожение (Flor., I, 34, 6 = II, 18, 4; Арр. Iber., 80, 347). Они поставили консула перед выбором: или продолжать борьбу, или капитулировать. Последний, равно как и его войско, считал положение настолько тяжелым, что решился на капитуляцию²².

Поэтому Манцин отправил к нумантинцам глашатая, чтобы сообщить о своей готовности пойти на заключение миоа. Нумантинцы отвечали на это, что он должен прислать к ним квестора Тиберия Гракха, поскольку они доверяют только ему. Глубокое уважение, которым пользовался Гракх, основывалось на двух причинах: во-первых, он уже успел прославиться во время этой кампании, во-вторых, имя квестора благодаря деяниям его отца в Испании пользовалось хорошей репутацией. Как и в 152 г., кельтиберы вспомнили о споаведливом договоре, который заключил с ними Гракх-старший в 178 г. после своей победы и о соблюдении которого он заботился (Plut. Tib. Gr., 5, 3-5; о деятельности Гракха-отца в Испании см. также: Арр. Iber., 43, 175-179; Liv., XL, 47-50; Liv., per. 41; Oros., IV, 20, 32-33). Нумантинцы по опыту контактов с Помпеем, естественно, имели все причины для недоверия. Видимо, в Нуманции даже состоялись переговоры, во время которых враги упрекали римлян в нарушении

14 3ak, 4554 209

²¹ Согласно Аппиану (Iber., 80, 346—347) и Плутарху (Tib. Gr., 5, 3), с учетом Клавдия Квадригария (fr. 75 HRR): «...отступая, вчера вечером он наткнулся на нумантинцев (heri recedens vesperi Numantinis incidit)». Толкование фрагмента, конечно, остается спорным.

 $^{^{22}}$ О совершенно безвыходном положении сообщают: Liv., рег. 55; Oros., V, 4, 20; Flor., I, 34, 5–6; Plut. Tib. Gr., 5, 3. Топографические комментарии см. у А. Шультена: Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 362-363. На мой вэгляд, исследователь недостаточно учитывает ясное указание Аппиана на то, что Манцин был окружен в лагере Нобилиора, т. е. на холме Гран Аталайя к востоку от Реньебласа, а не в дефиле, как то имело место при Кавдине.

Помпеева договора²³. Вероятно, Гракху удалось добиться некоторого смягчения суровых условий, выдвинутых нумантинцами (Plut. Tib. Gr., 5, 6). Таким образом, договор был заключен на равных правах (Арр. Iber., 80, 347; ср.: 97, 419). Римское войско получало свободный проход вместе с сопровождавшими его обозными служителями (Plut. Tib. Gr., 5, 6), в то время как все имущество и оружие достались нумантинцам (Flor., I, 34, 6 = II, 18, 6; Plut. Tib. Gr., 6, 1). Этот договор спас жизнь 20 000 римских граждан, всего же — 30 000 человек²⁴. Политические условия мира (о них источники умалчивают), должно быть, повторяли положения Марцеллова договора, т. е. признание независимости нумантинцев от римлян. Учитывая опыт прошлого, нумантинцы добились скрепления договора клятвой не только со стороны консула, но и его квестора и военных трибунов²⁵. Уход римского войска

²³ Клавдий Квадригарий (fr. 73); ср.: Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 363. Anm. 3; видимо, к этим же событиям относится фрагмент Валерия Антиата: «Поскольку они совсем недавно заключили с нами договор (quod novissime nobiscum foedus fecissent)» (fr. 58). Реплика вполне могла принадлежать нумантинцам.

²⁴ 20 000: Plut. Tib. Gr., 5, 6; Auct. de vir. ill., 59, 3; 30 000: Liv., per. 55; эта цифра, как считал А. Шультен (Schulten A. Numantia. Bd. III. S. 39), отражает состояние войска на 140 г. после получения им подкреплений, но до начала новых операций; 40 000 — у Флора (I, 34, 2 = II, 18, 2) и Орозия (V, 7, 3), но у них при этом речь идет не о катастрофе, постигшей Манцина, а о численности римской армии под Нуманцией вообще. Изучение вопроса о том, какие силы использовали римляне в войне против Нуманции, показывает, что цифра в 40 000 преувеличена (Schulten A. Numantia. Bd. III. S. 38–41). То, что речь идет о 4000 врагов, конечно, не случайно (Flor., II, 18, 2; Auct. de vir. ill., 59, 3; Oros., V, 7, 3). Куда ведут подобные акцентировки, показывает Орозий, у которого война длится целые 14 лет — явно ошибочно (Флор правильно пишет об 11 годах), очевидно, по аналогии с 14 годами войны с Вириатом (Огоs., V, 4, 14).

 $^{^{25}}$ Об участии Тиберия Гракха в заключении договора также сообщают: Сіс. De resp. har., 43 (в общем виде); Val. Ant., fr. 57; Flor., II, 2, 2 = III, 14, 2 (о принесении им клятвы, скрепившей договор);

прошел, очевидно, без эксцессов (проведение его под ярмом является, видимо, позднейшим домыслом: Min. Fel., 26, 3; Eutr., IV, 17, 1 — речь также идет о Помпее; Veget., I, 15).

Сам Тиберий еще раз возвратился в Нуманцию (дальнейшее изложение по: Plut. Tib. Gr., 6). Среди доставшейся нумантинцам добычи оказались отчетные документы о его деятельности в качестве квестора. От получения обратно этих документов зависело, сможет ли он дать безупречный отчет по возвращении в Рим. Несмотря на то что Гракх был всего лишь квестором, он уже принимал участие вместе со своей фамилией в борьбе партий. Он женился на дочери консула 143 г. Аппия Клавдия Пульхоа (как раз в 136 г. он был избран цензором). чьей руки добивались многие (Plut. Tib. Gr., 4, 2)²⁶. Сам Тиберий благодаря своему выдающемуся ораторскому таланту привлекал немалое внимание сограждан (ср.: Cic. Brut., 103; Flor., III, 14, 2; App. BC, I, 35; Diod., XXXIV/XXXV, 5). Можно было предвидеть, что он сыграет заметную роль в римской политике. Это же определяло уже и весьма широкий коуг доузей и врагов (Сіс. De гер., І, 31). Чтобы не дать последним повода для нападок. Тиберий позаботился о возврашении отчетных документов. И нумантинцы любезно удовлетворили его просьбу. Кроме того, они пригласили квестора и сопровождавших его лиц в город, чем поставили Тиберия в затруднительное положение. Чтобы не обидеть нумантинцев, он поинял их поиглашение, забоал отчетные документы, а в ответ на просьбы взять себе из добычи что захочет, выбрал лишь ладан для общественных жертвоприношений. Кельтибеоы отпустили его с добрыми напутствиями.

Oros., V, 8, 3; Auct. de vir. ill., 59, 4; Vell. Pat., II, 2, 1; Mart. Cap., V, 456 (auctor); Auct. de vir. ill., 64, 1 (об одобрении им договора). Об участии других офицеров см.: Val. Ant., fr. 57; Oros., V, 8, 3; Plut. Tib. Gr., 7, 3 (трибуны); 4.

²⁶ Cp.: Münzer F. Sempronius (54) // RE. 2. R. Hbbd. 4. 1923. Sp. 1409 ff.

§ 3. Раврыв Манцинова договора

Сообщение о катастрофе, постигшей римское войско, и заключенном Манцином договоре, произвело неслыханную сенсацию. Ужас и облегчение одновоеменно охватили всех тех. у кого в Испании находились родственники или друзья. Возмушение царило в сенате, который уже столько лет занимался войной против Нуманции, — положение, как казалось, разрешилось не в пользу Рима²⁷. Первой реакцией на происшедшее было отстранение от командования консула, а заодно его квестора и офицеров, которые вместе с ним участвовали в заключении договора. Они были вызваны в Рим для отчета. Командование в Ближней Испании было поручено другому консулу этого года, Эмилию Лепиду (Арр. Iber., 80, 348). Очевидно, уже настала осень, когда он прибыл в Испанию. Вместе же с Манцином в Рим отправилось нумантинское посольство, поскольку договор еще оставался под вопросом (App. Iber., 80, 349: Dio Cass., XXIII, 79: Oros., V. 5, 3).

В Риме в связи с испанскими событиями вспыхнули жаркие споры. Их предметом был заключенный без разрешения сената (Сіс. De off., III, 109; Арр. Iber., 83, 360) договор и, следовательно, деятельность заключивших его, в случае же расторжения договора вставал вопрос о том, как поступить с последними. Формальные категории при рассмотрении этого вопроса достаточно прояснились в ходе дискуссии по поводу Помпеева договора. На сей раз, однако, ситуация была вполне однозначной, случай — даже более тяжелым. Как собирался Рим разобраться с последствиями катастрофы, в результате которой потерял войско во главе с одним из консулов и спас его только благодаря заключению однозначно невыгодного для римлян договора?

²⁷ Plut. Tib. Gr., 7, 1–2; Арр. Iber., 80, 348; Oros., V, 8, 3; Flor., I, 34, 7 = II, 18, 7. «Ненависть из-за Нумантинского договора (invidia Numantini foederis)» была направлена против Манцина (Cic. De orat., I, 181) и Тиберия Гракха (Cic. De har. resp., 43; Brut., 103).

Насколько позволяет судить хронология переговоров в Риме, решающие постановления сената и народного собрания были приняты уже в 136 г., после вступления в должность новых консулов (Cic. De off., III, 109; De rep., III, 28)²⁸. На консульских выборах, которые проводил еще Эмилий Лепид²⁹. высшая государственная должность досталась Луцию Фуоню Филу³⁰ и Сексту Атилию Серрану³¹. Из них первый был одним из самых известных сторонников Сципиона Эмилиана³², другой, насколько можно судить, занимал те же позиции, что и его коллега (Сіс. De off., III, 109)³³. Однако поздняя дата принятия решения не доказывает того, что официальные переговоры в сенате могли начаться намного раньше. Прежде всего, речь идет о выяснении обстоятельств. Нумантинские послы, которые прибыли в Рим одновременно с Манцином, были оставлены за пределами померия в храме Беллоны³⁴, чтобы показать им, что вопрос об их статусе (враги или друзья), еще не оещен. Однако обычные подарки, полагавшиеся гостям, были им вручены (Dio Cass., XXIII, 79; см. выше, с. 62-64). Манцин и его друзья (кто именно, мы не знаем, но которых если не по личным, то по объективным причинам нужно искать в кругу друзей Тиберия Гракха) прежде уже изложили свою точку зрения. Манцин совершенно не отрицал, что заключил договор (Vell. Pat., II, 1, 5), и требовал от сената его поизнания. Он не оправдывался, но указывал на два

²⁸ Cp.: Nissen H. Die Caudinische Friede // Reinische Museum für Philologie. Bd. 25. 1870. S. 51.

 $^{^{29}\,\}text{C}_{\text{M.}}$: Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. S. 241.

³⁰ Cm.: Münzer F. Furius (78) // RE. Bd. VII. 1912. Sp. 360.

³¹ Cm.: Klebs E. Atilius (69) // RE. Bd. II. 1896. Sp. 2098; Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. I. New York, 1951. P. 465.

³² Один из главных участников диалога Цицерона «О государстве», например, I, 17.

³³ По мнению Т. Р. С. Броутона, Атилий командовал флотом при Сципионе во время осады Карфагена, ср.: Арр. Lib., 543 (см.: Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. I. P. 465).

³⁴ Cp.: Nissen H. Die Caudinische Friede. S. 51.

обстоятельства: во-первых, если бы римское войско не капитулировало, оно было бы непременно уничтожено, но благодаря заключению договора спаслось; теперь надо руководствоваться в своих суждениях не нынешним безопасным положением, а помнить об опасности, в которой находились тогда солдаты. Решающее значение имеет не то, что должно было сделать, а то, что возможно (Dio Cass., XXIII, 79, 2; Quintil., VII, 4, 12). Во-вторых, сенат должен учесть, что по условиям договора римляне не потеряли ничего из того, чем владели в Испании до сих пор (Dio Cass., XXIII, 79, 2). Дополнительным аргументом было, видимо, и то, что и предшествующие походы против нумантинцев стоили больших потерь и что добыча в случае победы, которая казалась упущенной, была бы сравнительно небольшой³⁵.

Нумантинцы не раз получали слово в сенате. Во время первого своего выступления они ссылались на договор, который они заключили с Манцином и который наряду с консулом скоепили клятвами его квестор и военные трибуны (App. Iber.. 83, 359). Послы исходили из общего хода развития отношений между Римом и Нуманцией (Dio Cass., XXIII, 79, 3) и ссылались на то, что отношения эти до 153 г. и затем вновь в период между 151 и 143 гг. были хорошими. Кроме того, они возлагали на римлян ответственность за войну, причиной которой стала несправедливость римлян. На что они намекали, нам неясно, поскольку прежняя традиция ничего подобного не знает. Само собою разумеется, нумантинцы упомянули нарушение Помпеева договора. В заключение они потребовали ратификации Манцинова договора, поскольку свои обязательства, связанные с ним, выполнили, т. е. дали свободный проход оимскому войску.

Для тех кругов сената, которые еще раньше требовали лишить Манцина командования и добились этого, было очевид-

³⁵ По-видимому, 74-й фрагмент Клавдия Квадригария хорошо вписывается в этот контекст: «Они (друзья Манцина. — Γ . C.) вспоминали прежде войну, в которой сами участвовали (qui prior bellum, quod cum his gestum erat, meminissent)».

но, что честь Рима не допускает признания договора³⁶ и что его виновника, консула, как и тех, кто участвовал в его заключении, следует выдать воагу. Второе было необходимо, поскольку благодаря этому боги отведут вину за нарушение договора от Рима, возложив ее на непосредственных виновников³⁷. В качестве оещающего поимера приводилось поведение сената после катастрофы, постигшей римскую армию в Кавдинском ущелье в 321 г. ³⁸ Тогда воаги, в чьих оуках оказалось римское войско, также воспользовались моментом к своей выгоде, вынудив римлян пойти на мирный договор. Сенат тогда расторг договор и всех должностных лиц, участвовавших в его заключении, выдал самнитам, которые их, естественно, не приняли. В целом можно наблюдать, что в 137 г. события в Риме протекали примерно так же, как это описано у Ливия³⁹. Очевидно, данная версия представляет собой легенду, которая оформилась почти за 200 лет. прошедших с тех времен, чтобы уменьшить позор для Рима. На деле же римляне при заключении договора должны были выдать самнитам молодых аристократов в качестве заложников (Liv., IX, 5, 5: 600 всадников) и не

³⁶ Этот договор они определяли как «позорнейший» (foedus turpissimus: Oros., V, 4, 20; аналогично у Веллея Патеркула: Vell. Раt., II, 1, 4; II, 90, 3; Val. Max., I, 6, 7); «постыдный» (flagitiosum: Auct. de vir. ill., 64, 1; dedecus flagitii: Flor., I, 34, 7 = II, 18, 7); «бесславный мир» (рах ignominiosa: Liv., per. 55; infamis: Eutrop., IV, 17, 1); «позорнейший мир» (αἴσχισται σπονδαί: Арр., Iber., 80, 348); «позорный договор» (αἴσχραὶ συνθῆκαι: 83, 360); «все содеянное было признано страшным позором для римлян» († δλη πράξη ώς δεινὴ καὶ καταισχύνουσα τὴν 'Ρώμην: Plut. Tib. Gr., 7, 1).

³⁷ Plut. Tib. Gr., 7, 2; Eutrop., IV, 17, 1. В целом мысль об искуплении упоминают Цицерон (Pro Caec., 98); Ливий (рег. 56); Флор (I. 34, 7 = II. 18, 7).

³⁶ Liv., IX, 4—11. Весь комплекс вопросов рассматривает X. Ниссен в указанной выше статье (*Nissen H*. Die Caudinische Friede. S. 1—65). Кавдинскую катастрофу в данной связи упоминают Флор (II, 18, 7), Веллей Патеркул (II, 1, 5), Плутарх (Tib. Gr., 7, 2), Аппиан (Iber., 83, 360).

³⁹ Cp.: Nissen H. Die Caudinische Friede. S. 60.

могли думать о немедленном возобновлении войны. Война разгорелась, по сути, лишь несколько лет спустя, хотя и в иных условиях. Однако для противников Манцинова договора сия легенда была примером достойного поведения предков в аналогичной ситуации. Зимой 137—136 гг. они энергично требовали от сената последовать этому примеру (Plut. Tib. Gr., 7, 2). Выразители взглядов этих graves et severi patres, «строгих и суровых сенаторов», по выражению Цицерона (De har. resp., 43), нигде не названы, но к числу таковых, судя по их поведению в остальном, можно с уверенностью отнести Публия Корнелия Сципиона Назику и Публия Корнелия Сципиона Эмилиана⁴⁰, причем последнего — несмотря на его родство с Тиберием Гракхом⁴¹. Авторитет этих людей и возмущение поражением римской армии склонили большинство сената на их сторону⁴².

К этому времени речь для тех, кого это затрагивало в первую очередь, могла идти лишь о том, чтобы спасти то, что можно было спасти⁴³. Манцину пришлось прежде всего доказывать свою безупречность. Что касается его вины за понесенное поражение, то в качестве главной причины такового он не без оснований указывал на плохое состояние войска, которое ему передал Помпей (Арр. Iber., 83, 359; ср.: Val. Max., II, 7, 1: Auct. de vir. ill., 59, 1). Вообще, как уже упоминалось, имя Помпея вновь всплыло во время дискуссии. Смысл этого легко понять: либо случай с Помпеем рассматривался в качестве поецедента и тем самым Манцин избавлялся от выдачи врагу, либо необходимо было вторично добиваться наказания Помпея и, связав судьбу этих двух людей, привести в движение сторонников Помпея, чтобы они, спасая последнего, заступились и за Манцина. Однако Помпею вновь удалось избежать кары (Арр. Iber., 83, 360), тогда как Манцин не сумел воспользоваться тем, что его случай был отчасти схож с помпее-

⁴⁰ Plut. Tib. Gr., 7, 5; cp.: Nissen H. Die Caudinische Friede. S. 52.

⁴¹ Родство в этой связи упоминают: Auct. de vir. ill., 64, 1; Vell. Pat., II, 2, 1; Plut. Tib. Gr., 7, 5.

⁴² Так у Х. Ниссена (Nissen H. Die Caudinische Friede. S. 52).

⁴³ Ibid. S. 51: на втором заседании сената.

вым (Oros., V, 4, 21). Им не удалось согласовать свои интересы, в том числе, по-видимому, и из-за разницы в характерах (Cic. De гер., III, 28; De fin., II, 54; Vell. Pat., II, 1, 5). Манцин упрекал римлян, говоря, что поражение, постигшее их в год его консульства, является искуплением нарушения договора, заключенного Помпеем (Арр. Iber., 83, 359). К сожалению, остается неясным, что, по его мнению, навлекло кару богов — нарушение договора или то, что виновник этого не был выдан врагу. Однако Манцин, ведя себя таким образом, готов был рискнуть всем (Cic. De off., III, 109; De гер., III, 28).

Иначе строил свою защиту Тиберий Гракх. По-видимому, он с самого начала отрицал — вероятно, как и консул, — что выдачей заключивших договор народ соверщит акт искупления⁴⁴. Само собою разумеется, что он до последней возможности пытался добиться признания договора (Plut. Tib. Gr., 7, 5). Однако для него речь шла здесь о собственной чести, поскольку он был тем, кому нумантинцы — отчасти благодаря и его отцу — оказали доверие. В глазах же противников договора именно потому, что последний был заключен через посредничество Тиберия, он был особенно виновен (Oros., V. 8. 3; Plut. Tib. Gr., 7, 1-4; Quintil., VII, 4, 13; Dio Cass., XXIV. 83. 2; Flor., II. 2. 2 = III, 14. 2; Vell. Pat., II, 2, 2). Для Гракха эти нападки едва ли были неожиданностью. Если бы его противники взяли верх, это могло бы означать для него преждевременный конец многообещающей карьеры 45. Тогда, чтобы защититься от обвинений, он свалил ответственность на Манцина — как то уже сделало общественное мнение (Plut. Tib. Gr., 7, 1) — и объяснил, что действовал по поручению консула, что, естественно, было правдой 46. За предшествующее же поражение квестор ответственности не нес.

⁴⁴ Liv., IX, 8, 13 и сл. По X. Ниссену (Nissen H. Die Caudinische Friede. S. 55) Тиберий Гракх позаимствовал этот тезис из речей народных трибунов 321 г.

⁴⁵ Cp.: Nissen H. Die Caudinische Friede. S. 53.

⁴⁶ Mart. Сар., V, 456; Quintil., VII, 4, 13. Плутарх обходит молчанием вопрос о том, как далеко зашел в своих оправданиях Гракх и

Нумантинцы также получили еще одну возможность высказаться — до или после решающего голосования, неясно. Они объяснили, что образ действий римлян, по их мнению, недопустим с точки эрения ни богов, ни людей. Кровью одного человека не может быть искуплено клятвопреступление (Vell. Pat., II, 1, 5). Римляне должны либо признать договор, либо вернуть всех тех, кого нумантинцы отпустили под залог мира⁴⁷. Во всяком случае, нумантинцы заявили, что они не примут Манцина или тех, кого им выдадут.

Между тем начался 136 г., и срок полномочий магистратов предыдущего года истек. Заседанием сената, на котором было, наконец, принято решение, руководил Луций Фурий Фил (Сіс. De гер., II, 28). Сенат рекомендовал народу расторгнуть договор и выдать врагу тех, кто его заключил⁴⁸, причем всех. Оба консула, Луций Фурий Фил и Секст Атилий Серран, предлагали народному собранию соответствующие законопроекты — очевидно, отдельно о Манцине и об остальных⁴⁹.

какие аргументы он использовал в свою защиту. Вопрос этот был весьма щекотливым, если иметь в виду как Манцина, так и нумантинцев.

⁴⁷ Oros., V, 5, 3. Ср.: Liv., IX, 8, 14, где участвовавшие в эаключении Кавдинского мира народные трибуны приводили тот же самый аргумент, который, однако, затем был дискредитирован тем, что трибуны сами хотели выпутаться из затруднения. То, что Ливий, несмотря на общее апологетическое содержание рассказа, разделял эту мысль, вытекает, как мне кажется, из цитированного выше на с. 200 заключительного пассажа (IX, 11, 13).

⁴⁸ Решение сената о расторжении договора и выдаче Манцина упоминают следующие источники: Cic. De off., III, 109; Oros., V, 4, 21; Eutrop., IV, 17, 1; Auct. de vir. ill., 59, 4; Vell. Pat., II, 90, 3 (и расторжение договора, и выдачу); Cic. De har. resp., 43; Mart. Cap., V, 456 (только расторжение); Cic. De orat., I, 181 (только выдачу).

⁴⁹ Во всяком случае, это не мог быть один законопроект, поскольку народ мог его либо принять, не подвергая изменениям, либо отклонить (об ограниченной компетенции народного собрания см.: Meyer Ernst. Römischer Staat uns Staatsgedanke. Zürich, 1948. S. 187—189). Цицерон (De гер., III, 28) упоминает в связи с внесением законопроекта только Фурия Фила — из соображений композиции, ибо это исходит из уст самого Фурия.

В соответствии с занятой им ранее позицией Манцин сам одобрил предложение о своей выдаче нумантинцам (Сіс. De off., III, 109; De гер., III, 28). Гракх, напротив, указывал народу на две излагавшихся выше причины, по которым выдача его и его товарищей выглядела необоснованной. Народ в соответствии с постановлением сената принял решение о расторжении договора и выдаче Манцина⁵⁰, тогда как о Гракхе и прочих упомянутых в законопроекте речь не шла⁵¹.

С началом благоприятного сезона Фурий Фил отправился в Испанию в сопровождении Манцина и, несомненно, нумантинских послов. После того как Фурий принял войско от Эмилия Лепида, он оставил Манцина перед Нуманцией для выдачи⁵². Фециалы⁵³ — их представитель pater patratus, «священный посол» (Сіс. De orat., I, 181; II, 137; Рго Саес., 98) — вывели бывшего консула нагим, с руками, связанными за спиною пеньковой веревкой (Oros., V, 4, 21; Vell. Pat., II, 1, 5; Plut. Tib. Gr., 7, 4; Арр. Iber., 83, 361; Lucil., 1324—1325 М⁵⁴), перед воротами Нуманции и произнесли положенные слова

⁵⁰ Манцин недвусмысленно назван у Цицерона (De off., III, 109), Флора (I, 34, 7 = II, 18, 7), Евтропия (IV, 17, 1), Плутарха (Plut. Tib Gr., 7, 3 sqq.; о поддержке Тиберия Гракха Сципионом Эмилианом также см.: Bilz K. Die Politik des P. Cornelius Scipio Aemilianus. Diss. Würzburg, 1935. S. 54), менее ясно — у Диона Кассия (XXIII, 79, 3), Аппиана (Iber., 83, 360) и Марциана Капеллы (V, 456).

⁵¹ Auct. de vir. ill., 64, 2: благодаря красноречию Гракха; Plut. Tib. Gr., 7, 3–4: благосклонность и рвение народа по отношению к Тиберию.

⁵² Подробнейшим образом — у Орозия (V, 4, 21), Фурий назван у Аппиана (Iber., 83, 361). Кроме того, без подробностей выдача упоминается в следующих источниках: Сіс. De off., III, 109; top., 37; Liv., per. 56; Obseq., 24; Flor., II, 18, 7; III, 14, 2; Eutrop., IV, 17, 1; Auct. de vir. ill., 59, 4; Vell. Pat., II, 2, 1; Val. Max., I, 6, 7; II, 7, 1; Dio Cass., XXIII, 79, 3; Dig., L, 7, 17; Min. Fel., 26, 3; Plin. NH, XXXIV, 18. О том, что Манцин не был принят нумантинцами: Сіс. Тор., 37; Liv., per. 56; Auct. de vir. ill., 59, 4; Vell. Pat., II, 1, 5; Dig., L, 7, 17.

⁵³ Vell. Pat., II, 1, 5. Cp.: Samter E. Fetialen // ŘE. Bd. VI. 1909. Sp. 2259–2265.

⁵⁴ Cp.: Cichorius K. Untersuchungen zu Lucilius. S. 39.

(со.: Liv., IX, 10, 9). Нумантинцы, видимо, повторили им свой отказ принять выданного и наверняка объяснили, почему так поступают. Тем не менее Манцину пришлось целый день поостоять у стен города, являя собою печальное зредише и для врагов, и для римского войска (Oros., V. 4, 21; ср.: Val. Max., I. 6. 7: II. 7. 1). Непоиятность положения усиливало то, что Квинт Помпей, состоявший легатом при войске Фурия, отговорился болезнью. «чтобы своим присутствием при выдаче (deditio) не раздражать нумантинцев» 55. С наступлением ночи после совершения ауспиций Манцин был возращен в лагерь (Auct. de vir. ill., 59, 4). Вопрос об искуплении вины римского народа за нарушение договора остался нерешенным (ср.: Liv., ІХ, 11, 13). Манцин вернулся в Рим. Когда он хотел занять свое место в сенате, народный трибун Публий Рутилий заявил протест (Сіс. De orat., I, 181)⁵⁶. Среди знатоков права разгореася спор, аншился ан Манцин гражданских прав после выдачи, пусть даже и не принятый врагом⁵⁷. Закон в конце концов, решил вопрос — не по политическим ли мотивам? — в его пользу в том смысле, что гражданские права он за собою сохранил, но свое место в сенате, по-видимому, потеоял⁵⁸.

⁵⁵ Liv., fr. 16 из 56-й книги, в периохе которой сообщается о выдаче Манцина. А. Шультен необоснованно относит это к заключению договора Помпеем (Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 359. Anm. 6). Вопрос у Ливия не вполне ясен, в связи с чем вводится слово ferunt — как, например, в рассказе о смерти Сципиона Африканского (Liv., XXXVIII, 53).

⁵⁶ Cm.: *Münzer F.* Rutilius (9) // RE. 2. Reihe. Bd. 1. 1920. Sp. 1248–1249.

⁵⁷ Cic. De orat., I, 238. Этот юридический казус еще не раз упоминался Цицероном: De orat., I, 188; II, 137; Рго Саес., 98; Тор., 137. Кроме того: Dig., XLIX, 15, 4; L, 7, 17.

⁵⁸ Dig., XLIX, 15, 4; L, 7, 17. В повитивном смысле: Сіс. De orat., II, 137; Рго Саес., 98; Тор., 137. Позднее Манцин вновь вошел в состав сената, после того как еще раз занимал должность претора (Auct. de vir. ill., 59, 4; Dig., L, 7, 17). Для сравнения с более поздним периодом см.: Plut. Cic., 17, 1; Dio Cass., XXXVII, 30, 4; Vell. Pat., II, 34, 4.

Сам Манцин, по-видимому, считал свою судьбу несчастливой, но не видел в ней ничего постыдного (так у Плутарха: Tib. Gr., 5, 1—2). Во всяком случае, его честь, как он сам полагал, осталась незапятнанной. Поэднее Манцин поставил статую, которая изображала его выдачу нумантинцам (Plin. NH, XXXIV, 18). Последующие поколения римлян также с уважением относились к поведению Манцина (Vell. Pat., II, 1, 5: verecundia; Cic. De off., III, 109: более честный, чем Помпей; De orat., I, 181: «муж достойнейший и знатнейший (nobilissimus atque optimus vir)»). Цицерон восхвалял его чувство чести (риdог), порядочность (probitas), верность слову (fides)⁵⁹.

⁵⁹ Cic. De red., III, 28. Анализ пассажа из цицеронова «Государства» (III, 28) для оценки как римлян в связи с расторжением Манцинова договора, так и самого Манцина затрудняется тем обстоятельством, что держащий речь Луций Фурий Фил взял на себя «защиту бесчестности (patrocinium improbitatis)» (III, 8), и его мнение («невозможно, не совершая несправедливости, руководить государством (sine injustitia geri non posse rem publicam)»: Augustin, De civ. Dei, II, 21) поэднее опровергается Лелием и Сципионом, хотя опровержение — как, например, в нашем случае — до нас не дошло. Кроме того, практический вывод, который делает Фурий на основании данного примера, не сохранился, и, чтобы сделать путаницу полной, эпитеты, которые он прилагает к Манцину, примерно те же, что и у самого Цицерона при характеристике последнего (De rep., III, 28: pudor, probitas, fides; vir optimus; De orat., I, 181: optimus vir). Henoсредственно перед упоминанием Манцина (III, 27) Фурий сопоставил непризнанного и подвергающегося издевательствам справедливого человека и всеми уважаемого негодяя, утверждая при этом, что было бы безрассудством (dementia) желать, чтобы кто-то предпочел справедливость несправедливости. Затем он переходит от отдельных людей к народам и заявляет: «Не найдется государства столь неразумного, чтобы оно не предпочло несправедливо повелевать, а не быть в рабстве по справедливости (nulla est tam stulta civitas, quae non iniuste imperare malit quam servire iuste)» (III, 28). Очевидно, чтобы проиллюстрировать этот тезис, Фурий заводит речь о договоре с нумантинцами (foedus Numantinum), но затем уклоняется в сторону, начав в дошедшем до нас фрагменте сравнивать поведение Квинта Помпея и Манцина. Манцин ведет себя в соответствии с данными

Однако для дальнейшего хода римской истории дискуссия вокруг Манцинова договора имела далеко идущие последствия. Неясной оставалась пока позиция Сципиона Эмилиана. О его первоначальном отношении к Манцину мы ничего не знаем, но кое-что известно о его отношении к Тиберию Гракху.

ему выше оценками, Помпей же являет собою контраст по отношению к vir bonus, но при этом обнаруживает разумность (ratio), обдуманность (consilium), дальновидность (prudentia).

Однако мы знаем из Лактанция (Сіс. De гер., III, 31), что Фурий (опираясь на Карнеада) в дальнейшем изложении разделяет справедливость на гражданскую (iustitia civilis), которая хотя и есть благоразумие (sapientia), но в действительности не является справедливостью (justitia), и естественную (justitia naturalis), которая, будучи справедливостью, не является благоразумием. Это разделение должно представить нам соответствующие категории в приведенном примере. Совершенно очевидно, что Фурий обнаруживает в Помпее «гражданскую справедливость (iustitia civilis) (ratio, consilium, prudentia)», sapientia без iustitia, тогда как Манцин являет собою пример естественной справедливости (iustitia naturalis), iustitia без sapientia. Что касается поведения римлян в связи foedus Numantinum, то оно должно было явить собою пример justitia civilis народа, поскольку желания быть в рабстве (servire) — совершенно все равно, справедливо или нет --- мы здесь никоим обоазом не обнаруживаем. Тем самым мы находим в речи Фурия образец одной из дававшихся в древности оценок событиям вокруг foedus Numantinum, Манцину приходилось сносить снисходительное сочувствие, тогда как за Помпеем и римлянами признавали мудрость, но при этом отказывали в iustitia.

Благодаря Лактанцию (III, 31) мы также знаем, что рассуждения Фурия были настолько хороши, что Цицерон, мысли которого выражает Лелий, считает их неопровержимыми и рассуждает только о iustitia naturalis, в отношении которой он доказывает, что в ней всетаки присутствует iustitia. Для нас остается неясным, специально ли Лактанций остановился на нашем exemplum. Если он хотел оправдать Помпея, ему пришлось бы весьма трудно, однако в другом месте Цицерон называет его «хитрым негодяем (callidus improbus)» (De fin., II, 54; такие же эпитеты для оценки Помпея выбирает и Фурий). Упреки же Фурия в адрес рориlus Romanus Лелий наверняка не оставляет без ответа, но, к сожалению для нас, его опровержение не сохранилось. Оно, несомненно, было весьма непростым делом.

Оно определялось, с одной стороны, тем, что Сципион был его родственником и благодаря браку (по-видимому, несчастливому) находился в свойстве с ним, а с другой, был известен как противник тех, с кем Гракх сотрудничал на политическом поприще, отчасти связанный с ними родственными отношениями; позднее эти люди оказали ему помощь в предпринимавшихся им попытках реформ. Цицерон называет их всех в одном пассаже (De гер., I, 31) зачинщиками раздора в римском народе. На первое место он ставит консула 131 г. Публия Лициния Красса Дивеса Муциана 60 и консула 143 г., цензора 136 г. Аппия Клавдия Пульхов, затем консула 143 г. Квинта Цецилия Метелла Македонского и консула 133 г. Публия Муция Сцеволу⁶¹. Ни для Манцина, ни для признания заключенного им договора Сципион ничего не сделал (Plut. Tib. Gr., 7, 5). Не вступился он, по-видимому, и за самого Гракка. Все это навлекло на него новые нападки 62 .

Что касается реформаторской политики Гракха, то ее причиной было неудовлетворительное состояние дел (ср.: Plut. Tib. Gr., 9, 4; Flor., II, 2, 3 = III, 14, 2). Однако если говорить о персональной составляющей этой политики, то события, связанные с Манциновым договором, имели для нее огромное значение. В результате трения между различными группировками обострились до такой степени, что не брались в расчет соображения, которые при других обстоятельствах, видимо,

⁶⁰ См.: Münzer F. Licinius (72) // RE. Hbbd. 25. 1926. Sp. 334-338.

⁶¹ Cm.: Münzer F. Mucius (17) // RE. Hbbd. 31. 1933. Sp. 425-428.

⁶² Plut. Tib. Gr., 7, 5: «Не обошлось, по-видимому, и без помощи Сципиона» (пер. С. П. Маркиша), т. е. Плутарх ничего не знает об этой помощи. Его предположение, вероятно, вызвано стремлением увидеть и представить обоих героев в наилучшем виде. Ср.: Neumann K. Geschichte Roms während des Verfalles der Republik. Bd. I. Breslau, 1881. S. 148—149 о развитии отношений Сципиона Эмилиана и Тиберия Гракха (там же и о соответствующем пассаже Плутарха). К. Бильц также не очень верит в ходатайство Сципиона за Гракха (Bilz K. Die Politik des P. Cornelius Scipio Aemilianus. S. 56).

мешали решению насущных вопросов, таких как аграрная проблема (Cic. Brut., 103; De har. resp., 43; Oros., V, 8, 3; Flor. III, 14, 2; Vell. Pat., II, 2, 1-2; Dio Cass., XXIV, 83, 2-3) Победа, которую одержали противники Манцинова договора в 136 г., серьезно подоовала их моральный авторитет. В пользу этого свидетельствует, по-видимому, оценка Манцина у Цицерона. Оживаение сил, потеопевших неудачу в 136 г., было лишь делом времени. Предметом крупнейших раздоров стал аграрный вопрос. В 133 г. час настал: в отсутствие Сципиона Эмилиана его противники Публий Муций Сцевола и Тиберий Семпроний Гракх были избраны на должности: первый — консула, второй — народного трибуна 63. Позволю себе высказать предположение, что не случайно это произошло именно в данный момент. Уже переговоры о воинском наборе и денежных средствах для испанской войны показали, как мало доузей у Сципиона в сенате (Plut. Apopht. Scip. Міп., 15). Наконец, его отсутствие, несомненно, облегчило карьерные успехи противников. В этом отношении примечательно, что в решающий момент не нашлось магистрата, который бы выступил против партии реформ, и инициативу взял на себя Публий Корнелий Сципион Назика, бывший тогда частным лицом.

Таким образом, испанские войны не только вызвали серьезную проблему обезлюдения в сельской местности 64 — в ходе ее обострились и трения между представителями нобилитета 65 ,

⁶³ Выборы обоих и разделение полномочий таким образом, что Муций сохранял за собою ведение дел в Риме — успех партии, сочувствовавшей реформам (ср.: Münzer F. Mucius. Sp. 425—428).

 $^{^{64}}$ «Республика истекла кровью из-за жертв, которых постоянно требовали испанские войны, из-за необходимости содержать войско, стоявшее в Испании»; «Войны 154-133 гг. увеличили бедствия римского государства и, в отличие от событий 200-168 гг., стали для него роковыми» (Meyer Ed. Kleine Schriften. Bd. I. 2 Aufl. Halle, 1924. S. 401).

⁶⁵ В этом смысле высказываются также А. Шультен и К. Бильц (Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 364; Bilz K. Die Politik des P. Cornelius Scipio Aemilianus. S. 67).

и, в конце концов, решающая борьба за Нуманцию в связи с отсутствием Сципиона дала сигнал для начала внутриполитической борьбы⁶⁶.

§ 4. Поход Децима Юния Брута в Лувитанию

Мы слышали уже о Дециме Юнии Бруте (у Аппиана (Iber., 73, 301) ошибочно Секст) в связи с его выборами и последовавшими затем трудностями при воинском наборе, его первыми мероприятиями в Дальней Испании и, наконец, продлением ему командования на 137 г. Со смертью Вириата и расселением его людей реальная угроза провинции со стороны лузитан перестала существовать. Однако, как мы уже неоднократно видели, банды Вириата были не единственными. При совершенно неясной ситуации с границами для римлян было совсем несложно найти повод для военной экспедиции в пределы собственно Лузитании. Неясно, насколько был готов к этому новый командующий, который, несомненно, привел с собою новые войска⁶⁷. По-видимому, он даже не получил на сей счет четкого приказа из Рима.

Лузитанская война⁶⁸ приобрела теперь совершенно иной характер. Вместо набегов и нападений лузитан началось планомерное наступление римлян. Брут сделал выводы из многочисленных поражений, понесенных римлянами в ходе длительной борьбы с лузитанскими отрядами и решил обратиться

15 3ax 4554 225

 $^{^{66}}$ «Сторонники реформ в связи с отсутствием Сципиона явно рассчитывали на успех своих мероприятий» (*Bilz K.* Die Politik des P. Cornelius Scipio Aemilianus. S. 66).

⁶⁷ Столь энергично проведенные воинские наборы (Liv., рег. 55; Ер. Охугh. 55, Z. 202—205) оказались на руку исключительно Дециму Бруту, поскольку в 140 г. подкрепления прибыли в Ближнюю Испанию (Арр. Iber., 78, 334), а в 139/138 г. там не было смены командования.

⁶⁸ Покорение Лузитании кратко упоминается у Ливия (рег. 59) и Страбона (III, 3, 1, р. 152). События 138 г. описываются в Оксиринхской эпитоме Ливия (55, Z. 212).

против их городов. Он хотел таким способом разгромить эти отряды, надеясь, что угроза родным местам заставит их разойтись по домам (Арр. Iber., 73, 301—302). По-видимому, в 138 г. во время операций, которые Брут начал на юге у кельтиков, он достиг океана и реки Дурий⁶⁹. Земли, где он появлялся с войсками, подвергались разорению (Арр. Iber., 73, 303). Поначалу лузитаны взирали на приближающихся врагов с простодушным презрением — как, например, жители города Контобриса⁷⁰. Впрочем, если население не скрывалось в труднодоступной горной местности, оно оказывало ожесточенное сопротивление. Несмотря на весь свой героизм, они были побеждены римлянами. Лузитаны — как мужчины, так и женщины, сражавшиеся наравне с последними, — умели мужественно принять смерть ⁷¹. Еще одна черта, характерная для

⁶⁹ Установление хронологии ехреditio Bruti затрудняется, прежде всего, двумя обстоятельствами: мы не знаем точно, сколько лет командовал Брут в Hispania Ulterior. Его триумф состоялся лишь в 132 г. (Еиtrop., IV, 19), но отсюда не вытекает, что все это время он воевал. Надежные в хронологическом отношении источники, как Оксиринхская эпитома, заставляют отказаться от 137 г. В своем изложении в этом вопросе мы следуем, за небольшими исключениями, выводам Ф. Мюнцера (Münzer F. Iunius. Sp. 1021 ff.).

⁷⁰ Diod., XXXIII, 24. Э. Хюбнер идентифицирует Контобрис с Контребией (*Hübner E*. Contrebia (1) // RE. Bd. IV. 1901. Sp. 1163) — см. выше, с. 150. Эпизод относится к числу ватиканских эксцерптов, описывающих события между 139 (Diod., XXXIII, 19: Попилий — Вириат) и 137 гг. (XXXIII, 26, 1 — по-видимому, сражение с галлаиками); консул, вероятно, тот же, что и в XXXIII, 26, 1 (Юний). Однако на основании предшествующей традиции вряд ли можно сказать, когда и в какой ситуации Брут оказался у Контребии. Поэтому следует, видимо, считать Контобрис городом в Лузитании с неизвестным местоположением.

⁷¹ Арр. Iber., 73, 303. В том же контексте надо воспринимать пассаж Диодора (XXXIII, 25): «Он (луэитанин?) отвечает, что лучше погибнуть, доблестно сражаясь, чем, лишившись оружия, отдать свое тело в жалкое рабство». (Этот фрагмент занимает в ватикански эксцерпте положение между рассказами о взятии Контобриса и сражении с галлаиками.)

этого похода, — очевидное стремление консула к захвату добычи, о которой нам известно не только в связи со взятием Цингиннии⁷². Он даровал пощаду тем, кто добровольно сдавался ему, и захватывал у них лишь добычу (Арр. Iber., 73, 303). Диодор приводит его слова о беспощадности по отношению к тем, кто оказывает сопротивление и мягкости к покоряющимся⁷³, которые имеют прямую параллель у Вергилия: «Милость покорным являть и смирять войною надменных (рагсеге subjectis et debellare superbos)»⁷⁴. О подробностях его похода мы информированы довольно плохо. Тем не менее нельзя не заметить, что его успехи были обманчивы, и некоторые города ему пришлось завоевывать дважды, прежде чем он обрел уверенность в том, что римляне надежно завладели ими (Арр. Iber., 74, 307—75, 309).

⁷² Val. Max., VI. 4, ext. 1. Hübner E. Cinginnia // RE. Bd. III. 1899. Sp. 2560: «Этот рассказ, являющийся описанием черт характера лузитан, восходит в конечном счете к Посейдонию». По мнению Э. Хюбнера, город находился в северной Лузитании, немного южнее Дурия, и «был тогда, по-видимому, разрушен». Ф. Мюнцер не дает датировки этого события (Münzer F. Iunius. Sp. 1023). Если покорение Цингиннии состоялось в конце завоевания Боутом Лузитании. как то можно заключить из рассказа Валерия Максима, тогда выходит, что это произошло в конце 138 г., когда Брут достиг Дурия, который являл собою северную границу Лузитании (ср.: Schulten A. Lusitania // RE. Hbbd. 26. 1927. Sp. 1867 ff.). O TOM, 4TO DOYT CTDEмился к захвату добычи для себя и для своего войска, ясно говорит в начале своего рассказа Аппиан (Iber., 73, 302). Добыча и рабы упоминаются и в других местах: 73, 303 (опустошение страны; дарование пощады в обмен на контрибуцию); 74, 306 (рабы); 74, 309 (добыча из Талабриги); Diod., XXXIV/XXXV, 4, 1-2 (рабы, вероятно, эахваченные Боутом): Vell. Pat., II. 5. 1 (большое число рабов).

⁷³ Но эта реплика относится, по-видимому, к событиям следующего года — после сражения с галланками в 137 г. (Diod., XXXIII, 26, 1).

⁷⁴ Verg. Aen., VI, 853 (Пер. С. А. Ошерова). Diod., XXXIII, 26, 2: римляне тяжко карают сопротивляющихся, но тот, кто по-коряется им, с избытком ощущает на себе их мягкость. Ср. в XXXIII, 24 характерную реплику, вложенную в уста консула: «Злодеи, которых римляне карают».

При подготовке кампании 137 г., но, вероятно, уже при проведении операций 138 г., Бруту оказал поддержку флот (это можно заключить на основании различных мест у Страбона). Реки, протекавшие на пути продвижения его войск, становились, с одной стороны препятствием, но, с другой стороны, поскольку в его распоряжении были корабли, воротами в удаленные от моря районы Лузитании. О самих же лузитанах нам известно, что они использовали кожаные лодки (Strabo, III, 3, 7, р. 155). В качестве опорного пункта Брут использовал город Морон на Таге, примерно в 90 км от устья реки. Одновременно он укрепил в Олисипоне дамбы для обеспечения судоходства вверх по реке (Strabo, III, 3, 1, р. 152). Это свидетельствует, что подвоз осуществлялся преимущественно морским путем.

В следующем году — мы знаем, что командование Бруту было продлено. — состоялось форсирование Дурия. Он также опустошал и покорял эту страну (Арр. Iber., 74, 304). Однако Брут прославился переходом не через Дурий, а через маленькую реку между Дурием и Минием⁷⁵, которая ныне называется Лима⁷⁶. В древности эта река носила еще одно название помимо Лимен, а именно Белион. Это название римские солдаты запомнили в искаженной форме «Обливион» 77. Волнения, которые, по-видимому, охватили войска Брута из-за того. что они и так уже защли слишком далеко, усилились из-за связанной с ее именем легенды о том, будто пересекший эту реку теряет память (ср.: Strabo, III, 3, 4, р. 153 — история о кельтиках). Римские войска вынуждены были перейти реку после того, как сам проконсул, схватив штандарт, пересек ее (Liv., per. 55; Ep. Oxyrh. 55, Z. 216-217; App. Iber., 74, 304-305; Flor., I. 33, 12 = III, 17, 12; Plut. Quaest. Rom., 34).

⁷⁵ Ныне Миньо; Миний у Страбона (III, 3, 4, р. 153), Плиния Старшего (NH, IV, 115) и Помпония Мелы (III, 10); Нимий — у Аппиана (Iber., 74, 305).

⁷⁶ Schulten A. Limia // RE. Hbbd. 25. 1926. Sp. 671.

⁷⁷ Так у Страбона (III, 3, 4, р. 153). Это название сохранилось в имени озера Беон, из которого вытекает Лима.

Брут вторгся в область галланков, с которыми вряд ли оимляне прежде имели дело, поскольку едва ли о них слышали (Vell. Pat., II. 5. 1: aditis quae vix audita erant — «дойдя до тех. о которых едва ли кто слышал»). Только Цепион однажды совершил набег на их внутренние районы (Арр. Iber., 70, 300). Тем многочисленнее стали легенды, которые ходили о стране и народе на берегах океана 78. И хотя Боут никоим образом не покорил всю Галлекию⁷⁹, тем не менее по имени ее народа он получил прозвище Галлекийского (Gallaicus) — благодаря тому обстоятельству, что поежде о галланках едва ли кто слышал (Vell. Pat., II, 5, 1; Strabo, III, 3, 2, р. 152; Ovid. Fast... VI, 461-462; Schol. Bob. ad Cic. Pro Archia 179 St., 359 Ог.). Галланки, о которых говорили, что они пришли на помощь лузитанам (Oros., V, 5, 12), показали себя весьма серьезным противником. Дело дошло до большого и жаркого сражения — вероятно, 9 июля 137 г.⁸⁰, — в котором они были разбиты. Теперь путь на север для Брута был свободен. Он дошел до Миния, очевидно, постоянно сопровождаемый фло-

 $^{^{78}}$ Ср.: Iustin., XLIV, 3. То, что во время похода войска Брута дошли до океана, было вторым деянием, снискавшим ему славу: Liv., per. 55; Flor., I, 33, 12 = II, 17, 12; Euseb. Chron., II, 128i, 129m Schoene.

⁷⁹ Страбон называет Миний в качестве рубежа, до которого дошли войска Брута (III, 3, 4, р. 153). Поэтому Флор (III, 17, 12) преувеличивает, когда пишет о «всех народах Галлекии (omnis Gallaeciae рориlos)»; аналогичным образом и у Веллея Патеркула (II, 5, 1): «обойдя все народы Испании (penetratis omnibus Hispaniae gentibus)».

⁸⁰ Ovid. Fast., VI, 461–462: а. d. V. Id. Iun. Ср.: Мünzer F. Iunius. Sp. 1023: вероятно, этот самый день, когда он торжественно пообещал посвятить храм Марсу. Орозий сообщает о 60 000 галлаиков, из которых 50 000 погибло в 60ю, 6000 попало в плен (V, 5, 12). Ф. Мюнцер пишет о «раздутых цифрах», восходящих к современным этим событиям римским анналистам (Münzer F. Iunius. Sp. 1021). Успехи Брута в операциях против галлаиков кратко упомянуты у Ливия (рег. 56) и Ампелия (47, 3). Фрагмент Диодора (XXXIII, 26, 1а) может восходить к воодушевляющей речи Брута перед этим сражением. Равным образом фрагмент 26, 1b из описания самого сражения.

том, который плыл по этой реке⁸¹. Намеревался ли полководец продолжать свое продвижение по ту сторону Миния, в точности сказать трудно⁸². Во всяком случае, на это его подвигло нападение на римский обоз живших в горных краях к северу от Дурия бракаров (Арр. Iber., 74, 305). В начавшихся боях, которые также оказались успешными для римлян, мужчины и женщины бракаров сражались плечом к плечу и умирали с величайшим мужеством⁸³. Женщины и дети, будучи проданы в рабство, не раз кончали жизнь самоубийством (Арр. Iber., 74, 306; Diod., XXXIV/XXXV, 4, 1). Оставшиеся в живых выказывали глубочайшую скорбь, когда покидали пределы отечества, чем пробудили сочувствие даже у врагов⁸⁴.

⁸¹ Такой вывод позволяют сделать ясные указания Страбона (III, 3, 4, р. 153) на характер берега реки и возможность приставать к нему.

⁸² О Минин как рубеже, дальше которого не пошли войска Брута, говорится у Страбона (III, 3, 4, р. 153). Информация Страбона о тех краях базируется на описании похода Брута (ср. также о кожаных лодках лузитан). Это подтверждается тем обстоятельством, что он говорит о реках к северу от Миния, не вдаваясь в подробности, поскольку ничего о них не знал.

⁸³ Арр. Iber., 74, 305. В двукратном упоминании о том, что мужчины сражались вместе с женщинами, Э. Норден усматривает влияние Посейдония (*Norden E. Die germanische Urgeschichte in Tacitus Germania*. Leipzig, 1920. S. 163. Anm. 4).

⁸⁴ Diod., XXXIV/XXXV, 4, 2. Неясно, связан ли фрагмент Диодора с контекстом, который мы наблюдаем у Аппиана. Если исходить из его содержания, это возможно. Помимо данного случая речь как о «войне с варварами» может идти еще только о завоевании Нуманции, но там обращаемые в рабство интересны другими чертами (одичание, см. ниже, с. 262–263). По времени речь должна идти примерно о 133 г. (у Аппиана — 137 г., несмотря на это, в обоих случаях может подразумеваться expeditio Bruti), поскольку у Диодора предшествующие фрагменты из ватиканского эксцерпта (XXXIV/XXXV, 2; XXXVIII; XL; XLI; XLIV/XLVIII) захватывают сицилийское восстание рабов, а последующий, XXXVI, 6—7 — революцию Гракхов. Мысли, которые возникают у Диодора в связи с проявлениями великой любви к родине у варваров («общая по природе скорбь»), ясно указывают на Посейдония как на источник, для

§ 5. Марк Эмилий Лепид и Брут против Палантии

Успешное завершение этого похода развязало армии Брута оуки для других операций⁸⁵. Снова военные события в ближней и дальней провинциях сплелись в одно целое. Командование в Hispania Citerior, как уже говорилось, осенью 137 г. принял Марк Эмилий Лепид Порцина (Арр. Iber., 80, 348). По отношению к Нуманции он был обречен на бездействие, пока сенат не принял решение о признании недействительным Манцинова договора. Отсюда вытекает, что это решение, поскольку оно было связано с судьбой консула Манцина, состоялось не ранее чем накануне 136 г. Таким образом, возможное возобновления войны против Нуманции последовало не раньше весны 136 г. Поэтому Лепид мог даже счесть, что инструкции по поводу Нуманции прибудут вместе с его преемником. Несмотоя на то, что Лепид не отличался телосложением полководца, он захотел воспользоваться неожиданно выпавшим ему удобным случаем, чтобы снискать себе военную славу⁸⁶. То, что развязывание новой войны на Иберийском полуострове было не в интересах Рима, его не беспокоило, равно как и то, что отсутствовал повод для войны⁸⁷. Как это уже было

которого общность греков и варваров являлась важным элементом его мировозэрения (*Reinhardt K.* Poseidonios (3) // RE. Hbbd. 43. 1953. Sp. 640, 656).

⁸⁵ Успешные кампании Брута против галлаиков и катастрофа Манцина произошли одновременно. Несмотря на это, Брут должен был считать положение в Лузитании вполне надежным, иначе бы не стал покидать только что завоеванные земли.

⁸⁶ Лепид метко охарактеризован у Диодора (XXXIII, 27). «Палантийскую войну» (bellum Palantinum) упоминает Луцилий (972M): «Был в Паллантийской войне плешивый бесславный вояка (calvus Palantino quidam vir non bonus bello)». Не подразумевает ли здесь Луцилий самого консула Лепида? Во всяком случае, его данные хорошо согласуются с текстом Диодора.

⁸⁷ Арр. Iber., 80, 349: «Ведь в то время некоторые полководцы стремились начать войну ради славы, добычи или триумфа, а не ради

один раз, ваккеям пришлось опять расплачиваться за соседей. Лепид обвинил их в том, что они снабжали нумантинцев, несмотря на то что они никоим образом не нарушали заключенное с римлянами соглашение — с какого времени оно существовало, мы не знаем (Арр. Iber., 80, 349—350; Oros., V, 5, 13). Тем самым Лепид начал, бесспорно, несправедливую войну (bellum iniustum) (Oros., V, 5, 13)88. Ему удалось привлечь к участию в этой операции своего родственника Децима Юния Брута, уже закончившего свой поход (Арр. Iber., 80, 350)89.

Целью римского наступления стал город Палантия, под стенами которого в свое время уже понес большие потери Лукулл. Оба полководца — Брут наверняка привел с собой часть войска — приступили к осаде этого города (Арр. Iber., 80, 350). Когда они уже начали войну, к ним прибыли два посла сената, Цецилий и Цинна, которые привезли инструкции для Эмилия Лепида. Они заявили, что сенат удивлен, почему Лепид после совсем недавно понесенных поражений в Испании затеял новую войну. Сенатское постановление недвусмысленно запрещало Лепиду нападать на ваккеев (Арр. Iber., 81, 351; более подробных сведений об этих послах нет). Едва ли эти инструкции появились случайно. Что касается хронологии, то сложно представить, что Лепид начал кампанию до начала зимы 90.

блага государства». Эта мысль, которая восходит скорее к его источнику, чем принадлежит самому Аппиану, вполне соответствует взглядам Посейдония, историку упадка, который датировал поворот к худшему 146 г. (ср.: Reinhardt K. Poseidonios. Sp. 632).

 $^{^{88}}$ Как мало известно нам об этих отношениях, показывает рассказ Фронтина (IV, 5, 22), из которого мы узнаем о союзе ваккейской Сеговии с римлянами только потому, что это стало поводом для нападения на город со стороны Вириата; см. выше, с. 81.

⁸⁹ Конкретнее о родственных связях Лепида и Брута ничего неизвестно, ср.: Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. S. 242.

⁹⁰ Согласно Ливию (рег. 56) и Орозию (V, 5, 13), Лепид вел войну против ваккеев, будучи проконсулом, т. е. в 136 г. То же самое подразумевает Обсеквент (§ 25) под 136 г.: «Римское войско уничтожено ваккеями (а Vaccaeis (конъектура ab Achaeis) exercitus Romanus caesus)».

За исключением неблагоприятного времени года войско, которое только что избежало катастрофы при Манцине, нуждалось в отдыхе, тем более что вооружение и обоз были потеряны. Отсюда, конечно, не следует, что уже осенью 137 г. Лепид не принял необходимых мер, видимо, он также провел дипломатическую подготовку, если о таковой можно говорить. Известия об этих мерах в течение зимы могли достичь Рима и стать причиной отправки упомянутого посольства, которое было поставлено перед свершившимся фактом.

Для Лепида было важно использовать время, остававшееся до прибытия его преемника. Консулов 136 г. мы знаем. Из них Луций Фурий Фил по жребию (на это недвусмысленно указывает Валерий Максим: III, 7, 5) получил командование в Ближней Испании, что полностью соответствовало его желаниям (Val. Max., Loc. cit.).

С Брутом складывалась иная ситуация. Вопреки традиции ему продлили командование в дальней провинции во второй раз. Во время дискуссии по этому поводу Сципион Эмилиан выступил в сенате с речью «Об империи Брута» (De imperio D. Bruti) и, вероятно, советовал продлить ему полномочия (Fest., 241)⁹¹. Обе меры — запрет Лепиду воевать с ваккеями и продление командования Бруту — были связаны с нумантинским разгромом.

С одной стороны, не должно было возникнуть новых осложнений, с другой — дальнейшее пребывание на своем посту испытанного военачальника, как предполагалось, гарантировало укрепление римского господства.

Между тем Лепид, несмотря на запрет сената, и не думал отказываться от своего намерения⁹². Он объяснил послам, что их инструкции обгоняют ход событий и что он не считает себя связанным ими; в сенате не знают ни о том, что ваккеи помогали Нуманции деньгами, хлебом и войском, ни о том, что в походе участвует Брут; к тому же отступление может

⁹¹ Cp.: Münzer F. Iunius. Sp. 1022; Malcovati ORF2, 131-132.

 $^{^{92}}$ То, что Лепид действовал вопреки решению сената, особо подчеркивает Орозий (V, 5, 13).

поколебать римское господство во всей Испании⁹³. С этим ответом послам пришлось вернуться в Рим⁹⁴.

Осада Палантии продолжалась с усиленным рвением. Возводились редуты, сооружались метательные орудия, заготоваяася провиант⁹⁵. Легат Флакк (более подробно неизвестен), атакованный воагами во воемя фуражировки, спасся от них с помощью хитрости: он распустил слух, будто Палантия пала. Когда враги услышали ликующие возгласы римлян и узнали об их причине, то приняли это на веру и удалились (App. Iber... 81. 353-354). Однако осада затягивалась, положение римлян постепенно ухудшалось. Питание было скудным, начался голод, все выочные животные были съедены, многие солдаты умерли (Арр. Iber., 82, 354). После долгих колебаний военачальники в конце концов вынуждены были уступить обстоятельствам. В самый неожиданный момент, около времени четвертой стражи, они дали сигнал к отступлению. Военные трибуны и центурионы попытались навести порядок среди начавшейся неразберихи. Несмотря на это, отход больше напоминал бегство — воины оставляли оружие, имущество, больных и раненых, не обращая внимания на их мольбы (Арр. Iber., 82, 355-356; потеря лагеря и оружия — Oros., V. 5. 13). Палантийцы, естественно, воспользовались замешательством и весь день непрерывно со всех сторон преследовали римаян, которые несли при этом тяжелые потери. Число погибших римлян определяется источниками в 6000 (Арр. Iber., 82, 356; Oros., V, 5, 13). Когда наступила ночь, солдаты от голода и усталости не смогли разбить лагерь, но палантийцы от-

⁹³ Подобная драматизация обстановки напоминает слова послов дружественных Риму общин из Ближней Кельтиберии в 152 г. (Pol., XXXV, 2, 8–9). В остальном Лепида характеризует необдуманность поступков. К счастью, ситуация в Испании была не столь неустойчивой, как то изображал Лепид.

⁹⁴ Арр. Iber., 81, 352. Эти переговоры проливают свет на трудности управления Римской империей.

⁹⁵ Как обычно: укреплять лагерь (castra munire), делать метательные орудия (tormenta efficere), свозить хлеб (frumentum comportare); ср.: Caes. BC, I, 18, 4; III, 9, 3.

казались от преследования — как сочли римляне, благодаря божественному вмешательству 96 .

Отступление велось в сторону Нуманции, поскольку незадолго перед этим состоялась выдача Манцина. Бруту после поовала операции пришлось вернуться в свою провинцию 97. В Риме ответ Лепида послам был воспринят очень отрицательно. Следствием этого стало немедленное отстранение его от командования (Aoo. Iber., 83, 358; Аппиан ошибочно пишет о лишении Лепида консульской должности). Однако в отношении этой меры можно говорить скорее о формальном акте, чем о фактическом ее значении для римской политики в Испании. Сообщение об этом Лепид должен был получить более или менее одновременно с прибытием своего преемника Фурия Фила, если — что вероятно — его вообще не привез сам Фурий Фил. Марк Эмилий Лепид Порцина вернулся в Рим после этой насколько несправедливой, настолько и неудачной войны в качестве частного лица. Хотя он был всего лишь оштрафован (Арр. Iber., Loc. cit.), это тем не менее нанесло большой ущерб его авторитету (Sempronius Asellio fr. 4 HRR: «поскольку ненависть к Лепиду понемногу росла (ut maior invidia Lepido glisceretur)». Его поражение упоминается в одном ряду с разгромом Манцина⁹⁸.

 $^{^{96}}$ Палантийцы ушли, «словно какой-то бог удалил их (0ϵ οῦ σφας ἀποτρέποντος)». А. Шультен предполагает лунное затмение, возможно, 1 апреля 136 г. (Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 365. Anm. 2). [Затмение началось 31 марта в 23 ч 46 мин, закончилось в 1 ч 15 мин 1 апреля 136 г. Тень закрыла 0,73 лунного диска (Доценко Н. П. Римская агрессия в Испании и борьба испанских племен за независимость (154—133 гг. до н. э.). Дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1966. С. 203. Примеч. 4. — Примеч. перев.]

⁹⁷ У Ф. Мюнцера предполагается, что участие в bellum Palantinum стало последней операцией Брута в Испании (*Münzer F.* Iunius. Sp. 1023).

⁹⁸ Liv., рег. 56; Oros., V, 5, 13. Ф. Мюнцер, выступая в защиту Лепида, подчеркивает тот бесспорный факт, что традиция неблагосклонна к нему: «Историческая традиция воспроизводит здесь обвинения политических противников. Однако совершенно очевидно, что

§ 6. Луций Фурий Фил и Квинт Кальпурний Пивон

По-видимому, поблизости от Нуманции, где война к этому времени прекратилась, Фурий принял командование над войском от потерпевшего поражение и лишенного власти Лепида. Он предлагал Квинту Цецилию Метеллу Македонскому и Квинту Помпею стать его легатами, что было весьма странно, поскольку оба они перессорились как друг с другом, так и с Фурием Филом (Val. Max., II, 7, 5; Dio Cass., XXIII, 82). Как говорили, он хотел сделать их невольными свидетелями своих военных успехов 99, поскольку теперь, по мнению римлян, вновь появилась возможность вести справедливую войну с Нуманцией 100. Однако ожидаемых успехов не последовало. Тяжелое состояние войска, по-видимому, заставило Фурия отказаться от первоначальных намерений и учесть риск поражения. Таким образом, часть пригодного для боевых операций времени 136 г. была проведена римлянами в бездействии.

люди, которые хотели ограничить решающее влияние завоевателя Карфагена во внутренних делах, стремились к увеличению собственного авторитета с помощью успехов и почестей на военном поприще» (Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. S. 241).

⁹⁹ Dio Cass., XXIII, 82. К. Бильц предполагает, что Метелл и Помпей «были приданы стороннику Сципиона, представителю другой партии, в каком-то смысле для присмотра» (*Bilz K. Die Politik des P. Cornelius Scipio Aemilianus. S.* 60—61). С учетом 16-го фрагмента Ливия я считаю это маловероятным, ибо, согласно последнему, для Помпея вторичное пребывание под Нуманцией было неприятно.

¹⁰⁰ Учитывая события, последовавшие за Кавдинским договором и катастрофой с армией Манцина, Х. Ниссен допускает, что в соответствии с религиозными положениями римлян срок в два года мог вновь сделать войну справедливой и угодной богам (duellum purum piumque) (Nissen H. Die Caudinische Friede. S. 63). Хотя между 136 и 134 гг. не произошло крупных военных событий, тем не менее ни в коем случае нельзя считать, что война прекратилась, намерения сделать паузу не было (ср.: Val. Max., III, 7, 5; Dio Cass., XXIII, 82; Obseq., 26).

На выборах консулов на 135 г. победу одержали Сервий Фульвий Флакк¹⁰¹ и Квинт Кальпурний Пизон¹⁰². Оба консула получили военное командование, Фульвий в Иллирии (Liv., рег. 56; Арр. Ill., 29), Пизон — против нумантинцев. Распределение провинций, по-видимому, было произведено на основании особого постановления (Арр. Iber., 83, 362: σ τρατηγὸς δ' ἐπ' αὐτοῦ αἱρεθείς... см., однако, выше, гл. III, § 1). Пизон рискнул предпринять атаку на Нуманцию. Однако и он сразился с врагами неудачно, римское войско потерпело поражение 103 . Чтобы иметь повод доложить еще об одном успехе, Пизон совершил нападение на область палантийцев, опустошил небольшую ее часть, а оставшееся время года провел на зимних квартирах в Карпетании (Арр. Iber., 83, 362). Таким образом, после восьми лет войны Нуманция все еще не была побеждена.

§ 7. Последний поход Брута в Лузитанию

Возвратимся еще раз в Дальнюю Испанию. Там в отсутствие Брута ситуация изменилась к худшему. Было ли причиной тому отсутствие полководца, наводившего ужас на врагов, или это явилось эхом поражения римлян под Палантией в 136 г.¹⁰⁴ —

¹⁰¹ Cm.: Münzer F. Fulvius (64) // RE. Bd. VII. 1912. Sp. 248.

¹⁰² См.: Münzer F. Calpurnius (86) // RE. Bd. III. 1899. Sp. 1386.

¹⁰³ Obseq., 26: «В Нуманции дела плохи, римское войско разбито (in Numantia res male gestae, exercitus Romanus oppressus)»; Арр. Iber., 83, 362: «он не пошел против Нуманции». А. Шультен поэтому предполагает, что Обсеквент подразумевает войну с ваккеями (Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 365. Anm. 8). Из Аппиана, однако, не следует, что римляне потерпели поражение. Мне кажется более вероятным, что Аппиан уже не обнаружил в своем источнике сведений о поражении римлян под Нуманцией и сделал соответствующее замечание по собственному разумению.

¹⁰⁴ Ф. Мюнцер рассматривает это отпадение как результат катастрофы, постигшей армию Манцина (Münzer F. Iunius. Sp. 1022). В этом случае Брут жестоко обманулся насчет положения в Лузи-

так или иначе, но ояд городов, которые в 138 и 137 гг. сдались Бруту, вновь отпали от римлян (Арр. Iber., 74, 307-75. 309). Однако Бруту по возвращении в свою провинцию удалось вернуть отпавшие города под власть римлян. Довольно подробно излагаются эти события в случае с Талабонгой (Аод. Iber., 75, 308-309). Этот город не раз отпадал от римлян и потому имел все основания стращиться репрессий с их стороны. Брут потребовал от талабригийцев капитуляции (deditio) и добился ее. Были выданы перебежчики, военнопленные. оружие и заложники, после чего Брут приказал жителям покинуть город. Он окружил их своими воинами и стал перечисаять им их проступки. Жители приготовились к самому худшему. Однако на сей раз Брут ограничился лишь тем, что крепко поигоозил им 105. Лошади, хлеб, общественные деньги и другое общественное имущество он забрал в пользу римлян, но самих талабригийцев вопреки их ожиданию вернул в город. В конце года Лузитания, по-видимому, вновь была умиротворена в римском понимании.

Однако остается неясным, действительно ли 136 г. был последним годом операций Брута в Hispania Ulterior. Бросается в глаза, что его триумф состоялся непосредственно перед триумфом Сципиона Эмилиана 106. Тем не менее в этом нет ничего невозможного. Во-первых, едва ли не могло не сказаться его участие в походе Лепида, во-вторых, видимо, более раннему проведению триумфа Брута помешали его неудачные операции в ближней провинции 107. К тому же политическая обста-

тании. Поэтому, как я полагаю, правильнее говорить о том, что дополнительное влияние оказало поражение под Палантией, которое потерпел сам Брут.

 $^{^{105}}$ Ф. Мюнцер не совсем верно пишет о «вероломстве» в отношении талабригийцев (*Münzer F*. lunius. Sp. 1023), поскольку они с самого начала знали, что должны быть готовы к любому исходу.

¹⁰⁶ Eutrop., IV, 19; по мнению Ф. Мюнцера, нет полной уверенности, что триумф Брута состоялся лишь в 132 г., «поскольку порядок событий у Евтропия не слишком точен» (*Münzer F*. Iunius. Sp. 1022).

¹⁰⁷ О его раннем триумфе пишет Аппиан (Iber., 99, 428). Упомянутые у Аппиана сенатские комиссии работали обычно вместе с пол-

новка в 132 г. после провала попытки гракханских реформ вновь стала для Брута более благоприятной (см. выше о гипотетических отношениях Сципиона Эмилиана со Сципионом Назикой, гл. III, § 7). Поздний триумф, вероятно, скорее означает не столько необычно долгое ведение войны, сколько некоторое ожидание. Видимо, Децим Юний Брут Галлекийский отпраздновал блестящий триумф, действительно, только в 132 г. (Eutr., IV, 19; Plut. Tib. Gr., 21, 3; возвращение в Рим: Арр. Iber., 75, 310). Обустройство завоеванных территорий началось только в 133/132 г. комиссией десяти представителей сената, которые выполняли аналогичное задание в областях, покоренных Сципионом Эмилианом (Арр. Iber., 99, 428).

§ 8. Избрание Публия Корнелия Сципиона Эмилиана командующим в войне против Нуманции. Подготовка кампании

После катастрофы, постигшей армию Манцина, Нумантинская война тянулась еще два года, причем конца ей не было видно. Последние годы показали, что требуется недюжинное мастерство, чтобы покорить Нуманцию. Среди тогдашних политиков Рима двое обладали славой полководцев: младший Сципион Африканский и Метелл Македонский, оба были не слишком популярны¹⁰⁸, но Метелл вызывал большую антипатию, чем Сципион (Auct. de vir. ill., 61, 3). Поскольку оба уже были консулами, то в соответствии с законом вопрос об их

ководцами (ср.: Meyer Ernst. Römischer Staat uns Staatsgedanke. S. 170). По-видимому, в пользу раннего триумфа свидетельствует и Диодор (XXXIV/XXXV, 4). Судя по контексту соответствующего фрагмента, речь идет о победоносном войске, которое покинуло покоренную страну и возвращается в Рим для триумфа. Больше всего к этому подходит ситуация с Брутом.

¹⁰⁸ О Сципионе Эмилиане (несмотря на пассаж Плутарха: Tib. Gr., 21, 4): Plut. Apopht. Scip. Min., 9; 22; Auct. de vir. ill., 58, 8; Val. Max., VI, 2, 3; VIII, 15, 4; Polyaen., VIII, 16, 5; ср.: Cic. Acad. Pr., II, 15.

назначении не стоял¹⁰⁹. Сципион внешне не проявлял инициативы в этом вопросе¹¹⁰. Кроме того, политическая обстановка в сенате была не особенно благоприятной для него, как показали цензура 136 г., назначение принцепсом сената Аппия Клавдия Пульхра и консульские выборы тех лет¹¹¹. На консульских выборах на 134 г. одним из кандидатов был Гай Фульвий Флакк¹¹², родственник консула предыдущего года Сервия Фульвия Флакка. Добивался квестуры Квинт Фабий Максим (позднее получивший проэвище Аллоброгского), сын брата Сципиона Фабия Эмилиана¹¹³. Во время выборов

¹⁰⁹ Ср.: Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. I. S. 521. Anm. 1 и выше, с. 56. Примечательно, однако, что Метелл в это время вместе с Гнеем Сервилием Цепионом был облечен экстраординарным командованием для подавления волнений рабов в Италии (Oros., V, 9, 4; Obseq., 27; Münzer F. Servilius (46) // RE. 2. Reihe. Hbbd. 4. 1923. Sp. 1781).

¹¹⁰ Cic. Lael., 11: «консулата он никогда не добивался (consulatum petivit numquam)»; Cassiod. Chron.: «поскольку кандидатом он не был (cum candidatus non esset)». Вопреки Цицерону (Cic. De гер., VI, 11), он, по-видимому, не отсутствовал в Риме (Val. Max., VIII, 15, 4). Содержание цицеронова пассажа вполне позволяет предположить такое преувеличение (аналогичное хронологическое смещение наблюдается в связи с процессом Котты, передвинутым со 138 на 132 г.: Div. in Caec., 69: Рго Миг., 58).

¹¹¹ Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. S. 251–252, 258–259.

¹¹² Münzer F. Fulvius (53) // RE. Bd. VII. 1912. Sp. 238.

¹¹³ Val. Max., VIII, 15, 4. Münzer F. Fabius (110) // RE. Bd. VI. 1909. Sp. 1794—1794. У Аппиана — Бутеон (Iber., 84, 366), ср.: Münzer F. Fabii (51—58) (Buteones) // RE. Bd. VI. 1909. Sp. 1759—1761. Ф. Мюнцер пишет: «При этом лишь остается необъясненным не относящееся к нему и, кроме того, уже не встречающееся в это время прозвище "Бутеон"» (Münzer F. Fabius. Sp. 1794). Нет ничего невозможного в том, что Квинт Фабий Максим, поэднее известный как Аллоброгский, в отличие от своего отца Фабия Эмилиана и его дяди по усыновлению Фабия Сервилиана, в молодости носил когномен «Бутеон» (см. о путанице с Фабиями Максимами экскурс, с. 106 и сл.).

в его пользу лично вмешался Сципион Эмилиан — по-видимому, во время консулярных комиций¹¹⁴. Несмотря на то что он не выдвигал свою кандидатуру на консульских выборах (Сіс. Lael., 11; Cassiod. Chron.), тем не менее его избрали во время комиций подавляющим большинством голосов¹¹⁵. Настроение народа было таково, что Сципион воспринимался как единственный человек, способный успешно завершить войну против Нуманции¹¹⁶. Этого «общественного мнения» оказалось достаточно, чтобы во время выборов¹¹⁷ одержать победу благодаря усилиям клиентелы — своей и своих друзей, тогда как сама группировка Сципиона была тогда в меньшинстве. Сенат покорился этому решению и сделал все возможное, чтобы скрыть, что он недоволен нарушением закона. По его настоянию народные трибуны легализовали выборы задним числом. Они также внесли законопроект об отмене

16 Зак. 4554 241

¹¹⁴ Вероятно, Т. Моммзен был прав, когда писал: «Валерий Максим (VIII, 15, 4) неточен, сообщая о том, что Сципион Эмилиан был выбран консулом в тот день, когда он "во время комиций по выборам квесторов явился на поле для голосования рекомендовать Кв. Фабия Максима, сына своего брата (quaestoriis comitiis suffragator Q. Fabii Maximi fratris filii in campum descendisset)"; можно предполагать, что Максим использовал день проведения консулярных комиций для того, чтобы предложить себя народу во время следовавших вскоре выборов в квесторы, как Цицерон представлялся народу в качестве кандидата в консулы во время комиций по выборам трибунов» (Сіс. Ad Att., I, 1, 1).

¹¹⁵ Oros., V, 7, 1: «при согласии всех триб (consensu omnium tribuum)». Об употреблении слова triba вместо centuriae см.: *Meier Ch.* Prerogativa centuriata // RE. Supplbd. VIII. 1956. Sp. 569.

¹¹⁶ App. Iber., 84, 363; Plut. Apopht. Scip. Min., 15; Flor., I, 34, 2 = II, 18, 2. О выборах консулов на 134 г. см. Сіс. Lael., 11: «...вторично — в соответствующий срок, но едва ли не слишком поздно для государства (iterum sibi suo tempore, rei publicae paene sero)».

¹¹⁷ «Вторично консул (iterum consul)» или что-то подобное: Арр. Iber., 363; 365; Liv., per. 56; Eutrop., IV, 17; Vell. Pat., II, 4, 2; Cic. Pro Mur., 58; Div. in Caec., 69; De rep., VI, 11; Lael., 11; Plut. Apopht. Scip. Min., 15; Gell., XVI, 8, 10; Val. Max., VIII, 15, 4; IV, 3, 13; App. BC, I, 19, 81.

запрета на вторичное избрание в консулы и его восстановлении на следующий год 118. Равным образом сенат предоставил Сципиону в качестве провинции без жребия Ближнюю Испанию — также с учетом результатов выборов (Val. Max., VIII, 15, 4). Это решение облегчалось тем обстоятельством, что другой консул 134 г., Гай Фульвий Флакк, также получил военное командование — он должен был принять его от преторов, до сих пор сражавшихся с рабами на Сицилии (Liv., рег. 56; Oros., V, 9, 6).

Последующие мероприятия сената, однако, показывают недовольство сенатского большинства избранием Сципиона. В двух важнейших вопросах — проведении нового воинского набора и предоставлении денежных средств — сенат не пошел навстречу справедливым пожеланиям Сципиона. Несмотря на то что Сципион указывал на очевидные трудности, связанные с этой войной, и тяжелое положение в Испании (Plut. Apopht. Scip. Min., 15), сенат не разрешил проведение воинского набора, обосновывая это тем, что армия в Испании и без того многочисленна, да к тому же войска нужны и на других театрах военных действий, необходимо беречь людские ресурсы Италии (App. Iber., 84, 365; Plut. Apopht. Scip. Min., 15). Зато набор в пользу Гая Фульвия Флакка для войны против сицилийских рабов был проведен тогда безо всяких отговорок. Правда, сенат все же принял согласно желанию Сципиона заявление от добровольцев, хотевших участвовать в испанском походе — речь, по-видимому, шла о ветеранах Третьей Пунической войны (Арр. Iber., 84, 365: клиенты); среди них было немало италийских союзников¹¹⁹. В состав 4000 человек, пои-

¹¹⁸ Арр. Iber., 84, 364. Аппиан ошибочно пишет про закон о возрасте, это связано, по-видимому, с событиями консульских выборов на 147 г. (Lib., 112, 532), где он сообщает как о воинском наборе, так и о возобновлении закона, препятствовавшего избранию Сципиона. Ливий пишет: «как и при первом его консульстве, закон был обойден (sicut priopi consulatu legibus solutus est)»; ср.: Liv., per. 50.

¹¹⁹ Италийские союзники: Арр. ВС, I, 19, 79 (можно сделать вывод, что речь идет о Нумантинской войне, ср.: Plut. Apopht. Scip.

веденных Сципионом в Испанию — ими руководил его племянник Квинт Фабий, которого он поддержал во время квесторских выборов, — входила элитная группа из 500 воинов, которых он называл отрядом друзей 120. Само имя Сципиона оказалось достаточным для того, чтобы обеспечить финансирование. Однако сенат также отказался давать ему деньги, указав Сципиону на еще не собранные пошлины. Консул должен был помочь себе сам. Он использовал на нужды войны

Міп., 22). Важнейшие пассажи в вопросе о контингентах: Арр. Iber., 84, 365-366; Plut. Apopht. Scip. Min., 15; Cic. Pro Deiot., 19; Schol, Ambros, ad Cic. Pro Deiot., 19: Liv., per, 57: Sall, Iug., 7, 2-9, 1; Арр. Iber., 89, 387. Благодаря Аппиану (Iber., 89, 387). Цицерону и схолиям к нему (Pro Deiot., 19: Schol. Ambros.). а также периохам Ливия (Liv., per. 57) мы знаем, что отряды царей и их дары прибыли в Испанию уже после появления там Сципиона (Югурта — примерно в конце лета 134 г.: Арр. Iber., 90, 397, причем он добиоался коатчайшим путем). Они могли не входить в состав тех 4000, которые вел в Испанию Квинт Фабий (Аппианово выражение «все» (Iber., 84, 366) подразумевает лишь только что упомянутых перед тем клиентов из Рима и 500 друзей. Также полагает А. Шультен в вопросе о структуре армии — Schulten A. Numantia. Bd. III. München, 1927. S. 41). Исходя из Аппиана, который ясно говорит, что хотя Сципион и не проводил набора, но взял с собой клиентов и доузей, нужно отбросить сообщение Плутарха, который изображает героя в еще более тяжелых обстоятельствах и помогает понять его последующее высказывание. Согласно этому фоагменту (Plut. Apopht. Scip. Min., 15), Сципион не привел из Италии никаких добровольцев («Он начал большой воинский набор, но сенат это запретил, чтобы не обезлюдела Италия. Сципион [...] очень был сердит на отказ в воинах: "Тяжела война с таким врагом, [...] потому что идти надо, во-первых, на таких храбрых, а во-вторых, с такими робкими"». — Пер. М. Л. Гаспарова). Можно, таким образом, смело говорить о 3500 клиентах Сципиона и его друзей (ср. известный пример с легионом добровольцев юного Помпея: Gelzer M. Pompeius. München, 1949. S. 35-36).

¹²⁰ Арр. Iber., 84, 365. Об их составе с некоторыми отличиями см.: Fest. 223, 249L. См., в частности: *Passerini A*. Le coorti pretorie. Roma, 1939. P. 4 segg.

собственное состояние и деньги своих друзей, не отказав себе в выражении неудовольствия по поводу булавочных уколов со стороны сенатского большинства (Plut. Apopht. Scip. Min., 15). Кроме того, Сципиону весьма пригодился его авторитет среди италийцев. Принесла свои плоды и посольская миссия на Восток. «Города и цари» отправили ему вспомогательные войска. В частности, мы знаем об отправленных Миципсою нумидийцах — всадниках, лучниках, пращниках и 12 слонах. Командовал этими силами принц Югурта (Арр. Iber., 89. 387; Sall. Iug., 7, 2). Впрочем, нумидийский отряд, по-видимому, являл собою обычное подкрепление во время кампаний римлян в Испании (см. выше, гл. I, § 10). Аттал III отправил не только посольство¹²¹, но и дорогие подарки (Cic. Pro Deiot... 19). Последнее сделал и Антиох VII (Liv., рег. 57). Среди вспомогательных войск были и этолийцы, как то засвидетельствовано надписями $\mathrm{Al} \tau \omega (\lambda \tilde{\omega} \nu)$ на найденных под Нуманцией метательных снарядах (glandes)¹²². Вся эта иностранная помощь прибыла к Сципиону лишь после того, как он приехал в Испанию: нумидийцы — незадолго до начала осады, пергамцы и сирийцы — уже во время нее. При этом дары царей Сципион рассматривал как общественное достояние (Liv., рег. 57; так же надо, по-видимому, понимать пассаж из Цицерона: Рго Deiot., 19).

Чтобы не зависеть от скорости продвижения 4000 человек, Сципион отправился в Испанию лишь с немногими сопровождающими (Арр. Iber., 84, 366). Знатнейшие из добровольцев, вероятно, образовали офицерский корпус Сципиона, поскольку офицеры, находившиеся в Испании, не пользовались в должной мере его доверием (например, Гай Меммий: Front., IV, 1, 1; Plut. Apopht. Scip. Min., 17). Первое место среди них занимал брат Сципиона Квинт Фабий Максим Эмилиан (повидимому, легат: Арр. Iber., 90, 392 и 395), несомненно, вме-

¹²¹ Schol. Ambros. ad Cic. Pro Deiot., 19: «...отправил в Испанию тех, кто пригодился на войне (a quibus fulciretur belli necessitas, in Hispaniam misit)».

¹²² Schulten A. Numantia. Bd. III. S. 43.

сте со своим сыном, квестором 123. Они были главными помощниками Сципиона и самыми знатными из всех римлян, которые находились под его командованием в Испании, а старший из них — единственным консуляром. Еще для двух людей. уже снискавших известность в то время, дружба со Сципионом стала причиной их участия в походе: для Полибия, которому уже было более 60 лет и который отечески заботился о Сципионе, будучи его советником¹²⁴, и для поэта Луцилия, который вторично отправился в Испанию после того, как несколько лет служил там (Vell. Pat., II, 9, 4)125. Что же касается остальных, то это были молодые люди, исполнявщие воинскую повинность, что являлось необходимым условием для политической карьеры. Для военного трибуна Публия Рутилия Руфа главной поичиной участия в Нумантинской войне также была его доужба со Сципионом (оба имели владения близ Формий) 126, и он оказался с теми, кто в 134 г. отправился в Испанию 127. Для всадника Гая Маоия это была его первая

 $^{^{123}}$ Названный у Луцилия (467—468 М., вероятно, также 469—471) квестором Публий Пав Тубитан не находился под командованием Сципиона в Испании. Ср.: Münzer F. Pavus // RE. Hbbd. 36. Letztes Drittel. 1949. Sp. 2429—2430; Cichorius K. Untersuchungen zu Lucilius. S. 316—319. Его подлинным именем Ф. Мюнцер, исходя из Цеваря (ВС, III, 71, 1), считает «Публий Тутикан Галл».

¹²⁴ Cp.: Ziegler K. Polybios (1) // RE. Hbbd. 42. 1952. Sp. 1458.

¹²⁵ К. Цикориус, исходя из фрагментов Луцилия (1324М. сл.), пишет: «Осмелюсь на этом основании предположить, что Луцилий уже до того несколько лет, по меньшей мере, со 139 по 136 годы, служил в Испании» (Cichorius K. Untersuchungen zu Lucilius. S. 39). Ср.: Luc., 405: «Многие годы вот он вместе с нами в землях Иберских / Бранную службу несет (annos hic terra iam plures miles Hibera nobiscum meret)».

¹²⁶ Cm.: Münzer F. Rutilius (34) // RE. 2. Reihe. Hbbd. 1. Sp. 1269.

¹²⁷ Сіс. De гер., I, 17; Арр. Iber., 88, 382—385, где указывается, что Рутилий Руф описал впоследствии эти события. Его рассказ, естественно, не мог быть изложен в сочинении Полибия, промежуточным же источником для Аппиана явился, по-видимому, Посейдоний. Э. Норден не сомневается, что весьма наглядное повествование о завершающем этапе Нумантинской войны восходит к

военная кампания. Он охотно воспользовался случаем отличиться под командованием Сципиона (Vell. Pat., II, 9, 4; об оценке его Сципионом: Val. Max., VIII, 15, 7; Plut. Mar., 3. 2-4; 13, 2-3). Семпроний Азеллион был, как и Рутилий Руф. военным тоибуном: его политическая позиция не до конца ясна (Gell., II, 13, 1; он также назван в качестве источника сведений об этих событиях). Еще до Сципиона в Испанию понбыли два молодых человека, Гай Цецилий Метелл Капрарий, младший сын его политического противника Метелла Македонского (Сіс. De orat., II, 267), и Гай Меммий, о котором мы знаем, что он тогда был военным трибуном (Frontin., IV. 1, 1; Plut. Apopht. Scip. Min., 17), Обоим пришлось впоследствие претерпеть жестокие упреки от Сципиона. Молодым человеком был также упоминавшийся уже нумидийский принц Югурта (Vell. Pat., II, 9, 4; Sall., Iug., 7, 2-9, 1; Арр. Iber., 89, 387). В целом перед нами типичный офицерский корпус: молодые люди, частью друзья полководца, частью просто исполняющие воинскую повинность представители знатных фамилий, частью люди незнатного происхождения (obscuri), которые стали известны позднее 128.

Однако вернемся к армии, командование над которой Сципион принял, вероятно, в апреле¹²⁹. Это было несколько лет не знавшее побед, плохо руководимое войско могучего Рима в покоренной стране. Страх и разгульный образ жизни сочетались друг с другом (Plut. Apopht. Scip. Min., 16; App. Iber., 84, 366—367). Этому способствовали те возможности, ко-

Рутилию Руфу (Norden E. Die germanische Urgeschichte in Tacitus Germania. S. 436–437).

¹²⁸ К. Бильц (Bilz K. Die Politik des P. Cornelius Scipio Aemilianus. S. 62—63) определяет участников похода Сципиона более правильно, чем А. Шультен (Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 367). Впрочем, мы знаем многих римлян, также высокого ранга, которые находились в те годы в Испании, не будучи при этом наместниками. Можно предполагать, что в утраченных сообщениях о сопровождавших Сципиона лицах содержались различные примечательные факты о них.

¹²⁹ Schulten A. Numantia, Bd. I. S. 368.

торые были предоставлены оккупационной армии со стороны местного населения, когда добровольно, а когда и нет. При командующих, которые были явно не в состоянии навести порядок¹³⁰, офицеры не слишком отличались от подчиненных (Frontin., IV. 1, 1; Plut. Apopht. Scip. Min., 17). Земли карпетанов, где зимовали оимские войска в 135-134 гг. (Арр. Iber., 83, 362), могли показаться солдатам вполне приемлемыми по сравнению с известными им суровыми краями кельтиберов¹³¹. Таким образом, Сципнон нашел войско, в котором царили беспорядок, распушенность, суеверия и роскошь (Plut. Apopht. Scio. Min., 16: App. Iber., 84, 366; Liv., per. 57; Eutr., IV. 17, 2; Frontin., IV, 1, 1; Plut. Mar., 3, 2). Строгостью 132 и личным примером 133 Сципион в короткий срок восстановил дисциплину (см. в целом: Арр. Iber., 84, 366; Veget., III, 10; 57; Liv., per. 57: Oros., V. 7. 4: Flor., I. 34. 11 = II. 18. 11: Auct. de vir. ill., 58. 6: Frontin., IV. 1, 1). Были приняты решительные меры по изменению образа жизни (Plut. Mar., 3, 2; кроме того, Арр. Iber.,

¹³⁰ Frontin., IV, 1, 1; ср. упреки Манцина в адрес Помпея: Арр. Iber., 83, 359.

¹³¹ Об отличиях в климате и растительности см.: Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 169. А. Шультен предполагает (Ibid. S. 368), что по прошествии зимы Сципион переместил войско из Карпетании в Тарракон, чтобы принять там командование над ним. В пользу этого говорит среди прочего (см.: Ibid. S. 368. Anm. 3) и обычная практика, множество женщин (портовый город!), роскошь теплых ванн. С этим я согласиться не могу (свое сомнение уже высказывали П. Фирек и А. Г. Рооз в комментарии к: Арр. Iber., 84, 366). Неизвестно ни одного случая, чтобы в это десятилетие войска зимовали в портовом городе (о предполагаемом пребывании в Новом Карфагене Попилия Лената в 139/138 г. см. выше, с. 203). Ванны вряд ли следует считать роскошью. Что касается женщин, то они обычно всюду следовали за войском, даже в самых отдаленных местностях.

¹³² Flor., II, 18, 9; Арр. Iber., 85, 370; Sall. Iug., 7, 4; Eutrop., IV, 17, 2: «без всякой жестокости (sine aliqua acerbitate)» — с учетом того, что многие свидетельства нужно отбросить.

¹³³ Арр. Iber., 85, 369; Polyaen., VIII, 16, 2 (сюда не относится фрагмент Рутилия Руфа — fr. 13 HRR); Frontin., IV, 3, 9; SHA. Hadr., 10, 2; Plut. Apopht. Scip. Min., 16.

85. 367-371; Liv., oer. 57; Flor., II. 18. 10; Frontin., IV. 1, 1; Plut. Apopht. Scip. Min., 16; Lucil., 401 sq.; 1318 M.; Val. Max., II, 7, 1). Сципион был скуп на награды (Арр. Iber., 85. 370-371), но не на наказания (Liv., per. 57; Frontin., IV, 1, 1; применительно к более позднему времени — Oros., V: 7. 6: Frontin., II, 8, 7). Весь бесполезный сбоод, скопившийся в зимнем лагере, был оттуда изгнан (App. Iber., 85, 367; Liv., per. 57: Flor., II, 18, 10: Frontin., IV, 1, 1: Val. Max., II, 7, 1: Plut. Apopht. Scip. Min., 16; Polyaen., VIII, 1, 2; Lucil., 398 sq. M.). Офицеров он встречал колкой иронией 134. Позднее, когда Сципион навел порядок в армии, он уже не придерживался спартанского образа жизни¹³⁵. Тем не менее он продолжал во все детали вникать лично (Арр. Iber., 86, 372-373; 93, 406; Plut. Маг.. 13. 2). Однако в целом Сципион не смог, как на то надеялся, восстановить боевой дух своих войск (Арр. Iber., 86. 373; Oros., V. 7, 6; Frontin., II, 8, 7; IV, 7, 27; Veget., I, 15). Похвалы, награды (Liv., рег. 57) и угрозы оказались недостаточными для того, чтобы превратить опустившуюся армию в войско, на чье мужество полководец мог бы положиться 136. В то же время подчеркивается смелость и боевые качества лю-

¹³⁴ Сіс. De orat., II, 267; Frontin., IV, 1, 1; Plut. Арорһt. Scip. Міп., 17; см. также: Plut. Маг., 13, 2—3. Ср. в связи с этим сообщение Гая Фанния (fr. 7 HRR Cic. Acad. рг., II, 15) об иронической манере Сципиона, которую считал вполне извинительной. По сравнению с подчиненными офицеры, однако, пользовались льготами (об этом свидетельствуют дома трибунов под Нуманцией, отличающиеся тщательностью постройки; см.: Schulten A. Numantia. Bd. III. S. 150—151).

¹³⁵ Преторий Сципиона лагере Кастильехо под Нуманцией напоминал греческий дом с перистилем эллинистического времени (Schulten A. Numantia. Bd. III. S. 196, 131—132). В нем, как и в домах трибунов в лагере Пенья Редонда, имелся триклиний (Ibid. S. 196, 152; это также вытекает из анекдота о Сципионе и Марии: Val. Max., VIII, 15, 7; Plut. Mar., 3, 3—4).

¹³⁶ Поэтому лишь относительно можно согласиться с тем, что пишет А. Шультен: «То, что сделало могущественным Цезаря, преданное ему лично войско, отсутствовало у Гракха, но зато было у Сципиона» (Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 273).

дей и отрядов, которые не входили в ядро войска (Sall. Iug., 7, 6; Frontin., IV, 7, 27; Veget., I, 15). Таким образом, в действительности трудности войны обусловливались не только храбростью врагов, но и малодушием граждан¹³⁷.

Как же. однако, обстояло дело с численным составом войска и какие пополнения имел возможность получать Сципион в ходе кампании? Мы видели, что в армии Манцина на момент ее капитуляции насчитывалось 20 000 римских граждан. В это число можно, по-видимому, включить также италийских союзников. Таким образом, если иметь в виду обычное количество испанских вспомогательных отоядов, то войско Манцина в 137 г. предположительно насчитывало 30 000 человек (см. выше, с. 210). С тех пор армия понесла новые потери. Так, во воемя кампании поотив ваккеев погибло 6000 человек (Oros., V. 5, 13). По приблизительным расчетам, на начало 134 г. в общей сложности римское войско в Ближней Испании насчитывало 20 000 человек 138. С еще меньшей уверенностью можно судить о составе этого войска. Если исходить из того, что потери различных его частей были равномерными, то остатки армии должны были насчитывать примерно 7000 оимлян. 8000 италийских союзников и 5000 испанцев из вспомогательных отрядов¹³⁹. К этому следует добавить различные пополнения, уже упоминавшиеся выше. Примерно в одно время со Сципионом его племянник Фабий привел из Италии 4000 человек¹⁴⁰. После их прибытия в Испанию в

¹³⁷ Plut. Арорht. Scip. Min., 15; ср. Frontin., IV, 1, 1 и высказывания Сципиона — Plut. Арорht. Scip. Min., 18—19; Polyaen., VIII, 16, 3—4; Liv., per. 57; Flor., II, 18, 10; Frontin., IV, 1, 5; Aelian. Var. hist., XI, 9, 5; Veget., III, 10.

¹³⁸ А. Шультен предполагает цифру в 15 000, поскольку он иначе оценивает цифру в 30 000 у Ливия (рег. 55) при описании Манцинова договора (Schulten A. Numantia. Bd. III. S. 41).

¹³⁹ В вопросе о численном соотношении я следую А. Шультену (Schulten A. Numantia. Bd. III. S. 38-42; см. выше, с. 39).

¹⁴⁰ Арр. Iber., 84, 366. Другие цифровые расхождения с Шультеном получаются в результате различных оценок состава этого 4-тысячного отряда (см. выше, с. 242—243).

распоряжении Сципиона оказалось 19 000 римлян и италийцев. из которых 500 составляли элитный корпус. Остальные 3500 поибывших были распределены среди прежних войск. чтобы повысить их боеспособность¹⁴¹. Эти силы, в целом составлявшие примерно 24 000 человек, находились в распоряжении Спипиона пои пооведении летней кампании. Пеовое пополнение составили нумидийцы (Aop. Iber., 89, 387; Sall. Iug., 7, 2). Между тем Сципион занялся более масштабным рекоутированием испанских вспомогательных отоядов 142. Одновоеменно с этим осенью под Нуманцию прибыли испанские подкрепления, так что теперь Сципион располагал 60 000 человек (App. Iber., 92, 403; 97, 419). Это означает, что свыше 30 000 призванных на службу испанцев составили более половины армии. Сципион распределил их по всему войску¹⁴³. Очень трудно оценить численность прибывших в большинстве своем уже во время осады вспомогательных подкреплений от дружественных городов и царей. Это были отряды по нескольку сотен человек в каждом, как то сообщается о нумидийской коннице (Арр. Iber., 46, 189; 67, 284-285), прежде всего пращники и лучники, рода войск, в которых Сципион

¹⁴¹ Поскольку это были римляне и италийские союзники, это вполне возможно. Позднее Сципион аналогичным образом поступил с испанскими вспомогательными войсками (Арр. Iber., 90, 393), а также с отрядами, прибывшими с Востока (Frontin., IV, 7, 27; Veget., I, 15).

 $^{^{142}}$ Это должно было произойти уже довольно рано, поскольку сосредоточение примерно $36\,000$ человек требует хорошей организации; см. ниже, с. 256-257.

¹⁴³ Арр. Iber., 90, 393. Несмотря на благоприятное соотношение римлян и нумантинцев (41 000 : 19 000; по А. Шультену — 50 000 : 10 000), бросается в глаза высокий процент испанских вспомогательных отрядов (ср.: Schulten A. Numantia. Bd. III. S. 42), что вновь показывает, какую большую роль сыграл в победах римлян их организаторский талант. В других работах Шультен пишет примерно о 20 000 италиков (Kromayer J., Veith G. Schlachtenatlas zur antiken Kriegsgeschichte. 120 Karten auf 34 Tafeln begleitenden Text. Leipzig, 1926. Römische Abteilung. Bl. 12, S. 61).

нуждался особо, поскольку с их помощью он мог еще издалека наносить урон противнику при его атаках. Таким образом, Сципион мог надеяться, что даже менее боеспособные его части выдержат рукопашную схватку с противником. Для этой цели он распределил между отдельными центуриями пращников и лучников (Frontin., IV, 7, 27; Veget., I, 15; они составляли гарнизоны редутов перед Нуманцией: Арр. Iber., 92, 401). Правда, нумидийцы, по-видимому, участвовали в боях чаще всего вместе с завезенными из Африки слонами (Арр. Iber., 89, 387; о таком способе их использования см.: Ps.-Caes. Afr., 59, 3).

§ 9. Летняя кампания Сципиона, осада и взятие Нуманции

Мероприятия, которые проводил Сципион во время своего похода, позволяют сделать выводы относительно ситуации, которую он застал в Испании. Развертывание же данных операций, как кажется, не в полной мере соответствовало желаниям Сципиона. Мероприятия до начала осады распадались на две части. В течение первого периода Сципиону пришлось ограничиться тренировкой своего войска¹⁴⁴, чтобы оно было в состоянии вести осадную войну: намеревался ли он вести ее уже тогда — вопрос нерешенный¹⁴⁵. Полигоном для обучения войск стала территория Карпетании, которую Сципион пересек, не имея цели завоевать какие-либо земли¹⁴⁶. Его задачей

¹⁴⁴ Об этом ясно сказано у ряда авторов: Oros., V, 7, 4; Frontin., IV, 1, 1; Арр. Iber., 86, 372; Flor., II, 18, 9.

¹⁴⁵ А. Шультен дает положительный ответ на этот вопрос: «Сципион, по-видимому, уже тогда решил вести войну против Нуманции с помощью кирки и лопаты» (Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 370).

 $^{^{146}}$ App. Iber., 86, 372: «для этого он проходил все ближайшие равнины (τά οὖν ἀγχοτάτω πεδία πάντα περιών)», т. е. местность, расположенную в непосредственной близости от эимнего лагеря (слово ἀγχοτάτο у Аппиана (Iber., 90, 392) означает расстояние между

было выработать привычку у войска к длительным маршам (Арр. Iber., 85, 369; 86, 372—373) и непрерывным шанцевым работам¹⁴⁷, благодаря чему представления о маршевом порядке и строительстве лагеря вошли в плоть и кровь воинов.

После того как эта цель была достигнута, с маршами в направлении Нуманции началась вторая часть операций. Для образа действий Сципиона была характерна предельная осторожность (Арр. Iber., 87, 375—376), обусловленная низкой боеспособностью войск. Первая атака на Нуманцию, по-видимому, представляла собой, прежде всего, рекогносцировку¹⁴⁸. Кроме того, он везде скосил хлеб еще зеленым на фураж,

Нуманцией и главными зимними лагерями Сципиона на Кастильехо и в Пенья Редонда). То, что это было «передвижение», вытекает из указания Аппиана на то, что каждый день должны были строить лагерь, что при маршах само собой очевидно. А. Шультен, который всегда считал исходной точкой операций Тарракон, понимает под «близлежащими равнинами» местность на нижнем Эбро, Льянос де Ургель под Леридой (Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 371).

¹⁴⁷ Арр. Iber., 86, 372 и 374; Veget., III, 10; Liv., per. 57; Flor., II, 18, 10; см. соответствующие изречения Сципиона (dicta Scipionis): Liv., per. 57; Plut. Apopht. Scip. Min., 19; Flor., II, 18, 10; Veget., III, 10.

¹⁴⁸ А. Шультен высказывает мнение, что Сципион появлялся перед Нуманцией только один раз и сразу повел ее осаду. Его путь лежал вверх по течению Эбро и затем в обход Нуманции через ущелье Панкорбо в страну ваккеев. При этом он ссылается на решение идти обходным путем (Арр. Iber., 87, 377-380). Фабрициус, напротив, предполагает, что марш Сципиона на Нуманцию в начале кампании проходил по пути из долины верхнего Эбро в область ваккеев, в ходе которого v него был повод построить лагерь IV под Реньебласом (Archäologischen Anzeiger, 1911, S. 370-382, особенно S. 379), Однако Аппиан говорит о рекогносцировке без серьезных наступательных целей: «Он не вступал в бой с врагами, предпочитая для начала изучить характер войны, поджидая благоприятного момента и выясняя, на что направят свои удары нумантинцы» (Iber., 87, 376). Это предполагает пребывание в непосредственной близости от противника. К тому же Аппиан поямо говорит, что Сципион не дообил свое войско рассылками передовых отрядов (87, 375).

тем самым одновременно препятствуя нумантинцам обеспечивать себя продовольствием (87, 376). Одну из этих операций Сципион проводил перед лагерем, который должен был находиться строго к югу или к западу от Нуманции¹⁴⁹, даже в области по ту сторону города. Сципион тщательно избегал передвижений по дорогам в непосредственной близости от Нуманции и вопреки мнению своих офицеров предпочитал использовать обходные пути. Он даже лично руководил этими операциями¹⁵⁰. Если главнокомандующий пока не уделял основного внимания Нуманции, то для этого у него имелись свои причины. Сципион не был уверен в надежности своего войска, которое враги презирали (Арр. Iber., 87, 375). Убедился ли он в этом в результате сражения, в котором римляне добились успеха лишь с огромным трудом, — неясно, но в общем последнее вполне возможно¹⁵¹. Поскольку формирование испанских

¹⁴⁹ Поскольку Сципион должен был двигаться с юга. Если это так, то местоположение лагеря, к которому относится гипотеза Фабрициуса, вопросов не вызывает. По мнению Шультена, соответствующего лагеря не было к западу от Нуманции (Kromayer J., Veith C. Schlachtenatlas zur antiken Kriegsgeschichte. S. 62). Тамошний лагерь Сципиона был, однако, лишь летним лагерем, от которого должны были сохраниться только незначительные остатки, подобно многочисленным тренировочным лагерям в Карпетании.

¹⁵⁰ Арр. Iber., 87, 380. Разорение полей было, как мне кажется, второстепенной задачей — скорее речь шла о прощупывании врага. Мероприятие (87, 377—380), когда для обратного пути Сципион избрал удобную обходную дорогу, было лишь одной из акций по заготовке фуража и опустошению страны (так же понимают это П. Фирек и А. Г. Рооз в комментарии к 87, 377 в своем издании Аппиана). Характерно, что операция проходила по ту сторону города — так, очевидно, надо понимать слова Аппиана «по ту сторону лагеря» (87, 380). Налицо явное отличие от пути, которым позднее пользовались для продвижения в земли ваккеев: «Он и сам, когда совершались походы в места, находящиеся против лагеря, принимал в них участие, и позднее в область ваккеев» (Loc. cit.).

¹⁵¹ Об этом не упомянутом у Аппиана сражении с нумантинцами сообщают Фронтин (II, 8, 7), Флор (II, 18, 11) и Орозий (V, 7, 6); в том же контексте звучит высказывание (dictum) нумантинца

вспомогательных частей, с помощью которых Сципион повел затем осаду, потребовало тщательной подготовки, можно предполагать, что он к этому времени отдал распоряжения на сей счет 152. Поэтому последующие операции против ваккеев носили характер не только «генеральной репетиции» накануне решающего этапа войны. Они объяснялись также тем, что Сципиону пришлось и без того слишком долго ждать. Правда, помимо этого война против ваккеев имела целью отрезать нумантинцев от подвоза продовольствия (87, 380—381). Правда, как показывает дальнейший образ действий Сципиона, эта цель была достигнута отнюдь не в полной мере. По-видимому, именно во время ухода в область ваккеев Сципион окончательно решил взять Нуманцию осадой и голодом.

Об успешных схватках с ваккеями никаких надежных сведений нет 153 , хотя позднее было расценено как успех то, что Сципиону удалось выручить четыре турмы под командова-

у Плутарха (Plut. Арорћt. Scip. Min., 21). У Орозия оно отнесено явно к 133 г., но ко времени перед осадой, начало которой, согласно Аппиану (Iber., 89, 387) приходится на осень 134 г. (ср.: Schulten A. Numantia. Bd. III. S. 14. Anm. 4). На то же указывают данные Фронтина (IV, 7, 27) и Вегеция (I, 15). А. Шультен полагает, что речь идет об атаках нумантинцев во время первой фазы строительства осадной стены (Schulten A. Numantia // RE. Hbbd. 33. 1936. Sp. 1260). Против этого свидетельствует, как мне кажется, дословный текст Орозия и Флора, а также последовательность изложения событий у Орозия.

¹⁵² Из Аппиана (Iber., 90, 393) не следует, что рекрутирование происходило столь рано. По этому поводу правильно пишет А. Шультен: «Очевидно, что еще до своего прибытия под Нуманцию Сципион приказал явиться туда вспомогательным отрядам, и они прибыли уже до его появления там или, по крайней мере, одновременно с ним, до строительства обоих лагерей и наверняка до строительства семи кастеллов» (Schulten A. Numantia. Bd. III. S. 18).

¹⁵³ Liv., рег. 57: «Осажденные ваккеи, лишив жизни своих жен и детей, перебили друг друга сами (Vaccaei obsessi liberis coniugibusque trudicatis ipsi se interemerunt)». А. Шультен, несмотря на сомнения, считает эти данные историчными с опорой на информацию Евтропия (IV, 17, 2): Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 374. Anm. 3. У Евтропия

нием Публия Рутилия Руфа, которые попали в засаду¹⁵⁴. Во всяком случае, ему пришлось вывести (Арр. Iber., 88, 384: dvaxwpéw) римское войско из местности под Палантией. Отступление проходило в направлении Дуэро. В это время Сципион узнал, что река трудна для форсирования, да к тому же враги в месте переправы устроили засаду¹⁵⁵. Поэтому он повел войско другой дорогой, избегая рек и других водных преград. Поскольку лето было в разгаре, войско страдало от жары и недостатка хорошей воды, погибли некоторые лошади и вьючные животные (Арр. Iber., 88, 385)¹⁵⁶. Переправа через реку, по-видимому, удалась поэже в другом месте. В ходе марша к югу от Дуэро Сципион достиг области города Каука, с кото-

в этом месте риторическая кульминация, чему, впрочем, не стоит придавать большого значения (об укреплении дисциплины в войске см. выше). Если бы его информация была достоверной («в это время одни испанские общины Сципион покорил в ходе войны, другие сдались ему — tum multas Hispaniae civitates partim bello cepit, partim in deditione accepit»), то на сей счет сохранились бы и другие свидетельства. Очевидно, Сципиону пришлось удовлетвориться изъявлениями покорности со стороны городов, которая в действительности не гарантировалась (ср. эпизод с Лутией: Арр. Iber., 94, 409-411). То же было, видимо, в случае с Терманцией (см. выше, гл. III, § 3). Хотя у Аппиана здесь явный пробел, но общее содержание его весьма детального рассказа об осаде свидетельствует против успехов римлян в те месяцы, о которых идет речь у Евтропия. То же можно сказать и о заметке Ливия в 57-й периохе, которая, скорее всего, является дублетом рег. 59: «Нумантинцы, измученные голодом, сами перебили друг друга (Numantini fame coacti ipsi se per vicem traicientes trucidaverunt)» (пер. М. Л. Гаспарова).

¹⁵⁴ Арр. Iber., 88, 381—384. Примененная Сципионом тактика в целом соответствует той, с помощью которой Вириат ускользнул от Ветилия (62, 262). В равнине Копланий, названной у Аппиана, А. Шультен видит Тьерру де Кампос вокруг Паленсии и Бургоса, «которая и по сей день является житницей Старой Кастилии» (Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 373).

¹⁵⁵ Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 373—374; решающим здесь является появление Сципиона перед Каукой: Арр. Iber., 89, 386.

¹⁵⁶ Cp.: Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 374. Anm. 2.

рым так подло обошелся в 151 г. Лукулл. Он попытался, насколько возможно, исправить содеянное Лукуллом, объявив, что уцелевшие каукийцы могут вернуться в родной город (Арр. Iber., 89, 386).

Дело шло к осени, и только теперь Сципион повел наступление поотив Нуманции (Арр. Iber., 89, 387: «чтобы перезимовать»). На марше к нему присоединился Югурта со своими нумидийцами (Loc. cit.). Сципион вновь опустошил местность, через которую двигался, теперь уже область Нуманции. При этом его войско, которому все еще приходилось действовать без поддержки испанских вспомогательных отоядов, в труднопроходимой местности попало в засаду¹⁵⁷. Хотя Сципион и выставил всадников для охраны, в то время как остальное войско входило в деоевню, их было не так уж много. Поэтому большой удачей было то, что сам полководец случайно (Арр. Iber., 89, 390) оказался за пределами деревни и смог возглавить оборону. Таким образом, атаку удалось отразить при незначительных потерях с обеих сторон. В отношении же других акций известно только то, что в них смогли отличиться такие люди, как Гай Марий (Plut. Mar., 3, 2-3) и Югурта (Sall. Iug., 7, 6). Их место в общем ходе операций нам неизвестно.

Достигнув Нуманции — это, должно быть, произошло в сентябре—октябре 158 , — Сципион возвел два лагеря, во главе одного из которых поставил своего брата Квинта Фабия

¹⁵⁷ Арр. Iber., 89, 388—391. А. Шультен пишет: «Эпизод описан подробно, поскольку Сципион вновь сыграл в нем роль ангеласпасителя» (Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 374). Мне кажется, что этот рассказ не носит столь панегирического характера, поскольку счастливый исход, строго говоря, не был результатом мудрого предвидения.

¹⁵⁸ Schulten A. Numantia. Bd. III. S. 14—15. Осаду Нуманции описывает Аппиан (Iber., 90, 392—98, 424). Подробности и результаты раскопок можно найти в третьем томе труда А. Шультена о Нуманции под названием «Лагерь Сципиона». Шультен постоянно подчеркивает многочисленные совпадения сообщений Аппиана и данных раскопок.

Максима Эмилиана (90, 392 и 395). Немедленно начались осадные работы¹⁵⁹. Одновременно прибыли испанские вспомогательные отряды. Поскольку они были вполне надежны, то можно предполагать, что их рекрутировали в весьма отдаленных районах полуострова¹⁶⁰. Рассчитывать на безусловную верность местечек, расположенных в области ареваков, не приходилось, хотя непосредственно римляне от них не ждали опасности¹⁶¹. В пользу и того и другого свидетельствуют мероприятия Сципиона. После постройки передовых укреплений началось возведение блокирующих сооружений вокруг крепости, которые состояли из рва и стены, были снабжены башнями (на них позднее была установлена артиллерия: Арр. Iber., 92, 401) и примыкали к пяти кастеллам и двум главным лагерям¹⁶². К войне с противником извне Сципион не гото-

17 Зак. 4554 257

¹⁵⁹ Ср.: Lucil., 407 sq. М.: «дорогу мостить, подсыпать нужно щебенки / С каменной мелкой трухой (viai sternendae et iaciendum huc aggerem et id genus rudus)». По мнению К. Цикориуса, речь идет о сооружении дороги, соединявшей между собою кастеллы циркумвалационной линии (Cichorius K. Untersuchungen zu Lucilius. S. 306).

¹⁶⁰ Арр. Iber., 90, 393. А. Шультен предполагает, что вспомогательные отряды набирались среди племен из долины Эбро и Ближней Кельтиберии (Schulten A. Numantia. Bd. III. S. 42). Это вполне возможно. То, что аналогичные наборы в отдаленных районах удавались, доказывает посылка помощи беллами и титтами в 147 г. в Дальнюю Испанию (Арр. Iber., 63, 268). Из этого следует, что граница между провинциями не служила препятствием. 20 000 человек набрал в Нізрапіа Ülterior в 151 г. Гальба (58, 246). О воинских наборах в дальней провинции см.: Schulten A. Numantia. Bd. III. S. 40–41.

¹⁶¹ Ср. случай с Лутией (Арр. Iber., 94), а с другой стороны, отсутствие внешней укрепленной линии (*Schulten A.* Numantia. Eine topographisch-historische Untersuchung. Berlin, 1905. S. 72).

 $^{^{162}}$ Арр. Iber., 90; Oros., V, 7, 8–9. Длина в 50 стадиев = 9200 м, которая указана у Аппиана для передовой линии укреплений (Арр. Iber., 90, 394: вдвое больше 24 стадий), в действительности, по мнению А. Шультена (Schulten A. Numantia. Bd. III. S. 26, 30–31), относится к собственно обводной стене (так же и у Аппиана: Iber., 93, 406), что полностью совпадает с данными раскопок (Schulten A.

вился, попыток прорыва не опасался. Тем не менее этого едва не случилось. Поскольку Сципион с самого начала рассчитывал на блокаду, он должен был полностью изолировать город от внешнего мира. Река Дуэро, над которой возвышается холм, где стоит Нуманция, приносила жителям большую пользу¹⁶³. Очевидно, присутствие римского войска перед городом препятствовало движению по реке и удерживало соседей Нуманции от того, чтобы снабжать осажденных. По возможности Сципион мешал сношению нумантинцев с внешним миром лишь только посредством своих вестников. Это предполагало по меньшей мере тайные симпатии к осажденным с его стороны. Сципион не мог построить мост через бурную и полноводную реку, поэтому он попытался загородить реку в двух местах, где она пе-

Numantia. Bd. III. S. 79). 24 стадия, обозначенные Аппианом как окружность Нуманции, охватывают расстояние между реками Дуэро и Меоданко, включая восточный пригород Саледилью (Schulten A. Numantia // RE. Hbbd. 33. 1936. Sp. 1259; Kromayer J., Veith C. Schlachtenatlas zur antiken Kriegsgeschichte. Karte. 4). Из рассказа Аппиана (90, 392-393) выходит, что помимо двух главных лагеоей имелось еще семь кастеллов. Однако раскопки обнаружили лишь семь лагерей в совокупности. А. Шультен правильно объясняет это тем, что Аппиан поедварительно называет упомянутые два лагеоя (Schulten A. Numantia. Bd. III. S. 18-21). После завершения блокадных работ они были заменены постоянными и дополнены пятью кастеллами. Эти семь и подразумевает Аппиан при втором упоминании (Iber., 90, 393). Флор говорит о четырех лагерях (II, 18, 13). Соответствующий раздел труда Флора настолько оброс вымышленными анекдотами, что, как я полагаю, речь идет не о четырех настояших лагерях, а Флор в своей композиции рассказа об осаде Нуманции просто указывает их по числу сторон света (не столь негативно у А. Шультена: Schulten A. Numantia. Bd. III. S. 21).

¹⁶³ Арр. Iber., 90, 393. Положение Нуманции на Дуэро упоминают также Флор (II, 18, 2) и Орозий (V, 7, 10). Последний излагает различные взгляды на то, имела ли Нуманция стены. Флор выбирает еще более эффектное истолкование («Не имея ни стен, ни башен, но, будучи удобно расположена на холме у реки Дурий, она в течение одиннадцати лет четырьмя тысячами кельтиберов сдерживала сорокатысячное войско». — Пер. А. И. Немировского).

ресекала его укрепленную линию. Он добился этого с помощью балок, снабженных острыми наконечниками (Арр. Iber., 91).

Нумантинцы тем временем отнюдь не пребывали в бездействии. Прежде всего, они постоянно предпринимали попытки вызвать римлян на бой, которые, однако, Сципион последовательно отклонял¹⁶⁴. Во время строительства обводной стены они неоднократно пытались разрушить ее, однако войско Сципиона было столь многочисленным, что могло успешно прикрывать проведение осадных работ¹⁶⁵. Нумантинцы располагали в то время не более чем 4000 воинов (Liv., рег. 55 по поводу Манцинова договора; ср.: Flor., II, 18, 2). Также и после завершения строительства римлянами блокирующих сооружений нумантинцы постоянно предпринимали попытки прорыва (по-видимому, одновременно во многих местах: Арр. Iber., 93, 406)¹⁶⁶. Однако из-за численного превосходства римлян и великолепной организации Сципионом оборонительных мер все эти попытки проваливались¹⁶⁷.

Так прошла зима 168. Сципион не смог застигнуть нумантинцев врасплох (ср.: Oros., V, 7, 4), поэтому город был достаточно хорошо обеспечен продовольствием, так что осада тянулась месяц за месяцем. Сципион знал, что в конечном счете

¹⁶⁴ Арр. Iber., 90, 392 (с обоснованием); Plut. Арорћt. Scip. Min., 20 (сравнение с хорошим врачом встречается у Аппиана в другом месте: Iber., 87, 379); аналогичный смысл имеет высказывание Сципиона (dictum Scipionis) у Ливия (рег. 57); Frontin., IV, 7, 16; Veget., III, 21.

¹⁶⁵ Арр. Iber., 90, 395—396. Применительно ко времени после завершения шанцевых работ Аппиан указывает цифру в 60 000 человек: 30 000 охраняли стену и текущие работы, 20 000 для отражения попыток прорыва и оставшиеся 10 000 — в резерве (Iber., 92, 403).

¹⁶⁶ Cp.: Schulten A. Numantia. Bd. III. S. 50.

¹⁶⁷ Арр. Iber., 92–93, 401–406; Liv., рег. 57; Огов., V, 7, 9. О попытках прорыва свидетельствует и наличие пленных, оказавшихся в оуках Сципиона (Арр. Iber., 95, 414).

 $^{^{168}}$ «Погода была такой суровой, что пауза в операциях становилась неизбежной» (*Münzer F.* Cornelius (335) // RE. Bd. IV. 1901. Sp. 1455).

его ожидает успех, несмотря на упреки в его адрес169. Последние исходили от молодых офицеров, которые со своей жаждой деятельности с трудом переносили долгое ожидание¹⁷⁰. Коитиковали Сципиона, несомненно, и его враги в Риме. Там в 133 г. были избраны магистратами двое людей, которые принадлежали к числу его противников: Тиберий Гракх — народным трибуном, а Публий Муций Сцевола — консулом вместе с Луцием Кальпурнием Пизоном Фоуги¹⁷¹. Позднее Пизон стал элейшим врагом Гая Гракха. Для Тиберия Гракха с учетом его реформаторских устремлений было успехом то, что руководство делами в Риме перешло в руки близкого ему Публия Сцеволы, поскольку Пизон в это время сменил консула предыдущего года Гая Фульвия Флакка на Сицилии, где тот вел войну с рабами. Командование Сципиону между тем, по-видимому, было без труда продлено, тем более что своих противников в течение 133 г. он не интересовал по поичине отсутствия.

Во время осады прибыли, как уже упоминалось, вспомогательные отряды и дары с Востока (Liv., рег. 57; Сіс. Рго Deiot., 19; Schol. Ambros. ad Сіс. Рго Deiot., 19). Последняя попытка прорыва со стороны нумантинца Ректугена в конце концов увенчалась успехом¹⁷². Однако города ареваков, к ко-

¹⁶⁹ Ср. переданные Фронтином и Семпронием Азеллионом (Gell., XIII, 3, 6 = fr. 5 HRR, ср. Арр. Iber., 87, 379) изречения (dicta), в которых Сципион защищается от подобных обвинений. Семпроний Азеллион сам слышал их от Сципиона. В несколько ином виде dicta Scipionis приводится в «Истории августов» (Ant. Pius, 9, 10).

¹⁷⁰ О подобных спорах применительно к более раннему этапу кампании рассказывает Аппиан (Iber., 87, 377—380). Соотношение аргументов за и против успеха сильно напоминают ситуацию с Брутом в 138 г. (73, 301).

¹⁷¹ Cm.: Münzer F., Cichorius K. Calpurnius (96) // RE. Bd. III. 1899. Sp. 1392.

¹⁷² Арр. Iber., 94. Форма имени по А. Шультену (Schulten A. Numantia. Bd. III. S. 53. Anm. 1). У Флора (II, 18, 15) и Валерия Максима (III, 2, ext. 7) он последним совершает самоубийство, хотя, как правильно замечает А. Шультен, согласно Аппиану, в конце осады его не было в Нуманции (Schulten A. Numantia. Bd. III. S. 56).

торым Ректуген обращался за помощью, находились под слишком большим впечатлением от римской мощи, чтобы действовать заодно с Нуманцией. Лишь в Лутии молодежь откликнулась на просьбы Ректугена¹⁷³. Когда Сципион узнал об этом от старейшин города, то решил преподать жестокий урок и приказал отрубить руки 400 молодым людям, собиравшимся участвовать в деле. Тем самым была в зародыше пресечена всякая попытка оказать помощь Нуманции. Тем не менее это событие показывает, что достаточно было лишь одного поражения римлян, чтобы во многих местах вновь вспыхнуло пламя сопротивления. Однако быстрота, с которой Сципион пресек эту попытку восстания говорит о том, что он располагал боеспособными частями внутри своей армии.

О конце Нуманции, представляющем собою благодарный материал для риторической историографии¹⁷⁴, рассказывать недолго. Посольство во главе с нумантинцем Аваром попыталось добиться мягких условий мира, но было отослано назад без всякого результата (поэтому по возвращении нумантинцы убили послов; Арр. Iber., 95; Flor., II, 18, 12—13; Oros., V, 7, 12). Сразу после этого, очевидно, нумантинцы совершили последнюю отчаянную вылазку, во время которой они лишь искали смерти¹⁷⁵. Это произошло в июле

¹⁷³ По-видимому, нынешняя Канталусия в 55 км. к западу от Нуманции (со.: Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 134).

¹⁷⁴ Ср.: Oros., V, 7, 16—18; Flor., II, 18, 15—17. У обоих при рассказе о падении Нуманции стоит перед глазами один и тот же пример: «никого из нумантинцев победители не заковали в цепи (unum Numantinum victoris catena non tenuit)» (Oros., V, 7, 18); «ведь не было ни одного нумантинца, которого провели бы в цепях (unus enim vir Numantinus non fuit qui in catenis ducerentur)» (Flor., II, 18, 17).

¹⁷⁵ А. Шультен вообще считает эту вылазку (Oros., V, 7, 13—15; Flor., II, 18, 12—14) неисторичной (Schulten A. Numantia. Bd. I. S. 289; Bd. III. S. 55—56). По-видимому, это не так (так же полагает и Ф. Мюнцер: Мünzer F. Cornelius. Sp. 1455). Напротив, красочный рассказ об опьяняющем напитке является выдумкой, которую, как и опасный для римлян ход битвы, надо приписать местному патриотизму Орозия. То, что оба автора пользовались одним и тем же источ-

133 г. ¹⁷⁶ Голод достиг крайних пределов и принес осажденным немало страданий, жители дошли до каннибализма, но, в конце концов, вынуждены были сдаться на милость победителя ¹⁷⁷. Отсрочку в один день многие использовали для того, чтобы свести счеты с жизнью ¹⁷⁸. Остальные отправились в плен ¹⁷⁹, находясь в достойном жалости состоянии, и были про-

ником, доказывается следующим: «они готовы были сдаться, если бы им предложили сносные условия; не раз просили они о честной битве, чтобы иметь возможность погибнуть смертью, достойной мужей (deditionem sui obtulerunt, si tolerabilia iuberentur, saepe etiam orantes iustae pugnae facultatem, ut tamquam viris mori liceret)» (Oros., V, 7, 12); «они даже хотели сдаться, если бы были предложены условия, достойные мужей... они требовали у полководца сражения, чтобы погибнуть, как подобает воинам (dedere etiam se volebant, si toleranda viris imperarentur... a duce orantes proelium, ut tamquam viros occideret)» (Flor., II, 18, 12—13. — Пер. А. И. Немировского).

176 Согласно Веллею Патеркулу (II, 4, 2), Нуманция была разрушена после года и трех месяцев со времени прибытия Сципиона в Испанию; прибытие Сципиона датируется апрелем 134 г. (см. выше).

¹⁷⁷ Арр. Iber., 96, 417; ср.: Strabo, III, 4, 13, р. 162. Взятие Нуманции измором упоминают: Арр. Iber., 97, 420; Liv., рег. 57, 59; Flor., II, 18, 13; Eutrop., IV, 17, 2; Oros., V, 7, 12; Val. Max., VII, 6, ext. 2; Auct. de vir. ill., 58, 6; ср.: Frontin., IV, 5, 23.

178 Арр. Iber., 96, 418; 97, 422; Sen. De ira, I, 11, 7; Liv., рег. 59; с преувеличениями: Flor., II, 18, 13; Oros., V, 7, 16. У Аппиана находится вставленное между решением многих нумантинцев покончить с собою и подробностями этого весьма эффектное рассуждение о «любви к свободе и мужестве этого маленького варварского города» (Iber., 97, 419—422). С одной стороны, оно, видимо, восходит к какому-то другому источнику, с другой, однако, в монографии наподобие полибиевой «Нумантинской войны» оно не очень смотрелось бы, поскольку по содержанию своему уместно лишь в большом историческом труде (Посейдония?).

179 Арр. Iber., 97, 422—423 (описание вида нумантинцев приводится также в 96, 416). По-видимому, большой эмоциональной силой это описание обладало уже у Посейдония, который явился источником для других авторов. На это указывал уже Э. Норден, особо подчеркивая понятие «одичания»: «"Одичание" людей является излюбленным мотивом Посейдония» (см. среди прочего по поводу пас-

даны римлянами в рабство — за исключением 50 нумантинцев, которые были сохранены для триумфа¹⁸⁰. Город, не дожидаясь распоряжений из Рима, Сципион приказал сровнять с землей¹⁸¹. Область Нуманции он разделил между ее соседями

сажа Диодора (XXXIII, 19) о переговорах Вириата и Попилия: «Эта конгруэнтность особенно примечательна, поскольку демонстрирует принадлежность рассказа о Лузитанской и Нумантинской войнах одному и тому же автору» (Norden E. Die germanische Urgeschichte in Tacitus Germania. Leipzig, 1920. S. 164. Anm. 4). Норден также обращает внимание на исоколон в Арр. Iber., 96, 416, «излюбленную фигуру у Посейдония» (Loc. cit.). Говоря о понятии одичания, А. Шультен показывает, что оно весьма часто встречается уже у Полибия (Schulten A. Numantia. Bd. III. S. 7). Влияние Посейдония, как мне кажется, чувствуется в том, что в описании нумантинцев нет боязни отвратительного (taetrum) и вторично упоминается зловоние, которое исходило как от людей, так и от их совершенно износившейся одежды (Арр. Iber., 97, 422); ср.: Сіс. De off., I, 45; Reinhardt K. Poseidonios. Sp. 770, 822). — Весь отрывок Аппиана (Iber., 97) свидетельствует о сочувствии автора к нумантинцам, который, следовательно, не ограничивался одними только римскими источниками; Ф. Мюнцер констатирует при этом: «очевидный интерес к мужественному воагу» (Münzer F. Cornelius, So. 1453).

¹⁸⁰ Арр. Iber., 97, 422—423; тем самым дезавуируются замечания Флора и Орозия о том, что ни один нумантинец не был проведен в цепях: эта версия в ложно понятом виде вновь повторяется у Вегеция (III, 10).

181 Арр. Iber., 98, 424—426. В качестве возможных причин такого поведения Аппиан называет следующие: 1. Польза Рима. 2. Ожесточение. 3. Стремление к славе. Самому факту самоуправного разрушения Нуманции, по-видимому, большого значения не придавалось (ВіІг К. Die Politik des Р. Cornelius Scipio Aemilianus. S. 65. Anm. 177: «Сципион считал, что поступает правильно»). Последний из названных мотивов указывает, однако, на единый источник («как некоторые полагают»; К. Бильц не в состоянии решить, из анналистического или «собственного» источника сделано это дополнение). Кроме того, разрушение Нуманции упоминают: Арр. Iber., 49, 210; Liv., рег. 59; Obseq., 27 (под 133 г. вопреки изданию О. Россбаха, который вычленяет это в отдельный отрывок 27 с указанием консулов 132 г. Россбах был бы прав, если бы заметка о 132 г. была единственной,

(Арр. Iber., 98, 427)¹⁸². Другим городам ареваков и, вероятно, ваккеев после победы римлян пришлось смириться с мерами, которые приняли по отношению к ним победители. Сципион высказывал устные порицания или накладывал денежные штрафы¹⁸³. Он не стал дожидаться, пока сенатская комиссия из десяти установит новый порядок в покоренных землях, но сразу отправился на корабле в Италию¹⁸⁴.

Самоуправный образ действий Сципиона и его спешка объяснялись, вероятно, событиями в Италии. Еще во время осады он узнал о смерти Тиберия Гракха и выразил свое мнение по поводу случившегося стихом Гомера: «Так да погибнет

где сообщается лишь о событиях без каких-либо предзнаменований); Oros., V, 7, 17; Eutrop., IV, 17, 2; Ampel., XVIII, 18, 11 и 24; Val. Max., II, 7, 1; VI, 2, 3; Vell. Pat., II, 4, 3; Euseb. Chron., II, 128h. 129l (Schoene); Cell., XVI, 8, 7; Plin. NH, XXXIII, 141; Sall. Iug., 8, 2; Cic. Lael., 11; De imp. Cn. Pomp., 60; Pro Mur., 58.

¹⁸² Видимо, между Уксамой и Агредой (*Pareti L.* Storia di Roma e del mondo Romano. Vol. III. Torino, 1953. Р. 274). — Примеч. перев.

¹⁸³ Арр. Iber., 98, 427; ср.: Eutrop., IV, 17, 2; Oros., V, 8, 1: «Сципион же после разрушения Нуманции замирил прочие племена Испании (Scipio autem, cum deleta Numantia ceteras Hispaniae gentes расе сопропегет)»; ср. комментарий Цангемайстера к IV, 20, 10 Орозия («со всем римским войском» — сит отпі exercitu Romano): Liv., XXXIII, 25 (ср. с периохой): «исключая все, что Орозий добавил по своему обыкновению (excepto omni, quod Orosius more suo addidit)».

¹⁸⁴ Во фрагменте Аппиана (Iber., 98, 427) говорится лишь о морском путешествии; это никак не противоречит сведениям Страбона (IV, 2, 1, р. 190), поскольку там (по Полибию) идет речь лишь о пребывании Сципиона в Массалии. Против версии о немедленном возвращении его на родину, казалось бы, свидетельствуют данные Орозия (V, 8, 1–2); однако беседу Сципиона с кельтским вождем Тиресом, по-видимому, следует рассматривать как неисторичную [Тирес сказал, что нумантинцы были крепки согласием, а погубил их раздор, что римляне в условиях эксцессов, связанных с реформами Тиберия Гракха, восприняли как относящееся и к ним тоже. — Примеч. перев.]. Все это приурочено к гракханским событиям, так что претензии в адрес Нуманции присутствуют здесь лишь постольку — поскольку. Очевидно, эта история приведена здесь для назидания.

любой, кто свершит подобное дело» (Нош. Od., I. 47; Diod., XXXIV, 7, 3; Plut. Tib. Gr., 21, 3). Свое отношение κ Γρακχу он выразил столь однозначно, насколько это возможно. То. что планы реформ не исчезли со смертью народного трибуна. Сципион, видимо, также знал. Поэтому скорейшее возвращение в Рим и он, и его доузья считали в высшей степени необходимым¹⁸⁵. Во время консульских выборов в ноябре Сципион уже вновь был в Риме. Под влиянием гракханской смуты консулами были избраны Публий Попилий Ленат 186 и Публий Рупилий¹⁸⁷, оба противники реформаторов¹⁸⁸. Рупилий, homo novus, добился успеха при поддержке Сципиона. Насколько необходима была помощь для избрания консулами двух плебеев, доказывается тем, что тогда же Аппий Клавдий. ссылаясь на прецедент со Сципионом в 134 г., вторично выдвинул себя кандидатом в консулы (Dio Cass., XXIV, 83, 8). К тому же попытки реформ в Риме были тесно связаны с испанской войной. Последняя утихла на 20 лет после триумфов Сципиона¹⁸⁹ и Брута (Strabo, III, 162). Победителю Нуманции

¹⁸⁵ Вопреки Ф. Мюнцеру (Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. S. 259) из Цицерона (Lael., 73) следует вывод о присутствии Сципиона в Риме. Данные Аппиана (Iber., 98, 427) этому нисколько не противоречат.

¹⁸⁶ Cm.: Volkmann H. Popilius (28) // RE. Hbbd. 43. 1953. Sp. 63-64.

¹⁸⁷ Cm.: Münzer F. Rupilius (5) // RE. 2. Reihe. Bd. 1. 1920. Sp. 1229-1230.

^{188 «}Во всяком случае, в отношении Попилия очевидно, что он принадлежал к числу решительных противников реформаторского движения, поскольку позднее в результате яростных преследований со стороны приверженцев Тиберия Гракха он был привлечен к ответственности» (Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. S. 259).

¹⁸⁹ Это был очень скромный триумф: Plin. NH, XXXIII, 141; Oros., V, 7, 18; Flor., II, 18, 17 (несмотря на преувеличения, весьма похоже на истину); Liv., рег. 59 и Eutrop., IV, 17, 2: на 14-й год после африканского триумфа; Сіс. Phil., XI, 18: в год, когда консулом был Публий Лициний Красс Муциан, т. е. в 132 г.; кроме того, триумф

его деяния поинесли поозвище Hymantinus) (App. Iber., 99, 427; Auct. de vir. ill., 58, 6; Plin. Ep. VIII, 6, 2 и др.) 190. Однако эта победа была безрадостной. Во воемя внутренних неурядиц в Риме Сципион утратил благоволение народа (Plut. Tib. Gr., 21, 3; Auct. de vir. ill., 58, 8; Val. Max., VI, 2, 3; Plut. Apopht. Scip. Min., 22, 23; Polyaen., VIII, 16, 5). Когда позднее, в 131 г., испытывая отвращение к городским делам, он стал добиваться командования в войне с Аристоником, то потерпел постыдное поражение (Сіс. Phil., XI, 18)191. Ни римскому народу, ни его полководцу Сципиону испанская война не принесла счастья. И прав был Цицерон, когда говорил, хотя, видимо, и в ином смысле: «Войну с кельтиберами мы вели как войну с недругами, за то, кто из противников ущелеет, а не за то, кто из них будет повелевать (cum Celtiberis bellum ut cum inimicis gerebatur, uter esset, non uter imperaret)» (De off., I, 38).

упоминают: Cic. De rep., VI, 11; Vell. Pat., II, 4, 5; Val. Max., II, 7, 1; (ошибочно говорит о «великолепнейшем триумфе» — speciosissimus triumphus); IV, 3, 13; Gell., XVI, 8, 10; Арр. Iber., 98, 424; Plut. Apopht. Scip. Min., 22. [Воинам Сципиона выдали всего по 7 денариев на человека (Plin. NH, XXXIII, 141). — Примеч. перев.]

¹⁹⁰ Cp.: Schulten A. Numantia. Bd. III. S. 57. Anm. 3.

¹⁹¹ Cp.: Bilz K. Die Politik des P. Cornelius Scipio Aemilianus. S. 72.

РИМСКИЕ НАМЕСТНИКИ В ИСПАНИИ 154—133 гг. до н. э.

Предварительные замечания: В отношении промагистратов необходимо провести следующее различие: 1. Обычные промагистраты, которые стали таковыми благодаря тому, что их преемники не смогли начать исполнение своих обязанностей в день вступления в должность. 2. Экстраординарные промагистраты, получившие продление полномочий (пророгацию) от сената (наименование должности — курсивом).

Наместники Hispania Citerior

Год магистратуры (до н. э.)	Промагистраты	Местонахож- дение зимнего лагеря
154	Маний Манилий, претор	è
153	Маний Манилий, пропретор Квинт Фульвий Нобилиор, консул	Под Нуманцией (Гран Аталайя)
152	Квинт Фульвий Нобилиор, проконсул Марк Клавдий Марцелл, консул (специальное решение?)	Кордуба
151	Марк Клавдий Марцелл, проконсул Луций Лициний Лукулл, консул	Турдетания
150	Луций Лициний Лукулл, проконсул	ç
149	}	ş
148	,	,
147	>	,

Год магистратуры (до н. э.)	Промагистраты	Местонахож- дение зимнего лагеря
146	,	,
145	Клавдий Униман, претор (отозван?) Гай Лелий, претор (специальное решение?)	}
144	Гай Лелий, пропретор Гай Нигидий, претор	5
143	Гай Нигидий, пропретор Квинт Цецилий Метелл, консул (по жребию)	è
142	Квинт Цецилий Метелл, $n ho$ оконсу n	Ближняя Кельтиберия?
141	Квинт Цецилий Метелл, проконсул Квинт Помпей, сын Авла, консул (специальное решение?)	Эдетания?
140	Квинт Помпей, сын Авла, проконсул	Сначала под Нуманцией (ла- герь Кастиль- ехо), позднее «города» (на Эбро и Халоне?)
139	Квинт Помпей, сын Авла, проконсул Марк Попилий Ленат, консул (полюбовное соглашение?)	Новый Карфаген?
138	Марк Попилий Ленат, проконсул	,
137	Марк Попилий Ленат, проконсул Гай Гостилий Манцин, консул (по жребию? Отозван) Марк Эмилий Лепид Порцина, консул (специальное решение)	Bellum Palantinum

Год магистратуры (до н. э.)	Промагистраты	Местонахож- дение энмнего лагеря
136	Марк Эмилий Лепид Порцина, проконсул (отозван) Луций Фурий Фил, консул (по жребию)	}
135	Луций Фурий Фил, проконсул Квинт Кальпурний Пизон, консул (специальное решение)	Карпетания
134	Квинт Кальпурний Пизон, проконсул Публий Корнелий Сципион Эмилиан, консул (специальное решение)	Под Нуманцией
133	Публий Корнелий Сципион Эмилиан, проконсул	Осада

Наместники Hispania Ulterior

Год магистратуры (до н. э.)	Промагнстраты	Местонахож- дение вимнего лагеря
154	Луций Кальпурний Пизон Цезонин, претор	5
153	Луций Кальпурний Пизон Цезонин, пропретор Луций Муммий, претор	Ş
152	Луций Муммий, пропретор Марк Атилий Серран, претор	,
151	Марк Атилий Серран, пропретор Сервий Сульпиций Гальба, претор	Конисторгис
150	Сервий Сульпиций Гальба, пропретор	?
149	7	}
148	,	>

Год ынстратуры (до н. э.)	Промагистраты	Местонахож- денне вимнего лагеря
147	Гай Ветилий, претор (погиб)	
146	Гай Плавтий, претор	«Города» (Ближней Испании?)
145	Гай Плавтий, пропретор Квинт Фабий Максим Эмилиан, консул (специальное решение)	,
144	Квинт Фабий Максим Эмилиан, проконсул	5
143	Квинт Фабий Максим Эмилиан, проконсул Квинкций, претор	è
142	Квинкций, пропретор Луций Цецилий Метелл, консул (полюбовное соглашение?)	Ş
141	Луций Цецилий Метелл, проконсул Квинт Фабий Максим Сервилиан, проконсул (специальное решение))
140	Квинт Фабий Максим Сервилиан, проконсул Квинт Сервилий Цепион, консул (специальное решение?)	,
139	Квинт Сервилий Цепион, проконсул	,
138	Квинт Сервилий Цепион, проконсул Децим Юний Брут, консул (полюбовное соглашение?)	è
137-133	Децим Юний Брут, проконсул	,

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ — Вестник древней истории — The Cambridge Ancient History CAH CIL - Corpus inscriptionum latinarum **FGrHist** - Fragmente der griechischer Historiker. Hrsg von F. Jacoby. Berlin, 1923-1958 FHA. IV - Fontes Hispaniae Antiqua. Fasc. IV. Barcelona, 1937 FHG - Muelleri K. et Th. Fragmenta Historicorum Graecorum, Vol. I-V. Paris, 1841-1872 NIb Neue Jahrbücher für das klassische Altertum ORF Oratorum romanorum fragmenta. Ed. E. Malcovati, Torino, 1955 - Pauly's Real-Encyklopädie der klassischen RE Altertumswissenschaft SB. Heidelberg - Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Heidelberg

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Моммвен Т. История Рима. Т. II. СПб., 1994.
- Appiani Historia Romana. Vol. I / Edd. P. Viereck et A. G. Roos. Leipzig, 1939.
- 3. Becker U. J. H. Die Kriege der Römer in Hispanien. 1. Ht.: Viriath und die Lusitaner. Altona, 1826.
- Bilz K. Die Politik des P. Cornelius Scipio Aemilianus. Diss. Würzburg, 1935.
- Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. I. New York, 1951.
- Bruns I. Die Persönlichkeit in der Geschichtsschreibung der Alten. Untersuchungen zur Technik der antiken Historiographie. Berlin, 1898.
- 7. Cichorius K. Untersuchungen zur Lucilius. Berlin, 1908.
- De Sanctis G. Storia dei Romani. Vol. IV. La fondazione dell'impero. Pt. 1. Dalla bataglia di Naraggara alla battaglia di Pidna. Torino, 1923.
- Drumann W., Groebe P. Geschichte Roms im Zeitalter des Übergang von der Republik zur Monarchie. Bd. IV. Berlin, 1908.
- Gelzer M. Die Nobilität der römischen Republik. Leipzig, 1912.
- 11. Gelzer M. Pompeius. München, 1949.
- 12. Gelzer M. Über die Arbeitsweise des Polybios // SB. Heidelberg. 1956. № 3.
- 13. Ginzel F. K. Handbuch der mathematischen und techischen Chronologie. Bd. II. Leipzig, 1907.
- 14. Götzfried K. Annalen der Römischen Provinzen beider Spanien von der erstaen Besetzung durch die Römer bis zum letzten groben Freiheitskampf 218—154. Diss. Erlangen, 1907.

- Groag E., Stein A. Prosopographia Imperii Romani. Saec. I. Berlin, 1952-1953.
- Gsell S. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. T. III. Paris, 1921.
- 17. Gundel H. Viriatus // RE. 2. Reihe. Hbbd. 17. 1961*.
- 18. Heuss A. Die völkerrechtlichen Grundlagen der römischen Außenpolitik in republikanischer Zeit. Berlin, 1931.
- 19. Hiltbrunner O. (Hg.) Thesaurismata. Festschrift für Ida Kapp zum 70. Geburtstag. München, 1954.
- 20. Hoffmann M. De Viriathi Numantinorumque bello. Diss. Greifswald, 1865.
- 21. Ihne W. Römische Geschichte. Bd. III. Leipzig, 1872.
- 22. Kornemann E. Die neue Livius-Epitome aus Oxyrhinchus. Berlin, 1904.
- 23. Kromayer J., Veith G. Schlachtenatlas zur antiken Kriegsgeschichte. 120 Karten auf 34 Tafeln begleitenden Text. Leipzig, 1926.
- 24. Menéndez Pidal R. Historia de España. T. II: España Romana (218 a de J. C.-414 de J. C.). Madrid, 1955.
- 25. Meyer Ed. Kleine Schriften. Bd. I. 2. Aufl. Halle, 1924.
- 26. Meyer Ernst. Römischer Staat uns Staatsgedanke. Zürich, 1948.
- 27. Mommsen Th. Römische Chronologie. Berlin, 1859.
- 28. Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. I-III (разные издания).
- 29. Münzer F. Anmerkungen zur neuen Livius-Epitome // Beiträge zur alten Geschichte. Bd. V. 1905.
- 30. Münzer F. Cornelius (335) // RE. Bd. IV. 1901.
- 31. Münzer F. Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart, 1920.
- 32. Neumann K. Geschichte Roms während des Verfalles der Republik. Bd. I. Breslau, 1881.
- Niese B. Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. Bd. I–III. Gotha, 1893–1903.
- 34. Nissen H. Die Caudinische Friede // Reinische Museum für Philologie. Bd. 25. 1870.

18 3ax. 4554 273

^{*} Из статей, помещенных в Реальной энциклопедии Паули— Виссова, указаны лишь наиболее часто использующиеся в тексте.

- Norden E. Die germanische Urgeschichte in Tacitus Germania. Leipzig, 1920.
- 36. Passerini A. Le coorti pretorie. Roma, 1939.
- Pohlenz M. (Hg.) Stoa und Stoiker. Die Gründer. Panaitos. Poseidonios. Zürich. 1950.
- Schanz M. Geschichte der römischen Literatur bis zum Gesetzbungswerk des Kaisers Justinians. München, 1959. Bd. IV, 1.
- 39. Schulten A. Ein römisches Lager aus dem sertorianischen Kriege // Anzeiger des Deutschen Archäologischen Instituts. Bd. 33. 1918.
- 40. Schulten A. Numantia. Eine topographisch-historische Untersuchung. Berlin, 1905.
- 41. Schulten A. Numantia. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1905–1912. Bd. I–IV. München. 1914–1931.
- 42. Schulten A. Numantia // RE. Hbbd. 33. 1936.
- 42. Schulten A. Numantia / R.E. Hbbd. 33. 1930.
 43. Schulten A. Viriatus / NIb. Bd. 39. 1917.
- 44. Schulten A. Polybius und Posidonius über den Iberien und die iberischen Kriege // Hermes. Bd. 46. 1911.
- 45. Scullard H. H. Roman Politics 220-150 B. C. Oxford, 1951.
- 46. Spranger P. Zur Lokalisierung der Stadt Castulo und des Saltus Castulonensis // Historia. Bd. 7. 1958.
- 47. Ursin N. R. af. De Lusitania provincia Romana. Diss. Helsingfors, 1884.
- Walbank F. A Historical Commentary on Polybius. Vol. I. Oxford, 1957.
- 49. Wilsdorf D. Fasti Hispaniarum provinciarum. Leipzig, 1878.
- 50. Wissowa C. Religion und Kultus der Römer. München, 1912.

- Авар, глава нумантинского посольства к римлянам 261
- Авдакс (Авдас), убийца Вириата 184
- Аврелий Котта, Луций, консул 144 г. до н. э. 143, 240
- Амбон, вождь нумантинцев 49
- Ампелий Луций, римский писатель 229
- Андриск, предводитель восстания в Македонии 147
- Анней Флор, Луций, римский писатель 9, 37, 41, 91, 104, 106—108, 113, 131, 135, 141, 145, 146, 148, 151, 182, 187, 192, 210, 219, 229, 253, 258, 260, 263
- Анний Луск, Тит, консул 153 г. до н. э. 39
- Антиох VII Сидет, сирийский царь 244
- Аппиан, греко-римский историк 21—24, 31—33, 37, 43—46, 52—54, 57, 62—64, 73—77, 82, 83, 85, 91, 94, 95, 98, 101, 105, 110, 113, 114, 116—124, 126, 128, 129, 131, 133, 136, 142, 147, 152, 157, 161—164, 166, 167, 169—171, 173, 174, 182, 184, 185, 187, 188, 191—193, 197, 200, 205, 209, 219, 225, 227, 228, 230, 232, 235, 242, 243, 245, 251—260, 262—265
- Апулей, лузитанский вождь 159, 171
- Аристоник, предводитель восстания в Пергаме 266

- Астолпа, тесть Вириата 137, 181, 182
- Атилий (Серран?), Марк, претор 152 г. до н. э. 33, 57, 60, 61, 65, 89, 96, 98, 269
- Атилий Серран, Секст, консул 136 г. до н. э. 213, 218
- Аттал III, царь Пергама 244
- Ахиллес, герой греческой мифологии 151
- Ацилий Бальб, Маний, консул 150 г. до н. э. 139
- Беллона, богиня войны у римлян 213
- Биезий, римский офицер 53
- Валерий Максим, римский писатель 47, 78, 93, 94, 100, 105, 106, 108, 109, 112, 119, 149, 151, 153, 173, 187, 200, 227, 233, 240, 260
- Валерий Флакк, Луций, консул 152 г. до н. э. 55, 56, 64, 65
- Вегеций Ренат Флавий, поэднеримский писатель 90, 254, 263
- Веллей Патеркул, римский историк 106, 143, 187, 191, 192, 199, 215, 229, 263
- Вергилий Марон, Публий, римский поэт 227
- Ветилий, Гай, претор 147 г. до н. э. 9, 113, 114, 127—129, 131—134, 142, 255, 270
- Вецилий, Гай, см. Ветилий Гай Вириат, лузитанский вождь 5, 9, 10, 12, 14, 23, 33, 81, 95, 103— 105, 107, 110, 112, 113, 116,

118—122, 127, 129—142, 144, 150, 151, 164—172, 174—198, 203, 225, 226, 232, 255, 262 Вителлий, см. Ветилий Гай

Ганнибал, карфагенский полководец 6, 182, 191, 195

Геллий, Авл, римский писатель 97, 98, 112

Гельвий, Марк, претор 197 г. до н. в. 33

Геркулес, мифологический герой 142

Гомер, древнегреческий поэт 190, 264

Гостилий Манцин, Авл, консул 170 г. до н. э. 206

Гостилий Манцин, Гай, консул 137 г. до н. э. 5, 10, 12, 13, 40, 116, 120, 124, 125, 200, 205— 210, 214, 216—224, 236, 239, 247, 249, 268

Гостилий Манцин, Луций, консул 145 г. до н. э. 16, 141 Гракхи 230

Диодор Сицилийский, греческий историк 23, 37, 40, 43, 44, 50, 63, 88, 104, 131, 133, 137, 144, 146, 150, 157, 158, 164, 165, 167, 182, 184, 187—197, 226, 227, 229—231, 263

Дион Кассий, греко-римский историк 28, 113, 131, 164, 177, 181, 182, 192—196, 219

Диталкон, убийца Вириата 184 Домиций Корбулон, Гней, проконсул Азии до октября 64 г. н. э. 73

Евтропий, поэднеримский писатель 32, 60, 106—108, 110, 111, 148, 162, 187, 192, 219, 238, 254, 255

Иоанн Антиохийский, византийский хронист VI в. 109-111, 148, 184, 185, 188, 191, 194

Кавкен, лузитанский вождь 45, 47, 134

Кайсар, лузитанский вождь 42 Кальпурний Пизон, Гай, претор 186 г. до н. э. 82

Кальпурний Пизон, Гней, консул 139 г. до н. э. 179, 199

Кальпурний Пизон Фруги, Луций, консул 133 г. до н. э. 101, 260

Кальпурний Пизон Цезонин, Луций, консул 148 г. до н. э. 32, 33, 117, 118, 269

Кальпурний Пизон, Квинт, консул 135 г. до н. э. 81, 147, 152, 236, 237, 269

Кар, вождь нумантинцев 37, 42, 48, 49

Каравний, проэвище Ректутена 37 Кассиодор, Флавий, латинский писатель и политический деятель Остготского королевства 40

Квинкций, претор 143 г. до н. в. 119-122, 124, 165-168, 270

Квинкций Криспин, Луций, претор 186 г. до н. э. 82

Квинкций Фламинин, Тит, консул 150 г. до н. э. 93

Клавдии Пульхры 206

Клавдий Азелл, Тиберий, народный трибун 140 г. до н. э. 173, 175, 183

Клавдий Квадригарий, римский анналист 209, 210, 214

Клавдий Марцелл, Марк, консул 222, 215, 214, 210, 208 гг. до н. э. 55, 66

Клавдий Марцелл, Марк, консул 166, 155, 152 гг. до н. э. 8, 10, 31, 55-62, 64-69, 71-76, 118, 127, 153, 163, 267

- Клавдий Птолемей, греческий астроном и географ 85, 166, 178
- Клавдий Пульхр, Аппий, консул 143 г. до н. э., цензор 136 гг. до н. э. 139, 147, 165, 172, 173, 211, 223, 265
- Клавдий Униман, претор 146 г. до н. э. 114-117, 120, 124, 134, 135, 268
- Конноба, лузитанский вождь 159, 173
- Корнелий Непот, римский писатель 56
- Корнелий Сулла Феликс, Луций, консул 88 и 80 гг. до н. э. 48
- Корнелий Сципион Кальв, Гней, консул 222 г. до н. э. 6, 123, 143
- Корнелий Сципион, Гней, консул 108 г. до н. э. 15
- Корнелий Сципион Азиатский, Луций, консул 190 г. до н. э. 123
- Корнелий Сципион, Публий, консул 218 г. до н. э. 6, 123, 143
- Корнелий Сципион, Африканский, Публий, консул 205 и 194 гг. до н. э. 56, 65, 79, 80, 220
- Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Нумантинский, Публий, консул 147 и 134 гг. до н. э., цензор 142 г. до н. э. 10, 20, 21—23, 39, 48, 53, 54, 56, 57, 63, 65, 66, 71, 77—80, 83, 86—88, 91, 102, 112, 125, 126, 141, 143, 148, 154, 172, 173, 176, 179, 204—206, 208, 213, 216, 219, 221—225, 233, 238—266, 269
- Корнелий Сципион Назика Серапион, Публий, консул 138 г. до н. э. 203, 216, 224, 239
- Корнелий Фронтон, Марк, римский писатель 97

- Корнелий Цетег, Луций, римский политический деятель 96, 98
- (Корнелий?) Цинна (Луций?), консул 127 г. до н. э. 232
- Курий, лувитанский вождь 159, 171
- Лактанций Целий Фириман, Луций, раннехристианский писатель 223
- Левкон, вождь нумантинцев 49 Лелий, Гай, консул 140 г. до н. э. 101, 115, 116, 134, 139, 140, 144, 155, 160, 170, 172, 176, 221, 222, 268
- Ажефилипп, самозванец в Македонии 127
- Ливий, Тит, римский историк 29, 33, 57, 63, 71, 72, 77, 87, 99, 100, 103, 107, 108, 111, 113, 119, 129, 133, 156, 163, 172, 184, 187, 189, 191—193, 195, 200—203, 215, 218, 220, 225, 229, 232, 242, 243, 255, 259
- Ливий Салинатор, Марк, консул 219 и 207 гг. до н. э. 95
- Литеннон, вождь нумантинцев 73 Лициний Красс, Гай, народный трибун 145 г. до н. э. 116, 139, 140
- Лициний Красс Дивес Муциан, Публий, консул 131 г. до н. э. 223, 265
- Лициний Лукула, Луций, консул 151 г. до н. э. 8, 13, 14, 17, 19, 22, 33, 68, 69, 71, 72, 75—81, 83—89, 91—94, 112, 116, 127— 129, 256, 267
- Луцилий, Гай, римский повт 43, 169, 181, 182, 205, 231, 245
- Манилий Маний, консул 149 г. до н. э. 32, 33, 78, 117, 267

Марий, Гай, консул 107, 104—100 и 87 гг. до н. э. 48, 56, 57, 245, 248, 256

Марс, бог войны и покровитель стад у римлян 229

Марциан Капелла, позднеримский юрист и писатель 219

Марций, Гай, испанец на римской службе 121, 168

Массинисса, нумидийский царь 46, 47, 50, 79, 80, 127

Матиен, Гай 204

Мегаравик, вождь нумантинцев 37

Меммий, Гай, военный трибун в 134-132 гг. до н. в. 244, 246

Метеллы 150, 172, 175

Минур, убийца Вириата 184

Миципса, нумидийский царь 169, 170, 244

Муммий, Луций, консул 146 г. до н. э., цензор 142 г. до н. э. 32, 39, 42-45, 47, 48, 47, 60, 89, 95, 269

Муммий Спурий, легат в 146 г. до н. э. 44

Муций Сцевола, Публий, консул 133 г. до н. э. 223, 260

Нигидий, Гай, претор 145 г. до н. э. 115-117, 134, 140, 148, 160, 268

Никоронт, убийца Вириата 184

Окций, Гай, легат в 143—140 гг. до н. э. 108, 116, 151, 174
Олиндик, испанский вождь 145
Олоник, испанский вождь 145
Оппий, военный трибун в 140 г. до н. э. 160

Орозий, Павел, христианский историк V в. 31, 47, 63, 83, 90, 92, 105, 107, 113, 115, 119, 120, 131, 133, 135, 137, 162, 166,

158, 173, 187, 192, 210, 219, 229, 232, 233, 253, 258, 261, 263, 264

Пав Тубитан, Публий, легат в 143-140 гг. до н. э. 245

Персей, последний македонский царь 123

Плавтий (Гипсей?), Гай, претор 146 г. до н. э. 104, 113, 114, 124, 134, 135, 142, 162, 194, 270

Плиний Секунд, Гай (Плиний Старший), римский государственный деятель, ученый-энциклопедист 114, 166, 178, 228

Плутарх, греческий писатель и философ 108, 109, 112, 209, 217, 219, 221, 223, 239, 254

Полибий, греческий историк и политический деятель 21, 40, 52, 62, 63, 66, 77, 78, 86, 102, 111, 118, 137, 146, 147, 153, 182, 192, 196, 245, 263, 264

Помпей, Квинт, консул 141 г. до н. в., цензор 131 г. до н. в. 10, 12, 20, 22, 50, 54, 83, 84, 105, 121—126, 148, 153—165, 168, 169, 172, 173, 179, 180, 198, 199—202, 207, 209, 211, 216, 217, 220—222, 236, 247, 268 Помпей Магн, Гней, консул 70,

11 омпей Магн, 1 ней, консул 70, 55 и 52 гг. до н. э. 243

Помпей Трог, римский историк 191

Помпоний Аттик, Тит, римский всадник 56, 93

Помпоний Мела, римский географ 228

Попилии 204

Попилий Ленат, Марк, консул 139 г. до н. э. 105, 106, 117, 118, 150, 164, 165, 178—180, 182, 187, 203—205, 247, 262, 268

- Попилий Ленат, Публий, консул 132 г. до н. э. 265
- Порций Катон, Марк, консул 195 г. до н. э., цензор 184 г. до н. э. 39, 57, 93, 97—100, 125
- Посейдоний, греческий историк и философ 21, 137, 148, 153, 157, 169, 184, 190, 195, 196, 227, 230, 245, 262, 263
- Постумий Альбин, Авл, консул 151 г. до н. э. 68
- Постумий Альбин, Луций, консул 173 г. до н. э. 31
- Прусий, вифинский царь 32
- Пуник, лузитанский вождь 32, 42, 134
- Ретоген, кентобригиец 148, 149 Ректуген, нумантинец 37, 260, 261
- Ромул, легендарный основатель Рима 13, 15, 182
- Рупилий, Публий, консул 132 г. до н. э. 265
- Рутилий Руф, Публий, консул 105 г. до н. э. 21, 99, 126, 132, 153, 220, 245, 246, 247, 255
- Светоний Транквилл, Гай, рим-
- Семпроний Азеллион, военный трибун 134—132 гг. до н. э. 246, 260
- Семпроний Гракх, Гай, народный трибун 123 и 122 гг. до н. э. 18, 147, 260
- Семпроний Гракх, Тиберий, консул 177 и 163 гг. до н. э. 6, 30, 31, 64, 209
- Семпроний Гракх, Тиберий, квестор 137 г. до н. э., народный трибун 133 г. до н. э. 17, 87, 202, 206, 209—213, 216, 217, 219, 222—224, 248, 260, 264, 265

- Семпроний Тудитан, Гай, претор 197 г. до н. э. 33
- Сервилии 150, 172, 175, 175
- Сервилий Пулекс Гемин, Гней, консул 202 г. до н. э. 96
- Сервилий Цепион, Гней, консул 141 г. до н. э., цензор 125 г. до н. э. 125, 155, 168, 169, 176, 202, 240
- Сервилий Цепион, Квинт, консул 140 г. до н. э. 9, 20, 83, 105, 110, 125, 130, 155, 172, 173, 176—189, 197, 198, 202, 229, 270
- Серторий, Квинт, претор между 87 и 83 гг. до н. э. 18, 58
- Симон, иудейский первосвященник 168
- Сифакс, царь масайсилиев 79
- Скрибоний Либон, Луций, народный трибун 149 г. до н. э. 93, 97, 98, 100
- Страбон, греческий историк и географ 61, 85, 130, 146, 169, 225, 228, 230, 264
- Стефан Византийский, греческий писатель 198
- Сульпиций Гал, Гай, консул 166 г. до н. э. 65, 100
- Сульпиций Гальба, Сервий, консул 144 г. до н. э. 9, 13, 22, 33, 45, 60, 65, 89—102, 112, 113, 118, 127—130, 143, 191, 197, 257, 269
- Тангин, лузитанский вождь 159 Тавтал (Тавтам), лузитанский вождь 197
- Теренций Варрон, квестор 154 г. до н. э. 32, 34
- Тирес, кельтский вождь 264 Тиресий, знатный кельтибер 151 Тиридат, сын Вонона II, царь Ар
 - мении 73

- Тремеллий Скрофа, Луций, претор 136 г. до н. э. 108
- Туллий Цицерон, Марк, консул 63 г. до н. э. 94, 95, 100, 116, 140, 199, 213, 218—224, 240— 244, 265, 266
- Фабий Максим Верруков Кунктатор, Квинт, консул 233, 228, 215, 214, 209 гг. до н. э., диктатор 221 и 217 гг. до н. э. 149
- Фабий Максим Аллоброгский, Квинт, консул 121 г. до н. э. 175 240, 243, 249
- Фабий Максим Сервилиан, Квинт, консул 142 г. до н. э. 9, 10, 21, 84, 104—107, 118—121, 123, 124, 134, 145, 150, 163, 165—177, 184, 240, 270
- Фабий Максим Эмилиан, Квинт, консул 145 г. до н. э. 72, 82, 104—107, 110, 112—116, 118, 123, 124, 140—145, 162, 165, 240, 244, 256, 257, 270
- Фанний, Гай, консул 122 г. до н. э. 170, 248
- Федр, римский баснописец 136 Фест, Секст Руф, поэднеримский писатель 204
- Флакк, легат в 136 г. до н. э. 234 Фотий, константинопольский патриарх, просветитель 190, 193, 194
- Фульвии 179, 204, 206
- Фульвий Нобилиор, Марк, консул 153 г. до н. э., цензор 136 г. до н. э., цензор 136 г. до н. э. 5, 8, 39—42, 44, 48—52, 54, 57, 60, 62, 66, 70, 75, 81, 96, 99, 125, 179, 208, 209, 267
- Фульвий Флакк, Гай, консул 134 г. до н. э. 179, 242, 260
- Фульвий Флакк, Сервий, консул 135 г. до н. э. 179, 237

- Фурий Фил, Луций, консул 136 г. до н. э. 125, 147, 148, 155, 202, 213, 218—222, 235, 236, 269
- Цепионы 176 Пециани Метелл Каполог
- Цецилий Метелл Капрарий, Гай, консул 113 г. до н. э., цензор 102 г. до н. э. 246
- Цецилий Метелл Македонский, Квинт, консул 143 г. до н. э. 81, 104—112, 119, 125, 139, 145, 147—155, 165, 167, 169, 174, 200, 202, 223, 236, 239, 240, 246, 268
- Цецилий Метелл Нумидийский, Квинт, консул 109 г. до н. э., цензор 102 г. до н. э. 112
- Цецианй Метела, Квинт Пий, консул 80 г. до н. э. 109
- Цецилий Метелл Кальв, Луций, консул 142 г. до н. э. 105, 109, 119, 120, 125, 150, 155, 165, 168, 169, 202, 270
- Цецилий, посол 232
- Харакс, греческий писатель 104, 106, 111, 119, 178
- Эмилии Лепиды 179
- Эмилий Лепид, Марк, консул 187 и 175 гг. до н. э., цензор 179 г. до н. э. 58
- Эмилий Лепид Порцина, Марк, консул 137 г. до н. э. 10, 14, 17, 22, 33, 81, 83, 116, 179, 206, 212, 231—236, 238, 268, 269
- Эмилий Павел, Луций, консул 182 и 168 г. до н. э., цензор 164 г. до н. э. 65, 72, 89, 96, 106, 123, 143
- Югурта, нумидийский царь 243, 244, 246, 256

Юлий Обсеквент, позднеримский писатель-антиквар 61, 207, 232, 237

Юлий Фронтин, Секст, военный и государственный деятель, писатель 82, 109, 119, 131, 149, 173, 205, 253, 254, 260

Юлий Цезарь, Гай, консул 59, 48 и 46—44 гг. до н. э. 14, 90, 174, 245, 248

Юлий Цезарь, Секст, консул 157 г. до н. э. 113, 128

Юний Брут, Децим, консул 138 г. до н. э. 9, 10, 14, 22, 33, 84, 118, 187, 197, 198, 203, 204, 206, 225-235, 237-239, 260,

Юний Юстин, Марк, римский писатель 192, 195

265, 270

УКАЗАТЕЛЬ НАРОДОВ, ПЛЕМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Агреда 264 Ближняя Кельтиберия 6, 31, 42, Азия 7, 146 52, 145, 148-153, 155, 205, 257, 270 Аксиний 53, 54 Аллия 49 бракары 230 Араузион 49 Британия 14 Брутобрига 198 арбаки (см. также ареваки) 109, 152 Букция 166 ареваки 8, 22, 30, 31, 41, 44, 59, 64, 73, 74, 109, 120, 145, 151, ваккей 6, 8, 22, 53, 77, 80-82. 85-87, 91, 109, 152, 208, 232, 152, 257, 260, 264 Армения 73 233, 237, 249, 253-254, 264 Валенция (совр. Валенсия) 159. Apca 174, 178 Астапа 6 197, 198 Астиги (совр. Эсиха) 166 Венеры гора 114, 120, 166, 182 Африка 45-47, 78, 79, 134, 251 веттоны 180 Ахайя 127, 128 ахейцы 113, 115, 129 Гадес (совр. Кадис) 92, 104, 142 Ацила 46 галланки 180, 226, 227, 229-231 Галлекия 9, 19, 229 бастетаны 121, 122, 167 Галлия 95 Бекор 104, 144 Гемелла 166, 171 Бекула (совр. Байлен) 144 Генуя 207 Белион (Обливион, Лимея, совр. греки 128 Лима) 228 Греция (Эллада) 13, 114, 142, беллы 21, 30, 31, 35-37, 59, 64, 145, 146 73, 120, 145, 152, 257 Бетис (совр. Гвадалкивир) 42, далматы 29 90, 91, 186, 197, 198 Дальняя Испания (Hispania Ulte-Бетурия 170, 174, 175, 178 rior) 10, 14, 30-33, 35, 40, 44, Бильбилис 150 47, 57, 60, 61, 65, 67, 76, 89, бластофиникийцы 42 90, 92, 104, 105, 110, 112, 114, Ближняя Испания (Hispania Ci-117-122, 126-128, 136, 143, terior) 7, 8, 12, 30, 32-34, 40, 144, 150, 165, 170, 172, 174, 56, 66, 68, 104, 107, 109, 110, 176, 179, 191, 197, 203, 206, 112, 114, 116, 117, 118, 122, 127, 225, 237, 238, 257 129, 135, 139, 140, 148, 154, Дальняя Кельтиберия 30, 41 165, 170, 179, 191, 206, 212, Дурий (совр. Дуэро) 49, 51, 88, 225, 231, 233, 242, 249, 269 156, 226-228, 230, 255, 258

Ибер (совр. Эбро) 30, 35, 39, 41. 50, 51, 54, 57, 113, 118, 135, 162, 252, 257, 270 иберы 182 Илитургис 6 Интеркатия 75, 79, 82, 84-88 Испания (Иберия) 5, 6, 10, 12, 14. 16-18, 30, 38-40, 46, 47, 64, 65. 67-72, 74-80, 82, 93, 104-111, 114-116, 119, 120, 125, 127, 128, 141, 143, 148, 150, 152, 153, 155, 161, 163, 169, 170, 172, 174, 176, 177, 179, 180, 202-204, 206, 207, 209, 212, 214, 224, 232, 234, 235, 242-246, 249-251, 262, 264 Италика 121, 168 Италия 38, 39, 55, 57, 70, 74, 92, 133, 147, 148, 155, 165, 169, 187, 196, 199, 206, 240, 242, 243, 249, 264 Иудея 168

Кавдинское ущелье 5, 200, 209, 215 Калагуррис (совр. Калаорра) 50 Канны 49 кантабры 86, 208 Кармона 9, 90 Карпесс 133 Карпетания 35, 74, 76, 118, 134, 135, 178, 182, 237, 252, 253, 271 карпетаны 34, 35, 75, 77, 82, 133. 134, 247 Картейя 133 Карфаген 10, 13, 15, 46, 93, 99, 112, 114, 115, 213, 236 карфагеняне 46, 80, 127 Кастра Сервилиа 180 Каука (совр. Кока) 9, 13, 14, 22, 54, 75, 79, 81-86, 88, 255 Кельтиберия 8, 19, 35, 40, 43, 44, 48, 55, 69, 89, 92, 110, 117, 145, 148, 151, 161, 163

49, 52, 52, 59, 64, 67, 72, 88, 109, 146, 147, 150—152, 158, 163, 164, 199, 209, 211, 247, 258, 266 кельтики 228 Кентобрига 108, 148, 149 Конисторгис 45, 91, 93 Контобрис 150, 226 Контребия 108, 150, 226 Копланий 255 Кордуба (совр. Кордова) 7, 61, 67, 75, 120, 121, 144, 166, 168, 171, 187, 269 Коринф 15, 112, 113 кунеи 45, 91, 171

кельтиберы 10-12, 34, 38, 41, 44,

Аагни 156, 157 Ливия 115, 129 АИГУРЫ 56 Лузитания 9, 12, 19, 84, 110, 131, 141, 170—172, 225—228, 237, 238 Лузитаны 6, 8, 10—12, 22, 31—35, 38, 40, 42—47, 61, 67, 77, 84, 89—95, 97, 113, 115, 127, 128, 130, 132, 133, 135, 136, 139, 144, 145, 169—171, 173—175, 178—190, 197, 204, 205, 225—227, 230, 231 Лузоны 30, 182, 205 Лутия 255, 257, 261

Македония 108, 112, 114, 123, 127, 142 Массалия 264 Миний (Нимий, совр. Миньо) 228-230

Нерторбига/Нергобрига 38, 55, 58—61, 73, 148 Новый Карфаген (совр. Картахена) 7, 197, 203, 247, 270 Нуманция 5, 9, 10, 12, 15, 23, 38, 39, 48—51, 53, 59, 72, 73, 81. 82, 151—154, 159, 160, 162, 163, 176, 203—205, 210, 212, 219, 220, 225, 230, 231, 233, 235—237, 239, 242, 248, 250—254, 256, 258, 261—266, 269—269

нумидийцы 52, 244, 250, 251, 256

Обулкула 171 Орсон 104 Окила 35, 46, 47 Окилис 38, 50, 52—54, 58 Оксиринх 103 Оксфраки 60, 61 Олисипон (совр. Лиссабон) 228 Оронгис 6

Палантия (Паллантия, совр. Паленсия) 78, 81, 86, 88, 118, 152, 231, 237, 238, 255 Пергам 104

Рим 5, 8, 9, 11–13, 16–19, 30, 36, 38, 55, 57, 59, 61, 62, 67–70, 72, 74, 75, 77, 79, 89, 92, 93, 95, 96, 99, 114, 116, 120, 124–129, 133, 139, 140, 143, 150, 161, 163, 168, 175, 176, 178, 179, 186, 188, 198–200, 203, 204, 211–215, 220, 224, 225, 231, 233, 235, 239, 246, 260, 263, 265, 266

римляне passim родосцы 99

Пидна 31, 65

Сагунт 159, 197 салассы 148 самниты 5, 200, 215 Сегеда 8, 11, 31, 34—37, 41, 74 Сегобрига 35, 136 Сеговия 35, 118, 135, 232 Седетания 159 Сильский лес 204 Сицилия 7, 141, 242, 260

Таг (совр. Тахо) 35, 45, 75, 76, 92, 93, 192
Талабрига 238
Тарракон (совр. Таррагона) 41, 75, 247, 252
Терманция (Термесс) 152—154, 156, 163, 255
Тибр 62, 63
титты 21, 30, 31, 36, 37, 59, 64, 73, 120, 145, 152, 257
Толет (совр. Толедо) 76
Трибола 132
Тукка (Итукки, Тукки, Тукке) 121, 134, 136, 144, 166, 167, 169—171, 181

Турдетания 88, 89, 114, 129, 198, 269 турдетаны 91 турдулы 91, 166 Турия (совр. Гвадалавиар) 58

Уксама 53, 264 Урсон (совр. Осуна) 142, 185

Формин 245

Цепиана 180 Цизальпийская Галлия 120 Цингинния 227

Эгий 113, 128 Эдетания 84 эдетаны 158 Эрисана 174 Эскадия 166, 171 этолийцы 74, 244 Этрурия 207

СОДЕРЖАНИЕ

А. В. Короленков. Испания в огне:	
о книге Гельмута Симона и ее предмете	5
ВОЙНЫ РИМА В ИСПАНИИ 154—133 гг. до н. э.	
	27
Г. Штрасбургер. Предисловие к немецкому изданию	
Введение	27
Глава I. 154—150 гг.: Борьба за кельтиберские города на север	e;
война против лузитанских отрядов на юге	29
§ 1. Новые «смуты и волнения» после спокойных времен;	
вторжение лузитан	29
§ 2. Сегеданский конфликт	35
§ 3. Поражения и победы Луция Муммия в боях	
с лузитанами	42
§ 4. Неудачное ведение войны против Нуманции	
Квинтом Фульвием Нобилиором	48
§ 5. Первая кампания Марка Клавдия Марцелла	
в Кельтиберии	55
§ 6. Успехи Марка Атилия и Марцелла	
в Дальней Испании	60
§ 7. Мирные переговоры в Риме	62
§ 8. Трудности во время воинского набора	69
§ 9. Вторая кампания Марцелла и заключение мира	
с кельтиберами	72
§ 10. Война Луция Лициния Лукулла против ваккеев:	
Каука, Интеркатия, Палантия	75
§ 11. Поражение Сервия Сульпиция Гальбы в борьбе	
с лузитанами	89
§ 12. Успехи Лукулла в борьбе с лузитанами	
§ 13. Вероломство Гальбы по отношению к лузитанам	
§ 14. «Процесс» Гальбы	

Эк	скурс:	Фасты испанских наместников в 147—141 гг 103
	§ 1.	
		Дальняя Испания в 145/144 г
	§ 2.	Квинт Цецилий Метелл Македонский:
		Баижняя Испания в 143/142 г
	§ 3.	Дальняя Испания в 147/146 г.
		и Ближняя Испания в 145/144 г
	§ 4.	Hispania Ulterior B 143—142 rr
Гл	ава II.	148—144 гг.: Первая фаза Вириатовой войны 127
	§ 1.	Появление Вириата. Победа над Гаем Ветилием 127
	§ 2.	Поражения римлян: Гай Плавтий, Клавдий Униман,
		Гай Нигидий. Первая победа римлян: Гай Лелий 134
	§ 3.	Успехи Квинта Фабия Максима Эмилиана 140
Гл	ава III	7. 143—139 гг.: Новая война в Кельтиберии.
		ц Вириатовой войны
	§ 1.	Успешное ведение войны Квинтом Цецилием
		Метеалом в Кельтиберии
	§ 2.	Неудачи Квинта Помпея: Нуманция, Терманция 154
	§ 3.	Новые неудачи. «Мирный договор» Помпея 159
	§ 4.	Победы Вириата над Квинкцием и Луцием
		Цецилием Метеллом, поражение от Квинта Фабия
		Максима Сервилиана
	§ 5.	Успехи Вириата. Мирный договор
	§ 6.	Возобновление войны Квинтом Сервилием Цепионом 176
	§ 7.	Переговоры Вириата с Марком Попилием Ленатом
		и Цепионом. Убийство Вириата по наущению Цепиона 180
	§ 8.	Переговоры в Риме по поводу Помпеева
		«мирного договора»
Гл	ава IV	′. 138—133 гг.: Успехи в Лузитании.
	Посл	е поражений — победа Сципиона над Нуманцией 203
	§ 1.	Неудача Попилия Лената в борьбе с нумантинцами 203
	§ 2.	Катастрофа Гая Гостилия Манцина под Нуманцией 206
	§ 3.	
	§ 4.	Поход Децима Юния Брута в Лузитанию
	§ 5.	Марк Эмилий Лепид и Брут против Палантии 231
	§ 6.	
	§ 7.	

§ 8. Избрание Публия Корнелия Сципиона Эмилиана командующим в войне против Нуманции. Подготовка кампании	239
§ 9. Летняя кампания Сципиона, осада и взятие Нуманции	
Приложение. Римские наместники в Испании	
154—133 гг. до н. э.	267
Список сокращений	272 275

Гельмут СимонВОЙНЫ РИМА В ИСПАНИИ 154—133 гг. до н. э.

Директор издательства Ю. С. Довженко Ответственный редактор А. А. Крутских Художник П. П. Лоссв Оригинал-макет А. Б. Левкина

Лицензия ЛП № 000333 от 15.12.1999 Издательский Центр «Гуманитарная Академия» 197183, СПб., ул. Сестрорецкая, д. 8. Тел. (812) 430-70-74. E-mail: gumak@mail.ru

Подписано в печать 11.12.2007. Формат 84×108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,1. Тираж 1200 экз. Заказ № 4554.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография "Наука" 199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12